

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

В.В. ПЕНСКОЙ

ВОЕННОЕ ДЕЛО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

От Василия Темного до Михаила Романова
Вторая половина XV — начало XVII в.

Новейшие исследования по истории России

Виталий Пенской

**Военное дело Московского
государства. От Василия Темного
до Михаила Романова. Вторая
половина XV – начало XVII в.**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

Пенской В. В.

Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в.
/ В. В. Пенской — «Центрполиграф», 2018 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-08380-7

С давних пор в российском общественном мнении устоялась точка зрения на военное дело Российского государства раннего Нового времени (вторая половина XV – конец XVII в.) как на нечто архаичное, примитивное и отсталое. Сформировавшийся в петровское время яркий образ московского ратного человека, мечтающего о том, чтобы государю послужить не вынимая сабли из ножен, оказал неизгладимое впечатление на последующие поколения отечественных историков, пренебрежительно расценивавших уровень развития русского военного дела московской эпохи. Между тем такие уничижительные оценки находятся в явном противоречии с исторической реальностью. За два с половиной столетия, с середины XV по конец XVII в., Российское государство достигло на внешнеполитическом поприще немалых успехов: не только покорило три татарских «царства», одолело в двухсотлетней войне Польско-Литовское государство, но и само стало империей. Добиться столь впечатляющих успехов, не имея в своем распоряжении надежного и эффективного «последнего довода королей» – хорошего, боеспособного войска и надлежащего уровня развития военного дела, – было бы невозможно. Но что представлял собой этот самый «последний довод» московских государей, благодаря которому они сумели добиться столь впечатляющих успехов? На этот вопрос отвечает книга доктора исторических наук, профессора В. В. Пенского, которая рассказывает о том, каким было русское военное дело второй половины XV – начала XVII в., когда была создана, прошла проверку в многочисленных боях и походах московская военная машина. Речь в этом исследовании идет не о сражениях, а именно об истории военного дела: численности государева

войска, особенностях его структуры и управления, логистике, военных финансах, тактике и стратегии, осадном деле, вооружении и многом другом.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)43-68

ISBN 978-5-227-08380-7

© Пенской В. В., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

От автора	7
Очерк I. «И дается им корм и питье царское и конской корм...»: как решались проблемы снабжения московских ратей «классического» периода	10
Очерк II. Цена войны: военные расходы Русского государства в середине XV – начале XVII в.	31
Очерк III. «У Великого государя нашего... против Его Государских недругов рать собирается многая и несчетная...»: численность московских ратей XV – начала XVII в.	45
Очерк IV. Государево ратное строенье: развитие системы управления русскими ратями от Ивана III до Ивана IV	59
Очерк V. Московская стратегия «классического» периода: особенности формирования и эволюции	79
Очерк VI. Русский ратный обычай: московская тактика и ее развитие в «классическую» эпоху	93
Очерк VII. «Промышляя о градоемстве...»: русское осадное дело раннего Нового времени	111
Очерк VIII. «Всякое оружие, что к ратному делу пригожаетца...»: московские доспехи, холодное и огнестрельное оружие	125
Заключение	167
Важнейшие события русской военной истории 2-й половины XV – начала XVII в.	171
Краткий терминологический словарь	177
Избранные источники и литература	180

Виталий Пенской
Военное дело Московского государства. От
Василия Темного до Михаила Романова.
Вторая половина XV – начало XVII в.

© Пенской В. В., 2018

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

От автора

Путь к этой книге оказался неожиданно долгим и сложным. Занявшись в начале 2000-х гг. всерьез изучением особенностей развития русского военного дела позднего Средневековья – раннего Нового времени, мы очень скоро пришли к выводу, что устоявшийся взгляд на военную машину Русского государства допетровской эпохи изрядно устарел и, мягко говоря, не соответствует действительности. Яркий образ московского ратного человека, мечтающего о том, чтобы государю послужить, не вынимая сабли из ножен, созданный публицистом и прожектером Петровской эпохи И. Т. Посошковым, ставший неотъемлемой частью «петровской легенды», произвел неизгладимое впечатление на последующие поколения отечественных историков, расценивавших уровень развития русского военного дела московской эпохи чрезвычайно низко.

Уничжительные характеристики и оценки, что давались (и продолжают даваться) русскому войску и военному делу допетровской эпохи, между тем находятся в противоречии с теми результатами внешней политики Русского государства эпохи раннего Нового времени. Ведь именно тогда Москва впервые сделала серьезную заявку на обретение ею имперского статуса и добилась немалых успехов на этом пути, покорив три татарских «царства» и одолев в тяжелой и изнурительной 200-летней войне Великое княжество Литовское (с 1569 г. ставшее частью единого польско-литовского государства – Речи Посполитой), своего главного конкурента в борьбе за доминирование в Восточной Европе. И ведь на эти обстоятельства было обращено внимание – так, генерал Х.-Г. Манштейн в своих записках о России 20-х – 30-х гг. XVIII в. отмечал, что полагать русских простаками по меньшей мере неблагоприятно, ибо «тем, которые составили себе подобное понятие, стоит только прочесть русскую историю семнадцатого столетия, за то время, когда честолюбие Годунова и происки поляков разделили нацию на несколько партий и поставили царство на край гибели... Несмотря на эти бедствия, русские, своими разумными действиями, сумели избавиться от владычества двух, столь могучих в то время врагов, каковы были Швеция и Польша. Менее чем в пятьдесят лет они завоевали снова все земли, отнятые у них во время этих смут, а между тем при этом у них не было ни одного министра, ни одного генерала из иностранцев. Размышляя об этих событиях, нетрудно сознаться, что столь важные предприятия не могут быть задуманы и выполнены глупцами»¹.

Эти слова Манштейна относились к XVII в., к после-смутному времени, когда Россия с трудом оправилась от последствий национальной катастрофы начала XVII в., отбросившей страну, государство и общество на много десятилетий назад. Что же тогда говорить о предшествующем столетии, когда молодое Русское государство еще не испытало пресловутых «великих потрясений» и успешно развивалось? И как тогда сочетать с несомненными успехами Москвы в эти десятилетия мнение патриарха отечественной историографии С. М. Соловьева? В своей классической «Истории России с древнейших времен» он писал о том, что «военная история Московского государства давно уже обнаружила несостоятельность русского войска в борьбе со шведами и поляками, по недостатку искусства ратного...», что многочисленные поражения русских войск в допетровскую эпоху объяснялись «дурным устройством» войска, «совершенной неприготовленностью русского служилого человека к ратному делу», «неумением владеть оружием» (sic! – В. П.)². Крымские, ногайские, казанские и сибирские татары, поляки и литовцы с русинами (подданные великих литовских князей), ливонцы и шведы с таким мнением не согласились бы. Не согласились с ним и мы, и желание разобраться (согласно

¹ Манштейн Х.-Г. Записки о России генерала Манштейна. М., 1998. С. 277.

² См., например: Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. Т. 9. М., 1990. С. 163; Кн. VII. Т. 13. М., 1991. С. 67 и др.

завету другого патриарха исторической мысли, на этот раз немецкой – Л. фон Ранке) в том, а как оно было на самом деле (*wie es eigentlich gewesen*), точнее, составить для начала для себя непротиворечивую и цельную картину развития русского военного дела в раннем Новом времени, причем с учетом тех серьезных, поистине революционных перемен, которые происходили в военном деле Европы в это время, – в этом и заключалась цель предпринятых нами в начале 2000-х гг. исторических изысканий.

Само собой, за без малого два десятка лет изучения проблемы многое из того, что на первых порах казалось нам как будто очевидным и ясным, сегодня таким уже не видится (так, например, изменилось наше отношение к так называемой «ориентализации» русского военного дела в раннем Новом времени). Пришлось сузить и поле исторического поиска – как говаривал небезызвестный директор Пробирной палатки Козьма Прутков, «никто не обнимет необъятного», поэтому мы решили ограничиться временем с середины XV в. до начала XVII столетия, образно говоря, от сражения на окраинах Руси между московскими полками и новгородской ратью зимой 1456 г. до сражения под Добрыничами между царским войском и отрядами Лжедмитрия I в 1605 г. В эти полтора столетия сложилась и достигла совершенства «классическая», хорошо нам известная (хотя эта известность и довольно обманчива) московская военная машина, а русское военное дело приобрело характерные черты. XVII в., в особенности времена, наступившие после 2-й Смоленской войны 1632–1634 гг., – это уже иная эпоха, «постклассическая», которая чем дальше, тем больше будет отличаться от «классической», и это другая история, требующая отдельного подхода и отдельного исследования.

Отказ от стремления «объять необъятное» позволил сконцентрироваться на изучении важнейших аспектов развития русского военного дела «классического» периода. И, разрабатывая вопросы, связанные с его эволюцией, мы намеренно акцентировали наше внимание не столько и не сколько на «истории битв и сражений», но на истории того, что в западной историографии именуется термином *warfare*, на изучении того, «как это работает», как была устроена московская военная машина, как она функционировала. В этом в известном смысле мы равнялись на классическую «Историю военного искусства в рамках политической истории» немецкого историка Г. Дельбрюка (которая произвела на нас тридцать с лишком лет назад неизгладимое впечатление) и в особенности на не менее классическую «Войну в Средние века» французского исследователя Ф. Контамина³.

Само собой, мы прекрасно понимаем, что проблемы, поднятые в этой книге (несмотря, а может, благодаря ограниченности источниковой базы), вряд ли будут иметь в обозримом будущем (да и вообще когда-либо) более или менее удовлетворительное решение. Предложенная нами картина развития русского военного дела в «классическую» эпоху не более чем авторское видение картины, которое отнюдь не претендует на абсолютную истинность. Но мы надеемся на то, что, во-первых, полученные нами результаты, выводы и итоги (промежуточные, конечно, ибо практически нет сомнений в том, что через 10–15–20 лет многие из них будут расцениваться не так, как сегодня) станут тем фундаментом, той основой, от которой другие исследователи смогут оттолкнуться в своей работе. Во-вторых, прекрасно осознавая необъятность темы, мы преднамеренно ограничились серией очерков, которые затрагивают лишь некоторые, но, на наш взгляд, важнейшие аспекты развития русского военного дела в «классический» период (и тем самым оставили себе простор для маневра – кто знает, может, спустя некоторое время этот текст можно будет дополнить и расширить новыми очерками, иначе расставить акценты в отдельных вопросах и т. д. и т. п.). В-третьих, отбирая вопросы, на которые даются ответы в том или ином очерке, мы исходили из того, что событийная канва русской военной истории раннего Нового времени читателю и без того более или менее ясна (благо обзорных работ на

³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. СПб., 1996; Т. IV. СПб., 2001; Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001.

эту тему сегодня не то чтобы хватает, но ситуация с ними лучше, чем пару десятков лет назад). Ну а раз так, то нет необходимости заострять внимание на этой стороне истории военного дела, сосредоточившись – повторим это еще раз – на анализе особенностей работы военной машины Русского государства. Именно здесь, на этом направлении, остается много недосказанного и истолкованного превратно и есть широкое, нет, широчайшее поле для новых и новых исследований. И если наша работа сподвигнет кого-то из ее читателей к исследованиям в этой сфере, то мы будем считать, что одна из главных целей нашей работы была достигнута, ибо тех, кто занимается историей военного дела и военного искусства Нового и Новейшего времени, эпохой Петра Великого, наполеоникой и войн XX в., не в пример больше, чем интересующихся проблемами эволюции русского военного дела в предшествующие эпохи.

Завершая наше авторское вступление, мы хотели бы поблагодарить тех людей, без которых эта книга не появилась бы на свет. Это Д. Селиверстов, с которым мы неоднократно обсуждали многие вопросы, нашедшие свое отражение на страницах этой книги. Это Н. Гуров, которому я давно обещал, что засяду за написание этой работы, и вот выполняю теперь свое обещание. Это А. Чаплыгин, без деятельного участия которого я бы еще долго не осмелился бы приступить к обобщению результатов своих изысканий. Это К. Козюренко и К. Нагорный, на страницах издаваемого ими электронного журнала «История военного дела: исследования и источники» прошли апробацию многие положения и сюжеты этой работы. Это А. Безугольный, без которого эта книга, даже если бы она и была написана, не увидела бы свет, оставшись, как говорится, в ящике письменного стола (в виде электронного файла на рабочем столе персонального компьютера). Наша благодарность и читателям нашей странички в «Живом Журнале» и на других сетевых ресурсах, где размещены наши статьи и материалы по русской военной истории, – без вашей поддержки и заинтересованности имел бы смысл этот проект? Отдельная благодарность и кампании Google, благодаря которой стали доступны в Сети многие редкие и ранее труднодоступные издания материалов и документов, так или иначе связанных с историей русского военного дела. И само собой, наша глубочайшая признательность нашей супруге Т. Пенской, неизменно поддерживающей нас в наших начинаниях и обеспечивающей нам надежный тыл. И напоследок, прежде чем вы, уважаемый читатель, перевернете эту страничку, вспомните, что говорили римские консулы, завершая свою речь при передаче полномочий преемнику, – *Feci, quod potui, faciant meliora potentes!*

Очерк I. «И дается им корм и питье царское и конской корм...»: как решались проблемы снабжения московских ратей «классического» периода

Американскому генералу О. Брэдли приписывают фразу: «Любители изучают стратегию, профессионалы изучают логистику». В этих словах кратко, но емко выражена вся квинтэссенция современной войны, начало истории которой можно отнести ко временам позднего Средневековья – раннего Нового времени, когда военное дело снова, как это было в древности, стало превращаться из искусства в науку. И в этой новой военной науке проблемам снабжения, точнее, способам их решения изначально отводилось немалое (и постоянно растущее) значение. Характеризуя значимость военной логистики, русский генерал-интендант Ф. К. Затлер писал в 1860 г., что «надобно удивляться, что продовольственная часть, столь важная в военное время, единственно от которой зависит часто успех или неуспех войны, остается до сих пор в таком забвении. Читая военную историю, много встречается вопросов, от чего такой-то главнокомандующий не воспользовался одержанною победою или не сделал такого-то движения, а ответа не находим нигде. Если б военные историки более обращали внимание на продовольственную часть и при описании сражений объясняли, сколько солдаты имели в ранцах сухарей пред сражением, в каком расстоянии были в то время провиантские транспорты и откуда они наполнялись, то, может быть, разъяснилось бы многое, что теперь темно...»⁴

Ничего необычного в таком отношении профессионалов к логистике нет. Напротив, надо удивляться тому, что в исторической литературе изучению этого вопроса уделяется крайне недостаточное внимание, и с этим невниманием связан целый ряд несуразностей и несообразностей в освещении вопросов военной истории и Средневековья, и раннего Нового времени, а хоть бы и в вопросе о численности армий того времени. Но, прежде чем заняться вплотную анализом русской военной логистики конца XV – начала XVII в. и теми способами, какими решали проблемы снабжения полевых армий русские воеводы и дьяки, немного теории и цифр. Характерной чертой военной («пороховой») революции позднего Средневековья – раннего Нового времени стало существенное увеличение численности армий – полевых прежде всего. Там, где раньше действовали сотни, в лучшем случае тысячи воинов, теперь мы видим, что в кампании участвуют десятки тысяч конных и пеших бойцов с соответствующими обозом и поголовьем строевых и обозных лошадей и волов. И если раньше войско в 10 тыс. ратных почиталось как нечто экстраординарное, необычное, выходящее за рамки привычного, то теперь это стало нормой, и отнюдь не редкостью были и более крупные полевые армии.

«Массы давали решительный исход делу», – писал об этом времени известный немецкий военный историк Г. Дельбрюк⁵, и эта закономерность была прекрасно осознана и королями, и их военачальниками эпохи раннего Нового времени. Отсюда и их стремление снарядить на войну возможно большее количество конницы и пехоты, непременно с сильной артиллерией – этим новомодным средством ведения войны и одним из важнейших залогов победы в ней. Но вот беда – вся эта масса людей и животных хотела есть и пить, причем животные даже в большей степени, нежели люди, ибо можно воздействовать на совесть, честь, чувство корпоративной этики, наконец, использовать меры дисциплинарного воздействия для того, чтобы рядовой боец согласился потерпеть еще немного, еще чуть-чуть в надежде на то, что ему или выплатят причитающееся денежное и кормовое жалованье (в среднем 1 кг хлеба, 0,5 кг мяса и желательнее столько же овощей в день, не говоря о ежедневной выдаче 1–2, а то и более, литров

⁴ Затлер Ф. К. Записки о продовольствии войск в военное время. Ч. I. СПб., 1860. С. VIII.

⁵ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. СПб., 2001. С. 46.

пива или вина – это и лишние калории, и к тому же явно полезнее воды, потому как далеко не всегда она чистая, ключевая), или же разрешать компенсировать причитающееся по договору, но невыданное, «сильным иманием» – попросту говоря, грабежом и насилием. Но на лошадей и волов эти меры не действовали, и без регулярной выдачи фуража и гарантированного водопоя они начинали умирать как мухи. А фуража лошадям нужно было немало – каждая лошадь потребляла в день (в среднем) или 25 кг травы, или же, к примеру, 2–3 кг овса, 4–5 кг сена и 2–3 кг соломы.

Легко посчитать, сколько потребуется провианта и фуража на армию, предположим, в 5 тыс. конницы (учитывая, что на 4–6 всадников нужна как минимум одна пароконная повозка с возницей) и 15 тыс. пехоты (на каждые 10 пехотинцев опять же пароконная телега и возница), не забыв при этом, конечно, про артиллерийский парк с его служителями. Безусловно, можно было, конечно, положиться на старый добрый принцип «война кормит войну», а также и на то, что, как писал все тот же Г. Дельбрюк, в XVI в. «хозяйственное управление упрощалось тем, что каждый солдат сам должен был заботиться о своем вооружении, одежде и коне», равно как и «продовольствие войска также в значительной мере предоставлено маркитантам»⁶. Однако то, что оправдывало себя в те времена, когда армии были небольшими, сейчас все чаще и чаще давало сбои. Многочисленные армии, проходя по местности, опустошали ее, подобно прожорливой саранче, и не важно, чья это была территория – своя или же чужая, и чем больше была армия, тем сильнее было опустошение. Как долго в таком случае поселяне и горожане могли кормить марширующие через деревни и города войска – вопрос более чем риторический. Осознание этого факта постепенно, вкупе с другими обстоятельствами, привело к перестройке системы снабжения полевых армий Нового времени.

Как обстояло дело с организацией снабжения армии в походе на Руси? С легкой руки имперского дипломата и мемуариста С. Герберштейна в литературе и общественном мнении утвердились представления о крайне непритязательном и неприхотливом воине-московите, ведущем в походе образ жизни, которому позавидовали бы даже спартанцы. Как следует из описания имперца, московит без проблем бивакировал в чистом поле и довольствовался незамысловатой похлебкой из толченого проса, сдабриваемой по возможности чесноком или луком (и если она была, то кусочком свинины). Столь же скромным в удовлетворении своих естественных потребностей в пропитании предстает из описания Герберштейна и преданный друг московита – его боевой конь⁷. Любопытно было бы, конечно, узнать, кто (или что) был источником для барона в данном случае, откуда он узнал такие подробности военной повседневности московских служилых людей 1-й четверти XVI в., ибо очевидно, что сам Герберштейн не участвовал в походах русского войска и не стоял вместе с ними на бивуаках. Да и вообще вся тональность этого описания наводит на подозрение, что мемуарист тем самым стремился подчеркнуть варварскую природу московитов – этих «детей природы».

Однако сейчас нас больше интересует другой аспект этого рассказа – из Герберштейнова описания логически вытекает соображение, что войско великого князя Московского не нуждалось в громоздких обозах (впрочем, сам Герберштейн так и пишет, что в предпринимаемых походах московиты действуют быстро⁸) и, в отличие от наемных армий Запада, на походе легко могло обойтись только местными ресурсами. Так ли это было на самом деле? И как решали московские власти проблемы военной логистики, которые, несомненно (вопреки утверждению Герберштейна), стояли перед ними как во время подготовки к кампании, так и во время самого похода?

⁶ Там же. С. 45.

⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 243, 247, 249, 401.

⁸ Там же. С. 242–243.

В отечественной литературе проблемы военной логистики применительно к эпохе позднего Средневековья – раннего Нового времени (это касается более ранних времен), к сожалению, практически не рассматривались (впрочем, как и многие другие аспекты не «истории битв и сражений», а собственно истории военного искусства и военного дела – того, что в западной военно-исторической литературе именуется *warfare*). Почему так произошло (притом что для советской историографии с ее господством марксистской научной парадигмы внимание к материальной составляющей войн было бы более чем логичным) – ответ на этот вопрос, пожалуй, может составить предмет отдельного исследования. Пока что в порядке гипотезы можно предположить, что, с одной стороны, такое невнимание связано с тем, что проблемы изучения особенностей развития русского военного дела в отечественной историографии никогда не входили в число первостепенных (о чем мы уже писали выше), причем это касается как гражданских историков, так и, как это ни странно, военных (последних больше интересовала «история битв и сражений», но не история военного дела).

С другой стороны, серьезные трудности для изучения вопросов, связанных с военной логистикой, тем более применительно к Средневековью и раннему Новому времени, создавала плохая, если не сказать более того, сохранность источников, прежде всего актовых материалов и делопроизводственной документации. Нельзя сказать, правда, что необходимой информации нет в принципе – на страницах летописей, в актовых материалах 2-й половины XV – начала XVII в., в остатках приказной документации, в разрядных книгах (прежде всего частных) необходимый минимум информации есть. Но для того, чтобы его найти, необходимо в буквальном смысле слова перелопатить горы литературы и документов, с тем чтобы извлечь из них крупинки нужных сведений и затем, подвергнув их анализу, выстроить в итоге более или менее непротиворечивую картину изучаемого явления.

Так или иначе, но в итоге, хотя вопрос о необходимости серьезного изучения проблем военной логистики и был поставлен полтора столетия назад, по прошествии стольких лет воз и ныне остается на прежнем месте. Можно лишь с печалью констатировать факт неразработанности темы (подчеркнем – применительно к рассматриваемой эпохе, не говоря уже о более ранних⁹). Между тем хотя бы самое общее представление о тех трудностях, которые возникали и которые приходилось решать в ходе организации снабжения войск всем необходимым во время военных кампаний позволяют попутно ответить на ряд важнейших вопросов, связанных не только с историей русского военного дела (например, составить более или менее реальное представление о действительных размерах государевых ратей, и не только в рассматриваемый период), но и с историей политической, экономической и пр. Попутно отметим, что в современной западной историографии вопросы военной логистики (или логистики на войне) получили не в пример большее освещение и могут считаться отдельным направлением военно-исторической науки, давно и плодотворно разрабатываемым. Простое перечисление работ, больших (монографии и сборники статей) и малых (отдельные статьи), займет, пожалуй, не одну страницу¹⁰. И именно там, а не в России были сделаны первые попытки рассмотреть логистические

⁹ Редчайшее, чуть ли не единственное исключение – диссертация А. В. Быкова о новгородском войске XI–XV вв., в котором есть небольшой раздел, посвященный анализу проблемы снабжения новгородских ратей (См.: *Быков А. В.* Новгородское войско XI–XV веков. Дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2006. С. 126–145).

¹⁰ См., например: *Haldon J. et al.* Marching across Anatolia: Medieval Logistics and Modeling the Mantzikert Campaign // *Dumbarton Oaks Papers*, Vol. 65/66 (2011–2012). P. 209–235; *Nusbacher A.* Civil Supply in the Civil War: Supply of Victuals to the New Model Army on the Naseby Campaign, 1–14 June 1645 // *The English Historical Review*, Vol. 115. No. 460 (Feb., 2000). P. 145–160; *Perjes G.* Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 16, No. 1/2 (1970). P. 1–52; *Shean J.* Hannibal's Mules: The Logistical Limitations of Hannibal's Army and the Battle of Cannae, 216 B.C. // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, Bd. 45. H. 2 (2nd Qtr., 1996). P. 159–187 и др. Ср., например: *Feeding Mars: logistics in Western warfare from the Middle Ages to the present*. Boulder, 1993; *Logistics of warfare in the age of the crusades: proceedings of a workshop held at the Centre for Medieval Studies, University of Sidney, 30 September to 4 October 2002*. Aldershot – Burlington, 2006; *Parker G.* The Army of Flanders and the Spanish Road 1567–1659. Cambridge, 1972.

проблемы применительно к русскому военному делу конца XV–XVI в.¹¹ В этом очерке мы попытаемся едва ли не впервые в современной отечественной военно-исторической литературе рассмотреть проблемы русской военной логистики эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени, эпохи формирования и развития централизованного Русского государства и военной (или, если вести речь именно об этом времени, «пороховой»¹²) революции.

Отправной точкой, от которой мы начнем наш рассказ, будет определение примерных размеров некоего физиологического минимума «корма» (название условное, поскольку говорить о централизованном снабжении, согласно определенным, утвержденным властью нормам, говорить применительно к рассматриваемому времени еще преждевременно), который должны получать ежедневно ратники и кони для того, чтобы компенсировать если не полностью, то хотя бы большую часть ежедневного расхода энергии (не говоря уже о том, что не стоит забывать и о «статусном» потреблении, весьма далеком от физиологического минимума) и тем самым сохранить боеспособность. При этом, учитывая, что энергетическая ценность этого минимума не менялась на протяжении столетий (поскольку физиология людей и коней на протяжении этого времени радикальным образом не менялась), имеющиеся сведения можно, на наш взгляд, экстраполировать и на другие времена, равно как и заимствовать недостающие данные отсюда применительно к рассматриваемому периоду.

Начнем с лошадей, поскольку подвижность и ударная мощь армии в эпоху Средневековья и раннего Нового времени (да и позднее тоже) во многом определялась качеством строевых и обозных лошадей, и в первую очередь их способностью переносить дальние переходы и скорые марши, неся на себе всадника, вьюк или же тянуть воз с поклажей. Сила же и выносливость лошади зависела от того, чем и как ее кормить. И снова стоит вспомнить недобрым словом Герберштейновы «Записки о Московии», из которых как будто следует, что татарские кони, на которых в XVI в. ездил большая часть русской конницы, были крайне непритязательны к качеству и количеству фуража («малорослые, но крепкие, [одинаково] хорошо переносящие голод [и работу] и питающиеся ветками и корой деревьев, а также корнями трав, которые они выкапывают и вырывают из земли копытами»¹³). Однако сохранившиеся документы и актовые материалы позволяют утверждать, что такое описание не вполне соответствует действительности (тем более что тебеневка далеко не всегда могла решить проблему прокорма лошадей – как, например, зимой 1534/35 г., когда русской рати, посланной в Литву, пришлось действовать в сильные морозы и обильные снега¹⁴). И русские лошади (впрочем, и татарские тоже) все же получали несколько иной корм в качестве фуража, причем его, фуража, характер существенно различался в зависимости от времени года.

Несколько выдержек из документов того времени. К примеру, в октябре 1502 г. Иван III наказывал приставу Федору Васильеву сыну Далматову, сопровождавшему крымских послов, «корм давати послом на станех» (то есть, выходит, на один день) по следующей «норме» – «на десять лошадей острамок сена да четверть овса» (обращает на себя внимание тот факт, что татарские лошади должны были получать овес и сено, а не довольствоваться подножным кормом)¹⁵. Для сравнения – в 1591 г. «сметой, што надобети лошадем монастырским овса»

¹¹ См.: *Hellie K.* The Costs of Muscovite Military Defense and Expansion // *The military and society in Russia: 1450–1917.* Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 41–66; *Smith D.* Muscovite Logistics, 1462–1598 // *The Slavonic and East European Review.* Vol. 71. No. 1 (Jan., 1993). P. 35–65; *Stevens C.* Food and supply: logistics and the early modern Russian army // *Warfare in Eastern Europe, 1500–1800.* Leiden; Boston, 2012. P. 119–146.

¹² О военной, или «пороховой», революции позднего Средневековья – раннего Нового времени см., например: *Пенской В. В.* Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия // *Новая и новейшая история.* 2005. № 2. С. 194–206; О дискуссии вокруг проблемы военной революции см.: *Пенской В. В.* Переворот в военном деле Западной Европы конца XV–XVII века в новейшей англоязычной историографии // *Новая и новейшая история.* 2012. № 3. С. 152–158.

¹³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 401.

¹⁴ Псковская 3-я летопись // *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ). Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 228.

¹⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Т. I //

Иосифо-Волоколамского монастыря предписывалось лучшим лошадям выдавать ежедневно на 10 голов все те же четверть овса и острамок сена¹⁶. То есть ежедневная сутодача фуража на «строевого» (не рабочего) коня составляла порядка 4–5 кг овса и 6–8 кг сена, и выдавать ее должны были в течение «7 месяцев, с октября с 1-го дни да до месяца мая 1-го дни»¹⁷. Любопытно, что и в петровское время армейскими артикулами было предусмотрено, чтобы драгунский строевой конь получал в течение полугода (остальные полгода кони находились на подножном корму) 6 четвертей овса и 90 пудов сена¹⁸. Дневная норма при этом составляла около 4 кг овса и 8 кг сена (при этом необходимо иметь в виду, что среднестатистический драгунский конь того времени, времен Петра I, практически ничем не отличался от тех коней, на которых ездил основная масса русских детей боярских 2-й половины XV–XVI в.). И при переводе на подножный корм проблема обеспечения конского поголовья все равно сохраняется. Опыт показывает, что при выполнении легкой работы (таковой считался обычный дневной переход в 35 км) 300–350-килограммовая лошадь (а именно такие лошади составляли основу русской конницы в рассматриваемый период) нуждалась примерно в 30–35 кг хорошей травы ежедневно, а при переходе в 60 км (средняя работа) – уже в 45–50 кг¹⁹. Легко посчитать, сколько потребуется в день фуража для конной армии в 10–15 тыс. ратных, если каждый из них будет одвуконь, и добавив к этому числу еще обозных лошадей.

Сохранившиеся сведения позволяют также составить представление о размерах физиологического минимума и для ратников. Для XVIII в. общепринятая годовая норма зерна на душу (имеется в виду взрослый мужчина – работник) равнялась 24 пуда или, в пересчете на калории, 3200 ккал в день. С учетом же расходов на прокорм скота и продажу зерна на рынке «норма» падала до 18 пудов на душу или даже ниже, что в переводе на калории составляло 2100–2400 ккал/сут. Отечественный историк Л. В. Милов, который привел эти цифры, отмечал далее, что «годовая потребность в зерне для крестьянина в три четверти – это **суровый режим очень скудного питания** (выделено нами. – В. П.), жесткий режим экономии...». При этом, продолжал он, «для XVIII–XIX столетий такая норма (но только для питания) была общепринятой. Она была принята в армии, она же фигурирует и в научной литературе на XIX в. ...»²⁰

Можно ли попытаться найти некие усредненные показатели размеров «пайка» для служилого человека, к примеру, на XVI в.? Любопытные сведения на этот счет сохранила Литовская Метрика. Так, в 1562 г. великий князь Литовский пожаловал двух московитов, «перелетевших» на его сторону, своим «кормовым» жалованьем. Его размер составил (на каждого) по бочке жита, бочке солода, 2 корца крупы, 2 корца гороха, пуд соли, полть свиного мяса на квартал и дополнительно к этому деньгами на свежее мясо, рыбу и сукно – 4 копы грошей (240 грошей) на год²¹. В аналогичном случае спустя четыре года другим четверем московским перебежчикам было обещано аналогичное кормовое и денежное жалованье – на квартал бочку жита, бочку солода, полбочки крупы, полбочки гороху, свиная полть, пуд соли и на рыбу со свежим мясом копу грошей²². Зная примерный объем и вес бочки и корца жита и крупы, можно

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 441–442.

¹⁶ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590–1600 гг. Т. I. М.; Л., 1976. С. 32–33.

¹⁷ Там же. С. 32. Польский шляхтич С. Немоевский писал в начале XVII в., что у московитов «зима действительно длинная, и $\frac{3}{4}$ года надо скот кормить в скотном дворе; только на Вознесенье (то есть неделю спустя Пасхи. – В. П.) начинают выгонять в поле» (Записки Станислава Немоевского (1606–1608) // Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2006. С. 196).

¹⁸ См.: *Иванов П. А.* Обзорение состава и устройства регулярной русской кавалерии от Петра Великого и до наших дней. СПб., 1864. С. 29–30.

¹⁹ См., например: *Калинин В. И., Яковлев А. А.* Коневодство. М., 1961. С. 166, 162.

²⁰ *Милов Л. В.* Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 388–389.

²¹ Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 44. Кніга запісаў 44 (1559–1566). Мінск, 2001. С. 66.

²² Lietuvos Metrika. Kn. № 51 (1566–1574). Vilnius, 2000. S. 60.

предположить, что в таком случае дневной «паек», обещанный от великокняжеского «скарба» каждому московскому сыну боярскому, равнялся примерно 1 кг ржи, четверти килограмма крупы, столько же гороху, несколько меньше полфунта свинины и 20 г соли. Калорийность такого «пайка» составила бы в таком случае примерно 4,5 тыс. ккал/сут.

Делопроизводство московских приказов столь подробных росписей выдачи «корма», к сожалению, не оставило. Из сохранившихся документов можно лишь представить примерные размеры хлебного жалования (как, например, в 1578 г. в ливонских крепостях стрельцам и казакам полагалось «на месяц по осмине человеку ржи...», или чуть больше 1 кг ржи, то есть те же самые 24 пуда в год²³) и дополнительного «приварка» (в уже упоминавшемся выше наказе Ивана III посольскому приставу Федору Далматову указывалось, что надлежит выдавать «на станех» (то есть ежедневно) «татаром царевым Менли-Гиреевым людем, девяти человеком: тушу баранью, да полгривенки соли, да ставец заспы...»²⁴ Другой пример – в октябре 1591 г. стрелецкий голова Иван Кашкаров получил из Стрелецкого приказа предписание выступить из Астрахани в Москву на «немецкую службу» (на войну со шведами) со своим приказом конных стрельцов. По дороге в городах Темникове и Кадоме стрельцам Кашкарова надлежало «попочинуть день пять или шесть», взяв на месте «корму» из расчета «на десять человек по полуосмине круп, по полуосмине толокна...»²⁵. Но если предположить, что служилые люди должны были к этому казенному «приварку» добавлять свой собственный хлеб/сухари, то мы выходим на ежедневную «норму» примерно в 4 тыс. ккал. И с достаточно высокой степенью уверенности можно предположить, что эта «норма» применима не только к XVI в., но и к более поздним, и к более ранним временам.

Безусловно, подчеркнем это еще раз, применительно к XV–XVI вв. (и тем более к XIII–XIV вв.) вести речь о некоем «стандартном» «пайке», который должен был непременно получать служилый человек в походе, было бы преждевременно. Однако это вовсе не означает, что он должен был довольствоваться той самой Герберштейновой пустой похлебкой из толченого проса и воды на протяжении всей кампании, которая могла длиться месяцами и включать в себя и долгие переходы, и набеги, и «прямое дело»²⁶. И как полуголодный ратник должен был биться в таком случае с неприятелем «лучным и вогненным боем» и «ручным сечением»?

Для ответа на этот вопрос необходимо определиться: а как, собственно, решалась проблема снабжения русских ратей в те времена? Простейший и самый древний способ – переложить ее разрешение на плечи самих служилых людей, пускай они сами озаботятся тем, чтобы взять с собой в поход необходимый провиант для себя и фураж для своих коней, боевых и вьючных. Так, приняв решение отправиться в поход на непокорных казанцев, юный Иван IV и Боярская дума осенью 1545 г. отправили в Новгород грамоту, согласно которой новгородцы должны были «нарядити» почти 2 тыс. конных людей и 2 тыс. пищальников, половину – конных, а другую – пеших. При этом в грамоте указывалось, что «те б пешие пищальники были в

²³ Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов воевод) 1571–1580 гг. М.; Варшава, 1998. С. 108, 110, 116.

²⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Т. I. С. 441–442.

²⁵ Акты служилых землевладельцев. Т. IV. М., 2008. С. 137.

²⁶ Любопытно в этой связи свидетельство князя Андрея Курбского. Рассказывая о своем участии в Казанском походе 1552 г., он писал, что после того, как был отбит набег крымского хана Девлет-Гирея на Тулу, Иван IV направил часть своих сил «чрез Резанскую землю и потом чрез Мещерскую» и далее степью («великими диким полем») для бережения от внезапного удара со стороны ногаев. «И аки бы по пяти неделях гладом и с нуждою мною доидохом Суры, реки великие, – продолжал далее Курбский, – на устья Барыша речки, идеже и он (то есть Иван IV. – В. П.) в тот же день с войски великими прииде. И того дни хлеба сухого наядохомся со мною сладостию и благодарением, ово зело драго купующе, ово позычающе от сродных и приятел, и друзей: бо нам его было не стало аки бы на 9 дней...» (*Курбский А. М. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 32*). Этот пассаж можно трактовать как указание на то, что собственных запасов сухарей рати, посланной окольным путем, хватило только на 9 дней (ср.: Chase K. Firearms. A Global History to 1700. Cambridge, 2003. P. 17), после чего войско было вынуждено питаться подножным кормом, промышляя, по словам Курбского, охотой и рыболовством.

судех, а суды им себе готовити собою; а у конных людей, и у пишалников у конных, суды были ж, в чем им корм и запас свой в Новгород в Нижней провадити»²⁷. Другой пример – в 1553–1554 гг. царским указом посошным людям из Углича, Дмитрова, Зубцова, Белой и Твери, которые должны строить и ремонтировать засеки под Тулой, «корму тем посошным людем велено с собою имати своего и конского до тех мест, как лес листом оденетца...»²⁸. Третий, не менее характерный случай – в преддверии Полоцкого похода Иван Грозный «по городом велел послати грамоты, чтоб дети боярские по тем местом, где которым велено были, однолично были и запас пасли на всю зиму и до весны...» (примечательно, что формулировка эта от века практически не менялась – достаточно сравнить это требование с аналогичным предписанием служилым людям, но датированным 1673 г.: «И всяких чинов служилым людем сказать, чтоб они к нашей государевой службе были со всем наготове, лошади кормили и запасы пасли...»²⁹). При этом в грамоте четко были оговорены и сроки начала кампании, «Николин день осенний», и, как видно из цитаты, ее примерная продолжительность (то есть предполагалось, что кампания продлится с 6 декабря и до 1 марта, три месяца).³⁰

Столь же древним, как и первый, способом снабжения ратей (и, надо сказать, неплохо с ним уживавшимся) были реквизиции (или, как их именовали в летописях и актах, «силное имание») провианта и фуража у местного населения проходящими войсками. Его порядок хорошо просматривается из актовых материалов. Так, в 1564 г. Иван IV выдал игумену Чудова монастыря Левкию с братиею «жаловальную» грамоту, из текста которой следовало следующее: «А наши князи и бо[яре, и дети боярские, и ратные], воеводы, и ловчие, и псары, и бобровники, и всякие ездоки в тех их селех и в деревнях не ставя[т]ца, [ни к]ормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют. И гонцы мои подвод, ни проводников у них не емлют же, опричь ратных вестей»³¹. Таким образом, проходя через города и села, ратники имели право требовать с поселян и посадских не только «корм», но еще и подводы и проводников-вождей.

На неприятельской же земле действовал в полную силу пресловутый принцип «Война кормит войну». Характерным примером тому может служить зимний 1534/35 г. поход русских войск в Великое княжество Литовское во время Стародубской войны 1534–1537 гг., длившийся с конца ноября по начала марта (те самые три месяца, как Полоцкий и целый ряд других походов – в первую очередь зимних!). За это время государевы воеводы огнем и мечом опустошили «королеву державу» «от Смоленского рубежа» до «Немецкого», «у городов посады жгли, и волости и села королевы и панские жгли, а людеи пленили без-численно множество, а животину секли и многих людеи побили». В итоге, по словам летописца, русское «воинство, цело и здраво приидоша в Опочку с великою корыстию и со многим пленом...»³².

Из этого (и других, подобных ему) описания картина нашествия представляется достаточно четкая. Держа главные силы и обоз-кош в кулаке, воеводы рассылали посменно во все

²⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. С. 184.

²⁸ Акты служилых землевладельцев. Т. I. М., 1997. С. 207.

²⁹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. VI. СПб., 1857. С. 253.

³⁰ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562–1563 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 123. Для сравнения – готовясь к походу на Астрахань, крымский «царь» Девлет-Гирей I заявил османскому Касым-паше, что «запас деи татарский знаешь – у татар деи запас будет на месяц, и в силах – на два, а болши деи того запасу у них не будет» (Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М., 2016. С. 175). Это при том, что, согласно сведениям Книги Большому чертежу, «от Царева города (Царев-Борисов, ныне не существующий город на территории Харьковской обл. – В. П.) до Перекопи скорою ездою ехати 5 дней, а с телегами ехати 2 недели» (Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 67). Без обоза же из расчета 1 телега на 5 человек татары в большой поход не вступали (см., например: Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. С. 225).

³¹ Кобрин В. Б. Две жалованные грамоты Чудову монастырю: (XVI в.) // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 25. М., 1962. С. 319.

³² Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 15.

стороны от главного маршрута отряды детей боярских и их послужильцев «в зажитье»³³, и те решали проблему снабжения себя провиантом и фуражом, попутно и набирая полон и животы, опустошая и разоряя все на своем пути.

В том же духе решали проблему снабжения государевы воеводы и во время осад, которыми так богата русская военная история той эпохи. Примером тому могут служить действия Ивана III в конце 1478 г., когда он осадил Новгород. Подступив к городу, в воскресенье 30 ноября он «велел всем воеводам по корм посылати людеи половину, а другую у себя оставлять, а срок им по корм 10 дней, а в 11 в четверток по Николе дни всем быти под городом, где бы хто ни был»³⁴. Порой такие «фуражировки» превращались в серьезные военные экспедиции, которые поручались опытным и заслуженным военачальникам. Так было в 1456 г., когда Василий II, выступив против Новгорода, «на Русу послал изгонную рать», или в 1471 г., когда наступлению главных сил московской рати предшествовали действия такой же «изгонной» рати князя Д. Д. Холмского (который по государеву наказу «распустиша воа своя на многие места жещи и пленити и в полон вести и казнити без милости»), или зимой 1549/50 г., когда Иван IV, «идучи х Козани... послал воевод своих для своево дела и земского... козанских мест воевати и кормов добывати»³⁵.

Проблемы со снабжением могли частично (или полностью) перекладываться на союзников. Так, в 1473 г. псковичи взяли московское воинство на полное содержание, «начаша к ним на Завеличье по чередам вожити ис коньчов» «корм, хлеб и вологоу и мед и пиво, и конем своим овес, и сено...», а затем, после 9-недельного стояния во Пскове, еще и обеспечили снабжение уходящего великокняжеского войска «до рубежа»³⁶. Спустя четыре года, в ходе кампании на северо-западном направлении в 1477–1478 гг., Иван III предложил псковичам «послужить» ему. «И псковичи же и всем князю великому в тыа часы по его словоу, и хлеб, и мед и моуку пшеничную и колачи и рыбы пресныа, все сполоу покроутивь, своими извожники к нему послали», не говоря уже о том, что многие псковские купцы-«маркитанты» на свой страх и риск отправились в лагерь великого князя «с иным товаром с разноличным с многым...»³⁷.

Кроме того, ратные могли рассчитывать также и на содействие местных властей. Последним указанием великого князя вменялось в обязанность собирать по ямам запасы провианта и фуража с последующей раздачей их проходящим войскам во избежание эксцессов (как было сказано в грамоте Ивана IV, чтобы «крестьянству того для дорогою силы и грабежу кормового не было»³⁸), связанных с «силным иманием». Как вариант, собранные припасы могли на «срубленных» с сох телегах отправляться на «передовую» (в кампанию 1535 г. псковичи не только «нарядиша» на государеву службу 900 пищальников, но еще и снарядили «3000 коней оу телегах и человека на кони, и 3000 четвертеи овсяной заспы, толокно, 3000 полтеи свинины, 3000 четвертеи солоду, 360 четвертеи горохоу, а семени ко[но]пляного 360 четвертеи» для гарнизона возведенной на озере Себеж крепости Ивангород³⁹).

Конечно, эта повинность тяжким грузом ложилась на плечи тяглецов (повествуя об упоминавшемся выше зимнем походе 1534/35 г., псковский летописец отмечал, что «царь (сибир-

³³ Подробное описание действия татар во время такого рода походов см., например: *Боплан Г.-Л. де. Описание Украины*. М., 2004. С. 231, 233, 235, 237, 239, 245.

³⁴ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 315.

³⁵ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. Стб. 194; Московский летописный свод конца XV века. С. 288; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 123; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. II. М., 1977. С. 375.

³⁶ Псковская 3-я летопись. С. 195, 198.

³⁷ Там же. С. 215. Ср.: «Тако же и купцов безчисленное множество с различными живнотми и со многими иными товары приплыша, идеже бяше всего достаток, чего бы душа восхотела...» (начало осады Казани в 1552 г., *Курбский А. М. История о делах великого князя московского*. М., 2015. С. 34).

³⁸ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1846. С. 129.

³⁹ Псковская 3-я летопись. С. 228. Ср.: Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003. С. 107.

ский царевич Шах-Али б. Ак-Доулет. – В. П.) шол на Псков, а по ямом корм давали, во Псков им не велели быти (чтобы не иметь проблем с «сильным иманием»? – В. П.), и псковичи царю и с тотары давали корм в оулазных нивах; и бысть во Пскове того году побор велик, таков не бывал во Пскове...»⁴⁰), но лучше так, чем терпеть постоянные самочинные поборы и реквизиции со стороны проезжих ратных, от которых целый уезд и волость быстро пришли бы во всеконечное запустение и разорение.

Наконец, великокняжеская власть могла взять содержание ратных и на себя. Чуть ли не хрестоматийный пример относится к осени 1469 г. Тогда, после тяжелого и кровопролитного набега на Казань, великий князь Иван Васильевич «пожаловал» пробившихся сквозь татарскую судовую рать устюжан, выслав им своего «запасу» «семь сот четвертеи муки, да триста пудов масла, да триста луков, да шесть тысяшь стрел, да 300 шуб бораньих, да триста однорядок, да триста сермяг» на «зимованье» под Казанью⁴¹.

Казалось бы, при столь разнообразных источниках получения «корма» проблема снабжения должна быть относительно легко решаемая. Возможно, именно так думал и великий князь Владимирский и Тверской Михаил Ярославич, когда в 1316 г. попытался было наказать непокорных новгородцев и отправился на них походом со «**всею силою Низовьскою**» (выделено нами. – В. П. Важная деталь – великий князь поставил под свои знамена весьма значительные по тем временам силы!). Однако новгородцы мобилизовали все свои силы, и князь Михаил не рискнул вступить с объединенной новгородской ратью в «прямое дело», «не дошед города, ста в Устьянех (Устьянский погост Деревской пятины находился в 50 верстах от Новгорода. – В. П.); и тако мира не возма, поиде прочее, не успев ничтоже». При этом великокняжеская рать, проев за время бесцельного стояния взятые с собою припасы и опустошив местность, на обратном пути «заблудиша в озерах и в болотех; и начаша мереть голодом, ядыху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша: и приидоша пеши в дома своя, приемше рану немалу...»⁴².

Где кроется корень проблем, с которыми столкнулся князь Михаил и с которыми он и его воеводы не сумели справиться? Похоже, что князь и его воеводы несколько недооценили сложность организации снабжения большого войска. Действительно, случаев, когда в поход выступало разом более 10 тыс. ратных (не считая обслуживающего персонала – всякого рода обозной прислуги и пр.), в русской средневековой истории немного. Даже в знаменитой Куликовской битве, которая вошла в историю как образец эпического противостояния, с русской стороны, как показывают расчеты, принимало участие никак не больше 10 тыс. бойцов, а скорее всего, существенно меньше⁴³. В тех же случаях, когда летописи дают более или менее точные сведения, счет идет на сотни, в лучшем случае на первые тысячи ратников. Так, псковичи в 1426 г., во время конфликта с великим князем литовским Витовтом, послали на помощь осажденной Опочке полсотни бойцов «снастной рати», а главная псковская рать во главе с посадниками Селивестром Леонтьевичем и Федором Шибалкиным вступила в бой с войсками Витовта, имея в своем распоряжении 400 ратников. Князь Василий Юрьевич в 1435 г. взял Вологду, имея «дружины» 300 человек, а его брат Дмитрий Шемяка имел в своем распоряжении в 1436 г. около 500 дворян. Литовский князь Александр Чарторыйский, не желая присягать Василию II, в 1461 г. покинул Псков, где он пребывал на положении служилого князя, и увел с собою «двора его кованой рати боевых людеи 300 человекъ, опричь кошовых...» Наконец, в печально знаменитом сражении под Суздалем летом 1445 г., в котором Василий II был

⁴⁰ Псковская 1-я летопись. С. 106–107.

⁴¹ Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 47.

⁴² Новгородская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 95.

⁴³ См., например: Бульчев А. А. Живые и мертвые // Родина. 2010. № 8. С. 8–14; Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 268; Пенской В. В. О численности войска Дмитрия Ивановича на Куликовом поле // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.). Казань, 2011. С. 157–162.

разбит татарами и пленен, его «полк» вместе с «полками» его вассалов князей Ивана Можайского, Михаила Верейского и Василия Серпуховского насчитывало менее 1 тыс. всадников. Пришедший к ним на помощь владимирский «полк» воеводы Алексея Игнатьевича насчитывал 500 ратных. Противостоявших им татар было, по сообщению летописца, 3,5 тыс.⁴⁴ При этом, как правило, кампании были краткосрочными и ратям приходилось действовать рядом с родным домом.

Между тем характерной особенностью Восточноевропейского театра военных действий была невысокая плотность населения и неразвитость инфраструктуры, существенно затруднявшая снабжение войск, действовавших здесь⁴⁵. Согласно расчетам генерал-интенданта 1-й русской Западной армии Е. Ф. Канкрин, тот самый принцип, когда война кормит войну, более или менее удовлетворительно работает только в том случае, если плотность населения на предполагаемом театре военных действий составляет не меньше 2000 человек на 1 квадратную немецкую милю (или примерно 35–36 человек на км²). Такая плотность населения характерна для наиболее развитых регионов Западной, но никак не Восточной Европы. Так, в начале XVIII в. в Ломбардии этот показатель составлял 55 человек на км², во Франции – 39, Силезии – 31, Пруссии – 15, тогда как в Речи Посполитой – 8, а на западе России – 6⁴⁶. И в рассматриваемый нами период ситуация на той же Новгородчине в лучшую сторону никак не отличалась. В упомянутой выше Деревской пятине в начале 40-х гг. XVI в. деревни-однودворки составляли почти 45 % от общего числа сельских поселений, двухдворки – несколько больше 31 % и чуть больше 16 % – трехдворки. Больших сел, насчитывающих более 20 дворов, было всего лишь 0,1 %⁴⁷. Качество же русских дорог давно уже стало притчей во языцех, и весенне-осенняя распутица не раз становилась непреодолимым препятствием для передвижения не только войск и обозов, но даже одиночных всадников, как это было, к примеру, осенью 1559 г.⁴⁸ При чем тут распутица – исходя из контекста летописного свидетельства, Михаил отправился на Новгород «со всею силою Низовскою» летом 1316 г., причем, скорее всего, во второй его половине, чтобы можно было фуражироваться по ходу дела, «имая силно» провиант и фураж у крестьян и занимаясь потравой полей.

Однако внушительная военная демонстрация не испугала новгородцев, севших в осаду, и Михаил не рискнул атаковать. Простояв бесцельно в Устьянах несколько недель в ожидании капитуляции мужей новгородских, ратники Михаила употребили взятый с собой съестной припас, а «сильное имание» для удовлетворения потребностей столь многочисленной армии нужного количества «корма» дать не могло. Легко представить, к примеру, размеры луга, на котором нужно прокормить лошадей, скажем, 10-тысячной армии, не говоря уже о более многочисленных ратях (притом что сын боярский должен был выступать «в далной поход о дву конь» как минимум⁴⁹). А дальше осень, дожди, распутица и то, что можно назвать «синдромом Старой Смоленской дороги» – численность собранной великим князем армии обернулась против нее самой. Возвращаясь по опустошенной прежде дороге (русский полковник И. В. Вуич в 1850 г. писал, что при фуражировках войска «редко обращают внимание на сохранение тех предметов, которые не могут захватить с собою, и потому от небрежения истребляется гораздо более припасов, чем сколько их идет действительно на потребности войск, и средства

⁴⁴ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 149; Московский летописный свод конца XV века. С. 262–263; Псковская 1-я летопись. С. 36, 58; Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 104–106.

⁴⁵ См., например: *Курбский АМ*. История о делах великого князя московского. С. 32.

⁴⁶ См.: *Cancrin G. L.* Über die Militairökonomie im Frieden und Krieg, und ihr Wechselverhältniss zu den Operationen. Erster Band. St. Petersburg, 1820. S. 230; *Perjes G.* Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century. P. 4.

⁴⁷ Аграрная история северо-запада России XVI века. Л., 1974. С. 32. Ср. данные по Порховскому, Новгородскому и Старицкому уездам Шелонской пятины на 1539 г. (Там же. С. 81, 114, 115).

⁴⁸ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 321.

⁴⁹ Там же. С. 269.

края гораздо скорее истощаются, чем при других способах»⁵⁰), полки Михаила столкнулись с невозможностью решить проблему снабжения обычными способами и оказались в безвыходном положении.

Очевидно, что ставка на фуражировку и снабжение с местности («сильное имание»), по которой проходила «Низовская сила», в данном случае дала сбой. И это, кстати, не единственный подобный случай. Так, оправдываясь перед Иваном III за неудачу под Смоленском осенью 1502 г., его сын Дмитрий Жилка, командовавший осаждавшими город государевыми полками, заявил, что во всем-де виноваты «многие дети боярские подступали под град и в волости отъезжаа грабили без его ведома, а его не послушаша»⁵¹. Очевидно, что затянувшееся «стояние» под смоленскими валами (поход начался 14 июля, а завершился 23 октября 1502 г.) очень скоро привело к тому, что и запасы, взятые с собой детьми боярскими и посохой, были использованы, и ресурсы Смоленского уезда израсходованы, а непрерывные дожди и распутица помешала организовать подвоз провианта и фуража. Отсюда и проблемы с дисциплиной, и падение боеспособности русского войска. Схожая ситуация случилась в 1518 г., когда русские полки осаждали Полоцк. Опустошение местности из-за затянувшейся осады и невозможность наладить снабжение по причине непогоды очень скоро привели к тому, что в лагере осаждавших начался острый недостаток провианта и фуража. Псковский летописец с горечью писал, что среди осадивших Полоцк русских ратников «бысть глад велик, колпак соухареи в алтын и боле, и коневьи корм потому ж дорог был...»⁵².

Мы не случайно привели три этих примера, ибо что в 1316 г., что в 1502, что в 1518 г. проблемы со снабжением испытывало большое, насчитывавшее порядка 10 тыс. и даже более ратных (не считая многочисленной обозной прислуги) и еще больше коней, войско. Но то, что во времена Михаила Тверского и Василия Темного было из ряда вон выходящим случаем, при Иване III и тем более при его внуке Иване IV стало нормой. С одной стороны, как отмечал отечественный историк А. Смирнов, «военная централизация (на Руси. – В. П.) была достигнута гораздо раньше, чем политическая или экономическая, – уже при Иване III»⁵³. Этот тезис поддержал Ю. Г. Алексеев, который, подводя итоги своего анализа военной политики Ивана III, писал, что «старая система межкняжеских военных конвенций не была отменена формально, но была ликвидирована фактически... Политика Ивана III привела к созданию новой структуры – единого Российского государства, обладающего суверенными правами на всей своей территории. Этот основной факт решающим образом повлиял на военную систему Русской земли... Совокупность княжеских ополчений превратилась в единое российское войско под единым командованием и централизованным руководством»⁵⁴. С другой стороны, во 2-й половине XV в. Россия втянулась в процессы, связанные с военной (или «пороховой») революцией, характерным признаком которой, как уже было отмечено выше, стало увеличение численности армий – как вообще, так и полевых. Уже Василий II Темный на закате своего правления мог выставить в поле без особых проблем рать, насчитывающую несколько тысяч всадников. Что уж тогда говорить об Иване III, в распоряжении которого оказались после покорения Новгорода и Твери и подчинения Рязани и Пскова ресурсы практически всей Русской земли! Это, конечно, не 90 тыс. конных и пеших воинов, как полагал Ю. Г. Алексеев⁵⁵, но послать на своих неприятелей 15–20-тысячную рать (имея при этом еще и сильный резерв на всякий случай) ему было вполне по силам⁵⁶. Внук же Ивана III, Иван Грозный, обладал и того большими возмож-

⁵⁰ Вуич В. И. Малая война. СПб., 1850. С. 222.

⁵¹ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 215.

⁵² Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁵³ Смирнов А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 35.

⁵⁴ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 433.

⁵⁵ Там же. С. 161.

⁵⁶ См.: Пенской В. В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // Военно-исторический журнал.

ностями. Анализ росписи Полоцкого похода 1562–1563 гг., пожалуй крупнейшего военного предприятия его правления, позволяет предположить с высокой степенью вероятности, что в нем с русской стороны участвовало до 40–50 тыс. «сабель» и «пищалей» (не считая посохи и «кошовых») ⁵⁷.

Рост численности полевых армий на порядок совпал по времени с изменением их внутренней структуры. В свое время Герберштейн писал о том – изрядно, правда, «приукрашивая» действительность, – что москвиты в походах не используют пехоты и артиллерии ⁵⁸. Однако уроки битвы под Оршей в 1514 г., в ходе которой конная русская рать была разгромлена польско-литовским войском, состоящим из трех родов войск, были москвитами быстро учтены. И вот на берегах Оки летом 1532 г. Василий III в ожидании татарского набега собрал «княжат и дворян двора своего и детей боярских изо многих городов безчислено много; а наряд был великой, пушки и пищали, и ставлены на берегу на вылозех, от Коломны и до Коширы, и до Сенкина, и до Серпухова, и до Колуги, и до Угры, добре много, столко и не бывало...» ⁵⁹. Иван же Грозный приводит с собой под Полоцк наряд «болшой», «средней и лехкой», а вместе с ним и 10–12 тыс. пехоты (стрельцов, казаков и даточных людей), вооруженной по преимуществу огнестрельным оружием ⁶⁰. Последних же нужно было снабдить не только провиантом и фуражом (поскольку изначально московская пехота, оснащенная огнестрельным оружием, для скорости была посажена на коней или перевозилась по двое-трое на телегах/санях – если не было возможности доставить ее на «передовую» водой, «в струзех»), но и свинцом, порохом-«зельем» и прочим подобным припасом. О размерах этого припаса свидетельствует пара характерных примеров из бюрократической переписки. Так, в уже упоминавшейся грамоте о наборе пищальников с Новгорода для казанской экспедиции ратники должны были взять с собою для своих пищалей еще и по 12 фунтов «зелья» и столько же свинца на человека ⁶¹. В октябре же 1555 г. новгородским дьякам была послана царская грамота с наказом всячески содействовать присланным московским пушкарям в изготовлении железных 600 ядер, а также предоставить им следующие материалы (очевидно, для последующего использования ядер): «Десять холстов, да триста листов бумаги добрые болшие, которая толста, да двадцать два пятка лну мягкого малого, да восм ужищ лняных, по двадцати сажен ужищо... да восм коробок на ядра и на мешки, да осмеры возжи лычные, да двадцать гривенок свинцу, да восм овчин...» ⁶²

Проблемы, связанные с организацией снабжения большой рати обычными способами, только усугублялись присущими им, этим способам, органическими пороками. Возьмем, к примеру, «сильное имание». Небольшие отряды, отправлявшиеся «в зажитье», подвергались опасности быть перехваченными неприятелем и уничтоженными (как это было, к примеру, в 1518 г. под Полоцком ⁶³), ибо, как отмечал И. В. Вуич, «фуражиры, хотя высылаются и вооруженными, но во время самой фуражировки, по необходимости должны рассеиваться на значи-

2012. № 10. С. 77–78.

⁵⁷ Подсчитано автором по: *Анхимова Ю. В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 163–167; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123–134; *Буганов В. И.* «Взятие полоцкое Литовские земли» – описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 31. М., 1969. С. 214–219.

⁵⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 243.

⁵⁹ Софийские летописи // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 266.

⁶⁰ См., например: *Лебедевская летопись*. С. 305, 312.

⁶¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. I. С. 184.

⁶² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. С. 131.

⁶³ См.: *Пенской В. В.* Чудо на Двине (эпизод из истории 1-й Смоленской войны) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды VI Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. Часть III. СПб., 2015. С. 368, 372.

тельном пространстве, и потому не могут представить никакого сопротивления самым даже незначительным партиям неприятельским»⁶⁴. И это уже не говоря о том, что фактически узаконенное мародерство неизбежно вело к падению дисциплины и боеспособности войска – так, в 1456 г., увлекшись грабежом Русы и отправкой взятых там «животов», московские дети боярские едва не проиграли сражение подошедшей новгородской рати⁶⁵.

Не менее, если не более негативный эффект имело «сильное имание» на своей земле, поскольку проходящие ратники особо не церемонились, «ставясь» «в селех и в деревнях» и удовлетворяя свои потребности, как это было в 1439 г. Тогда воины князя Дмитрия Шемяки и его братьев, шедшие на войну с ханом Улуг-Мухаммедом, умудрились «отличиться», заслужив себе недобрую славу – «все пограбиша оу своего же православнаго христианства и мучаху людеи из добытка и животину бяющее назад себе отсылаху, а ни чим же не розоидяхуся, все грабляхоу и неподобная и скверная деяху»⁶⁶. Другой аналогичный пример – во Пскове в 1473 г. государевы служилые люди «начаша... чинити над псковичи силно, а иное собою всячиною у псковичь грабити, бе бо с ними и тотарь тако же приехало много»⁶⁷.

Понятно, что такого рода эксцессы, повторявшиеся с завидной регулярностью, вызывали недовольство не только у тяглецов. Они, с одной стороны, подрывали авторитет верховной власти (от которой ожидали, что она будет держать своих людей в узде и придерживаться «твердо добраго закона правило, иссушаа крепко безакониа потоки»⁶⁸). С другой же стороны, опустошения, наносимые буйными детьми боярскими и их людьми, разорение ими крестьян и посадских препятствовали выполнению ими своих обязанностей перед государем – исправной выплате податей и несению повинностей. Не секрет, что «сильное имание» в немалой степени способствовало запустению северо-западных уездов в ходе Войны за ливонское наследство 1555–1595 гг.⁶⁹

Естественно, что власть стремилась минимизировать урон, наносимый произвольными реквизициями «ставящихся» проезжих ратников. Так, например, в разного рода льготных, жалованных и иных подобного рода грамотах освобождение от «силоного имания» входило в обязательный список привилегий, получаемых адресатом грамоты от государя, причем формула такого освобождения практически не менялась от времени ко времени: «В тех селцах у них не ставятца мои, великого князя, бояре, и воеводы, и ратные люди, и никакие ездоки, ни подвод, ни проводников у их людей не емлют, ни кормов на них не збирают, ни овса, ни сена, ни иного ничего. А хто у них станет в тех селцах в церковных силно, и что ся тем их людем каков протор или гибель учинит в их стоянье каково нибуди, и на тех велю то все доправити вдвое без суда и без правды»⁷⁰. Более того, что в эту формулу был внесен пункт о наказании мародеров и грабителей («а хто у них (крестьян. – *В. П.*) станет силно, да что возьмет, и тому платити без суда и без ысправы»⁷¹). Любопытно, но польский шляхтич С. Немоевский отмечал в своих записках в начале XVII в., что у московитов в обычае правило – «если бы кто в походе насильственно взял что-либо из припасов, хотя бы только сена – суровое наказание»⁷².

⁶⁴ *Вуич И. В.* Малая война. С. 228–229.

⁶⁵ См.: Московский летописный свод конца XV века. С. 274.

⁶⁶ Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. М., 2007. С. 106.

⁶⁷ Псковская 3-я летопись. С. 195.

⁶⁸ Иосиф Волоцкий. Послания. СПб., 2007. С. 184.

⁶⁹ См., например: Аграрная история северо-запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 297.

⁷⁰ См., например: *Маштафаров А. В.* Жалованные грамоты Кремлевского Архангельского собора 1463–1605 годов // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. С. 28. Ср.: *Каитанов С. М., Робинсон А. М.* Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 23. М., 1961. С. 256 или Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. С. 180.

⁷¹ *Кобриш В. Б.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю: (XVI в.). С. 319.

⁷² Записки Станислава Немоевского (1606–1608). С. 183.

В том, что это были не пустые слова, могли убедиться на собственном примере воевода князь М. В. Глинский и его люди: «И царь и великий князь про то (грабежи и насилия. – *В. П.*) на него (Глинского. – *В. П.*) опалался, и велел обыскати кого грабили дорогою, и на нем иным доправити те грабежи...»⁷³

В отдельных же случаях «сильное имание» попросту воспрещалось. И запреты эти диктовались либо политическими соображениями – например, в ходе кампании 1380 г., когда Дмитрий Иванович при вступлении своих ратей на Рязанщину «заповеда коемуждо полку, глаголя сице: «Аще кто идет по Рязаньской земле, да никтоже ничему же коснется, и ничтоже возметь у кого, и ни единому власу коснется»⁷⁴, – либо сугубо военными, как это было в ходе Полоцкого похода Ивана Грозного: «Путное же цареву и великого князя к Полотцку шествие нужно и тихо, потому что царь и великий князь всеми полки шел к Полотску одною дорогою и заповедь великую положил: **перешед за рубеж, изо всех полков никакова человека по корм, ни на иную какую добычу отпущати не велел, чтобы теми малыми делы болшого дела не теряли** (выделено нами. – *В. П.*)...»⁷⁵ Да и в целом, как уже было отмечено выше, «сильное имание» и реквизиции не работали на слабо заселенной, с неразвитой инфраструктурой местности, которая оказывалась неспособной прокормить более или менее крупные воинские контингенты, особенно если, по тогдашнему обычаю, местное население «как поидет рать, ино хлебы все свозят в городы, а сена пожгут»⁷⁶.

Не меньше, если не больше, проблем (правда, иного характера) возникало в том случае, если служилые люди должны были везти «людцкой и конский корм» с собой (из расчета на все время кампании – пускай на те же три месяца, как в случае с Полоцким походом). То, что работало в те времена, когда войско в походе насчитывало несколько сот или тысяч человек, в случае с армией, имевшей десятки тысяч «едоков», двуногих и четвероногих, работать переставало. Ведь даже если посчитать требуемый припас по минимальной «Герберштейновой» норме (при средней грузоподъемности подводы/саней около 300 или несколько более килограммов, а навьюченной лошади – около 100 кг⁷⁷), то обоз войска, насчитывающего десятки тысяч ратных, обозных служителей и коней – строевых, вьючных и обозных, – вырастал до фантастических размеров. И это без учета артиллерийского обоза, повозок под имущество детей боярских (под те же доспехи и оружие, которые на марше обычно не носили, а везли в телегах, не говоря уже об одежде, шатрах, палатках, посуде и прочей «рухляди»⁷⁸) и подвод же, на которых для скорости марша по двое-трое ехали стрельцы и казаки!⁷⁹ В итоге складывалась ситуация, которую русский военный теоретик А. А. Свечин словами французского же военного теоретика XVIII в. Ру-Фузиляка характеризовал как «большие армии, многочисленные штабы, сильные парки, большие обозы, большие магазины, большие склады фуража, большие госпиталия, одним словом, большие затруднения, большие злоупотребления, маленькие способности – и большие

⁷³ Псковская 3-я летопись. С. 235.

⁷⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью // ПСРЛ. Т. XI. М., 2000. С. 54. Отметим, правда, что это свидетельство довольно позднее, но даже если и так, то оно все равно фиксирует практику, которая действовала в XV–XVI вв.

⁷⁵ Лебедевская летопись. С. 305.

⁷⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. С. 130.

⁷⁷ См., например: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. I. С. 284; Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1838. С. 224; *Калишин В. И., Яковлев А. А.* Коневодство. М., 1961. С. 233.

⁷⁸ См., например: Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. С. 199; Письмо гетмана литовского Радзивила о победе, одержанной при Уле, 1564 года, января 26-го // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1847. № 3. III. Материялы иностранные. С. 2; Продолжение Александрово-Невской летописи // ПСРЛ. Т. XXIX. С. 329.

⁷⁹ См., например: Акты служилых землевладельцев. Т. IV. С. 36, 87, 131.

поражения...»⁸⁰. Обремененная колоссальным обозом армия становилась неповоротливой и малоподвижной, что противоречило самим основам московской стратегии и тактики.

Но вот что любопытно – несмотря на очевидное усложнение во 2-й половине XVI в. логистических проблем, источники, описывающие боевые действия что на татарском, что на ливонском или литовском «фронтах» во времена Ивана Грозного, не содержат упоминаний о кризисах, подобных тем, что имели место, к примеру, в 1502 или 1518 гг. И это при том, что и по числу задействованных войск, и по их структуре, и по их техническому оснащению та же казанская экспедиция 1552 г. существенно отличалась даже от походов, что предпринимал Василий III на Смоленск в 1512–1514 гг. Нет, конечно, не все было гладко, и сложности были, но срыва кампании из-за нехватки провианта, фуража или «зелья» и прочего припаса для наряда – такого не было. Значит ли это, что дьяки Разрядного приказа (который как центральное военно-административное учреждение окончательно оформился в конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в.), учтя опыт предшественников, сумели отладить систему снабжения и та не без проблем, но достаточно исправно функционировала все время войн Ивана Грозного?

На этот вопрос, на наш взгляд, похоже, можно дать положительный ответ. Анализ сохранившейся в летописях, разрядных книгах и актовых материалах информации, позволяет утверждать, что действительно Разрядный приказ, комбинируя в разных соотношениях (применительно к конкретной ситуации) сложившиеся и отработанные прежде способы решения логистических проблем, добился более или менее удовлетворительной работы «интендантской» службы. В этом отношении показательная третья, 1552 г., Казанская кампания Ивана IV (из всех его военных предприятий логистика этого похода освещена в источниках, пожалуй, наиболее подробно).

Как же решалась проблема со снабжением войска в ходе третьей Казани? Политический кризис конца зимы – начала весны 1552 г. в татарской столице завершился «казанской изменой». После того, как стало окончательно ясно – казанцы отказываются принять московского наместника, а значит, задуманной унии не будет и новой войны не избежать, в Москве было принято решение об организации новой военной экспедиции на Казань, которая должна была окончательно решить «казанский вопрос».

Подготовка кампании началась, судя по всему, еще до того, как разрешился кризис в Казани. Проходила она в традиционном ключе. Как писал автор «Казанского летописца», из Москвы «по градом» были разсланы царские грамоты «всем князем, и воеводам, и благородным, и середним же, и обычным готовым быти на царскую свою службу со всяким запасом ратным с конми и со отроки...»⁸¹, причем ратным было повелено «збиратися на Коломну, на Коширу дальним городом Новугороду Великому и иным городом (очевидно, северо-западным – не только Новгороду, но и Пскову, Твери и «тянущим» к ним «пригородам». – В. П.), а Московским городом велел (Иван. – В. П.) збиратися в Муроме»⁸². Очевидно, что тогда же рассылаются на места грамоты о сборе посошных людей, конных и пеших, со своими подводами, инструментом и «кормом» (без которых не обходилось ни одно мало-мальски серьезное военное предприятие москвитов). Равным образом были разсланы и соответствующие «листы» о наборе «зборных» с «земли» конных и пеших людей, пищальников и лучников, которые также должны были иметь с собой все необходимые припасы на всю предполагаемую кампанию⁸³.

⁸⁰ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 187.

⁸¹ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 103.

⁸² Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 73. Ср.: Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 120–124.

⁸³ См., например: Акты служилых землевладельцев. Т. I. М., 1997. С. 207; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. С. 184; Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123.

По аналогии с другими походами можно также с уверенностью предположить, что по крайней мере часть ратных людей, двигавшихся по весенним дорогам к местам сбора, могла получать на ямах «корм» и фураж по установившейся еще во времена Ивана III «норме» – «на десять лошадей по четвертки овса да по острамку сена» и «на восемьдесят человек яловица, по польосмине круп, по полубезмена соли, или на десять человек по борану, круп и соли на денгу...»⁸⁴.

Уже на этом подготовительном этапе должна была проявиться отличительная черта московской стратегии и логистики. В свое время американский историк У. Мак-Нил отмечал, что «московские цари устанавливали свою власть повсюду, куда судоходные реки позволяли доставить тяжелые пушки»⁸⁵. Казань, стоявшая на Волге, была удобным объектом для московской экспансии, ибо по Волге и ее притокам к месту предполагаемых боев легко можно было доставить водой все необходимое – не только пехоту и артиллерию, но и все необходимые припасы. И если в 1545 г. «наряжаемые» с Новгорода и новгородских пятин пищальники, конные и пешие, должны были иметь «суды», в которых «им корм и запас свой в Новгород в Нижней провадिति»⁸⁶, то и в 1552 г. такой шаг был неизбежен.

В конце апреля 1552 г., если верить автору «Казанского летописца», в Москве был устроен большой воинский смотр. По его итогам Иван IV, «видев же инех вои своих, убозех суших и нужных всем, не имеющих у себя ни коней воинских, ни кормли, и тех для сотвори полаты свои оружныя и ризныя и житница хлебныя, даваше им до любве их и оружия всякая, и светлы ризы, и кормлю, и добрые кони ис конюшни свояя преже всего своего пошествия...»⁸⁷. Надо ли этот пассаж расценивать как оборот речи, или же Иван IV на самом деле взял на себя содержание наименее обеспеченных («малых статей»?) детей боярских – сегодня сложно сказать, но, судя по дальнейшему развитию событий, второй вариант трактования этой фразы вовсе не исключен.

После смотра началось развертывание войск на казанском направлении: «Отпустил государь воевод в судех на Свягу и велел дела своего беречи и собя государя дожидатца бояр и воевод князя Александра Борисовича Горбатого да князя Петра Ивановича Шуиского и иных воевод» (всего в этой судовой рати было 5 полков с 12 воеводами). С воеводами был отправлен водой в Свяжск «наряд» (артиллерия с припасами) и, что примечательно (обычно летописи об этом умалчивают), «многие свои запасы послал (Иван IV. – В. П.) на перекормление воинству, и ключников своих отпустил со всем дворовым запасом...»⁸⁸. И что еще любопытно – участник похода князь А. Курбский вспоминал позднее, что в Свяжск же были отправлены водою и припасы (большая их часть?), которые ратные люди взяли с собой из дома⁸⁹.

Мы не случайно обратили внимание на это место в летописном рассказе (еще раз подчеркнем, что из анализа текста следует, что составители летописи активно пользовались текущей разрядной документацией). Еще раз подчеркнем – то обстоятельство, что Казань находилась на большой водной магистрали, существенно облегчало русским задачу по организации снабжения многочисленной рати. Доставить водой к месту, где развернутся боевые действия, необходимые запасы, было не в пример проще и легче, нежели тянуть их на сотнях и тысячах

⁸⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. С. 129–131.

⁸⁵ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. С. 120.

⁸⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. I. С. 184.

⁸⁷ История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 104.

⁸⁸ Летописец начала царства. С. 73.

⁸⁹ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 34. О характере припасов см., к примеру: Грамоты и «Обидный список» полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Т. III. С. 31–32. Для полноты картины можно привести также список имущества, который был взят сыном боярским Григорием Русиновым в поход: Акты Русского государства 1505–1526 гг. С. 198–199. Наличие реки – такой полноводной и могучей, как Волга, – при таких раскладах было истинным спасением!

телег по русским дорогам. Наличие же такой передовой базы, крепости Свияжск, где можно было засклалировать необходимые припасы, позволяло рассчитывать на организацию более или менее бесперебойного снабжения осаждающих Казань войск.

«Казанский летописец» сообщает и еще одну интересную подробность. Согласно его сведениям, Иван IV «Волгою же отпусти с кормлею и со всяким запасом розным всего великого воинства своего и з болшим стенобитным нарядом огненным, яко да не будет нужда от пищи в всех на долго время...»⁹⁰. Сопоставив эти сведения с теми, что сообщает официальное летописание, можно сделать вывод, что Иван и Боярская дума решили подстраховаться и на всякий случай отправили водой в Свияжск «корм людтцкой и конский» не только для государева двора, но и для остального воинства – не только для стрельцов и казаков, но и детей боярских, их послужильцев, сборных людей и посохи.

По ходу развертывания войск планы кампании менялись. Отправив часть воинства и припасов на «Восточный», Казанский, фронт, Иван IV и бояре приняли решение часть войска развернуть на «Южном», Крымском фронте: «Аже даст бог, итти на свое дело и на земское с Москвы на Коломну в первой четверг, заговев Петрова поста, июня 16 день; и пришед ему на Коломну, с людьми збиратися, которым велено быти на Коломне, и ждати из Крыму вести. И будут про царя крымского полные вести, что ему на царевы и великого князя украины не быти, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти на свое дело с Коломны х Казани часа того. А не будет вести про крымского царя до Петрова дни, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти с Коломны х Казани с Петрова дни; а итти ему с Коломны в Муром, а из Мурома итти полем»⁹¹. К отправке на «берег» в ожидании «прямых вестей» о намерениях крымского «царя» готовились «бояре его (Ивана IV. – В. П.) и жильцы и выбором дети боярские, а в полкх Новгородские люди»⁹². И когда 21 июня 1552 г. (sic!) явились «прямые вести» («пришли Крымские люди на Тульские места к городу х Туле»)⁹³, собравшаяся рать двинулась из Коломны к Туле.

До большого «прямого дела» между русской и татарской ратью дело не дошло – Девлет-Гирей, узнав о выдвижении главных сил русского войска, «побеже от града с великими срамом», «телеги пометал и вельблуды многие порезал, а иные живы пометал...»⁹⁴. 1 июля в Коломне состоялся военный совет, на котором было решено, раз уж хан отказался от своих намерений и «великим спехом» ушел в Крым, бросая по дороге множество загнанных коней⁹⁵, идти государю со всею ратью на Казань. Известие об этом решении вызвало волнение среди новгородских детей боярских. Они «государю стужающи, а биют челом, что им не възможно, столк будучи на Коломне на службе от весны, а иным за царем ходящим и на боих бывшим, да толику долготу пути идти, а там (под Казанью. – В. П.) на много времени стояти...»⁹⁶. В этом эпизоде обращает на себя внимание недовольство новгородских детей боярских открывшимися внезапно перед ними «перспективами». К началу июля они находились в кампании по меньшей мере 2,5 месяца (с середины апреля), а если считать еще и с дорогой из Новгорода – и того больше. И если они брали с собою припасов на 3–4 месяца⁹⁷, то к этому времени они в значительной степени должны были их израсходовать, «сильное имание» было маловероятно (по вполне понятным причинам), а доставка «корма» из новгородских вотчин и поместий по

⁹⁰ История о Казанском царстве. Стб. 104.

⁹¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 135.

⁹² Летописец начала царства. С. 83.

⁹³ Там же. С. 83.

⁹⁴ Там же. С. 84.

⁹⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 191.

⁹⁶ Там же. С. 191.

⁹⁷ См., например: Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123; Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 82.

очевидным причинам была более чем затруднительной. Стремясь предотвратить дальнейший рост недовольства и возможные волнения среди ратных, Иван (и его воеводы) «велит люди росписовати, хто по-хочет с государем пойти, и тех государь хочет жаловати и под Казанию перекормити...»⁹⁸, то есть Иван обязался взять тех, кто пойдет с ним на Казань с Коломны, взять на свое государево содержание и кормовое жалованье. Предусмотрительность, проявленная с отправкой весной водой в Свияжск царских ключников с припасами, оказалась совсем не лишней!

Отражение набега крымского хана на Тулу и тульские земли стало переломным моментом кампании. Убедившись в том, что южная, крымская, Украина в безопасности, Иван со своим войском, согласно первоначальному плану, двинулся на Казань. На военном совете было решено «идти надвое, вмещения для людем» (выходит, что разделение войска надвое было осуществлено для облегчения его снабжения на марше?), при этом было приговорено «самому государю идти на Володимер и на Муром, а воевод отпустить на Рязань и на Мещеру, а сходиться на Поле за Олатарем...»⁹⁹.

Поход второй рати во главе с большим воеводой князем И. Ф. Мстиславским проходил в сложных условиях (впрочем, если верить «Казанскому летописцу», и царская рать, выступив из Мурома к месту встречи, испытывала серьезные проблемы со снабжением водой¹⁰⁰). Его участник, князь А. М. Курбский, бывший тогда вторым воеводой полка Правой руки, вспоминал впоследствии, что князь Мстиславский был послан «со треманадесят тысящей люду чрез Резанскую землю и потом чрез Мещерскую, идеже есть мордовский язык», и, «препроводясь аки за три дня мордовские леса, изыдохом на великое дикое поле». Марш через степь растянулся на пять недель и был сопряжен с большими трудностями, «гладом и нуждою многою», поскольку, по словам Курбского, взятых с собою во вьюках и переметных сумах сухарей «не стало аки бы на 9 дней»¹⁰¹, после чего войску пришлось больше месяца питаться «ово рыбами, ово иными зверми, бо в пустых тех полях зело много в реках рыб...»¹⁰². Лишь встретившись с царскими полками в первых числах августа на Баранчевом городище на Суре-реке, однополчане Курбского «хлеба сухого наядохомся со многою сладостию и благодарением, ово зело драго купующе, ово позычающе от сродных, и приятел, и друзей...»¹⁰³. Очевидно, что рать Мстиславского шла налегке, только со вьючным обозом, тогда как царская – с полноценным обозом, включавшим в себя и вьючную, и тележную части.

Переправившись через Суру и соединившись, Иван и его воеводы со всей ратью двинулись дальше к Свияжску. Этот марш растянулся, по словам все того же Курбского, на восемь дней (если исходить из путевого дневника Ивана IV, семь дней марша и одна дневка). Проблемы со снабжением оставались, хотя и не настолько серьезные, чтобы вынудить русских повернуть назад – вести о приближении царского войска быстро распространились среди «горних людей, князей и мырз и казаков и Черемисы и Чюваши», которые поспешили в стан к Ивану с изъявлениями своей покорности. Жалуя их своей царской милостью и отпуская им их вины, Иван и его советники добились того, что «горние люди» взяли на себя (пусть и частично – по причине малонаселенности местности) снабжение проходящего воинства. Курбский писал потом, что за время марша «нам привожено и, странам ездя, добывано купити хлеба и скотов, аще и зело драго плачено», чему изголодавшееся войско было несказанно радо¹⁰⁴. Это свидетельство любопытно тем, что, судя по всему, переправившись через Суру,

⁹⁸ Летописец начала царства. С. 85.

⁹⁹ Там же. С. 85.

¹⁰⁰ История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 115.

¹⁰¹ Ср.: Chase K. Firearms. A Global History to 1700. Cambridge, 2003. P. 17.

¹⁰² Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 32.

¹⁰³ Там же. С. 32; Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 199–200.

¹⁰⁴ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 32.

Иван IV воспретил своим ратным людям заниматься «силным иманием»¹⁰⁵, пообещав «горним людям», что русские ратные «корм свой и конской купят по цене как продадут, а силно у них не емлют ничего» (стандартный оборот из жалованной грамоты середины XVI в.)¹⁰⁶. Естественно, что «чюваша и черемиса» не преминули воспользоваться представившейся возможностью нажиться на русских ратниках, поставляя им провиант и фураж по чрезвычайно большой цене¹⁰⁷.

13 августа 1552 г. царское войско прибыло в Свияжск после тяжелого «многорасточного пути», и «х тому приехали есмо, – писал Курбский, – воистину, яко во свои дома от того долго и нужного пути, понеже привезено нам множество от домов наших Волгою мало не комуждо в великих кгалях запасу...». Отправленные прежде водою «суды» с царским «кормом» и «запас», который должны были взять с собою дети боярские, «зборные люди» и посоха, оказались как нельзя более кстати, к месту и ко времени. Более того, здесь, в лагере под Свияжском, разбили свои палатки и шатры купцы-маркитанты, которые, по словам все того же Курбского, «приплыша безчисленное множество с различными живностями и со многими иными товарами», так что в русском лагере «бьяше всего достаток, чего бы душа восхотела»¹⁰⁸.

«Опочинов» в Свияжске три дня, 16 августа 1552 г. Иван IV отдал приказ войскам «возитися за реку» на «Казанскую сторону». 23 августа главные силы русского войска подступили к Казани и начали осадные работы. В ночь с 24 на 25 августа, отмечал летописец, «бысть буря велика, и шатром царским и по многим полком падшеша, а на Волзе в острове многие суды порозбило, царские запасы и всего воинства». Известия о бедствии, постигшем русский «кош», привело воинство Ивана в уныние и скорбь: третий поход, и третий раз погода властно вмешивается в планы и расчеты русского командования и рядовых ратников. Однако Иван (и его воеводы), предусмотрительно подстраховавшись на случай подобного форс-мажора, повелел «из Свиязьского города многие запасы привести, и недостаточным повелеше давати», сняв тем самым на время проблему со снабжением. Но, поскольку осада предполагалась долгой, то Иван отправил в Москву гонцов, «а велит к себе спешити с многою казною и з запасы многими, и **зазимовати хотяше тут** (выделено нами. – В. П.)...»¹⁰⁹.

Подвозом провианта и фуража из Свияжска и посылкой за припасами в Москву Иван IV и его воеводы не ограничивались. По обыкновению, как только войска разбили лагерь под стенами Казани и начали обустриваться на позициях, в окрестности Казани были разосланы отряды фуражиров-«кормыщиков»¹¹⁰. Однако их действия столкнулись с серьезными проблемами. Готовясь к осаде, казанцы «пожгоша сами посады своя и впряташася со всеми статками своими во град», поступив в строгом соответствии с тогдашними обычаями «как поидет рать, ино хлебы все свозят в городы, а сена пожгут»¹¹¹. Но даже не эта проблема была самой острой (хотя, безусловно, фуражироваться на местности, предварительно разоренной и опустошенной, большому войску было чрезвычайно сложно). Главная трудность заключалась в действиях оставшихся верным казанцам черемисов и татар, засевших в Арском остроге за

¹⁰⁵ Еще раз напомним о приказе Дмитрия Ивановича в 1380 г.: «Аще кто идет по Рязаньской земле, да никтоже ничемуже коснется, и ничтоже возьмет у кого, и ни единому власу коснется» (Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XI. М., 2000. С. 54). Отметим, правда, что это свидетельство довольно позднее, но даже если и так, то оно все равно фиксирует практику, которая действовала в XV–XVI вв.

¹⁰⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. С. 207.

¹⁰⁷ Ср.: Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков, 2005. С. 325, 326.

¹⁰⁸ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 34.

¹⁰⁹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 205.

¹¹⁰ См., например: Летописец начала царства. С. 100. Ср.: Московский летописный свод конца XV века. С. 315.

¹¹¹ История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 115; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. С. 130.

городом. Последние, по словам автора «Казанского летописца», не только «выеждя из острогов лестных, стужающе полком Руским... наеждяючи на станы, возмущаючи в нощи и в день, убиваючи от вои, и хватаючи живых, и стада конские отгоняючи», но непрестанно нападали на высылаемых из русского лагеря «кормышиков»¹¹². Как результат, «августа 30, в вторник, умыслил государь послати на тех людей, которые с лесу на полкы приходят на царские и на корьмовщиков»¹¹³.

Этой экспедиции придавалось тем большее значение, если принять во внимание сообщение Курбского о том, что после бури и гибели значительной части припасов осаждающие испытывали определенные проблемы со снабжением – провианта и фуража не хватало (60–70 тыс. лошадей должны были потреблять ежедневно не меньше 1800–2500 тонн травы, а 30–40-тысячная рать, без учета посохи, в перерасчете на сухари по полуголодной «норме» в 2100 ккал/сут. – около 18–24 тонн провианта, а с посохой и обозными – и того больше), а тот, что был, продавался купцами задорого¹¹⁴.

Поход сводной рати во главе с князем А. Б. Горбатым увенчался успехом, и, чтобы довершить поражение неприятеля, полностью обезопасить себя от возможных атак с тыла и пополнить запас провианта и фуража, Иван IV и его советники решили отправить сводную же трехполковую рать во главе со все тем же князем А. Б. Горбатым «на Арское место и на острог», которые, по словам А. М. Курбского, находились от Казани и от русского лагеря «дванадцать миль великих»¹¹⁵. 6 октября экспедиция началась, и очень скоро русские, разгромив неприятеля и взяв укрепленный острог на подступах к Арскому городищу, после чего «воюючи и села жгучи», двинулись к самому городищу и нашли его пустым. Простояв во взятом «месте» два дня, воеводы «роспустили войну» по всей Арской стороне и, по словам летописца, «повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали и много множество христианского полону свободили». При этом, согласно воеводской «отписке», «война их была на полтора ста верст поперег, а в долину и по Каму: села повыжгли и скот их побили и безчисленное множество скота с собою х Казани в полкы пригонили...»¹¹⁶.

Курбский к этому сообщению добавил, что разорение богатейшей «Арской стороны» длилось десять дней, и по итогам этого разорения в русском лагере была великая дешевизна на скот. Корову можно было купить за 10 «московок» (то есть за 5 копеек-новгородок. В 1550 г. в Подмоскovie корова стоила 70 московок¹¹⁷), а вола – втрое дешевле коровы¹¹⁸. Правда, похоже, что разосланным по «Арской стороне» отрядам «корьмовщиков» не удалось раздобыть сколько-нибудь достаточного количества хлеба. Во всяком случае, об этом ничего не сообщается ни в официальном летописании (про скот есть упоминание, а вот про хлеб – нет), ни у Курбского (рассказывая о богатствах «Арской стороны», он восторженно описывает «поля великие и зело преобилные» и множество хлебов, там родящихся, но потом замолкает и больше ничего о хлебе не говорит). Однако, судя по всему, с нехваткой хлеба удалось справиться, поскольку во второй половине сентября прибыли первые суда с «кормом»¹¹⁹, за которыми Иван IV послал в конце августа после памятной бури.

¹¹² История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 125; Летописец начала царства. С. 100. О серьезных проблемах, которые испытывали русские из-за набегов черемисов и татар, сообщает и Курбский (см.: *Курбский А. М.* История о делах великого князя московского. С. 42).

¹¹³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 208.

¹¹⁴ *Курбский А. М.* История о делах великого князя московского. С. 42.

¹¹⁵ Там же. С. 46; Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 210.

¹¹⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 211.

¹¹⁷ См.: *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 136.

¹¹⁸ *Курбский А. М.* История о делах великого князя московского. С. 48.

¹¹⁹ Об этом косвенно свидетельствует все тот же Курбский (*Курбский А. М.* История о делах великого князя московского. С. 62).

Таким образом, тщательная предварительная подготовка по заготовке и доставке к месту предполагаемых боевых действий запасов провианта, фуража и иных военных припасов, меры по защите команд фуражиров-«кормовщиков» (в том числе и организация специальной экспедиции по захвату неприятельских скота и хлеба), своевременная доставка взамен утонувшего или испорченного из-за бури продовольствия, выдача ратникам провианта и фуража из царских запасов и ряд других мер – все это позволило избежать за время растянувшейся более чем на полгода кампании серьезных, способных сорвать ее проблем, связанных с обеспечением многочисленного войска. Уроки неудачных кампаний начала XVI в. были в полной мере учтены, и повторения казусов Смоленской или Полоцкой кампаний 1502 и 1518 гг. не случилось. На этот раз московская «интендантская» служба сработала хоть и не как часы, но с необходимой точностью и эффективностью, обеспечив успешное завершение растянувшейся на семь лет (если вести ее отсчет от 1545 г.) войны с Казанью.

Успешный опыт организации снабжения государевой рати во время Казанской кампании 1552 г. позднее был повторен в ходе крупнейших военных предприятий Ивана Грозного – во время Полоцкого похода 1562–1563 гг., Молодинской кампании 1572 г., государева Ливонского похода 1577 г. Эта смешанная система исправно функционировала вплоть до 30-х гг. XVII в., когда в ходе Смоленской войны выявились ее недостатки, связанные с изменениями в структуре и составе войска, и потребовалось перестроить всю систему снабжения действующей армии.

Очерк II. Цена войны: военные расходы Русского государства в середине XV – начале XVII в.

В конце XV в. Европа неожиданно для себя открыла не только Новый Свет к западу от себя, но и могущественное, преисполненное достоинства и самомнения Русское государство на востоке. И, «конструируя» Россию, создавая для себя ее образ с тем, чтобы разместить его на своей ментальной Марра Mundi, европейские наблюдатели со смесью уважения, страха и восхищения писали о том, что-де москвит легко может призвать под свои знамена сотни тысяч конных и пеших воинов. Но не только «тмочисленность» московитских ратей поражала их, но еще и то, что все эти «безчисленные, аки пружи» полки обходились московскому государю чуть ли не даром. Так, имперский посланник Франческо да Колло, побывавший в России в 1518–1519 гг., в своем *Relatione sulla Moscovia* («Доношении о Московии») сообщал читателям, что «сей князь (Василий III. – В. П.) может поставить под ружье около 400 тысяч конников, по большей части лучников, а также других – копыеносцев и владеющих саблями, **при весьма малых расходах, ибо они воюют не по найму, но из любви, уважения, страха и подчинения** (выделено нами. – В. П.), и обильное питание является для них единственной наградой...». Впрочем, отмечал да Колло, особо доблестных воинов государь московский жаловал дорогой шубой или богатым кафтаном со своего царского плеча – и на этом, пожалуй, в трактовке венецианца, расходы московита на войну и заканчивались¹²⁰.

Как и откуда появился на свет такой взгляд – догадаться немудрено. Итальянские войны, полыхавшие в Европе с конца XV в., прочно вбили в головы и европейских монархов, и дипломатов, и военных, и интеллектуалов старую римскую максиму *Pecunia nervus belli* («Деньги – нерв войны»). И то, что, по словам кондотьера Джан-Джакомо Тривульцио, «для войны нужны три вещи – деньги, деньги и еще раз деньги», никого не удивляло, ибо, согласно популярной в те времена поговорке, *Point d'argent, point de Suisse* («нет денег, нет швейцарцев»). А наемники – швейцарцы, ландскнехты, рейтары и прочие, несть им числа (со времен Средневековья спрос на наемников в Западной Европе был стабильно высок, впрочем, равно как и предложение), – стоили совсем недешево. Каждый из них в отдельности обходился королевской казне, быть может, и не так чтобы и дорого – пеший дешевле, конный – чуть дороже. Так, в 1630–1632 гг. шведский король Густав-Адольф платил ежемесячно солдатам своей экспедиционной армии, высадившейся в Северной Германии, по 3 рейхсталера пехотинцу и 5 – рейтару. Но когда рейтар и ландскнехтов нужно было нанимать тысячами и десятками тысяч, и не на день-два или на неделю-другую, но на несколько месяцев, а то и лет – тут даже всех богатств обеих Индий могло оказаться недостаточно. Печальный опыт убедиться в этом имел король Испании Филипп II. Еще бы – к примеру, в 1574 г. доходы испанской короны составили 5 978 535 дукатов, тогда как расходы – 10 471 662 дуката (в том числе на содержание испанской армии в Нидерландах 3 737 229 дуката и на войну с турками еще 2 052 634 дуката – в сумме 5 789 863 дуката, почти весь доход казны). Таким образом, дефицит бюджета составил 4 493 127 дуката¹²¹.

На фоне всех этих совершенно немыслимых еще столетие-другое назад трат военных расходы московского государя действительно могли показаться европейским наблюдателям совершенно несущественными, мизерными и не заслуживающими внимания. Но так ли это было на самом деле? Попробуем ответить на этот вопрос.

Увы, но дать однозначный ответ на него при нынешнем состоянии наших знаний о финансах Русского государства «классической» эпохи (то есть до Смутного времени) невоз-

¹²⁰ Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. М., 1996. С. 60, 61.

¹²¹ Parker G. Spain and Netherlands 1559–1659: Ten studies. L., 1979. P. 32.

можно. И связано это даже не столько и не только с тем, что московские архивы XVI в., не важно, царский ли это архив или же приказные, сильно пострадали (достаточно вспомнить пожары 1547 и 1571 гг., сожжение Москвы поляками в 1611 г. и знаменитый пожар 1626 г.). Нет, тут нужно вести речь о том, что Московия XVI в. (впрочем, как и все современные ей государства Европы и Азии) весьма существенно отличалась от нынешних государств с их «регулярной» бюрократией, отлаженными административными практиками, «консолидированным» (выражаясь современным бюрократическим «новоязом») государственным бюджетом и прочими подобными вещами, характерными для государства Нового времени. Россия только-только вступила на этот путь, и не стоит ожидать от нее такой же эффективности и «прозрачности», как от государств XIX и тем более XX в.

Нет, конечно, сомневаться в том, что где-то в недрах матереющей постепенно московской бюрократии достаточно рано начали вести записи о приходе и расходе средств, не приходится. Точно так же нет сомнений и в том, что со времен Ивана Грозного, с того момента, как работа административного аппарата подверглась существенной регламентации и упорядочиванию, аналогичной процедуре была подвергнута и сфера государственных приходов-расходов. Однако составлялась ли сводная ведомость-смета, в которой был бы расписан по статьям государственный бюджет, – на этот вопрос ответ будет, скорее всего, отрицательным. Во всяком случае, немецкий авантюрист Г. Штаден писал, что в 60-х – начале 70-х гг. XVI в. действовала практика, когда «доход страны в деньгах распределялся так, чтобы в каждом приказе были деньги». При необходимости же, «если ни один приказ не давал денег, то каждый имел от другого приказа подписанную память», то есть в случае необходимости средства могли «переводиться» из одного приказа в другой¹²².

Если Штаден ничего не напутал (сложно ожидать, что иноземец, да еще и «подлого» происхождения, был допущен в святая святых государства и был хорошо осведомлен об особенностях функционирования московской бюрократии и административных практик), то выходит, что единый «государственный бюджет» с соответствующими статьями расходов и доходов в «классическую» эпоху не верстался. Соответственно, и специальной статьи, куда были бы занесены все «ординарные» расходы на ратную силу, не было. И связано это было, очевидно, в первую очередь с особенностями функционирования московской приказной системы, когда приказы выступали «универсальной» административной структурой, решавшей все вопросы, связанные с ведением дел в той сфере, за которую они отвечали. Об этом свидетельствует, к примеру, и беглый московский подьячий Григорий Котошихин. Так, по его словам, всякий денежный сбор с Казани, Астрахани и приписанных к ним понизовых (то есть расположенных на Волге) городов расходует «на жалованье ратным и служилым людям, и кормовым, и ясачным, и на всякие росходы...». Точно так же, продолжал Котошихин, Стрелецкий приказ собирал с тяглецов деньги и провиант и распределял среди подведомственных ему стрельцов полагающееся им государево денежное, кормовое (хлебом и солью) и вещевое (прежде всего сукно на служилое платье) жалованье (напомним, что рядовые стрельцы, в отличие от стрелецких же начальных людей, сотников и голов, долгое время не имели поместных дач и иных способов пополнить свой домашний бюджет)¹²³.

Вместе с тем есть любопытное свидетельство английского дипломата Дж. Флетчера, который приезжал в Москву в 1588 г. (источником сведений для него стали купцы английской Московской компании, прежде всего Дж. Горсей). Согласно ему, у московских «финансистов» была в ходу практика, когда после того, как приказы израсходуют поступившие на их «счета» средства на оплату ординарных расходов, образовавшийся излишек (буде таковой появится)

¹²² Штаден Г. Записки о Московии. Т. I. С. 83.

¹²³ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 112, 114. Сведения Котошихина относятся к середине XVII в., но есть основания полагать, что принятая тогда приказная практика была продолжением той, что сформировалась во 2-й половине XVI в.

средств передавался в приказ Большого прихода, а оттуда – в приказ Казенного двора (попросту говоря – в царскую казну). И, согласно расчету Флетчера, таких излишков (не считая платежей натурой – тех же мехов и разного рода конфиската, чрезвычайных платежей и пр.), ежегодно таких поступлений в государеву казну было почти 1,5 млн рублей¹²⁴. Чтобы представить размер этой суммы, можно перевести ее в вес серебра – если копейка-новгородка весила тогда примерно 0,68 г, то в чистом серебре в царских подвалах ежегодно (в «хорошие», «тучные» годы) аккумулировалось около 100 тонн драгоценного металла. Если же перевести эту сумму в хлеб, то по ценам на московском рынке в 1588 г., составлявшим 25 новгородок за четверть ржи, на эти деньги можно было купить 24 млн пудов ржи, чего хватило бы (при «норме» в 24 пуда в год на взрослого мужчину-работника) на прокорм в течение года, почитай, 1 млн мужиков. Остается лишь вопрос: насколько точна информация Флетчера и насколько можно ей доверять?¹²⁵ Пожалуй, стоит согласиться с мнением историка М. М. Крома, который писал, что «едва ли кто-либо в Москве 1589 года – даже фактический правитель страны, боярин Борис Федорович Годунов, – мог бы назвать точную сумму доходов царя (порядок в этой сфере не удалось навести и в «просвещенном» XVIII в. – В. П.)». «И дело не только в том, что сбор налогов и пошлин был разделен между несколькими ведомствами и никакой счетной палаты еще не существовало», – продолжал дальше свою мысль историк, – сколько в том, что «в слабо монетизированной экономике, каковую представляла собой Россия, богатства накапливались не только в денежной форме (хотя значение денег и возросло во второй половине XVI столетия), но и в виде натуральных продуктов»¹²⁶.

Однако нас интересуют, конечно, не столько и не только эти любопытные подробности относительно устройства московской финансовой и налоговой системы и насколько точно отразил их в своих записках Флетчер, сколько собственно военные расходы Русского государства и их размеры. Мы не случайно несколько раз, характеризуя траты на ратную силу, упомянули про «ординарные» расходы, под которыми мы понимаем в первую очередь более или менее регулярные выплаты из государевой и приказной казны служилым людям и оплату счетов по текущим военным расходам.

В первом приближении можно предположить, что, говоря об «ординарных» расходах, к ним стоит отнести в первую очередь ежегодные (впрочем, если судить по отдельным актовым материалам, то и чаще – раз в полгода как минимум) выплаты государева жалованья ратным людям, закупки провианта и фуража, а также необходимой амуниции и снаряжения. При этом складывается впечатление, что по мере изменения структуры и устройства московской военной силы эта статья военных расходов росла.

Однако не секрет, что, помимо обычных повседневных трат, всегда возникают расходы, не вписанные в бюджет изначально. К таким, условно говоря, «экстраординарным» расходам мы бы отнесли в первую очередь средства, которые выделялись из казны на проведение отдельных кампаний, награды и пожалования отличившимся ратным людям, выплаты посошным людям и прочие подобные вещи. Надо полагать, что эти «экстраординарные» расходы покрывались именно за счет саккумулированных в царской и приказной казне излишков, оставшихся после «ординарных» выплат. При этом, зная примерную численность ратных людей (о чем будет сказано далее), представить размер «ординарных» расходов, можно (хотя, конечно, очень и очень приблизительно), то с «экстраординарными» это будет сделать сложнее. И связано это опять же с особенностями московских административных практик.

¹²⁴ См.: Флетчер Дж. О государстве Русском. С. 60–64.

¹²⁵ Так, русский историк С. М. Середонин, подробно проанализировав записки английского дипломата, пришел к выводу, что англичанин серьезно зависил размеры доходов русского государя (*Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник.* СПб., 1891. С. 317, 322–323).

¹²⁶ Кром М. М. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. С. 182.

Необходимое в этом случае пояснение. Русское государство (впрочем, как и все европейские, и не только, государства позднего Средневековья – раннего Нового времени) в силу объективных причин (отсутствие необходимого опыта строительства и поддержания работоспособности соответствующего административного аппарата, в особенности той его части, что отвечала за поддержание порядка – полиции и прочих аналогичных силовых структур; неразвитость инфраструктуры; нехватка не только образованных людей, но просто грамотных; вечный и неизбывный дефицит бюджета, в особенности с началом войны – как образно выразился В. О. Ключевский, «рать вконец заедала казну»¹²⁷, и т. д. и т. п.) отнюдь не представляло собой пресловутого гоббсовского Левиафана. Нет, напротив, Москва, заинтересованная в лояльности своих подданных (а как иначе можно будет их контролировать и добиваться от них исполнения своих обязанностей?), была вынуждена идти на сотрудничество, своего рода партнерство с «землей» и в известном смысле разделение сфер компетенции.

Образно говоря, все, что относилось до внешней политики, дипломатии, войны и мира, сношений с другими государями, верховной юрисдикции и т. п., считалось по традиции «делом государевым» и относилось к компетенции самого государя и его советников в лице Боярской думы и высшей приказной бюрократии, сплоченными рядами окружавшими трон. Местное же самоуправление, «дело земское» (в том числе разверстка и взимание налогов, выполнение повинностей, поддержание порядка и наказание правонарушений, не относящихся к особо тяжким и потому подлежащих государеву суду), находилось в ведении «земли», точнее, выборных «лутчих» «земских людей», облеченных доверием «земли». Однако в случае войны с иноземным супостатом государь был вправе требовать от «земли» соответствующей подмоги деньгами, людьми и всем прочим, что необходимо для ведения боевых действий. И хотя война как продолжение политики другими средствами (а в XVI в., веке экспансии – по меткому замечанию британского историка Р. Маккенни, эта максима К. фон Клаузевица была более чем актуальна!), безусловно, относилась к «делу государеву», «земля», демонстрируя свою лояльность (и ожидая взамен ответных шагов со стороны государя), шла навстречу государеву желанию,

стелина корму не дают, ни коня моево не кормят, ни сен не косят, ни тукового, ни закосного не дают, ни к соцким, ни к десяцким с тяглыми людьми не тянут ни в какие про-торы, ни в розметы, ни иных им некоторые пошлины не надобе...»¹²⁸

Для сравнения можно привести цитату (просим прощения у читателей за ее размер, но это место из жалованной грамоты стоит того, чтобы привести его полностью!) из другого, более позднего аналогичного акта, который выпросили у только что выбранного царем юного Михаила Федоровича монахи Николо-Угрешского монастыря. «Монастырским людем и крестьяном не надобе моя, – жаловал своих богомольцев государь, – царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, данная, и ямьская, и полоненичные, и подможные денги, и плавные казаки денег не дают, и за емчужное, и за городовое дело, и за засечное денег не дают же, ни тамги, ни мыта, ни явки, ни перевозу, ни померу, ни посошных людей ни в которые города не дают. И в наших селех дворцовых и в подклетных, и в конюшенных дворов наших, и конюшен, и притонов стадных, и прудов, и намесничьих и волостелиных, ни ямских, ни охотничьих дворов и на ямех с подводами не стоят, и на ями охотников не выбирают и не дают, и городов не делают, и не кроют, и рву не копают, и острогов и надолоб не ставят, и к ямчужному делу сору и дров не дают, и ямчюги не варят, и амбаров ямчужных не делают, и в судовую во всякую поделку не дают. И к пушечному делу на пушечной запас волоков, и колес, и саней, и канатов, и лну, и поскони, и смолы, и холстов, и всяких запасов не дают и не делают, и к зелейному и к пушечному делу уголья и никаких запасов не возят и не дают. И тюрем не ставят, и у тюрем сторожа их не стерегут, и целовалников к тюрьмам и к губным делам и к ямчужному делу, ни к тамге, ни к денежному збору, ни к секам, ни к пороховой казне, ни на кабак, ни в ценовщики, ни з дозорщики, ни в дозор, ни к замолоту, ни к сноповому, ни к пятинному, ни к опалному хлебу, ни к которым делам они не дают».

Но это еще не все. Далее Михаил Федорович своей царской милостью жаловал монахов освобождением от следующих повинностей: «И к моему, цареву и великого князя, объезду по станом моих столовых и боярских запасов и конских кормов не дают, и с подводами не стоят, и по дорогам мостов нигде не мостят, и каменя и извести и лесу не возят, и ядер каменных не делают, и хлеба моего не молотят и не возят, и сен моих не косят и не возят, и закащиком пошлин их не дают, ни нивиц наших, ни взгонов не пахут и семен на нивицы и на взгоны не дают, и в наших опалных селех не стерегут, и коня моего не кормят, ни тукового и ни засечных, ни покопанных денег не дают, и пятенного и подымного не дают, и ягод и рыжиков и цветов не берут. Ни посолских кормов по станом столовых и подвод и подводников не дают, также и татарских кормов столовых и конских, ни подвод, ни проводников, и казачьих кормов, и стрельцакого хлеба и денег не дают, и в кормленья вотчину их не отдают. И наши послалники в их монастырскую вотчину ни пошто не въезжают, и крестьян их не наряжают, ни подвод, ни проводников, ни кормов своих и конских не емлют... И наши всякие послалники и кормовщики в их монастырские вотчины и на дороге и по торгом у их слуг и у крестьян и у всяких монастырских людей подвод и кормов своих и проводников не емлют, и посланникам судов и гребцов не дают. И канатов к московскому живому мосту не делают и не дают, и на лоси, и на медведи, и на волки, и на лисицы не ездят, и собак моих не кормят, и подвод не дают...»

Наконец, в грамоте четко и недвусмысленно прописывалось, что «ратные люди и проезжие в их монастырской вотчине не ставятца и кормов силно не емлют. А станут ратные люди или проезжие, и оне корм себе и лошадям купят по цене»¹²⁹.

¹²⁸ Жалованная обельно-несудимая, на данного пристава, двусрочная, на конское пятно, преозжа и заповедная (от ездовых и незваных гостей) грамота ц. Ивана Васильевича арх. Чудова м-ря Левкию на монастырские вотчины в Московском, Дмитровском, Звенигородском, Коломенском, Хотунском, Зубцовском, Переславском, Угличском, Владимирском и Стародубе Рязоловском уу. // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 114–115.

¹²⁹ Жалованная подтвердительная тарханно-несудимая, на данного пристава, односрочная, заповедная (от ездовых и незваных гостей), тарханно-проезжая и на конское пятно грамота ц. Михаила Федоровича иг. Ник. Угр. м-ря Киприану и казначею

Нетрудно заметить, что и в первом, и во втором (здесь список существенно расширенный) случаях перечень повинностей, имеющих прямое отношение к «делу государеву» и которые «земля» обязана была нести, весьма и весьма внушительный. Здесь и снабжение войск провиантом и фуражом, и строительство укреплений («городовое дело»), и дорожные работы, и производство столь важного для изготовления пороха компонента, как «ямчуг»-селитра, и даже такая необычная повинность – изготовление каменных ядер для государева наряда по присланным из Москвы меркам-кружалам, и многое другое. Исполнялись они преимущественно «натурой» (хотя в актах встречались упоминания о том, что иногда разрешалось тяглецам заменить «натуру» деньгами, причем, похоже, что тенденция к «монетизации» повинностей во 2-й половине XVI в. нарастала), почему и сложно перевести их в звонкую монету. При этом вся эта колоссальная и дорогостоящая работа казне не стоила ничего или почти ничего, ибо она тяжким грузом ложилась на плечи крестьян и посадских людей. Они расходовали на ее выполнение и свое время, и свои деньги, и свои силы (впрочем, зачастую только деньги, ибо в обычае было не самим идти в посоху, мостить дороги, делать мосты или заниматься городovým делом, но нанимать за деньги, и достаточно серьезные по тем временам, для этого дела всяких «казаков», «гулящих людей» и «захребетников»). Формально эти траты, не проходящие по соответствующим статьям расходов казны и приказов, никак нельзя отнести к военным расходам, а на деле?

Понятно, что при таких раскладах структура военных расходов Русского государства при том же Иване Грозном была несколько иной, чем, к примеру, в Испании при Филиппе II. Но значило ли это, что Ивану III, его сыну и внуку война если и не стоила ничего, то, во всяком случае, обходилась дешево? Безусловно, нет. Конечно, точное, до копейки или хотя бы до рубля, исчисление, во что обходилась война и отдельные кампании и походы Русскому государству в «классический» период его истории, произвести невозможно. Однако, на наш взгляд, представить относительный порядок цифр расходов «на дело государево и на земское», ординарных и экстраординарных, из государевой казны и казны приказной все же можно. Конечно, эти расчеты будут носить очень приблизительный характер, но все же они позволят составить примерное представление о том, сколько стоила война Ивану Васильевичу.

Для начала попробуем прикинуть размер ординарных расходов, понимая под ними в первую очередь денежное жалованье служилым людям всяких чинов (хлебное жалованье, можно предположить, выплачивалось натурой из царских закровов или, позднее, со времен царя Бориса Годунова, за счет так называемой «десятинной пашни»). И здесь мы снова сталкиваемся с определенными противоречиями и неувязками. Прежде всего отметим: что бы там ни писали иностранные наблюдатели о том, что-де московские ратные люди, дети боярские в первую очередь, служат своему государю из чести, довольствуясь малым, однако же из документов следует, что определенное жалованье от казны им все же выплачивалось. На это обстоятельство, кстати, указывал все тот же имперский дипломат и мемуарист барон С. Герберштейн, оставивший весьма подробные и объемистые записи о своем пребывании в загадочной Московии. Он отмечал, что Василий III детей боярских средней руки и тем более бедных «ежегодно принимает к себе и содержит, назначив им жалованье, но не одинаковое. Те, кому он платит в год по шести золотых (в латинском варианте текста использован термин *aurei*, а в немецком *gulden*. – В. П.), получают жалованье через два года на третий; те же, кому каждый год дается по двенадцать золотых (что имел в виду Герберштейн, говоря о «золотых», – неясно, можно лишь предположить, что речь шла о рублях, которые тогда на Руси существовали лишь в виде

Александрю на монастырские вотчины в Московском, Коломенском, Клинском, Переславском, Ростовском, Костромском, Вологодском, Тотемском и Нижегородском уу. // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. С. 65–68.

счетной единицы. – В. П.), должны быть без всякой задержки готовы к исполнению любой службы на собственный счет и даже с несколькими лошадьми...»¹³⁰.

Размеры этого денежного жалованья (ранжированного в соответствии со статусом сына боярского, его «дородством» и личными заслугами. В «Повести о победах Московского государства» описано такое «ранжирование», учиненное якобы Василием III после взятия Смоленска в 1514 г.: «Разобрав их (смоленских «бояр». – В. П.) на три стати против их чести, и повеле им особой список учинити. От того бо времени уставися чин во граде Смоленске. Егда бысть смотр, первое повеле государь своих государевых дворян града Смоленска по их дворянскому списку кликати: первое – первую статью, потом же – среднюю и потом – меньшую. После же дворянсково списку повеле государь земцовский список кликати: 1-е – первую статью, потом же – среднюю и меньшую»¹³¹) могли достигать весьма существенных сумм. Так, в знаменитой «Боярской книге» 1556 г., книге раздачи денежного жалованья выборным детям боярским, занесенным в список государева полка, служивые, в зависимости от статьи (сохранилась та часть книги, в которой были расписаны дачи жалованья по 11-й – 25-й статьям), получали от 50 рублей до 6, не считая доплат за «передаточных» против Уложения о службе людей. Однако это выборные дети боярские, элита, лучшие из лучших, «кутазники и аргумачники», а провинциальные дети боярские не могли рассчитывать на столь же крупные суммы выплат, хотя определенное государево денежное жалованье им все же полагалось. По мнению исследовавшего этот вопрос М. Г. Кротова, в XVI – начале XVII в. за время своей службы дети боярские сперва, будучи поверстанными на государеву службу, сперва получали небольшой оклад, так называемые «новичные деньги». Затем, по прошествии определенного срока службы после очередного «верстанья», они получали новый, повышенный оклад (если заслужили, конечно), «другие деньги» (максимум – 12 рублей). И, наконец, на закате своей карьеры они получали новую прибавку, и эти «свершенные деньги» (не более 14 рублей) получали всю оставшуюся жизнь¹³².

Мы бы осторожно предположили, что повышение положенного жалованья было (на первых порах?) кратно 15 годам (то есть соответствовало принятому в Византии счету лет по индиктам, составлявшим именно 15 лет и отражавшим принятую в поздней Римской, а потом и в Византийской империи практику раз в 15 лет проводить перепись населения). Впрочем, нельзя исключить и того обстоятельства, что соответствующие «верстанья» (со временем) проводились и чаще. Так, к примеру, М. Г. Кротов отмечал, что за полстолетия, с 1556 по 1608 г., было проведено не меньше 14 общегосударственных смотров детей боярских¹³³, многие из которых, судя по всему, сопровождалась пересмотром ставок государева денежного жалованья. Но вот что касается регулярности выплат «первых», «других» и «свершенных» денег – тут остаются вопросы. По причине крайне неудовлетворительного состояния архивов мы не знаем достоверно, насколько регулярно выплачивалось детям боярским государево денежное жалованье. И снова осторожно мы бы предположили, что на первых порах оно носило по отношению к поместным окладам вспомогательный характер, и дети боярские служили изначально «с земли». Однако, по мере дробления вотчин, усиливающегося расхождения между номинальным и реальным поместным окладом и аграрным кризисом, захватывавшим все больше и больше уездов и волостей Русского государства¹³⁴, нести государеву службу «конно, людно и оружно» дети боярские могли все чаще и чаще лишь при условии более или менее регулярной (ежегодной? Во всяком случае, в летописной выписке из царского приговора «з братиею и з

¹³⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 89.

¹³¹ Повесть о победах Московского государства. М., 1982. С. 28.

¹³² См., например: Кротов М. Г. Источники реконструкции десятилет XVI–XVII вв. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сборник статей. М., 1983. С. 59.

¹³³ Там же. С. 51.

¹³⁴ О кризисе см., например: Кольчева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 169 и далее.

бояры» «о кормлениях и о службе» 7064, то есть 1555/56 г. сказано, что государь «бояр же и велмож и всех воинов устроил кормлением, праведными уроками, ему же достоин по отечеству и дородству, а городовым в четвертой год, а иных в третьей год денежным жалованием»¹³⁵) выплаты им причитающихся от казны денег. Само собой, не стоит забывать также и о разного рода разовых «дачах» и государевом пожаловании за заслуги.

В еще большей степени, чем дети боярские, служилые люди «по отечеству», зависели от регулярной выплаты государева денежного (и не только) жалования служилые люди «по прибору». К ним относились стрельцы, пушкари, служилые казаки, воротники и иные прочие ратные люди «всяких чинов», не вышедшие «породой» и не поверстанные в дети боярские. Не имея земельных дач, они служили, как правило, за денежное и кормовое жалование (не считая разовых выдач сукна на служилое платье, а также оружия, пороха и свинца). О размерах этого жалования могут свидетельствовать некоторые сохранившиеся цифры в актах 2-й половины XVI в. и свидетельствах современников. Так, в известном летописном отрывке о создании корпуса стрельцов в 1550 г. молодой Иван Грозный жаловал их своим денежным жалованием в размере 4 рублей в год¹³⁶. На Соловках монашеская братия, нанимая на службу стрельцов, в первый год обещала платить им сперва 1,5 рубля, а спустя четыре года – уже по 4 рубля человеку, не считая того, что на время несения службы в самом монастыре стрельцы питались с монастырской кухни и получали из монастырской казны оружие и «зелье»¹³⁷. Согласно же Дж. Флетчеру, московские стрельцы получали в год по 7 рублей деньгами и вдобавок к ним по 12 мер ржи и овса (надо полагать, что под мерой имелась в виду четверть, которая составляла тогда 4 пуда ржи или примерно 6 – овса)¹³⁸. Примерно о том же писал и французский авантюрист-наемник на службе Бориса Годунова и Лжедмитрия I Ж. Маржерет. По его свидетельству, стрелецкие «капралы» «императорской гвардии» (надо полагать, пятидесятники и десятники московских стрелецких приказов. – В. П.) ежегодно получали от царской казны до 10 рублей, а рядовые московские стрельцы – 4–5 рублей и еще по 12 четвертей ржи и ячменя (скорее всего, речь шла все же не о ячмене, а об овсе. – В. П.)¹³⁹.

Это жалование выплачивалось им обычно частями, раз в полгода («жалование имати годом на два срока») или же ежегодно (например, летом, на Петрово заговейно, то есть в июне, или в октябре, на Покрова Святой Богородицы)¹⁴⁰. Кстати, порядок выплаты жалования был строго регламентирован во избежание злоупотреблений и воровства. Так, в 1549 г. Иван IV наказывал сыну боярскому Ивану Голохвастову, отправленному в Козельск с казной для раздачи кормового жалования служилым татарам, чтобы сын боярский, прибыв на место, «тех татар по списку пересмотрил и людей их по именам переписал, сколько с ними их людей и их лошадей», после чего раздал бы жалование, «а розход бы еси тем денгам велел писати у себя сыну боярскому, да те бы еси книги татарского розходу, приехав в Москву, отдал диаку нашему Постнику Путятину»¹⁴¹.

Вместе с тем необходимо упомянуть еще и о наемниках, которые пусть и в небольшом числе, но водились на службе у москвитя. Начало практике привлечения иностранцев на русскую службу положил Иван III, при котором в России осело немало иностранных технических специалистов – пушечных дел мастеров, инженеров-фортификаторов и других. При Василии III практика привлечения иноземцев на службу существенно расширилась – наем-

¹³⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 268.

¹³⁶ Русский Хронограф // ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005. С. 532.

¹³⁷ Приходно-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. М.; СПб., 2013. С. 186, 221, 226.

¹³⁸ Флетчер Дж. О государстве Русском. С. 79.

¹³⁹ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 172.

¹⁴⁰ См., например: Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. 1. М., 1853. С. 87–88.

¹⁴¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. I. С. 51.

ники, пешие и конные, участвовали в составе ратей Василия III в войне с Великим княжеством Литовским в 1512–1522 гг., а часть из них осталась на постоянной службе и после окончания войны (для них была возведена под Москвой специальная слобода¹⁴²).

Сын Василия Иван продолжил эту практику, особенно на завершающем этапе Войны за ливонское наследство. Правда, наемники, по преимуществу поляки и выходцы из Великого княжества Литовского, составляли меньшую часть московского войска. Тот же Флетчер писал, что при Федоре Иоанновиче списочный состав русского войска составлял более 90 тыс. пеших и конных, тогда наемников, с оружием в руках служивших московскому государю, насчитывалось тогда немногим больше 4 тыс¹⁴³. И поскольку поместными окладами служилых иноземцев тогда старались не жаловать, то главным источником их существования оставалось государевое денежное и кормовое жалованье.

О размерах этого жалованья в конце правления Ивана Грозного можно судить по царской грамоте, датированной июлем 1582 г. Согласно ей, расквартированные в Коломне «литовские люди» (всего 91 человек и еще 47 «служебников» – слуг или пахолков) рот ротмистров Т. Севрюцкого и М. Мизина должны были получить «на корм» «против прежнего вполь» (то есть половинное жалованье – не потому ли, что на южном фронтире было в это время спокойно? – В. П.) почти 40 рублей. И это половинное месячное жалованье составляло самим ротмистрам по алтыну (3 копейки) в день, «товарищам их, в первой статье по четыре деньги на день человеку (то есть по 2 копейки. – В. П.), другой статье по полчетверте денге человеку на день (то есть по 3,5 деньги. – В. П.), третьей статье по три денги человеку на день, четвертой статье по полутретье денге человеку на день, пятой статье по две денги человеку на день, а служебником их по полуторе денге человеку на день...»¹⁴⁴.

Попробуем, исходя из этих цифр, прикинуть нижнюю планку ординарных расходов, имея в виду ежегодные выплаты денежного жалованья служилым людям всех чинов, исходя из сохранившихся в актовых материалах сведениях о размерах выплат и их регулярности (примем за аксиому установившийся во второй половине правления Ивана Грозного ежегодный характер выплат – не только стрельцам и пушкарям, но и детям боярским, которым без денежного государева жалованья было все сложнее «подняться» на службу).

Проще рассчитать стоимость «кормовых» денег, полагававшихся наемникам. Взяв за основу роспись жалованья людям ротмистров Т. Севрюцкого и М. Мизина, мы выходим на цифру около 14–15 тыс. рублей (и это, напомним, половинное жалованье) в год. Еще около 80–90 тыс. рублей (если брать за основу приведенные Дж. Флетчером цифры) уйдет на жалованье стрельцам, а если взять казаков, пушкарей, затынщиков и пр., то сумма потребных на выплату им государева денежного жалованья средств легко перевалит за 100 тыс. рублей. Еще около 100 тыс. (95 тыс., согласно Флетчеру, и из его рассказа следует, что это половинное жалованье) рублей уйдет на выплаты детям боярским. Однако нам эта сумма представляется, скорее всего, заниженной. В том же Полоцком походе 1562–1563 гг. участвовало около 18 тыс. детей боярских, и это явно не все служивые, занесенные в соответствующие списки Разрядного приказа. И если предположить, что они получали, как новгородский помещик Семен Пестриков в 1556 г., «по шти рублев» государева денежного жалованья, то и тогда выходит в год более 100 тыс. рублей. Детей же боярских было, вне всякого сомнения, существенно больше 18 тыс., и оклады у них были также в среднем явно не 6 рублей. Поэтому, если мы посчитаем, что на выплаты служилым людям «по отечеству» казна ежегодно расходовала порядка 250–300 тыс. рублей, то вряд ли мы сильно погрешим против истины. И общая сумма ежегодных ординарных военных расходов (только денежное жалованье служилым людям) в 350–400 тыс. рублей

¹⁴² См.: Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 245, 293.

¹⁴³ Флетчер Дж. О государстве Русском. С. 79.

¹⁴⁴ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. I. С. 75.

в мирное (относительно, конечно) время вовсе не выглядит чрезмерной. Скорее наоборот, это как раз и будет та самая нижняя планка этих расходов, которые на деле были, видимо, выше.

Прикинув приблизительно минимальный размер ординарных расходов (подчеркнем, что речь шла только о денежных выплатах служилым людям), попробуем рассчитать размеры экстраординарных, понимая под ними в первую очередь расходы на проведение одной кампании или крупного военного предприятия. Можно ли сделать такие расчеты? Пожалуй, на этот вопрос мы ответим утвердительно, хотя, конечно, наши расчеты будут иметь достаточно приблизительный характер и, касаясь преимущественно затрат из государственной казны, денежных и натуральных, покажут опять же вероятную нижнюю планку расходов. Сохранилось несколько достаточно подробных походных росписей 2-й половины XVI в. – «разряды» Полоцкого похода 1562–1563 гг., Молодинской кампании 1572 г. и Ливонского похода Ивана Грозного 1577 г. Взяв за основу сведения, что сохранились в разрядных книгах относительно последнего похода, и попробуем рассчитать, во что обошлось казне Ивана Грозного его «бранная лютость», обращенная против непонятливых ливонских «немцев».

Согласно разрядным записям, царское войско в том походе насчитывало несколько больше 7 тыс. детей боярских всех статей (точнее, 7279 чел.), 1280 государевых стрельцов и 5190 стрельцов земских, 1440 казаков, татар и прочих инородцев 4229 чел. Кроме того, при обозе и при наряде была многочисленная посоха – 8193 пешей и 4237 «коневой» (то есть с повозками)¹⁴⁵. Еще при войске было некоторое количество послужильцев детей боярских, но для наших расчетов их численность не принципиальна, поскольку в любом случае государево денежное жалованье, «подъемные», для похода получали дети боярские в зависимости от той статьи, в которую они были записаны, но не их боевые и кошевые слуги. Таким образом, округляя, можно полагать, что с собой Иван взял «строевых» (без учета всякого рода послужильцев) 19,4 тыс. «сабель и пицалей», «нестроевых» (посохи) – 12,3 тыс. и порядка 40–50 тыс. лошадей (минимум).

Теперь, зная примерный порядок цифр, показывающих численность выставленной Иваном Грозным полевой армии, попробуем вычислить, сколько государева казна должна была израсходовать средств на выдачу денежного жалованья ратникам и посошным людям. С последними проще всего – в псковских летописях сохранилось немало сведений о том, сколько и в каком порядке посошные получали денег за свою службу. Кампания 1577 г. длилась примерно с апреля по сентябрь, то есть полгода, а по «полоцкому» счету посоха получала в месяц на пешего по 2 рубля, а на конного – 5 рублей¹⁴⁶. Следовательно, выплаты жалованья посошным в месяц составляли около 37 тыс. рублей, а на полгода – около 220 тыс. рублей. Остается вопрос: откуда брались деньги на посошных, оплачивали ли их труды казна или же «земля»? Ранее мы предполагали, что жалованье посохе выплачивала казна, однако, проанализировав сведения псковских летописей и акты материалы, сегодня мы склоняемся к тому, что расходы на содержание посохи брала на себя «земля». Характерна жалоба псковского летописца на возложенную на «землю» Иваном Грозным «тягость», когда государь «повеле правити посоху под наряд и мосты мостити в Ливонскую землю и Вифлянскую, и зелейную руду збирати; и **от того налога и правезу вси люди е новгородцы и псковичи обнищаша и в посоху поидоша сами, а давать стало нечево** (выделено нами. – *В. П.*)...»¹⁴⁷. Из этой летописной фразы следует, что «земля» выставляла от себя на государеву службу нужное количество людей и коней, нанимая всевозможных «охочих» людей-добровольцев из числа «казаков» и всякого рода «захребетников», со всем необходимым или соответствующий денежный эквивалент, ну а когда это стало невозможным, то была вынуждена являться на службу сама. Впрочем, пол-

¹⁴⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. III. М., 1982. С. 458–464.

¹⁴⁶ См.: Псковская 3-я летопись. С. 240, 244.

¹⁴⁷ Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского 2-го списка // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 261.

ностью исключить вариант с тем, что содержание посохи брала на себя казна, видимо, нельзя – во всяком случае, тогда возникает вопрос о предназначении пресловутых «посошных денег», от взимания которых освобождались те же крестьяне, жившие на землях, принадлежавших Чудову монастырю.

Теперь о стрелецком жалованье. В аналогичном случае, когда в 1591 г. 500 конных стрельцов были вызваны из Астрахани на северо-запад, для участия в походе на шведов, по царскому указу велено было выдать стрельцам «сверх годового нашего жалованья по полтине человеку, а годовое денежное и хлебное жалованье велели дати сполна» (любопытно, но и в конце 1555 г., во время «Немецкого» похода, стрельцам и казакам, откомандированным в «действующую» армию, также выдавали «подъемных» по полтине на человека, «пересмотря на лицо») ¹⁴⁸. Если взять встречающиеся в актовых материалах суммы в 2–3 рубля ¹⁴⁹, что выдавались стрельцам и казакам, выступающим в поход, и добавить к этой сумме полтину, то выходит, что расходы казны на денежное жалованье стрельцам и казакам в Ливонском походе составили бы в среднем около 25 тыс. или более рублей.

Теперь о жалованье детям боярским. Накануне похода, весной 1577 г., был устроен смотр детям боярским с их разбором по статьям и выплатой государева денежного жалованья в качестве своего рода «подъемных» для того, чтобы служилые люди могли снарядиться на государеву ратную службу как положено, «конно, людно, оружно и збройно». По аналогии с разбором детей боярских Рязска, что был осуществлен в 1579 г. и сопровождался постатейной денежной выплатой ¹⁵⁰, будем исходить из того, что в среднем сын боярский получал «подъемных» по 5–6 рублей. И в таком случае выплаты для 7 тыс. детей боярских обошлись бы царской казне примерно 35–40 тыс. рублей, не меньше, а то и более.

Денежные выплаты полагались и служилым татарам – выше мы уже отмечали, сколько им полагалось «кормовых денег» от казны с тем, чтобы «крестьянству того для дорогою силы и грабежу кормового не было», но покупали они себе и лошадям своим корм по цене, по которой им провиант и фураж будут продавать. Из расчета на полденьги на человека на всю кампанию длительностью в полгода можно заключить, что на содержание служилых татар и прочих инородцев будет израсходовано около 2 тыс. рублей.

Подведем предварительный итог. Только на выплату денежного жалованья при подготовке и проведении Ливонской кампании 1577 г. как служилым людям всех чинов, так и посошным, пешим и конным, будет израсходовано из разных источников как минимум около 300 тыс. рублей. Остается решить вопрос о том, сколько денег уйдет на закупку провианта, фуража и всякой амуниции, включая сюда зелье, свинец, ядра и прочий необходимый для войны снаряд.

Из царских грамот следует, что и посоха, и дети боярские должны были являться на службу со всем своим запасом, рассчитывая как минимум на три месяца. Что же до остальных, то, по опыту организации снабжения государевых ратей в «Немецком» походе 1555–1556 гг. против шведов, ратные должны были получать провиант и фураж на почтовых станциях-ямах, где местные власти заблаговременно должны были собрать необходимые запасы. Любопытно, но из наказа, присланного воеводе князю М. И. Воротыньскому перед началом Молодинской кампании 1572 г., следует, что этот провиант и фураж надлежало «собрать с сох, а платить велеть по цене; да сотцкого и целовальников учинить у збору у корму, чтобы даром не имать с сох корму» ¹⁵¹.

¹⁴⁸ См.: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. IV. С. 137; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. С. 128.

¹⁴⁹ См., например: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. IV. С. 131.

¹⁵⁰ См.: *Сторожев В. Н.* Десятни и Тысячная книга XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 8. Отд. III. Историко-юридические материалы. М., 1891. С. 219–248.

¹⁵¹ *Буганов В. И.* Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 173.

Полагая, что «корм» должны были получать все ратные люди – что стрельцы, что казаки, что татары с инородцами, что дети боярские со своими людьми (поход был дальний, и в полки собирали служилых не только с северо-западных городов), то будем исходить из того, что ежедневный расход провианта должен составить около 26,5 тыс. условных «рационов». Путь от Москвы до Новгорода, а оттуда до Пскова занимал в те времена в среднем около трех недель, то есть нужно было запастись провианта примерно на 550–560 тыс. «рационов». Минимальная норма выдачи нам известна – по опыту того же «Немецкого» похода «на восемьдесят человек яловица, по польосмине круп, по полубезмена соли, или на десять человек по борану, круп и соли на денгу»¹⁵². В среднем выходит, что на человека в день полагалось выдавать примерно фунт мяса, полфунта крупы, 20 граммов соли и 2 литра пива. В сумме выходит, что на провиант казна должна будет потратить около 3 тыс. рублей и на фураж (из расчета примерно 50 тыс. голов под седлом и под выюком) «на десять лошадей по четвертки овса да по остратку сена, на день» еще около 12,5 тыс. рублей. И, принимая во внимание, что войско должно еще вернуться обратно, эта сумма должна была составить в итоге около 25 тыс. рублей на «корм» и для людей, и для лошадей. Хлебное жалование стрельцам и казакам даст еще около 3 тыс. рублей, и на фураж для их лошадей (ездящая пехота – по лошади на каждого стрельца и казака) понадобится еще примерно 3,5 тыс. рублей. Итого расходы на «кормовое» жалование составят примерно (по минимальным оценкам) 30–35 тыс. рублей.

Осталось посчитать стоимость «зелья», свинца, фитиля для стрельцов и казаков. Точных данных на этот счет нет, но, согласно разрядке, на сбор пищальников с Новгорода в преддверии первого Казанского похода Ивана IV новгородцы должны были выставить людей в полном снаряжении, включая по 12 гривенок (фунтов) свинца и столько же «зелья» на человека¹⁵³. Вряд ли «норматив» выдачи боезапаса стрельцам и казакам сильно разнился, потому будем исходить из этой цифры и тогда получим (при расценках на свинец и порох в конце 70-х – начале 80-х гг. XVI в.), что на закупку боезапаса для пехоты казна должна была потратить примерно 2 тыс. рублей на свинец и еще около 2 тыс. рублей на «зелье»¹⁵⁴. Добавим еще фитиля (по 10 на каждую пищаль¹⁵⁵) – еще 8 тыс. рублей, и получим в итоге, что расходы на всякий «вогненный» припас для стрельцов и казаков обойдется казне примерно в 12 тыс. рублей.

И последнее – во что обойдется подготовка «наряда». Согласно разрядным записям, в поход было взято 57 разнокалиберных орудий, «36 пищалей да 21 пушка»¹⁵⁶. Зная из источников, как актовых материалов, так и исторического нарратива, сколько и чего полагалось иметь при каждом орудии, можно попробовать рассчитать примерную стоимость того, во что обойдется подготовка «наряда» к походу. Так, зимой 1577 г., во время осады Ревеля, по сообщению перебежчика, московитская артиллерия имела боезапас от 250 до 500 ядер на ствол¹⁵⁷. Пускай в Ливонском походе боезапас на ствол составит по 300 выстрелов (с запасом, на несколько осад) – в сумме на 57 орудий это составит приблизительно 17 тыс. ядер. К этому наряду полагалось немалое количество всякого имущества. Представление о его «номенклатуре» дает сохранившийся документ, датированный концом 1555 г. Согласно ему, на три полоторные и 5 девятипядных пищалей полагалось иметь «ядер по сту к пищали, а зелья противу ядер шестьдесят

¹⁵² См.: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. С. 130.

¹⁵³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. С. 184.

¹⁵⁴ О ценах на «зелье» и свинец см., например: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. I. Вып. 2. О средствах содержания монастыря. СПб., 1910. С. ОСIV, ОСXXXIII; *Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585–1586 гг.* М., 1996. С. 100, 102.

¹⁵⁵ См.: *Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585–1586 гг.* С. 99.

¹⁵⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. III. С. 464–465.

¹⁵⁷ См.: *Рюсов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880. С. 265–266.

пуд сорокового, да три пуды ручного зелья, да на мехи десять десять холстов, да триста листов бумаги, да двадцать два пятка лну, на восм ужищ лняных, да на ядра восм коробей, да осмеры возжи лычные, да восм овчин неделаных...»¹⁵⁸. Зная примерные рыночные цены на эти предметы в конце 70-х гг.¹⁵⁹ и экстраполировав на число орудий наряда, сопровождавшего царя в Ливонском походе, мы получаем, что по очень грубому подсчету на эту артиллерию нужно «зелья» на 300–400 рублей и на всякие прочие материалы (холст, бумага, овчины, лен, веревки-ужища и пр.) – еще примерно 100–150 рублей, что в сумме составит не менее 400–500 рублей.

Само собой, отдельную статью составят расходы на выплаты жалованья и «командировочных» пушкарям и их помощникам-поддатням. На все время кампании (считая по 3 человека на орудие – итого 170 человек и еще 15–20 кузнецов и плотников) потребуется 350–400 рублей «на корм» и прочее, провианта на 600 рублей и фуража для их лошадей еще на 600 рублей. Итого на артиллерию, пушкарей и их лошадей потребуется еще примерно 1,5–2 тыс. рублей.

Подведем общий итог. В сумме (подчеркнем, что это минимальная цифра, нижняя планка расходов), с учетом рыночных цен на провиант, фураж и прочее, выходит, что затраты казны и «земли» (если посошные будут содержаться за ее счет) на подготовку и проведение Ливонского похода в 1577 г. должны были составить (по минимальным оценкам) около 350–400 тыс. рублей¹⁶⁰. И это притом, что это военное предприятие Ивана Грозного было далеко не самым крупным и масштабным в истории его войн. В том же Полоцком походе 1562–1563 гг. участвовало около 50 тыс. ратных людей и никак не меньше, а, скорее всего, и больше, 100 тыс. лошадей. Кроме того, тогда было задействовано (если верить псковским летописям – цифра представляется на первый взгляд завышенной, однако, если принять во внимание колоссальный объем подготовительной работы – те же дороги, те же мосты и пр., то она вовсе не выглядит невозможной) до 80 тыс. посохи и значительно более могущественная артиллерия. И расходы на эту кампанию, соответственно, превосходили означенную нами сумму в разы. 1 млн рублей, 68 тонн серебряной монеты, потраченных при таких раскладах на взятие Полоцка, вовсе не представляется такой уж и невозможной цифрой (а скорее всего, сумма была существенно большей). Так что война обходилась московскому государю совсем не дешево, что бы там ни говорили иностранные наблюдатели. Пара больших государевых походов легко могли проделать в государственном бюджете немалую брешь, и, как уже выше говорилось, рать действительно «заедала казну», и не только ее.

Возможно, именно этой причиной не в последнюю очередь и объясняется загадочная пауза, которая наступила в действиях русского войска после взятия Полоцка. Иван Грозный и его воеводы не стали развивать достигнутый успех. Если принять во внимание размах Полоцкого похода и затраты на его проведение, то очень даже может быть, что остановка в боевых действиях во многом объяснялась тем, что в казне после такого грандиозного предприятия было пусто, и продолжать войну дальше с такой же интенсивностью было не на что. А раз так, то выходит, что фраза историка Дж. Вуда о том, что во 2-й половине XVI в. «финансовый и административный аппарат Французского государства все еще был **неспособен обеспечивать растущие вооруженные силы, необходимые для ведения боевых действий в ходе продолжительных кампаний в течение длительного времени** (выделено нами. –

¹⁵⁸ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. С. 131.

¹⁵⁹ См., например: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. I. Вып. 2. С. OLXXVIII, OLXXXVI – OLXXXVIII; Приходно-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600. М.: СПб., 2013. С. 78, 81, 82, 89, 113, 114 и др.

¹⁶⁰ Для сравнения – согласно В. А. Потто, для финансирования дагестанской экспедиции воеводы И. М. Бутурлина в 1604 г. было выделено 100 тыс. рублей – столько же, сколько потребовал Иван Грозный с земских для обустройства своего опричного двора (*Потто В. А.* Два века истории терского казачества (1577–1801). Т. I. Владикавказ, 1912. С. 50).

*В. П.)...»*¹⁶¹, вполне применима и к характеристике русских финансовых и военных реалий того же времени. И начатая война, если она не завершалась сразу оглушительной победой и капитуляцией неприятеля, ошеломленного бурей и натиском, превращалась в таком случае в тягучую «резиновую» «войну-процесс», когда периоды активизации в боевых действиях перемежались с долгими паузами, необходимыми для передышки и для накопления сил и ресурсов, в том числе и финансовых. Эту картину мы можем наблюдать на примере 1-й Смоленской войны Василия III в 1512–1522 гг. или Полоцкой войны Ивана Грозного в 1562–1570 гг.

¹⁶¹ Wood J. B. The King's Army. Warfare, soldiers and society during the Wars of Religion in France, 1562–1576. Cambridge, 1996. Op. cit. P. 5.

Очерк III. «У Великого государя нашего... против Его Государских недругов рать сбирается многая и несчетная...»: численность московских ратей XV – начала XVII в.

В начале этой книги мы уже приводили высказывание американского социолога и культуролога С. Хантингтона. Позволим себе еще раз процитировать его, поскольку оно имеет непосредственное отношение к теме этого очерка. «Военная мощь имеет четыре измерения: **количественное – количество людей, оружия, техники и ресурсов** (выделено нами. – В. П.); технологическое – эффективность и степень совершенства вооружения и техники; организационное – слаженность, дисциплина, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления; и общественное – способность и желание общества эффективно применять военную силу», – писал он, и в этой фразе мы не случайно выделили место, в котором он говорит о количественном измерении военной мощи государства. Этот аспект военной мощи государства Хантингтоном поставлен на первое место, конечно же, не случайно – издревле именно численность войска во многом предопределяла исход и сражения, и войны в целом. Можно сколько угодно рассуждать о том, что побеждать надо не числом, а умением, но все же лучше, чтобы присутствовало и то и другое. Потому-то о могуществе государства всегда судили прежде всего в зависимости от того, сколько воинов его правитель может выставить в поле в случае необходимости. И, обрисовав в общих чертах, как решались в России раннего Нового времени проблемы, связанные со снабжением войска провиантом, фуражом и деньгами, логичным было бы перейти к характеристике количественного аспекта военной мощи Московии.

Несколько предварительных замечаний. На численность войска, как общую, так и выставляемую в поле в каждую конкретную кампанию, влияет целый ряд обстоятельств. Тут и логистические проблемы – на бумаге рать может быть сколько угодно большой, но собрать ее в одном месте, более или менее организованно привести к месту битвы и при этом организовать снабжение сколько-нибудь долгое время может оказаться неразрешимой задачей. В нашем русском случае проблемы снабжения, о чем уже говорилось выше, играют далеко не последнюю роль, учитывая редкость населения и его бедность, и неудовлетворительно развитую инфраструктуру, и прежде всего дороги и др.

С логистикой тесно связана и другая, не менее важная проблема – качество управления, администрирования. От того, насколько развит управленческий аппарат и в центре, и на местах, насколько он работоспособен и способен выполнить возложенные на него задачи, во многом зависит боеспособность войска. Ведь именно этот административный аппарат, чиновники, дьяки и подьячие, получив государев указ, организуют набор войска, контролируют качество его вооружения и обеспечивают его снабжение.

Не стоит забывать и об особенностях социального и политического устройства государства и общества. Хотя перегородки между отдельными «чинами» Московского государства, «освященным, и служивым, и торговым, и земледельческим», еще были весьма и весьма размыты, власти все же постепенно стремились упорядочить характер и порядок «службы»-тягла каждого из чинов по принципу «всяк сверчок знай свой шесток». Есть все основания вести речь о своего рода тенденции к растущей «профессионализации» и «разделению труда» внутри московского общества «классического» периода, когда служилые люди воюют или управляют, крестьяне пахут и платят налоги, купцы торгуют, а служители церкви молятся. Средневековой идеал общественного устройства, разделенного на три «состояния», «воюющих», «трудя-

щихся» и «молящихся» (соответственно *bellatores*, *laboratores* и *oratores*), в Русском государстве того времени был весьма близок к достижению. Естественно, что такой расклад не мог не оказать своего влияния и на численность русского войска. Об историографическом фантоме, «всеобщем» народном ополчении, когда под великокняжеские знамена поднимается и стар, и млад, и знатный, и простолюдин (образ такого ополчения, весьма далекий, кстати, от реальности, нашел свое отражение в отечественной военно-исторической живописи), пожалуй, стоит забыть – во всяком случае, уже в XV в., судя по летописным заметкам, в русских городах и волостях сложилась достаточно многочисленная прослойка по меньшей мере полупрофессиональных воинов, не занятых в производстве, но живших «от войны».

Само собой, на численность войска оказывают влияние демография, экономика. Не стоит забывать о том, что Московия «классического» периода – общество с аграрной и в значительной степени натуральной экономикой, с малочисленным городским населением и игравшими на фоне сельского хозяйства второстепенную роль торговлей и «промышленностью». Отсюда проистекают и достаточно ограниченные финансовые возможности государства, о чем мы уже писали прежде.

Наконец, в зачет необходимо брать и сугубо военные соображения, особенности московской тактики и стратегии, которые также оказывали немаловажное воздействие на численность вооруженных сил – как общую, так и в отдельных кампаниях и походах.

Принимая во внимание все эти соображения, мы неизбежно рано или поздно должны подойти весьма и весьма критически к утвердившемуся в общественном мнении, да что там в общественном – и в профессиональном историческом сообществе, взгляде на численность ратей московских государей как на неисчислимыe, «тьмочисленные».

Происхождение этого мнения, в общем, достаточно «прозрачно». Увы, сметных и иных списков, как, впрочем, и других аналогичных документов (подобных татарским или османским дефтерам), в которые были бы занесены все служивые люди, получающие государево денежное, кормовое и иное другое (земельное прежде всего) жалованье и которые были бы датированы 2-й половиной XV – началом XVII в., до наших дней не дошло. В том, что такие списки существовали уже в начале XVI в., сомнений нет. Еще имперский посланник С. Герберштейн в своих «Записках», дах [?] бв. об [?] [?]

и приказных, дело сугубо мирское. Для летописца характерен другой подход: он уверен, что ничто в этом мире не происходит помимо воли Божьей. Для исполнения же Божественной воли и замысла размер рати не имеет значения, ибо на войне «пожежнет един тысящу, а два двигнета тму, аще бы не Бог отдал и Господь предал». Это – несущественная деталь, которую можно опустить без ущерба для основного замысла. Не случайно отрывочные данные о численности войск и о проблемах, связанных с их снабжением, сохранились в периферийных по отношению к московской, псковской (в первую очередь) и новгородской летописных традициях, носивших несколько более «приземленный» характер.

Сомнительными стоит признать и сведения, которые сообщают иностранцы – дипломаты и военные. В Москве знали (во всяком случае, предполагали, ибо сами москвиты действовали таким образом), что всякий посол, помимо прочих обязанностей, должен был заниматься и сбором информации о государстве, в которое он послан, в том числе сведений о его военном потенциале. Потому то, принимая иностранных послов или рассказывая за границей о своем государе и его стране, хитрые москвиты стремились создать у слушателей впечатление о неисчислимости русских ратей. И вот в 1486 г. московский посол Георг Перкамота в разговоре с миланским герцогом Галеаццо Сфорца заявил, что, когда его государь «хочет выступить с конницей в какой-нибудь поход, через 15 дней в его распоряжение предоставляются в каждом городе и деревне намеченные и выделенные для него люди, по каждой провинции, так что всего вместе собираются двести и триста тысяч коней и что оплачиваются они общинами, городами и деревнями в течение всего времени, на которое названный их господин хочет их занять, и что в отдельных случаях может быть выставлено еще большее количество пеших, которых употребляет для защиты и охраны городов и важных мест и проходов, где должны проходить пехота и конница его, и для сопровождения обозов с продовольствием»¹⁶³. Спустя сорок лет другой московский дипломат, Д. Герасимов, рассказывал в Риме, что его государь способен выставить армию в 150 тыс. всадников¹⁶⁴. Имперский же посол Франческо да Колло в своем отчете о поездке в Московию и вовсе пишет, что Василий III в случае необходимости «может поставить под ружье около 400 тысяч конников, по большей части лучников, а также других – копьеносцев и владеющих саблями»¹⁶⁵.

Эта традиция описания московского воинства как чрезвычайно многочисленного была продолжена и позднее. Так, к примеру, венецианский дипломат Доменико Тревизано в своем отчете о посольстве к Великому Турку (османскому султану) в 1554 г. отписывал венецианскому сенату, что сей Турок «с герцогом Московии поддерживает прочный мир, скрепленный договором; этот герцог великий государь, владеющий многими землями и великим множеством людей и пользующийся авторитетом, который делают [его] стране сто пятьдесят тысяч всадников на хороших конях, пригодных для войны». Его коллега, Марино Кавалли, в 1560 г. сообщал сенату, что «несомненно, к Московии стоит отнестись с большим уважением, ибо эта страна способна выставить сто пятьдесят тысяч всадников и шестьдесят тысяч пехотинцев-аркебузирова, снабженных сильной артиллерией, и, сражаясь против татар и поляков, русские всегда выходят победителями»¹⁶⁶.

Зачем русские дипломаты преувеличивали военное могущество своего государя – в общем-то понятно. Рассказывая иностранцам о «тьмочисленности» государевых ратей, лукавые московские послы, следуя данным им инструкциям, стремились, с одной стороны, показать потенциальному партнеру, что с Московией выгодно иметь дело как с могучим союзником.

¹⁶³ Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. № 5. М.: 1963. С. 655.

¹⁶⁴ См.: Павел Иовий. Посольство от Василия Ивановича, великого князя московского, к папе Клименту VII // Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое. Т. 1. СПб., 1836. С. 53.

¹⁶⁵ Франческо да Колло. Донесение о Московии. С. 60.

¹⁶⁶ Relazioni degli ambasciatori Veneti al Senato. Seive III. Vol. I. Firenze, 1840. P. 162–163, 279.

С другой же стороны, рассказы о десятках и сотнях тысяч воинов, которых может выставить московский правитель, могли заставить сильно призадуматься возможного агрессора: стоит ли связываться с таким сильным противником, стоит ли овчинка выделки? И в том и в другом случае русским было выгодно преувеличить свои силы, и, допуская утечку информации, они делали это вполне сознательно, позволяя иностранцам увидеть или услышать то, что им, хитрым москвитам, было выгодно.

Опасно полагаться и на показания пленных, которые можно встретить в иностранных источниках – например, в переписке военачальников и их сюзеренов – противников Русского государства¹⁶⁷. В Москве достаточно рано сложилась традиция предписывать своим ратным людям определенный порядок поведения в плену. В наказах воеводам четко и недвусмысленно говорилось: «Ково из них (ратных людей. – В. П.) на поле возмут тотаровя и учнут про вести розпрашивать и они б сказывали: что на Туле, и на Децилове, и на Резани, в Резанских пригородах, и в Шатцком стоят бояре и воеводы многие, и со многими людьми, и литва, и немцы, и тотаровя казанские, и свияжские, и всех понизовых городов, и мешчерские многие казаки и стрельцы с вогненным боем; а на берегу в Серпухове, и на Коломне, и по всему берегу стоят большие бояре и воеводы многие со многими людьми, и стрельцы многие, и казаки донские и вольские и яицкие, и терские атаманы, и казаки, и черкасы, и немцы, и литва, и всякие иноземцы многих земель, многие с вогненным боем; а мы, по вестям смотря, идем с Москвы против недруга своево крымсково царя, где ево скажут, со всею землею и с прибыльными ратьми»¹⁶⁸. И вот, попав в плен, такой сын боярский или его послу-жилец рассказывал, что-де «нам, молодым людям, ведати о нем (московском войске. – В. П.) нелзе», но известно им, что «войско московское велико»¹⁶⁹.

Столь же ненадежны и реляции с полей сражений (не важно, кому они принадлежат – русским ли воеводам или же их противникам). Преувеличение численности неприятельских войск, с одной стороны, служило возвеличиванию победителей, а с другой – оправданием в случае поражения. Эти реляции были в той или иной степени инструментом ведения идеологической войны. И тем более осторожно стоит относиться к рассказам о полчищах русских варваров на страницах всяких «летучих листков» и тогдашней «прессы». Одни названия чего стоят: «Правдивое описание, как был завоеван и захвачен москвитом великий купеческий город, что в Литве», «Правдивая и страшная газета про ужасного врага москвитя», «Точное описание великого и могучего похода москвитя на Полоцк» и пр.! Для примера, природу появления подобных сведений и их соотношения с реальностью раскрыл в своем исследовании о сражении под Оршей в 1514 г. отечественный историк А. Лобин¹⁷⁰.

В общем, подводя неутешительные итоги, отметим, что отрывочные сведения, разбросанные тут и там как в русских, так и в зарубежных источниках, с трудом поддаются корреляции, в том числе и потому, что, как правило, летописи и разрядные росписи касаются войск, участвовавших в одной кампании или походе. Иностранцы же обычно пишут о численности русского войска в целом и лишь в отдельных случаях – в конкретных походах и сражениях. Приходится констатировать, что до тех пор, пока не будут введены в научный оборот новые источники (прежде всего сметные списки, следы которых стоит поискать в шведских и польских архивах), вряд ли вопрос о численности русского войска в конце XV – начале XVII в.

¹⁶⁷ См., например, показания луцкого сына боярского В. И. Хрущова (Протокол допроса гетманом Ю. М. Радзивиллом пленного луцкого помещика В. И. Хрущова // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. М.; Варшава. 2002. С. 137–139).

¹⁶⁸ Разрядная книга 1475–1605. Т. III. Ч. III. М., 1989. С. 89–90. Ср., например: Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. I. СПб., 1853. Стб. 631, 1072–1073; Т. II. СПб., 1855. Стб. 35.

¹⁶⁹ Протокол допроса гетманом Ю. М. Радзивиллом пленного луцкого помещика В. И. Хрущова. С. 138.

¹⁷⁰ См.: Лобин А. Н. Мифы Оршанской битвы // Родина. 2010. № 9. С. 114; Реляции Ягеллонского двора о битве под Оршей 1514 года // Романовские чтения-7: Сборник трудов международной научной конференции. Могилев, 2011. С. 182–183.

получит удовлетворительное разрешение. Однако, **признавая невозможность в настоящее время вывести точные цифры**, сколько ратных людей могли выставить Иван III, его сын и внук, тем не менее мы полагаем, что, имея немногие скудные более или менее надежные свидетельства источников (прежде всего сохранившихся в разрядной документации и актовых материалах и лишь в последнюю очередь сведения, которые можно позаимствовать из исторического нарратива), мы можем **определить некоторые рамочные ограничения** (выделено нами. – В. П.), за пределами которых предлагаемые цифры могут быть признаны совершенно нереальными и неправдоподобными («баснословными»), а потому и могут быть отброшены за ненадобностью.

Теперь, прежде чем перейти к ответу на вопрос «Сколько же ратных людей было у московских государей?», кратко охарактеризуем исторический контекст, на фоне которого разворачивалась наша драма. Время, когда формировалась классическая московская военная машина, было сложным и противоречивым периодом в развитии военного дела Евразии, и не только его. С одной стороны, именно в это время закладываются основы и постепенно встают на ноги раннемодерные государства, которые в нашей исторической традиции не вполне точно принято именовать «централизованными». И раз уж зашел разговор о централизации, то стоит заметить, что этот процесс, связанный с усилением центральной власти и концентрацией в руках монарха и его ближайшего окружения все большей власти, растянулся на долгое время – почитай, на три столетия, и проходил на разных «уровнях» с разной скоростью. И быстрее всего проходила централизация в военной сфере¹⁷¹. Благодаря этому раннемодерные монархи получили в свое распоряжение возможность собирать и выставлять в поле существенно большие армии, нежели их средневековые предшественники.

С военной централизацией как неотъемлемой и едва ли не важнейшей составной частью процесса формирования раннемодерных государств был связан и другой, не менее важный процесс изменений, на этот раз в сугубо военной сфере. Благодаря британскому историку М. Робертсу он получил название «военная революция». И, поскольку его концепция нашла живой отклик и поддержку в научном сообществе, активно включившемся в разработку новой концепции¹⁷² и нашедшем следы нескольких подобных «революций» в далеком (и не столь отдаленном) прошлом, то, для отличия этой «революции» от других, ей предшествовавших и наследовавших, ее еще нередко именуют сегодня «огнестрельной» или «пороховой». Правда, тезисы Робертса, сформулированные им на основании изучения особенностей развития Шведского королевства в раннем Новом времени, сегодня уже не выглядят столь же убедительно, как шестьдесят лет назад, однако, вне зависимости от того, является ли тот или иной историк приверженцем «революционной» или же «эволюционной» школы, все они сходятся на том, что в XV–XVII вв. облик европейских армий и военного дела радикально переменялся. В число этих перемен, обусловленных прежде всего освоением и широким распространением огнестрельного оружия, вошел и существенный, в разы, а то и в порядки, рост численности вооруженных сил государств, втянувшихся в процессы «пороховой революции».

Русская земля, которая начала втягиваться в «военную революцию» с конца XIV в. (когда разными путями, с Востока, через Поволжье, и с Запада, через Литву и Ливонию, в русские княжества стало проникать огнестрельное оружие, сперва артиллерийские орудия, а затем и ручное), не избежала этой общей закономерности. В удельный период русские рати не отличались многочисленностью – сотни, в лучшем случае первые тысячи и крайне редко, когда они переходили рубеж в 10 тыс. бойцов. В очерке, посвященном русской логистике, мы приводили заимствованные из летописей, повествующих о событиях 1-й половины XV в., конкретные

¹⁷¹ См., например: *Смирнов А.* Государство сражающейся нации // *Родина*. 1994. № 9. С. 35–36.

¹⁷² О развитии концепции военной революции в западной историографии см., например: *Пенской В. В.* Переворот в военном деле Западной Европы конца XV–XVII века в новейшей англоязычной историографии // *Новая и новейшая история*. 2012. № 3. С. 152–158.

примеры численности княжеских дворов и русских ратей – сотни и первые тысячи, не более того, и это даже в том случае, если в поход выступало несколько князей со своими «полками». Впрочем, это и не удивительно, если княжеские дворы насчитывали по несколько десятков или сотен всадников, равно как и «городовые» «полки» (территориальные формирования, состоявшие из проживавших на территории того или иного уезда или волости вотчинников с их людьми).

Чтобы собрать под свои знамена действительно «тьмочисленную» рать в 10 и более тыс. всадников (как и в средневековой Европе того времени, полноценным воином на Руси считался все-таки всадник, а пешцы с городов играли вспомогательную роль), нужны были экстраординарные усилия и совпадение множества благоприятных обстоятельств, объективных и субъективных. И подобные случаи в итоге можно сосчитать буквально на пальцах одной руки. Поход тверского князя Михаила Ярославича против непокорных новгородцев «со всею силою тферскою и низовскою» в 1316 г. мы уже упоминали. В этом же ряду стоит и знаменитый поход Дмитрия Ивановича на «прямое дело» с темником Мамаем, когда московский великий князь «совокупил» примерно два десятка княжеских дворов и «городовых» «полков», и другой поход Дмитрия Ивановича спустя шесть лет на Новгород, когда под его знаменами собралось примерно в полтора раза больше «полков», и предшествовавший двум этим походам не менее значительный по составу и численности участвовавших в нем «полков» поход Дмитрия на Тверь в 1375 г.¹⁷³

Однако, подчеркнем это еще раз, собрать столь значительную для действий в поле можно было лишь на **непродолжительный срок, для решения конкретной задачи** (выделено нами. – В. П.). Но не более того! **«Успех всеобщей мобилизации зависел от сотрудничества с удельными князьями и боярами и, конечно, – указывал русский историк Г. В. Вернадский, – от отношения к ней народа в целом. Поэтому мобилизация была возможна в тот период только в момент угрозы национальной безопасности** (выделено нами. – В. П.)...»¹⁷⁴ Содержать же большую рать ни один князь в то время сколько-нибудь длительное время был физически просто не в состоянии, да и долго удерживать в повиновении своих союзников-князей, заносчивую и горделивую «меньшую братью», было крайне сложно, если вообще возможно. Дмитрий Иванович имел печальную возможность убедиться в этом в 1382 г., а его внуку Василию II во время Войны из-за золотого пояса – а хоть и накануне печальной памяти битвы под Суздалем, проигранной во многом и из-за того, что на помощь к Василию не явились его двоюродный брат Дмитрий Шемяка со своими союзниками.

Но вот проходит еще несколько десятков лет, и уже в 50-х гг. XV в. мы видим, что великий князь без особого труда может выставить в поле 10–15 тыс. хорошо вооруженных и оснащенных всадников. Еще бы – после окончательной победы над Юрьевичами Василий II избавился ото всей своей «младшей братьи», которая внушала хоть малейшие сомнения в лояльности его власти, а оставшиеся князья, приученные к повиновению, безропотно садились в седло по первому великокняжескому слову. Сын Василия, Иван III, создатель единого Русского государства, обладал еще большими ресурсами и властью, чем его отец. Более того, он не только фактически довел до конца «военную централизацию», подчинив своей воле практически все военные силы Русской земли, но и проводил с конца XV в. поэтапно поместную реформу, наращивая численность конного войска за счет наделенных поместьями детей боярских.

Изменяется при Иване III и характер военных действий – кампании отличаются большей длительностью и охватывают огромные пространства, особенно в сравнении с прежними временами, когда полки редко ходили дальше, чем на 2–3 дневных перехода от родного дома. И

¹⁷³ См.: Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 253–254, 263–264.

¹⁷⁴ Вернадский Г. В. Россия в Средние века. М.; Тверь, 1997. С. 121.

для Ивана III не было большой проблемой отправить сразу несколько ратей против противников в разных концах своего государства – например, как это было в 1502 г., когда его сын Дмитрий Жилка с 18–20-тысячным войском пошел осаждать литовский Смоленск, а еще примерно 10–12 тыс. воевали с ливонцами на псковском направлении¹⁷⁵.

Сын Ивана Василий III продолжил дело своего отца. При нем окончательно были подчинены московской власти Рязань (1521 г.) и Псков (1510 г.), в 1514 г. завоеван Смоленск. Все это позволило ему в годы первой Смоленской войны 1512–1522 гг. посылать против великого литовского князя и короля польского Сигизмунда I несколько армий, действовавших одновременно на нескольких направлениях, общей численностью от 13–15 до 20 тыс. «сабель» и «пищалей». А в 1521 г. на двух «фронтах», «южном» «татарском» и «западном» «литовском», Василий выставил и того больше ратных, до 55 тыс. конницы и пехоты!¹⁷⁶ И это не считая многочисленной «посохи», выполнявшей вспомогательные работы – дорожные, саперные, обозные и пр. Подчеркнем – еще сто лет назад войско в 10 тыс. всадников представлялось экстраординарным, но сменилось три поколения – и московские государи без особого труда практически ежегодно (sic!) способны послать на своих «государских неприятелей» пару таких ратей в одну кампанию, и при этом иметь еще и некоторый резерв на всякий случай.

Наивысшего своего подъема численность русских ратей достигает, судя по всему, в первую половину правления Ивана Грозного (примерно 50–60-е гг. XVI в., после чего начинается спад, обусловленный в первую очередь экономическим кризисом, поразившим Русскую землю. Первые признаки его обозначились, кстати, еще в начале 50-х гг. XVI в. и имели, похоже, общеевропейский характер). К этому времени более или менее устоялась структура русского войска, основу которого составляла поместная конная милиция. Она усиливалась вооруженной преимущественно огнестрельным оружием пехотой (на первых порах по большей части новая русская пехота набиралась из числа выставляемых по разрядке городами и волостями ратников, а затем пищальников стали теснить казаки и созданные в 1550 г. стрельцы – московские и городовые) и «нарядом»-артиллерией. Кроме того, к службе в государевом войске привлекались всякого рода инородцы – татары и ратники, выставляемые народами Поволжья, а также иностранные наемники, конные и пешие. Порядок несения ратной службы, равно как и отражавшие ее разрядные записи, также были более или менее приведены к единообразию, так что от правления первого русского царя сохранилось несколько больше документов, что и позволяет нам лучше уяснить, что представляли собой московские полки в эту эпоху.

Стоит заметить, что при попытках исчисления московских ратей «классического» периода необходимо учитывать ряд нюансов, связанных с особенностями службы в те времена. Первый связан с нечетким разделением комбатантов и некомбатантов, боевого элемента (условно – «сабель» и «пищалей») от небоевого. Дело в том, что ратных людей в походе сопровождала обозная прислуга, «кошевые», которая также была вооружена и на которую возлагались вспомогательные функции – от земляных работ до фуражировки. В случае необходимости «кошевые» могли вступать в бой и, таким образом, могли считаться, скажем так, «полукомбатантами». Второй нюанс связан с пешей и конной посохой – собираемая по традиции «с сох» «рать» была унаследована от прежних времен, но сейчас на нее возлагались сугубо вспомогательные, хотя и весьма порой немаловажные функции – прежде всего саперные работы на марше и во время осад, а также подвоз провианта, фуража, амуниции и снаряжения, обслуживание наряда и прочая черновая работа. Без посохи боеспособность рати, несомненно, существенно падала, и в таком случае можно ли ее не учитывать при исчислении общей численности

¹⁷⁵ О кампании 1502 г. см., например: Пенской В. В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // Военно-исторический журнал. 2012. № 10. С. 73–79.

¹⁷⁶ См.: Пенской В. В. Численность и развертывание московского и татарского войска в кампанию 1521 г. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы международной научно-практической конференции 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 194–209.

рати? Наконец, сложный и весьма дискуссионный вопрос: учитывались ли послужильцы детей боярских вместе со своими господами в разрядных записях или же нет? Мы склонны дать на этот вопрос отрицательный ответ – нет, не учитывались, ибо, с одной стороны, число послужильцев было переменной величиной, определявшейся способностью сына боярского содержать то или иное число слуг, а с другой стороны, уравнивание гордых и заносчивых детей боярских с холопами неизбежно наносило поруху их фамильной «чести», к чему они относились очень чувствительно.

Вернемся теперь обратно к исчислению московских ратей. Судя по всему, в Разрядном приказе во 2-й половине XVI в. складывается окончательно практика ведения двух видов смет – общих, в которых фиксировалось общее число всех служилых людей всех чинов на определенный момент, и росписей для отдельных походов. Самыми ценными войсковыми списками второго типа являются, пожалуй, чудом сохранившаяся подробная роспись Полоцкого похода Ивана Грозного 1562–1563 гг., черновая роспись «берегового» войска князя М. И. Воротынского 1572 г., государева Ливонского похода 1577 г. и разрядные росписи 7087 (1578–1579 гг. – напомним, что в России тогда новый год начинался с 1 сентября) года, когда в Москве готовились к отражению вторжения польско-литовской армии короля Стефана Батория.

Изучение этих росписей позволяет нам составить более или менее точное представление о том, сколько «сабель» и «пищалей» мог выставить Иван Грозный в ту или иную кампанию на том или ином «фронте». Естественно, что численность полевой (sic!) рати в каждом случае была разной. Полоцкий поход (наряду с Казанским 1552 г.) по праву считается крупнейшим (если не самым крупным) военным предприятием Ивана Грозного (вровень с ними может быть поставлен, если судить по списку воевод и голов, быть может, только государев выход на «берег» против крымского «царя» в кампанию 1559 г.). Ценою серьезного напряжения всех сил Русского государства тогда Иван сумел собрать и (что тоже немаловажное достижение) буквально «протолкнуть» по заснеженным зимним дорогам действительно «тьмочисленную» рать. В ее состав входило порядка 18 тыс. детей боярских, примерно столько же их послужильцев (если полагать, на что есть все основания, что в разрядные росписи заносились только дети боярские, и каждый из них в среднем выставлял одного конного одоспешенного и вооруженного послужильца), почти 6,5 тыс. татар и прочих служилых инородцев, порядка 4,5 тыс. стрельцов и 6 тыс. казаков – всего около 50 тыс. «сабель» и «пищалей»¹⁷⁷. И это без учета неизвестного количества даточных людей. Ведь только северные города и уезды дали больше 1 тыс. таких ратников, что «собою добры и молоды и резвы, из луков и из пищалей стреляти горазды, и на ртах ходити умели и рты у них были у всех, и наряду б у них было саадак или тул с луком и з стрелами, да рогатина или сулица, да топорок»¹⁷⁸. А еще остаются Новгород и Псков, которые в предыдущие годы при тотальной мобилизации выставляли таких «молодых и резвых» людей 1 тыс. конных и 2 тыс. пеших, и вряд ли для этой кампании Иван Грозный требовал с них меньше половины положенных даточных.

Для полной картины «тьмочисленности» не забудем про «полукомбатантов»-кошевых (которых надо полагать не меньше, чем 10–15 тыс. на круг) и посошную рать, занимавшуюся дорожными, саперными, осадными работами, доставкой снаряжения, амуниции, провианта и фуража, перевозкой артиллерии и пр. Псковская летопись сообщала, что такой посохи, коневой и пешей, что должна была явиться на государеву службу со своими припасами, лошадьми, «с ко-леса и с хомуты и з дугами и с ужищи», имея «по топору по болшему по плотному» и прочий шанцевый и иной инструмент, было «80 000 и 9 сот»¹⁷⁹. Цифра, что и говорить, умопомрачительная – Псков при всем своем желании не мог бы собрать столько «казаков», гото-

¹⁷⁷ См.: Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 125–129.

¹⁷⁸ Там же. С. 123.

¹⁷⁹ Псковская 3-я летопись. С. 264.

вых за государево жалованье («коневником по пяти рублей, а пешим по два рубля») заниматься грязной (в прямом смысле) работой. И даже если бы все псковичи дружно, как один, явились на государев зов, и то столько бы мужиков не набралось. Но если в летопись попали сведения обо всей (sic!) посохе, собранной на всем Северо-Западе и задействованной для обеспечения государева похода на всем «литовском» «фронте» с осени по конец зимы 1562/63 г. – то такая цифра отнюдь не представляется чрезмерной.

Молодинская кампания 1572 г. в этом плане не менее показательна. Ожидая нашествия крымского «царя» Дев-лет-Гирея I и одновременно готовясь, учитывая резко обострившиеся отношения со Швецией, Иван Грозный и его «ставка» развернули одновременно две рати – одну в Новгороде, а другую на «берегу», вдоль Оки, от Калуги до Каширы. Новгородская рать насчитывала, по предварительным прикидкам, порядка 20–30 тыс. «сабель» и «пищалей», «береговая» была примерно такой же или чуть больше. Предварительная разрядная роспись говорит о том, что в состав должны были войти около 12 тыс. детей боярских (и еще 6–8 тыс. их послужильцев), 2 тыс. стрельцов, почти 4 тыс. казаков, около 300 немецких наемников, почти 2 тыс. «добрых и резвых» людей с северных городов – вместе с даточными до 30–35 тыс. «сабель» и «пищалей». В сумме мы выходим на всю ту же цифру примерно 50–60 тыс. «комбатантов», без учета «полукомбатантов»-кошевых и посохи¹⁸⁰.

Третий пример – государев Ливонский поход 1577 г. Согласно разрядным росписям, в нем приняли участие почти 7,3 тыс. детей боярских и дворян, 4,2 тыс. татар и прочих инородцев, 6,5 тыс. стрельцов и чуть меньше 1,5 тыс. казаков – всего немногим меньше 20 тыс. «сабель» и «пищалей»¹⁸¹. С учетом послужильцев – конечно, должно было бы быть больше, но насколько – это вопрос. Дело в том, что к концу 70-х гг. XVI в. экономическое состояние поместной милиции было далеко не идеальным (сказывались последствия экономического кризиса, эпидемий и неурожаев последних лет, растянувшейся вот уже больше чем на четверть века войны и политических пертурбаций), и она уже не могла поддерживать прежний уровень «конности, людности и оружности». И хорошо, если соотношение детей боярских и их послужильцев в это время составляло 2 к 1, а не меньше! В общем, можно смело предположить, что Иван Грозный прошелся по оставшейся непокоренной в предыдущие десятилетия части Ливонии с ратью, насчитывавшей не более 25 тыс. ратных людей (и снова без учета обозной прислуги и посохи).

И последний случай – роспись 1579 г., когда Иван Грозный готовился к отражению вторжения армии короля Речи Посполитой Стефана Батория. Без учета гарнизонов крепостей на «литовской» и «немецкой» «украинах» и в самой Ливонии он собрал детей боярских почти 9,5 тыс., немногим более 6 тыс. татар и всяких инородцев, 3,1 тыс. стрельцов и казаков, а также почти 4,6 тыс. ратных людей с северных, северо-восточных и восточных городов. В сумме получается около 23 тыс. «сабель» и «пищалей» (и если вычесть эту цифру из общей, почти 28 тыс. «всяких людей», названной в росписи, то, выходит, в войске было еще и почти 5 тыс. послужильцев детей боярских)¹⁸².

Во всех этих случаях мы разбирали примеры, когда в поход на супостатов отправлялся сам государь, и, естественно, что в таком случае дело приобретало серьезный оборот – в поход снаряжались лучшие силы и отборные воины в немалом числе, а иначе что же это за «государев поход»? Конечно, при Иване Грозном таких походов было существенно больше, чем в предыдущие правления, однако царь самолично не всегда выступал против своих «государских» врагов, а по византийскому обычаю препоручал дело своим воеводам – «столпам царства». Подробных росписей таких походов с указанием численности каждой категории служивых до

¹⁸⁰ См., например: Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2016. С. 202, 213.

¹⁸¹ См.: Разрядная книга 1574–1605 гг. Т. II. Ч. III. М., 1982. С. 458–466.

¹⁸² Там же. Т. III. Ч. I. М., 1984. С. 61–62.

наших дней не сохранилось, но остались росписи с указанием количества «титulyных» (термин О. А. Курбатова) «полков» и поименные списки воевод и голов, водивших ратников в поход и на «прямое дело». И по аналогии с росписями государевых походов можно прикинуть в первом приближении вероятную численность таких ратей.

Для начала рассмотрим зимний 1558 г. поход русской рати в Ливонию – поход, который, как традиционно считается, положил начало Ливонской войне 1558–1583 гг. Согласно русским разрядам, войско, выступившее против государевых недругов из Пскова, состояло из пяти полков (Большого, Передового, Правой илевой рук и Сторожевого) под началом 10 воевод, под которыми «ходили» 38 сотенных голов (соответственно 13, 8, 7 и по 5), а также татар, черемис и «пятигорских черкас». В войско были включены также и два стрелецких прибора – Тимофея Тетерина и Григория Кафтырева. Сравнивая эти данные с полоцким разрядом 1562–1563 гг., можно заключить, что только «русский» компонент конной рати составлял порядка 7–7,5 тыс. бойцов и до 3,5–4 тыс. обозников-кошевых. К московским, новгородским и псковским детям боярским и дворянам необходимо добавить 3 тыс. татар и 1 тыс. стрельцов и, возможно, некоторое количество казаков. В итоге мы выходим на примерную численность русской рати в 12–14 тыс. «сабель» и «пищалей» и еще около 4–5 тыс. в обозе¹⁸³.

Годом позже опустошать Ливонию отправилась новая рать под водительством воеводы князя С. И. Микулинского со товарищи. В ней также было 5 полков, 10 воевод и 47 «сотенных» голов, а также 5 городовых воевод со своими людьми, татары и «наряд». Проводя аналогии со все тем же Полоцким походом, можно прийти к заключению, что русской поместной конницы с воеводами было порядка 9–10 тыс. (и еще с «лехким кошем с ествою», то есть обозом, их сопровождали около 4–5 тыс. обозной челяди «с юки»). Кроме того, в состав войска вошли примерно 4 тыс. татарских всадников и 1,5–2 тыс. пехоты – стрельцов и казаков, посаженной для скорости перемещений на коней или на сани¹⁸⁴. И в итоге выходит, что всего с князем Микулинским воевать ливонских немцев отправилось порядка 13–15 тыс. «сабель» и «пищалей», не считая обозников-кошевых.

Еще один аналогичный пример из истории той же войны. Зимой 1560 г. в Ливонию вторгается очередное русское войско под началом воеводы князя И. Ф. Мстиславского – 5 полков, наряд, 11 воевод и 54 сотенных головы, не считая татарских мурз¹⁸⁵. Общую численность воинства Мстиславского, по опыту аналогичных походов того времени, можно определить примерно в 15 тыс. или несколько более «сабель» и «пищалей», не считая кошевых-обозных посохи, обслуживавшей артиллерию.

Итак, мы видим, что пятиполковая рать, действовавшая на отдельном направлении, насчитывала в среднем 10–15 тыс., редко больше бойцов (молодинский пример не в счет – князь Воротынский ожидал на «берегу» самого крымского «царя», и «царю» надо было оказать достойный прием и «честь»). Такое войско («большой» разряд) было, если так можно сказать, «стандартной» московской ратью – большая часть выставляемых Иваном Грозным полевых армий имела такую структуру. Но она была довольно громоздка и неповоротлива, будучи обремененной большим обозом и значительным числом «полукомбатантов» и некомбатантов. Поэтому в тех случаях, когда не было необходимости выставлять столь значительное (по тем временам) и дорогостоящее войско, когда нужно было действовать быстро и стремительно, в Разрядном приказе (или сами полевые воеводы) составляли роспись «лехкой» трехполковой рати («малый» разряд).

¹⁸³ Подсчитано по: Псковская 3-я летопись. С. 235; Лебедевская летопись. С. 259, 261; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 170–171; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 17–22; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I. М., 1975. С. 72–73.

¹⁸⁴ Подсчитано по: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 176–177; Разрядная книга 1574–1605 гг. Т. II. Ч. I. С. 39–42. Ср.: Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I. С. 79–81. Псковская летопись упоминает еще и черкасских князей, ходивших в этот поход, а Лебедевская уточняет, что они были в Передовом полку (Лебедевская летопись. С. 275; Псковская 3-я летопись. С. 237).

¹⁸⁵ См., например: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 184–185.

Естественно, что такое войско имело существенно меньшие размеры, чем рать, отправлявшаяся в поход под предводительством самого государя, или же «стандартная» пятиполковая рать. Расчеты показывают, что, к примеру, отправившаяся в глубокий рейд в Поле летом 1555 г. «лехкая» рать воеводы И. В. Шереметева Большого насчитывала около 1,5 тыс. детей боярских – но отборных, в том числе «кутазников и аргуначников» государева двора, к тому же усиленных казаками и стрельцами. Как следствие, есть все основания предположить, что под началом Шереметева и его товарищей было около 3,5–4 тыс. детей боярских с послужильцами и примерно 1–1,5 тыс. стрельцов и казаков¹⁸⁶, посаженных на конь, – в сумме 4–5 тыс. «сабель» и «пищалей», а с обозниками-кошевыми – до 7–8 тыс. «едоков».

В другом похожем случае зимой 1553 г. усмирять непокорных черемисов и мордву ходила трехполковая рать под началом князя С. И. Микулинского. Исходя из сохранившегося в разрядных книгах «наградного» списка («и за ту службу посылан от государя с речью и з золотыми к боя-ром и воеводам ко князю Семену Ивановичю Микулинскому с товарищи и к головам Иван Олександровичъ Упин. А в росписи у него написано: подать от царя и великого князя золотые бояром и воеводам, и головам, и дворяном...»¹⁸⁷), можно попытаться восстановить примерную численность этого войска. И эти расчеты показывают, что под началом князя С. И. Микулинского со товарищи было порядка 1,5 тыс. детей боярских (и примерно 1–1,5 тыс. их послужильцев), до 1 тыс. татар и примерно с тысячу стрельцов – всего до 4,5–5 тыс. «сабель» и «пищалей».

Спустя пять лет, зимой 1558 г., Иван Грозный и его бояре, вынашивая план посадить на крымском столе «своего» «царя», направили в низовья Днепра судовую рать во главе с перешедшим на службу московского государя князем Д. Вишневецким. Ядро этого войска составили рязанские дети боярские, казаки и стрельцы. И когда князь Андрей Курбский позднее писал, что под началом князя Вишневецкого было 5 тыс. ратных людей (до 1 тыс. детей боярских с послужильцами и 3–4 тыс. стрельцов и казаков)¹⁸⁸, он вряд ли сильно преувеличил их численность. Список голов рати князя¹⁸⁹, явно скопированный книжником-летописцем из воеводской «отписки», подтверждает его сведения.

Годом позже трехполковая судовая рать из детей боярских, стрельцов и казаков под началом окольничего Д. Ф. Адашева снова двинулась на Крым по маршруту, проложенному прежде Д. Вишневецким и М. Ржевским, «промышляти на крымския улусы». Исходя из списка голов и воевод этого войска¹⁹⁰, выходит, что под началом Данилы Адашева было около 500–700 детей боярских (и примерно столько же их послужильцев), до 1 тыс. стрельцов и примерно столько же казаков – в сумме 3–4 тыс. «сабель» и «пищалей».

И еще один пример, астраханский. Весной 1556 г. Иван Грозный и бояре, узнав об измене астраханского «царя» Дервиш-Али, решили его примерно наказать – чтобы другим было неповадно, а заодно продемонстрировать потенциальным изменникам, что у Москвы длинные руки. С этой целью государь «отпустил» Волгою «в Асторохань голову стрелецкого Ивана Черемисинова с его стрелцы да Михаила Колупаева с казаки, да с вятчаны велел идти Федору Писемскому; да послал государь в прибавку голову ж стрелецкого Тимофея Пухова сына Тетерина с его стрелцы, да с вятчаны Федора Писемского, да с ними атаманы многие с казаки»¹⁹¹. И хотя относительно размеров подчиненного Черемисинову войска в летописях и разрядных записях ничего не сообщается, но можно попытаться представить, сколько при-

¹⁸⁶ См.: Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 30.

¹⁸⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 463–465.

¹⁸⁸ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 98.

¹⁸⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. I. С. 16.

¹⁹⁰ Там же. С. 46–47.

¹⁹¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 266.

мерно было ратных в «судовой» рати, отправившихся вниз по Волге принуждать Дервиш-Али к повиновению. Из приведенной выше цитаты следует, что под началом Ивана Черемисинова оказались по меньшей мере два стрелецких прибора и один казачий, то есть до 1,5 тыс. ратников. К ним стоит добавить вятчан Федора Черемисинова, а их могло быть около 1 тыс. (во всяком случае, для Полоцкого похода шестью годами позже с Вятки должно было выступить против государевых недругов 500 бойцов и еще 25 пищальников, и это было «вполы прежнего наряду»¹⁹², да и в летописи говорится, что вятчан возглавляли по меньшей мере два атамана). Одним словом, можно полагать, что под началом нашего героя было порядка 2,5 тыс. ратных людей – сила по тем временам немалая, хорошо оснащенная и вооруженная преимущественно огнестрельным оружием.

Таким образом, если подвести предварительные итоги, то можно сказать, что в эпоху Ивана Грозного численность выставяемых в поле ратей сильно колебалась и зависела от размера и характера задач, которые они должны были решить, а также от ожидаемого противника, его боеспособности. Если в поход отправлялся сам государь, то такое войско легко переваливало за 20 тыс. бойцов, не считая обозных и посошных людей. «Стандартная» пятиполковая рать, действовавшая на отдельном направлении, редко дотягивала до этой цифры (если только, как в 1572 г., не ожидалось вторжения серьезного неприятеля – того же крымского хана). Обычно ее численность колебалась между 10–20 тыс. «сабель» и «пищалей». Наконец, трехполковая «лехкая» рать, решавшая обычно тактические задачи, имела в своем составе менее 10 тыс. бойцов. Еще раз подчеркнем, что в наших расчетах мы учитывали только боевой элемент, оставляя за порогом обозную прислугу-кошевых.

Последние, как уже было отмечено выше, были вооружены и при случае легко могли превратиться в комбатантов (и уж, во всяком случае, играли далеко не последнюю роль в ходе фуражировок, не хуже саранчи опустошая неприятельскую местность). Кроме того, мы не берем в расчет посоху, на которую возлагались пусть и вспомогательные, но оттого не менее важные функции, без которых большая рать не могла эффективно решать поставленные перед ней задачи. И тем более мы не берем в расчет следовавший за войском многочисленный небоевой элемент, который привлекала возможность пожить за счет обслуживания ратных, грабежа и мародерства.

Нетрудно заметить, что разрядная документация никак не дает оснований утверждать, что московский государь располагал действительно «тьмочисленными» ратями. В 50-х – начале 70-х гг. XVI в. государево войско хотя и не дотягивало до совершенно баснословных цифр, которые сообщают нам современники (легко исчислявшие московские полчища сотнями тысяч, как это сделал, к примеру, немецкий книжник Т. Бреденбах, у которого царское войско, осадившее летом 1558 г. Дерпт, было оценено как 300-тысячное, притом что реально под началом воеводы князя П. И. Шуйского находилось около 10 тыс. воинов!), однако по тем временам представляло собой весьма серьезную силу. Мало кто из европейских государей того времени мог позволить себе выставить в поле пусть даже не 50-тысячную рать, но хотя бы 25–30 тыс. пехоты и конницы с могущественной артиллерией, и делать это с пугающей регулярностью, наводя тем самым ужас и смятение на врагов и соседей. Пожалуй, только Великий Турок, султан Османской империи Сулейман I Кануни, и король Испании Филипп II, опиравшийся на несметные сокровища Индии, могли сравниться в этом с Иваном Грозным.

Но, говоря о численности русских полевых армий 3-й четверти XVI в., мы ничего до сих пор не сказали о том, сколько же всего ратных людей всех чинов было в распоряжении того же Ивана Грозного. Увы, сказать что-либо определенное по этому поводу чрезвычайно сложно. Мы уже отмечали выше, что первые сохранившиеся сметы воинских сил Русского государства датируются послесмутным временем, а более ранние списки погибли в огне гражданских войн,

¹⁹² Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/ 63 года. С. 123.

интервенции и мятежей. В нашем распоряжении есть лишь косвенные указания, позволяющие представить хотя бы в первом приближении общую численность русского войска в то время.

В качестве точки отсчета мы используем сметный список 7139 (1630/31) г. Согласно этому списку, в ведении различных ведомств находилось почти 86,5 тыс. служилых людей разных чинов (без учета послужильцев, с которыми численность ратных перевалила бы за 90 тыс. человек)¹⁹³. Логичным было бы предположить, что в первой половине правления Ивана Грозного, когда Русское государство находилось на подъеме, общая численность ратных никак не могла быть меньше этой цифры. Косвенным образом это предположение подтверждают две любопытные росписи. Одна из них принадлежит английскому дипломату Дж. Флетчеру, побывавшему в России в конце 80-х гг. XVI в., другая сохранилась в так называемом «Московском летописце» начала XVII в.

Отличие этих сведений от сообщений о «тьмочисленном» московском войске заключается в том, что они характеризуют **общую** численность московского войска вовсе не как умпомрачительную и баснословную. Книжник-составитель «Московского летописца», повествуя о сражении при Молодях в 1572 г., сообщал, что перед началом кампании 1572 г. «государевых людей было во всех полках земских и опришлиных дворян и детей боярских по смотру и с людьми 50 000, литвы, немец, черкас каневских 1000, казаков донских, волских, яицких, путимьских 5000, стрельцов 12 000, поморских городов ратных людей, пермиць, вятчен, коряковцов и иных 5000...», то есть суммарно 73 тыс. ратников¹⁹⁴. Между тем, как уже было сказано выше, в эту кампанию Иван Грозный выставил две армии – на южном, крымском, «фронте» одну и вторую – на «фронте» северо-западном, шведском. Напрашивается предположение, что перед нами не список со смотра войск, собранных на южном фронте, что как будто следует из контекста летописного известия, сколько некая выдержка, выписка из не дошедшей до наших дней общей сметы всех вооруженных сил Русского государства в 70-х гг. XVI в. И список этот явно неполный.

Уверенность в том, что перед нами данные именно некоей общей росписи, хранившейся в Разрядном приказе, возрастает, когда мы знакомимся с отчетом Дж. Флетчера. Еще раз подчеркнем, что его сведения разительно отличаются от сообщений иностранцев, писавших о «тьмочисленном» войске, коим располагал, по их словам, московский государь. Согласно Флетчеру, русское войско насчитывало немногим более 96 тыс. ратников, в том числе 80 тыс. всадников, 12 тыс. стрельцов (столько же, сколько и в «Московском летописце») и 4300 иностранцев¹⁹⁵.

Учитывая, что в 1572 г. речь шла о двух **полевых** армиях, а Флетчер писал обо **всех** вооруженных силах Российского государства (выделено нами. – *В. П.*), то схожесть данных наводит на мысль, что оба автора «питались» из одного и того же источника. Можно ли определить его? На наш взгляд, можно! В частности, касаясь источников «Московского летописца», В. И. Буганов, исследовавший его текст, отмечал, что среди материалов, на которые опирался анонимный автор этого текста, были официальные документы, в том числе и разрядные книги¹⁹⁶. Между тем известно, что официальные разрядные книги в 1-й пол. XVII в. содержали в себе подробнейшие сведения о численности вооруженных сил Русского государства¹⁹⁷

ником сведений был английский купец Дж. Горсей¹⁹⁸. Как указывал историк Н. М. Рогожин, «Флетчер как ученый **систематизировал и группировал его данные, обобщая их** (выделено нами. – В. П.) и используя для своих доказательств...»¹⁹⁹. Горсей же, по замечанию исследовавшей его сочинение А. А. Севостьяновой, на протяжении без малого 10 лет пользовался большим доверием московских властей и был вхож на самый верх московского политического олимпа, выполнял разного рода дипломатические и торговые поручения русского правительства, в том числе и секретные, достаточно щекотливые²⁰⁰. Следовательно, нет ничего невозможного в том, что Горсей, пользуясь доверительными отношениями с самим русским царем и многими видными русскими политическими деятелями того времени, пользовался этими связями для получения интересующей британские власти информации, в том числе о военном потенциале Русского государства. И поскольку время наибольшего благоприятствования для деятельности Горсея относится к концу 70-х – 1-й половине 80-х гг. XVI в., то данные «Московского летописца» и сведения, что сообщил Флетчеру Горсей в 1588 г., разделяет не так уж и много времени. Следовательно, можно предположить, что перед нами предельно краткий и обобщенный пересказ реально существовавших разрядных росписей численности всех вооруженных сил Российского государства, который можно отнести к 70-м – началу 80-х гг. XVI в.

Анализ двух этих свидетельств и сопоставление их с данными относительно общей численности русского войска в первые послесмутные десятилетия позволяют нам утверждать, что общая численность вооруженных сил Русского государства в конце правления Ивана Грозного составляла около 100 тыс. ратных людей всех «чинов», а в середине 50-х – 1-й половине 60-х гг., на пике военного могущества Русского государства, превышала эту цифру.

¹⁹⁸ Рогожин Н. М. Иностранцы дипломаты о России XVI–XVII веков // Проезжая по Московии. С. 9.

¹⁹⁹ Там же. С. 10.

²⁰⁰ Севостьянова А. А. Джером Горсей и его сочинения о России // Горсей Дж. Записки о России XVI – начала XVII в. М., 1990. С. 11.

Очерк IV. Государево ратное строенье: развитие системы управления русскими ратями от Ивана III до Ивана IV

Среди прочих параметров, определяющих военную мощь государства, упоминавшийся нами уже неоднократно американский социолог и культуролог С. Хантингтон упоминает организационный, под которыми исследователь понимал (еще раз процитируем его тезис) «слаженность, дисциплину, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления»²⁰¹.

Эффективность, качество командования и управления *ultima ratio regis* всегда имела и будет иметь, пожалуй, не меньшее, если не большее, значение, чем численность. То, что «порядок бьет класс», было замечено давно, еще в глубокой древности, – так, древнегреческий географ Страбон писал, что «любая варварская народность и толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой». Для Русского государства «классической», досмутной эпохи (впрочем, и позднее тоже) это было весьма актуально. Огромные просторы России и еще большая протяженность ее границ с учетом всегдашнего не слишком, мягко говоря, удовлетворительного состояния инфраструктуры (в особенности тех же дорог) и не слишком, опять же мягко говоря, дружелюбного окружения (не случайно же В. О. Ключевский в присущей ему образной, запоминающейся манере писал о том, что Русское государство представляло собой осажденную со всех сторон – ну разве что кроме северной – крепость!²⁰²), ставили Москву в положение престарелого царя Дадона из пушкинской сказки про золотого петушка:

Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали.
Ждут, бывало, с юга, глядь, —
Ан с востока лезет рать!
Справят здесь, – лихие гости
Идут от моря...

Добавим к этому еще и пресловутую «военную революцию», о которой мы писали прежде. Необходимость соответствовать последней военной «моде» также предъявляла повышенные (и продолжавшие расти) требования к качеству военной машины. И наконец, не забудем еще и про бедность (относительную, конечно, но все же) Русского государства людскими, материальными и финансовыми ресурсами. Отсюда и проблема – как при существенном, по сравнению с прежними временами, усложнении военно-политических задач, стоящих перед формирующимся московским государственным аппаратом, более или менее успешно решить их, располагая при этом ограниченными силами и средствами? При этом, кстати, желательно было не слишком обременять «землю» постоянными требованиями предоставить в распоряжение великого князя и его воевод людей, деньги, провиант, снаряжение и все прочее, без чего

²⁰¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 126.

²⁰² Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. II // Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. II. М., 1988. С. 195.

невозможно будет бороться с государевыми недругами, которые аки «огненные главни пожигаючи и поपालяючи христьянство...».

Одним словом, нужна была некая административная структура, которая могла бы в нужное время в нужном месте сконцентрировать необходимые для достижения столь важного во все времена количественного перевеса над потенциальным неприятелем (неплохо воевать умением, а не числом, но еще лучше – и числом, и умением!). При этом нужно было снабдить собранную рать всем необходимым для успешного ведения боевых действий на все время кампании. Но и это еще не все – необходимо было также обеспечить и контроль за ее действиями во время похода, с тем чтобы, держа руку на пульсе, вовремя реагировать на изменяющуюся ситуацию, не говоря уже о необходимости координировать действия «полков», сражающихся и марширующих независимо друг от друга в рамках общего стратегического замысла кампании.

Необходимость такого органа была осознана в Москве достаточно рано. Мы уже привели выше мнение отечественного историка А. Смирнова относительно того, что в раннемодерной России военная централизация была достигнута существенно раньше, нежели политическая и экономическая. И эта ускоренная военная централизация, обратим на этом внимание еще раз, предоставила в распоряжение московских государей существенно большие ресурсы и соответствующие возможности, нежели те, которыми располагали их предшественники. Достаточно привести один, но весьма и весьма характерный пример – при не изменившейся радикально демографической ситуации уже Иван III мог выставить в поле рать, а то и несколько, на порядок превышавшую по численности ту, с которой выступал в поход его отец. Это стало возможным не в последнюю очередь по причине того, что при Иване III складываются соответствующие военно-административные механизмы, позволявшие отобилизовать и обеспечить «доставку» к месту битвы массы людей, коней и техники (не будем забывать, что с конца XV в. Россия существует как «пороховая империя») со всем, что необходимо для успешного ведения боевых действий.

Небольшая ремарка – теоретически великие князья могли полагаться на помощь своих вассалов, обязанных выступать в поход по первому зову сюзерена. Соответствующая норма прописывалась в договорах-«докончаньях», которые заключали между собой князья, и формулировки эти практически не менялись от века. Так, в договоре между Василием I и его дядей Владимиром Андреевичем, заключенном в 1390 г., было, среди прочего, сказано следующее: «А где мне, князю великому, всести на конь, и тебе со мною всести на конь. И где ми самому не всести, и мне брате, тебе послати, а тебе всесте безослушанья». Примерно в том же духе выдержаны и соответствующие статьи в докончаньях, к примеру, Василия II и суздальского князя Василия Ивановича в 1449 г., Ивана II с князем Верейским и Белозерским Михаилом Андреевичем (около 1464 г.) или Василия III со своим братом, дмитровским князем Юрием, в 1531 г.²⁰³ Однако добиться строгого и безусловного выполнения этих статей оказалось делом весьма нетривиальным и долгим. Только после Войны за золотой пояс, когда Василий II «зачистил» непокорных и переменчивых в своих симпатиях и настроениях вассалов, можно было рассчитывать на то, что данные обещания «всести на конь» будут исполняться (да и то рецидивы прежней «болезни», когда младшая «братья», «идучи не идяху» на зов великого князя, встречались еще при Иване III).

Итак, в чем же проявилась эта самая «военная централизация» применительно к сфере государственного управления? Вспомнив Хантингтона, как не вспомнить и беглого дьяка Григория Котошихина, который во времена «Тишайшего» царя Алексея Михайловича писал, что есть на Москве среди прочих приказов Разрядный приказ, а в приказе том «сидят околничей, да думной дьяк, да два дьяка». И «ведомы в том Приказе всякие воинские дела, – продолжал Котошихин, – и города строением и крепостми починкою и ружьем и служивыми людми; также

²⁰³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 38, 157, 209, 417.

ведомы бояре, околничие, и думные и ближние люди, и столники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жилцы, и дворяне городовые, и дети боярские, и казаки и салдаты, всякою службою; и кого куды лучится послати на службы, в войну и в воеводства в города и во всякие посылки, и за службы о жалованье и о чести и о прибавке денежного жалованья указ в том же Приказе, также и о сыску чести и о бесчестии и о наказании, как о том писано выше сего; а кого царь куды посылает на службы и что кому за службы бывает чести и жалованья и бесчестия, и то записывают в книги...»²⁰⁴.

Рука об руку с Разрядным приказом над решением вопросов военного управления работали и другие приказы – такие, как, к примеру, Стрелецкий («а в том приказе ведомы стрелетцкие приказы, московские и городовые; и собирают тем стрелцом жалованье со всего Московского государства»²⁰⁵), Пушкарный («а ведомы в том приказе пушечные дворы, московские и городовые, и казна, и пушкарни, и всякие пушечные запасы и зборы»²⁰⁶), Иноземный («и ведомы в том приказе иноземцы всяких чинов служилые люди»²⁰⁷) и ряд других. Все вместе они образовывали довольно стройную и эффективную военно-административную машину, равной которой в те времена сыскать будет непросто – пожалуй, в этом вопросе хитрые московиты шли не просто в ногу со временем, а в чем-то даже его опережали. Но как, при каких обстоятельствах появились на свет Разрядный приказ (как головной, важнейший орган московского военного ведомства) и его «товарищи», отвечавшие за «ратное строенье» накануне и во время войны? Каким был процесс складывания органов московского центрального военного управления, ведавшего «уряжением полков» и в мирное, и в военное время?

Начнем с ответа на первый вопрос. Увы, сегодня сложно сказать, как именно происходило «уряжение полков» (к тому, как проходило собственно «уряжение полков» на походе и перед битвой, мы еще вернемся) в XIV – 1-й половине XV в. Летописи весьма немногословны насчет этого, полагаться на сведения из литературных повестей (той же «Задонщины» или «Сказания о Мамаевом побоище») рискованно в той же степени, как использовать «Войну и мир» Л. Н. Толстого для описания, к примеру, Бородинского сражения. Документов же и актовых материалов, вышедших из великокняжеской «канцелярии» того времени и способных пролить свет на особенности русского военного планирования, организации и руководства как на стратегическом, так и тактическом уровне, от той эпохи не сохранилось. Можно лишь предположить, что перед и во время похода и уж тем более перед битвой великий князь совещался со своими боярами и воеводами и, безусловно, со своей своенравной и горделивой «младшей братьей» – удельными князьями, выставлявшими свои «полки» на помощь «брату старейшему»²⁰⁸. «Здумав» со своей «братьей» и посовещавшись с боярами и воеводами («князьями земли своей»), великий князь намечал план похода и попутно решал вопросы, связанные с подготовкой рати к походу. Затем к делу подключалась великокняжеская администрация – дьяки, подьячие и тиуны, занимавшиеся черновой работой по собиранию ратных людей, обеспечению их всем необходимым для ведения войны, составлению маршрута похода, предварительному «уряжению полков» и пр.

Эта практика сохраняется и потом, при Иване III и его преемниках. Государь в управлении государством опирался на Боярскую думу, с которой он советовался по всем вопросам государственного управления, в том числе и военным. Не случайно в московском делопроизводстве сложилась характерная формула «царь указал, и бояре приговорили». Вот, к примеру, как выглядела «протокольная» запись о результатах совещания Ивана Грозного с боярами о

²⁰⁴ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 110.

²⁰⁵ Там же. С. 112.

²⁰⁶ Там же. С. 130.

²⁰⁷ Там же. С. 131.

²⁰⁸ См., например, летописное известие о совете Василия II со своей «братьей» перед тем, как отправить рать против хана Улуг-Мухаммеда зимой 1437 г.: Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. Стб. 69.

походе на Полоцк осенью 1562 г.: «Лета 7071-го, сеньтебря, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил з братом своим со князем Юрьем Васильевичем, и со князем Володимером Андреевичем, и з своими бояры, как ему, ож даст Бог, самому иди для своего дела и земского на недруга своего короля литовского Жигимонта Августа на зиме, и по которым местом государским людем збиратися и на которой срок...»²⁰⁹

После принятия решения начиналась рутинная деятельность по подготовке похода, за которую, засучив (в буквальном смысле) рукава, брались государевы дьяки и подьячие. Объемы и сложность этой работы во 2-й половине XV в., как уже было отмечено выше, постоянно возрастали, и необходимость решения растущего вала проблем потребовала перестройки и совершенствования всего военно-административного аппарата, и прежде всего на самом верхнем его уровне.

Стоит обратить внимание на любопытную особенность военной деятельности Ивана III. Его отец, Василий II, хоть не показал себя как удачливый полководец, тем не менее раз за разом лично водил свои полки в бой, демонстрируя при этом изрядную отвагу и самообладание. Так было, к примеру, в 1436 г., когда его враг, князь Василий Юрьевич, «восхоте искрасти» великого князя и, нарушив перемирие, неожиданно напал на лагерь Василия II. Последний же не растерялся, «розосла по всем станом, а сам похватив трубу начат трубити, и тако часа того събрашася польци великого князя» и разбили хитроумного Юрьевича²¹⁰. Или другой, не менее хрестоматийный пример, когда в 1445 г. под Суздалем великий князь на лихом коне во главе своего двора врубился в татарский строй, доблестно бился и, весь израненный²¹¹, был взят в плен бусурманами.

Не таков был его сын. Иван, судя по всему, исходил из того, что не государево это дело – махать саблею и биться копейным или лучным боем, для этого есть воеводы, головы и рядовые воинники. Но мы можем наблюдать действия Ивана в другом качестве – «верховного главнокомандующего», опирающегося в своей деятельности на своего рода «ставку ВГК» и руководящего действиями своих ратей на расстоянии посредством «директив». Именно в таких выражениях характеризует его деятельность как военного вождя видный отечественный историк, специалист по истории русского военного дела 2-й половины XV в. Ю. Г. Алексеев²¹². Лишь изредка, в особо важных случаях (как это было, к примеру, в 1471 или в 1480 гг.), государь лично возглавляет войско.

«Ставка ВГК» и «тянувшие» к ней соответствующие военно-административные структуры складывались при Иване III постепенно, шаг за шагом, по мере того, как росли авторитет и влияние великого князя и подчинялись его воле его «младшая братья». В нашем распоряжении есть подробный летописный рассказ о Казанском походе 1469 г.²¹³, который позволяет утверждать, что еще в самом начале его правления при великокняжеском дворе уже имелось некое подобие пресловутой «ставки» – достаточно профессиональный, опытный, набивший руку в такого рода мероприятиях военно-административный аппарат, способный потянуть организацию и проведение столь масштабного военного предприятия.

Еще более показателен в этом плане поход Ивана III на Новгород в 1477–1478 гг. В официальном великокняжеском летописании сохранился в кратком переложении своего рода «походный журнал», подробно расписывающий маршрут и время, проведенное великим князем на пути в Новгород; наряд сил, выделенных для похода; походную «диспозицию» и основные распоряжения, отданные великим князем его вассалам и воеводам перед и во время

²⁰⁹ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 120.

²¹⁰ Московский летописный свод конца XV века. С. 252.

²¹¹ См., например: Латухинская Степенная книга. 1676 год. М., 2012. С. 363.

²¹² См., например: Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 5–6, 433–435.

²¹³ См., например: Московский летописный свод конца XV века. С. 281–283.

марша. Наконец, летописная повесть о походе великого князя донесла до нас и известия и о сделанном на завершающем этапе похода Иваном «уряжение полков» – переформатировании походных колонн в «оперативные» (термин Ю. Г. Алексеева) «полки»²¹⁴.

Подробная летописная запись снова, как и в случае с 1469 г., косвенно свидетельствует о существовании при дворе великого князя отдельной «канцелярии», в задачи которой входило осуществление подготовительной работы перед походом и ведение всей необходимой бюрократической документации перед и во время похода (от «походного дневника» – «записной книги» до рассылки распоряжений великого князя земским властям, союзникам, вассалам и воеводам и пр.). Об этом же свидетельствует и опись архива Ивана Грозного, в которой, к примеру, хранились «наряд служебной, княж Дмитреев поход Ивановича к Смоленску лета 7010 (речь идет о неудачной осаде Смоленска сыном Ивана III Дмитрием Жилкой в 1502 г. – В. П.) ...» и «наряд по берегу лета 6998 (расстановка государевой рати по Оке летом 1490 г. – В. П.) ...»²¹⁵ Однако пока остается открытым вопрос: насколько постоянным был этот орган, выделялся ли уже он из состава великокняжеского Дворца или Казны (как институтов великокняжеского дворового, вотчинного управления), оформился ли в независимую структуру? Или же вопросами, связанными с военно-административной деятельностью, по поручению великого князя занимался по необходимости доверенный («введенной») дьяк с небольшим штатом подручных-подьячих (исследователь приказной системы Д. В. Лисейцев отмечал в этой связи, что «приказное управление, происходившее от **временных личных приказов** – поручений государя тому или иному лицу, сохранило отчасти эту особенность до конца своего существования»²¹⁶ (выделено нами. – В. П.). Отсюда и происходит, кстати, сам термин «приказ»), в ведении которого находились и иные дела? Однозначного ответа на этот вопрос нет, хотя, похоже, тенденция к специализации некоторых дьяков на определенного вида административной работе во второй половине правления Ивана III уже наметилась.

Окончательное выделение Разрядного приказа из великокняжеского Дворца (или Казны) произошло, похоже, при Василии III. Во всяком случае, в одной из разрядных книг под 7039 г. (1530/31 г.) говорилось, что великий князь возложил опалу на воевод «на князя Ивана Воротынского да Ивана Овчину да Ивана Лятцкого», повелев их «с Тулы дьяку Афонасию Курицыну привести к Москве в Роз-ряд...». В разрядных же записях под 7043 г. (1534/35 г.) содержится другое, не менее важное и любопытное указание на то, что «тово же 7043-го и 7044-го и 7045-го году на Москве в розряде дьяки Елизарей Цыплетев да Офонасей Курицын, да Григорей Загрязской, да у них в розряде подьячеи Левонтей да Иван Вырубовы»²¹⁷. Эти первые упоминания о Разрядном приказе свидетельствуют, с одной стороны, что он уже существует как отдельная, независимая структура, а с другой – если мы сравним эту разрядную запись со свидетельством Котошихина, то выходит, что «штатное» расписание Разрядного приказа из трех дьяков сложилось уже в эпоху Василия III. Одним словом, вести отсчет истории Разрядного приказа, центрального и самого важного звена военно-административной машины Русского государства, можно вести как минимум с конца правления Василия III.

Окончательное упорядочивание и оформление Разрядного приказа относится, безусловно, к 50-м гг. XVI в., ко временам первого русского царя Ивана Грозного, при котором наметившаяся в предыдущие десятилетия тенденция упорядочивания и бюрократизации (в хорошем смысле) государственного управления вообще и военной администрации в частности привела к формированию системы приказов, отвечавших за различные аспекты функционирования военной машины Русского государства. Этот процесс растянулся на несколько деся-

²¹⁴ Там же. С. 310–313.

²¹⁵ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 33.

²¹⁶ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М., 2009. С. 5.

²¹⁷ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. М., 2007. С. 81; Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. II. С. 254.

тилетий и в целом был завершен к концу правления Ивана, после чего выстроенное здание приказной администрации дорабатывалось при его сыне Федоре и Борисе Годунове.

Место головного военно-административного учреждения в этой системе прочно занял Разрядный приказ, функции и задачи которого подробно были расписаны Котошихиным – за сто лет существования Разряда они существенно не переменились (а если и изменились, то только в сторону расширения). Во главе приказа во 2-й половине XVI в. стояли такие крупные и, не побоимся такого слова, выдающиеся военные администраторы, как Елизар Цыплятев и его сын Иван, Иван Выродков (тот самый Иван Выродков, строитель Свияжска, герой осады Казани в 1552 г. и одновременно взяточник и лихоимец), братья Андрей (которого английский купец и дипломат Дж. Горсей характеризовал как «лукавейшего из всех живших скиффов») и Василий Щелкаловы, Андрей Клобуков (весьма ценимый Иваном Грозным – когда он попал в плен к полякам после неудачной для русских битвы под Венденом в 1577 г., Иван предложил Стефану Баторию, королю Речи Посполитой, выкупить дьяка за 500 рублей²¹⁸. На эти деньги можно было купить столько зерна, что его хватило бы для прокормления в течение года почти 500 человек), Дружина Петелин, Сапун Аврамов и др. На их плечи и на плечи их младших товарищей и немногочисленных подьячих ложился колоссальный груз ответственности за исправное функционирование всей военной машины Русского государства. И надо сказать, что разрядные дьяки и подьячие умудрялись успешно справляться с возложенными на них обязанностями: ведением текущей разрядной документации; перепиской с воеводами и головами; составлением полковых росписей и наказов отправляющимся в поход или на годованье в города и крепости воеводам; организацией регулярных смотров детей боярских и верстанья поспевающих на государеву службу новиков; решением вопросов снабжения действующей армии и гарнизонов крепостей огнеприпасами, провиантом и фуражом; выплатой жалованья и пр.

По мере усложнения и изменения структуры царского войска часть функций Разрядного приказа и Дворца передавались в новые приказы и иные структуры, отвечавшие за отдельные отрасли военного управления и администрации. К 1547 г. относится первое упоминание Оружейной палаты (в составе дворцового ведомства, приказа Большого дворца). Эта палата (иногда ее еще именовали Бронным приказом) во главе с оружничим отвечала за государевы оружие и доспехи, их исправность и пополнение.

1571 г. датируется первое упоминание в источниках Стрелецкого приказа, в компетенции которого долгое время находились не только стрельцы, но и, если судить по сохранившимся документам, служилые казаки. На первых порах стрельцы, судя по всему, находились в ведении дворцового ведомства и «боярина введенного... у которого будут в приказе стрелетцкие дела»²¹⁹. Затем, по мере увеличения численности стрелецкого войска и появления новых его категорий, по меньшей мере часть стрельцов должна была оказаться под управлением Разряда, пока, наконец, для управления стрельцами (надо полагать, «земскими», тогда как «опричными»/«государевы» стрельцы по-прежнему оставались в подчинении приказа Большого дворца по меньшей мере до самой смерти Ивана Грозного) не был создан Стрелецкий приказ.

В 1577 г. впервые упоминается Пушкарный приказ (он же Городового дела и Засечный). Пушкарный приказ совместил в себе функции прежней Пушкарной избы, изготавливавшей артиллерийские орудия, и учреждения, в ведении которого находились пушкары, затинщики, зеленых дел мастера (изготавливавшие порох), кузнецы и плотники и прочие городских дел мастера.

²¹⁸ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год). М., 1843. С. 51, 169.

²¹⁹ Акты служилых землевладельцев. Т. I. С. 283.

В конце 80-х гг. XVI в. появляется и первое упоминание о будущем Иноземском приказе, а тогда приказе служилых немцев, или Панском приказе. По словам некоего англичанина, оставшегося неизвестным, Панский приказ – это «ведомство [для] солдат, которые являются поляками и иностранцами, получающими плату и жалованье»²²⁰.

Отдельно от «обычных» приказов стоят так называемые «четверти», возникшие как структуры, ответственные за сбор «кормленного окупа», который шел на выплаты денежного жалованья детям боярским. На первых порах, при Иване Грозном, сбор «окупа» по старой традиции поручался («приказывался») государем «кормленому» «четвертному» дьяку, который одновременно исполнял обязанности дьяка в каком-либо существующем приказе – например, Разрядном, как дьяк А. Шерефединов. Позднее, уже в царствования Федора Иоанновича и Бориса Годунова, четверти обособились в самостоятельные приказы со своим аппаратом, но при сохранении прежних своих функций.

И, завершая характеристику военно-административного аппарата Русского государства, скажем об еще одном приказе. Его нельзя поставить на одну доску с тем же Разрядным или Стрелецким приказом, однако от его успешной работы во многом зависела боеспособность русского войска, в особенности поместной конницы. Речь идет о Конюшенном приказе. На первых порах ведомство конюшего, придворного чина (известен с 1493–1494 гг.) отвечало в первую очередь дворцовыми конюшнями, всякого рода экипажами и повозками для государственного обихода, а также конюшенными слободами и «заводами». Однако затем в сферу ответственности конюших, ясельничих и дьяков попадает чрезвычайно важный вопрос – регулирование торговли лошадьми, в особенности пригоняемых ногайскими татарами сотнями и тысячами на торг неказистых, но неприхотливых и чрезвычайно выносливых степных лошадок-бахматов. Конюший приказ (с 1573 г., в 1548–1573 гг. – Конюшая изба) следил за тем, чтобы продаваемые лошади обязательно клеймились с обязательным же занесением сведений в специальные книги, сбором пошлин с купли-продажи и отбирал лучших лошадей для государевых конюшен и «заводов».

Любопытная деталь – созданный вскоре после покорения Казани и Астрахани Казанский дворец ведал, помимо всего прочего, также и служилыми людьми, русскими и инородцами, которые проживали на территории Среднего и Нижнего Поволжья, а также Северного Кавказа и некоторое время – Сибири. Можно предположить, по аналогии с Казанским дворцом, что и другие подобные областные дворцы – тот же Новгородский, Рязанский, Тверской и другие, существовавшие в конце XV – 1-й половине XVI в. (или несколько дольше, до 60-х гг. XVI в.), «заведовали» местными ратными людьми. Посольский приказ, подобно Казанскому дворцу, ведал городами «крымской украины», сношениями с донскими казаками и отвечал за сбор полоняничных денег и выкуп пленных. Ну а Ямской приказ не только отвечал за ямскую гоньбу, а значит, и за быстрое, без помех, передвижение гонцов от государя к воеводам и обратно, но и еще, судя по актовым материалам, за организацию снабжения марширующих по трактам полков (с тем, чтобы ратные не занимались самовольными реквизициями – «сильным иманием» – в окрестных селах и деревнях и тем самым не чинили лихо тамошним поселянам – об этом мы уже писали выше).

Ну а теперь, вкратце охарактеризовав устройство московской военной администрации в «классическую» эпоху, остановимся подробнее на структуре и организации собственно «легионов Третьего Рима». От времен Смуты сохранился любопытный документ, составленный в каком-то московском приказе и который, по мнению некоторых историков, представлял собой своего рода справочник для королевича Владислава²²¹, примерившего на себя Монома-

²²⁰ «Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века // Исторический архив. 1995. № 3. С. 197.

²²¹ Д. В. Лисейцев полагает, что эта «Записка...» была составлена при Лжедмитрии I (См.: Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. С. 111).

хов венец. Стоит привести длинную цитату из него, в которой подробно для непосвященных описывается структура и организация царского воинства. «А служба детям боярским украинных городов ежегод, – говорилось в «наставлении», – а к ним в прибавку Замосковные города. Срок Благовещеньев день на украины против татар грамоты будут разосланы по городом за печатью государською, а припись у грамоты розрядного дьяка, и толко к тому сроку, которой в грамоте написан, не поспеет, и тех детей боярских отпишут воеводы в нетех, и у них за то отымают поместье; хотя и приедет после сроку, наказанье бывает великое». Это обычная, ставшая к тому времени рутинной «береговая» дозорная служба, но если, не дай бог, «почуют царев приход (то есть крымского хана собственной персоной с князи, с уланы, с казаками и со всею крымскою «землею». – *В. П.*) или царевичев», то немедля по получению от сторожей подлинных вестей «посылает государь бояр своих на пять полков, а в полку по два боярина» согласно следующей «диспозиции»: «Большой полк ставится в Серпухове, Правой руки полк в Колуге, Левои руки полк на Кошире, Передовой полк на Коломне, Сторожевой полк в Олексин»²²².

Далее «наставление» сообщало, что «всех полкех по тысячи стрелцов украинных городов, да иноземцы розделены, литовские люди, и немецкие, и татаровя». На тот же случай, если сам государь решит выступить в поход против его государских недругов, то в таком случае к означенным выше пяти полкам присоединяется еще и «Государев полк великой избранных людей, где государь сам идет». «А прикажет полк держать ближнему своему боярину или двум, – продолжал оставшийся неизвестным московский дьяк, – да с ним с государем дела болшии и полковые (то есть артиллерия. – *В. П.*); а у них боярин да дьяк имянутся у наряду (артиллерийский парк с пушками, прислугой, боеприпасами и пр. – *В. П.*). А стрелцов в Государевом полку бывает... (в документе пропуск. – *В. П.* Из предыдущей части документа можно предположить, что была пропущена цифра «пять») приказов и болши, по пяти сот человек»²²³.

Наконец, составители «наставления» подробно описывают походный порядок и устройство государевой большой рати: «А яртаул идет перед всеми полками вперед, изо всех... (снова пропуск в документе. – *В. П.* Надо полагать, речь идет о полках) сотни посылают; а за ертаулом идет передовой полк, а за передовым правые руки полк, а за тем сам государь в своем полку идет; а за Государем полк большой, да потом левые рука полк и сторожевое полк; а покрыленя по обе стороны ото всех полков. Да пред государем едут: рында у копыя, рында у рогатины, рында у саадака, из ближних людей, а у... (опять пропуск в документе. – *В. П.* Вероятно, пропущено слово «государь») рынды жилцы, да перед Государем... (снова пропуск. – *В. П.*) едут самопалники (конные дети боярские, вооруженные колесцовыми и/или кремневыми пистолетами и карабинами. – *В. П.*). А как государь учнет опоясывать саадак, и рында подносит к государю... (увы, на этом месте «наставление» обрывается)²²⁴.

Итак, структура царского войска, его организация и порядок управления им в начале XVII в. в этом «наставлении» описан пусть и кратко, но достаточно емко для того, чтобы составить довольно точное и четкое представление о том, что представляли собой московские рати. И «полчный ряд», пожалуй, самая характерная и известная их черта. Но где, когда и при каких обстоятельствах он возник и что, собственно, он собой представлял? По этому поводу среди историков нет единого мнения. Так, А. В. Чернов, автор упоминавшегося нами ранее классического исследования по истории русского военного дела XV–XVII вв., полагал, что «полчный ряд» в привычном для нас виде окончательно сложился во 2-й половине XV в. (хотя и отметил при этом, что сам по себе «полк» превратился к тому времени в административную единицу)²²⁵. По мнению же А. Н. Кирпичникова, переход к «полчному ряду» завершается в

²²² Записка о царском дворе, церковном чиновничестве, придворных чинах, приказах, войске, городах и пр. // Акты исторические. Т. II. СПб., 1841. С. 425–426.

²²³ Там же. С. 426.

²²⁴ Там же. С. 426.

²²⁵ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 33.

конце XIII–XIV вв. «Изменение структуры полка, включавшегося мелкие и крупные тактические единицы, протекало параллельно увеличению числа основных боевых подразделений, – писал он, – участвующих как в походе, так и на поле сражения... В Раковорской битве 1268 г. войско было разделено не на **три традиционных** (выделено нами. – В. П.), но на четыре полка». Развивая свой тезис далее, видный отечественный оружейвед отмечал, что «с 1340 г. как новгородцы, так и москвичи выступали в походы не менее чем в пяти подразделениях» (со ссылкой на мнение М. Г. Рабиновича²²⁶) и, наконец, «первым генеральным сражением, где, кроме полков Большого, Правой илевой руки, имелись еще засадный, передовой и сторожевой, может считаться Куликовская битва»²²⁷. Нетрудно заметить (на что обращал внимание еще Ф. П. Сороколетов²²⁸), что сам по себе термин «полк» в русской военной лексике эпохи Средневековья – раннего Нового времени использовался в разных смыслах. Это и «войско», «вооруженные силы» в самом широком смысле, и отдельная часть войска, тактическая единица²²⁹, и военный лагерь, и военный поход, и собственно сражение²³⁰, не считая прочих. И, сравнивая «полки» в приведенных выше примерах, очевидно, что речь в них идет не об одном и том же.

При этом не стоит забывать о том, что только с конца XV в. в летописных текстах появляются фрагменты великокняжеской делопроизводственной документации (в пересказе, порой довольно близком к исходному тексту), и лишь со времен Ивана Грозного можно вести речь о разрядных записях и подлинном разрядном делопроизводстве. Таким образом, по большей части мы имеем дело со вторичными источниками, с текстами, носящими в большей или меньшей степени литературный характер, авторы-составители которых подчинялись определенным условностям и традициям. К тому же далеко не всегда в нашем распоряжении есть исходные варианты того или иного текста, не подвергшегося последующей переработке и редактированию. Все это, безусловно, затрудняет работу с текстами и вносит определенную путаницу в уяснение смысла использованных автором-составителем терминов.

Небольшой экскурс в историю. Первое упоминание о том, что на поле боя рать была разделена на несколько тактических формирований (условно, для удобства, чтобы различать «полк» как войско и «полк» как тактическое подразделение, будем называть их «баталиями»), мы находим в описании сражения при Листвене в 1024 г. (?) в ходе междоусобной войны между сыновьями Владимира Святославича. Согласно Повести временных лет, Мстислав Владимирович «постави северь в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома»²³¹. То есть из этого краткого свидетельства следует, что «полк»-войско Мстислава состояло из двух отдельных «полков» – ополчении северян и княжеской дружины. «Исполчая» свою рать, Мстислав разделил эти два «полка» на три тактических «полка»-«баталии» – северяне (очевидно, пешие) стали в центре боевого порядка (образовав, надо полагать, пресловутую «стену щитов»), а дружина, поделенная надвое (учитывая предысторию похода, можно предположить,

²²⁶ Отметим, что в своей статье М. Г. Рабинович указывал, что 5-полковая организация новгородской рати возникла прежде, чем в Московском государстве, и связана была с территориальным устройством Великого Новгорода, тогда как московское – с местническими порядками (с отсылкой к мнению В. О. Ключевского). См.: *Рабинович М. Г.* Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII–XV вв. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры. Вып. XXX. М.; Л., 1949. С. 59; *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. II. С. 139.

²²⁷ *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 13–14, 96.

²²⁸ См., например: *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). М., 2009. С. 39. Ср.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895. Стб. 1747–1749.

²²⁹ Ф. П. Сороколетов отмечал в своей работе, что «терминологические сочетания, обозначающие различные виды полков в зависимости от выполняемых ими функций» появляются и закрепляются на рубеже XII–XIII вв., при этом допустив важную, на наш взгляд, оговорку – учитывая, однако, что памятники, в которых зафиксированы эти сочетания, дошли до нас в поздних списках, можно предполагать, что составные термины типа «полкъ левой руки» и т. п. появились в более позднее время» (*Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке. С. 42).

²³⁰ См., например: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. XVI. М., 1990. С. 220–221.

²³¹ *Повесть временных лет.* СПб., 1999. С. 65.

что один «полк» составила «старая» дружина князя, а другой – «новая», обретенная им после победы над касожским князем Редедей), образовала два конных фланговых «полка», сыгравших роль ударных кулаков в битве. Надо полагать, что и Ярослав, противник Мстислава, также построил свое войско подобным же образом, только у него центр боевого порядка заняли пешие варяги-наемники.

Аналогичное трехчастное тактическое построение «полка»-войска, продиктованное его составом, мы видим и в 1036 г., когда Ярослав бился с печенегами под стенами Киева. «Ярослав выступи из града, – писал летописец, – и исполчи дружину, и постави варягы на среде, а на правой стороне кыяне, а на левеем криле новгородци»²³². Впрочем, мы не исключаем, что боевой порядок войска Ярослава был сложнее – можно предположить с высокой степенью уверенности, что отдельный тактический «полк»-«баталию» образовала собственная дружина князя, которая образовала вторую, резервную линию построения русской рати.

В летописи есть и другое, более подробное, описание сражения, которое дали русские князья половцам в мае 1093 г. на реке Стугне. Из него следует, что соединенное русское войско состояло из трех «баталий»-«полков», каждая из которых была образована дружиной одного князя (соответственно Святополка Изяславича, Владимира Всеволодича Мономаха и его младшего брата Ростислава). Князья «исполчившеся поидоша: идяще на десной стороне Святополк, а на шюе Володимер (соответственно на правой и на левой. – *В. П.*), а посередь Ростислав...». При этом конные стрелки-лучники от каждого из «полков» шли впереди, образуя первую линию боевого порядка или своего рода передовую завесу²³³. Любопытно, что в этом сражении «полк» «старейшего» князя, Святополка, занимал правый фланг, и это, кстати, не единичный пример такого рода. Так, в сражении на окраинах Суздаля в феврале 1097 г. сын Мономаха Мстислав поставил своих пешцев во главе с воеводой Кунуем на правом фланге, вручив тому знамя своего отца. «И виде Олег (Святославич, противник Мстислава. – *В. П.*), – писал потом книжник, – яко поиде стяг Володимерь, нача заходити в тыль его, и убоаясья побеже Олег...»²³⁴

В последующие десятилетия и столетия эта тактическая схема сохраняется и развивается. Каждый князь со своим «полком» образует в боевом порядке войска отдельную «баталию», причем само войско может иметь две, а то и три линии в боевом порядке. Например, в три линии и шесть «баталий»-«полков» выстроил свое воинство новгород-северский князь Игорь Святославич в 1185 г. перед битвой с половцами: «И изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середе, а поправу брата его Всеволода, а полеву Святославль сыновця его, наперед ему сынъ Володимеръ и другий полкъ Ярославль, иже бяху с Ольстиномъ Коуеве, а третий полкъ напереди же стрелци, иже бяхуть от всихъ князий выведены; и тако изрядиша полкы своя...»²³⁵

Ситуация не меняется и в следующем столетии. Так, в 1268 г. под Раковором соединенное русское войско выстроилось в линию по меньшей мере четырьмя (если не пятью или даже шестью) «баталиями»-«полками» в соответствии со своим составом: «Пльсковичи же сташа по правои руце, а Дмитрии (Александрович, князь Переяславский. – *В. П.*) и Святъславъ (Ярославич, сын тверского князя Ярослава Ярославича. – *В. П.*) сташа по праву же выше, а по леву ста Михаило (брат Святослава Ярославича. – *В. П.*), новгородци же сташа в лице железному полку противу великой свиньи (немецкой. – *В. П.*)...»²³⁶

²³² Там же. С. 66.

²³³ Там же. С. 93. Ср. описание сражения, которое дали половецкий хан Боняк и его союзник князь Давыд Игоревич, венграм на р. Вагре (Повесть временных лет. С. 115).

²³⁴ Там же. С. 109.

²³⁵ Ипатьевская летопись // Русские летописи. Т. XI. Рязань, 2001. С. 431.

²³⁶ Новгородская Первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 86. Из ливонского описания битвы следует, что новгородский полк, противостоявший «великой свинье», выставленной дерптским епископом Александром, состоял из двух «баталий» – собственно новгородской и дружины князя Юрия Андреевича (См.: Старшая Ливонская Рифмованная хро-

Точно так же обстоит дело и на реке Воже спустя еще столетие. «И удариша одинъ с сторону Полоцкий (князь Андрей Полоцкий. – *В. П.*), – описывал летописец атаку русских «полков» в сражении, – а съ другую Данило (князь Данила Пронский. – *В. П.*), а князь великий (Дмитрий Иванович. – *В. П.*) въ чело...»²³⁷ Снова мы видим, как каждый князь со своим «полком»-дружиной (или «двором»?) образует отдельную «баталию», действующую самостоятельно, но согласно «уряжению полков», в рамках общего плана боя, утвержденного накануне «прямого дела» на совете князей и воевод. Это «уряжение», судя по всему, и определяло и место такого «полка» как составного элемента соединенной рати в походном строю или в боевой линии, и его задачи на походе и на поле боя. И мы не встречаем в современных описываемых событиях нарративных источниках никаких упоминаний о привычных нам по более поздним временам «титულных» «полках» – Большом ли, Передовом ли, Сторожевом ли или же иных других. Что это, досадное упущение книжников, которые не считали необходимыми говорить о том, что и так очевидно и всем известно, или же их невнимательность к несущественным для общего замысла той же летописи деталям? Или же дело в другом – в том, что в это время, в XIII–XIV вв., «старшинство» «полков»-«баталий» пока не имело смысла, ибо войско строилось по иным, чем в конце XV–XVI в. принципам?

В ответе на этот вопрос мы склоняемся ко второму варианту. Децентрализация власти и превращение удельных князей, «молодшей братьи», в полновластных суверенов в своих владениях нашла свое закономерное отражение и в устройстве войска. Традиционный порядок устройства полевой рати, складывавшийся с начала истории Русского государства, теперь получил свое окончательное оформление и закрепление в межкняжеских докончаниях. В этих грамотах четко и недвусмысленно указывается, что поскольку «бояром и слугамъ меж нас волным воля», то «кто которому князю слоужит, где бы ни жил, тому с тем князем а и ехати, кому служит...» (докончание великого князя Василия Дмитриевича с галицким князем Юрием Дмитриевичем), около 1390 г.)²³⁸. Любопытная оговорка содержится в докончании Дмитрия Ивановича со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем, составленном

«оудела твоего... блюсти, в не обидети, ни вступатися...»²⁴¹, а самостоятельность в военных делах входила в сферу княжеской юрисдикции, в которую никто другой не имел права «вступатися». Да, по договору князь обязывался «ввести на конь» на общего недруга и выставить в поход свою рать вместе с ратью «брата старейшего». Однако она, возглавляемая или самим князем, или его воеводами, действовала вполне автономно, образуя собственный «полк» на марше или «баталию» на поле боя, лишь подчиняясь выработанному на общем совете перед походом и битвой «уряжению» «полков».

Единственная с нашей стороны поправка к этому состоит в том, что по мере того, как падает роль «земского» ополчения, которое «рекрутировалось» княжеской (или иной – как в случае с Новгородом или Псковом) властью с «сох» и «дворов» (правда, здесь стоит отметить еще раз, что, судя по всему, в этой «посошной» рати служили, как правило, «младшие сыны» – всякого рода вольница, «казаки», захребетники и прочие тому подобные люди, профессионально или полупрофессионально занимавшиеся военным делом, а не все боеспособные), возрастает роль мелких и средних вотчинников, не входивших в состав княжеского двора, но обязанных князю (или княжескому боярину) службой²⁴². Они формировали собственные «городовые» «полки», которые выступали в поход под предводительством княжеских воевод («а коли ми постали своихъ воеводъ ис которыхъ городовъ. И твои бояре поедуть с твоимъ воеводою, а твои воевода с моимъ воеводою вместе...»²⁴³). Эти последние, в отличие от княжеских, состоявших из людей его двора, носили территориальный характер и формировались из проживавших на территории уезда или волости служилых людей и их слуг. Примером таких «полков» могут служить выставленные зимой 1445 г. на Суходрови против литовцев «полки» Можайский, верейский серпуховской, а летом того же года в сражении под Суздалем с татарами – владимирский «полк» воеводы Алексея Игнатьевича, насчитывавший около 500 бойцов²⁴⁴.

Делились ли эти «полки»-«баталии» княжеские («дворовые» – Псковская летопись о дворе князя Александра Чарторыйского в 1461 г.: «А двора его кованои рати боевых людии 300 человек, опричь кошовых»²⁴⁵) и «городовые» на более мелкие тактические единицы – доподлинно нам об этом неизвестно (хотя логичным было бы предположить, что наименьшей боевой единицей был боярин/«слуга» со своими послужильцами). Более или менее «правильная» десятичная организация «полков» из сохранившихся до наших дней летописей и документов не просматривается. Встречающиеся в летописях и актах упоминания о децимальной организации в посадах и землях, о «тысячах», «сотнях», сотских, пятидесятских и десятских если и имеет отношение к структуре войска, то самое опосредованное. В том виде, в каком она существовала в XIV–XV вв., она выполняла в первую очередь административные и фискальные функции в пользу князя.

Но как же, может возникнуть вопрос у знатоков средневековой русской книжности, ведь еще в 1380 г. на Куликовом поле русские полки выстроены и поименованы по «классической», привычной нам схеме. Тут и Государев «великий» полк, и полк Правой руки, и полклевой руки, и Передовой, и даже несколько Сторожевых, не говоря уже о «западном» (который засадный)!²⁴⁶ Однако все эти подробности относительно структуры и организации полевого войска известны нам из источников, по времени отстоящих от Куликовской битвы на сто и даже

²⁴¹ Там же. С. 44.

²⁴² Процесс формирования и последующей эволюции таких уездных служилых корпораций-«городов» в XIV – начале XVI в. показан на примере Волока Ламского С. З. Черновым (см.: Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 296–321).

²⁴³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 38.

²⁴⁴ См., например: Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. М., 2007. С. 109; Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. Стб. 104–105.

²⁴⁵ Псковская 1-я летопись. С. 58.

²⁴⁶ Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская ред. // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 58, 62, 63.

более лет. Аутентичность этих сведений внушает определенные сомнения, особенно когда рассказ об «уряжении полков» сопровождается фразой «уставиша пльци по достоанию, елико где кому подобает стояти»²⁴⁷, то есть полки занимали место в боевой линии по их «достоанию» (это слово можно перевести как «достоинство» или, исходя из контекста, «старшинство»). А это четко выдает позднее происхождение источника – никак не раньше конца XV в., а то и 1-й половины следующего столетия!²⁴⁸ Именно тогда в военный обиход постепенно входят «титulyные» наименования полков, окончательно закрепившиеся в разрядной документации во 2-й половине XVI в.

Попробуем отследить путь, который прошло это новое деление полевой рати на «титulyные» «полки». Начнем с описания похода Ивана III на Новгород в 1477–1478 гг. При чтении летописной повести об этой военной экспедиции не оставляет впечатление, что неизвестный русский книжник, составлявший летопись, использовал некую документацию из великокняжеского архива. Ю. Г. Алексеев именуется текст, взятый летописцем за основу при составлении своей повести, «походным дневником»²⁴⁹, и для удобства мы будем дальше использовать это наименование.

«Походный дневник» 1478 г., ведомый великокняжеским дьяком (Василием Долматовым?) и его подьячими, сообщает нам, что великий князь разделил свою рать на 8 походных колонн (не «полки») разной численности (очевидно, сделано это было для удобства снабжения многочисленного войска). Составлены эти колонны были из дворов великого князя, его братьев, служилых князей и татарского царевича Данияра, а также территориальных «полков», выставляемых служилыми «корпорациями»-«городами»²⁵⁰.

Уже во время похода, после вступления в пределы Новгородской земли, великий князь разбил войско на «оперативные» (термин Ю. Г. Алексеева) «полки» общим числом четыре: Передовой, Правой илевой рук и Государев, отправив вперед при этом «লেখкую» «изгонную» рать²⁵¹. Выходит, что и в этом случае речь не идет о том, что полки заранее были расписаны «по достоанию» и что «уряжение», произведенное во время похода, носило сугубо утилитарный характер, – обращает на себя внимание тот факт, что разделение «городов» было осуществлено крайне неравномерно. Иван оставил в своем полку 21 «город», тогда все остальные три были существенно меньше по размеру. В передовой полк были назначены брат Ивана Андрей Меньшой со своим двором и государевы воеводы с костромичами, колодничими и владимирцами, в полк Правой руки вошли другой брат Ивана, князь Андрей Большой со своим двором, и три тверских «городов». В полку желевой руки оказались третий брат великого князя Борис со своими людьми, удельный князь Василий Верейский со своим двором и воевода Семен Пешок, который привел с собой служилых людей матери великого князя, великой княгини Марии²⁵².

Такое «уряжение» на первых взгляд разительно отличается от того, которое было в ходу в середине следующего столетия (когда численность «титulyных» «полков» хотя и различалась, но не настолько серьезно), во времена Ивана Грозного, и как будто соответствует прежней, старой доброй традиции чуть ли не домонгольских времен. Князя со своими дворами и

²⁴⁷ Сказание о Мамаевом побоище // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 222.

²⁴⁸ Литература, посвященная происхождению и времени написания главного памятника Куликовского цикла, «Сказание о Мамаевом побоище», поистине необъятна. Однако при всем расхождении точек зрения большинство исследователей сходится на том, что «Сказание» было создано в конце XV – начале XVI в., следовательно, отражает реалии того времени (См., например: *Клосс Б. М.* Сказание о Мамаевом побоище // Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М., 2001. С. 343, 345; *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. С. 132, 133; *Салмина М. А.* К вопросу о датировке «Сказание о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1979. С. 117, 124 и др.).

²⁴⁹ *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 184.

²⁵⁰ Московский летописный свод конца XV века. С. 311–312.

²⁵¹ Там же. С. 312–313.

²⁵² Там же.

«городовые» «полки» выступали в поход, предварительно собравшись в назначенном для этого месте. Уже потом, накануне решающей битвы, после совещания князей и воевод, происходило окончательное боевое «уряжение полков», в ходе которого боевой порядок как минимум имел трехчастное строение – центр и два крыла. При этом из состава этих основных «баталий» могли выделяться «передовые» «полки» и «сторожи», которые, как и сами «баталии», имели импровизированный и временный характер. «Баталии» же долгое время состояли из отдельных княжеских, или «городовых», «полков» и лишь позднее, по мере нарастания процессов «военной централизации», стали включать в себя сразу несколько «полков» под началом отдельных воевод – для удобства управления многочисленной ратью. Одно дело, когда «полк»-войско великого князя состоял из нескольких «баталий»-«полков» (как во время несчастной Суздальской битвы 1445 г., где великокняжескую рать составили дворы его собственный и его «младшей братьи», удельных князей Ивана и Михаила Андреевичей и Василия Ярославича с «городовым» владимирским «полком»), и совсем другое, когда рать насчитывает уже полтора-два, а то и более десятков отдельных «полков»-«баталий» – равно и княжеских дворов, и «городовых» «полков», да еще и союзных татар, также выступавших под своими знаменами. Но эта роспись не похожа на предбоевое «уряжение», слишком велика разница в численности «баталий» выходила в таком случае, и это затрудняло бы управление и маневрирование такими разнородными «баталиями» на поле боя. Скорее, здесь надо вести речь об административном делении войска на, условно говоря, «дивизии» (используем для удобства такой термин, понимая под ним составную часть полевой рати, образованную из нескольких «полков»-«баталий», или, как их именовали поляки, «гуфов»²⁵³), а боевое «уряжение» еще только предстояло осуществить.

Но вот что любопытно – если мы сравним новгородский 1477–1478 гг. «походный дневник» с аналогичным «походным дневником» 1471 г.²⁵⁴, то мы не встретим в нем упоминаний о «уряжении» «полков» на Передовой, Правой илевой рук и пр. Единственное, что можно почерпнуть из переложения этого «походного дневника» в летописи, так это то, что Иван III выслал вперед «изгонную» «лежкую» рать и, само собой (это следует из контекста летописной повести), что в походе участвовали «полки» «дворовые» и «городские» вместе с татарскими, наступавшие на Новгород разными дорогами, «плenuюще и жгущее и люди в полон поведуще»²⁵⁵. Следует ли из этого, что в походе 1478 г. было применено некое новшество, выразившееся в том, что в ходе окончательного «уряжения полков» походные колонны были расписаны на четыре «административных» «полка»-«дивизии» – передовой, Правой илевой рук и государев? И можно ли считать поход 1478 г. той точкой отсчета, от которой можно вести историю нового «уряжения полков» русской рати и которая в конечном итоге приведет к созданию классической системы «большого» и «малого» полковых разрядов?

Конечно, было бы соблазнительно считать именно так, но дать окончательный утвердительный ответ можно было бы только в том случае, если бы в нашем распоряжении были бы подлинники «походных дневников» 1471 и 1477–1478 гг., с тем чтобы их можно было бы сравнить. Однако сделать это мы не можем. Но быть может, может помочь нам в этом и привлечение к анализу проблемы записей из разрядных книг?

Однако и здесь есть свои сложности. И. Буганов, немало времени и сил посвятивший изучению и публикации разрядных книг, отмечал, говоря о «Государевом разряде» 1556 г., что этот документ «должен был стать, во-первых, основным текстом для местнических споров, во-вторых, справочным пособием к разрядному делопроизводству, в-третьих, его составление имело значение реформы разрядного делопроизводства», которое до появления «Государева разряда» носило несистематичный и отрывочный характер (осмелимся осторожно предполо-

²⁵³ О «гуфах» в русском войске см., например: *Paprocki B. Herby gycerstwa polskiego. Krakow, 1858. S. 848.*

²⁵⁴ Московский летописный свод конца XV века. С. 287–291.

²⁵⁵ Там же. С. 288.

жить, что эта несистематичность и отрывочность была связана не столько с особенностями ведения делопроизводственной документации, сколько с тем, по аналогии с делопроизводством в Великом княжестве Литовском, что документы, которые отлагались до середины 50-х гг. XVI в. в Разряде или тех учреждениях, что ему предшествовали во времена Ивана III и Василия III, в известном смысле являлись «собственностью» дьяков или бояр, наблюдавших за работой великокняжеской канцелярии и после ухода должностного лица с его поста отлагались в его личном «архиве»²⁵⁶. И поскольку «Государев разряд» в разных его редакциях и частные разрядные книги должны были, и это едва ли не самое важное их предназначение, играть роль своего рода «местнических» справочников²⁵⁷, то, если в нем не отражено «достоинство» «полков», следовательно, можно с высокой степенью уверенности предполагать, что на момент составления соответствующей записи его или не было, или оно не играло той существенной роли, как в середине XVI в. или позднее.

Особенно важен в этом отношении «Государев разряд», поскольку он играл роль именно официального, не частного, справочника и был, как отмечал Ю. В. Анхимюк, труднодоступен для копирования (и последующего редактирования) заинтересованными частными лицами²⁵⁸. Правда, еще П. Н. Милюков установил, что способный нам помочь «Государев разряд» был составлен в 1556 г. «задним числом за много лет на основе «сырых» разрядных первоисточников (выделено нами. – В. П.)...»²⁵⁹. Тем не менее именно его официальный характер позволяет считать его более точным, нежели частные разрядные книги, которые, вдобавок ко всему прочему, и составлены были в массе своей много позже как самого «Государева разряда» 1-й редакции, так и интересующих нас событий. И если мы обратимся к записям «Государева разряда», то сразу заметим, что, если не считать записи о новгородской экспедиции 1477–1478 гг., то более или менее регулярно упоминания об «уряжении» «полков» по новой системе появляются лишь с 1487 г., с очередного казанского похода²⁶⁰.

В последующие десятилетия, в конце правления Ивана III и во времена его сына Василия, ситуация с «уряжением» «полков» в походной рати остается не менее любопытной и в известном смысле загадочной. Если предположить, что система «уряжения» «полков» по «достоинству» складывается на рубеже XV–XVI вв., то тогда чем можно объяснить разницу в «уряжении» ратей, отправлявшихся воевать Казань, Литву и противостоять крымским татарам на «берегу» (на окском оборонительном рубеже)? Большие походы на Литву и Казань расписывались, согласно «Государеву разряду», на 3–5 «полков»-«дивизий», тогда как «береговой» «разряд», который должен был препятствовать попыткам крымских татар переправиться через Оку и вторгнуться в сердце Русского государства (согласитесь, задача чрезвычайной важности), на «полки» расписывался через раз (с 7021 по 7041 г. «береговой» разряд был расписан на «полки» в девяти случаях, и не была расписана в семи случаях, в шести случаях роспись по «берегу» отсутствует, впрочем, как и в летописях). Ярким примером тому может служить «береговой» «разряд» 1521 г. Его важность очевидна хотя из того обстоятельства, что тогда, летом 1521 г., на Оке ожидалось нашествие крымских татар во главе с самим «царем» Мухаммед-Гирем I, и в Москве отдавали себе отчет о том, насколько все серьезно. На «берегу» была собрана немалая рать (по нашим подсчетам, не менее 20–25 тыс. ратных), а во главе войска были поставлены опытные и испытанные воеводы. При этом «большим» воеводой был назна-

²⁵⁶ Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII века. М., 1962. С. 177–178.

²⁵⁷ См., например: Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начала XVII веков. М., 2005. С. 73–76.

²⁵⁸ Там же. С. 79.

²⁵⁹ Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII века. С. 34. О «Государевом разряде» 1556 г. см., например: Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII веков. С. 166 и далее.

²⁶⁰ Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 14–15.

чен молодой и неопытный еще в полковождении князь Д. Ф. Бельский, недостаток опыта которого более чем с лихвой компенсировался его знатностью и приближенностью к великому князю. Однако же «береговой» «разряд» 1521 г. не расписан на «титульные» «полки»!²⁶¹

С чем это связано – с тем ли, что «литовская» или «казанская» «служба» считалась тогда более «честной», нежели «береговая»? Или же на то были иные причины, связанные, к примеру, с тем, что сам «полчный ряд» переживал трансформацию? А может, перед нами своего рода «реликт» прежних времен – Василий III сам намеревался выехать на «берег» на «прямое дело» со своим недругом, крымским «царем, и уже по выезду на место лично «урядил» бы «полки» по их «достоанию»? В пользу последнего предположения, кстати, говорит тот факт, что в следующем, 1722 г. Василий III, снова ожидая крымского «царя» Мухаммед-Гирея I на «берегу», сперва выслал на Оку своих воевод, а затем, прибыв в Коломну, «розрядил князь великий воевод по полкам и приговорил, где которому полку стоят»²⁶².

Так или иначе, на эти вопросы нет однозначного ответа, и, пытаясь сформулировать ответ на вопрос, когда же складывается классическое «уряжение» «полков» по их «достоанию», мы бы осторожно предположили, что этот процесс, начавшись в конце XV в., растянулся более чем на полстолетия. Окончательная отладка новой системы «уряжения» «полков» приходится на 2-ю четверть XVI в. И если быть совсем уж точным, то мы полагаем, что это было связано с начавшейся в 1545 г. очередной (и оказавшейся последней) «казанщиной», растянувшейся на долгих семь лет.

Впрочем, только ли одна «казанщина» способствовала завершению растянувшегося на несколько десятилетий процесса? Анализируя разбросанные по сохранившимся источникам то тут, то там намеки, можно предположить, что процесс окончательного формирования и закрепления новой «редакции» «полчного ряда», очень скоро ставшей «классической», был связан с рядом других, не менее, если не более серьезных обстоятельств.

С одной стороны, неизбежность серьезных коррективов в порядке «уряжения» «полков» была связана с ростом численности как войска вообще, так и полевых ратей в частности (а значит, усложнением их подготовки, организации и управления в ходе похода и во время сражения). С другой стороны, завершение создания новой системы «уряжения», несомненно, было связано с теми военными «реформами», которые проходили в конце 40–50-х гг. XVI в., и общим упорядочиванием работы государственной машины (пресловутые «реформы» так называемой Избранной рады) в это же время. Наконец, закрепление системы «титульных» «полков» (в первую очередь как военно-административных единиц) и их иерархии, жестко закрепленной в разрядной документации, стало ответом на постепенное распространение местничества в годы правления Василия III и, в особенности, в «боярское правление» при малолетстве Ивана IV, и необходимость приведения его в некие приемлемые рамки.

Представляется также, что на процессы формирования «номенклатуры» «титульных» «полков» оказала свое влияние так называемая «ориентализация» русского военного дела, также пришедшаяся на эти десятилетия. Во всяком случае, «крыльевая» система и соответствующая своего рода «чиновная» иерархия в Орде и татарских улусах, возникших после ее распада, хорошо известна, и исключить определенное ее воздействие на русские военные традиции постордынской эпохи, когда русское военное дело постепенно «ориентализировалось», нельзя.

В своем окончательном виде хорошо знакомый нам «полчный ряд», основанный на четкой иерархии «титульных» «полков» (подчеркнем это еще раз – прежде всего как военно-административных, но не тактических, формирований), сложился, судя по всему, в ходе «войны

²⁶¹ См., например: Милоков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. С. 69–72. Ср.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 67–68.

²⁶² Милоков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. С. 74–75. Ср.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 68–69.

двух царей» (русского Ивана IV и крымского Девлет-Гирея I, 1552–1577 гг.) и Полоцкой войны между Иваном IV и великим князем литовским и королем польским Сигизмундом II Августом (1561–1570 гг.). Теперь «уряжение полков» происходило заблаговременно, еще до начала кампании. В Разрядном приказе составлялся соответствующий «разряд», «большой» (на пять «титულных» «полков») или «малый» (на три), с заранее известным «расписанием» воевод и служилых корпораций-«городов» по «полкам». В случае если в поход выступал сам государь (как это было в Полоцком походе 1562–1563 гг.), к «большому» «разряду» добавлялся Государев полк и дополнительно – Ертаул (сводный авангардный «полк» из лучших, отборных детей боярских и их послужильцев ото всех других «полков», преемник прежних «изгонных» ратей). Кроме того, если предпринималась серьезная, не набеговая, экспедиция, в походный «разряд» включался дополнительно Наряд – полевая и осадная артиллерия вместе с пушкарями, прочей прислугой и обозом. Сам Наряд, судя по всему, был разделен на «большой», «средней» и «лехкой» (по весу артиллерийских систем, «чтобы в походе... за болшим нарядом людем истомы и мотчания не было»).

При составлении «разряда» дьяки и подьячие Разрядного приказа непременно учитывали требования совместного – царя, бояр и митрополита – «приговора» лета 1550 г., согласно которому «в болшом полку быти болшому воеводе, а передовому полку и правые руки, и левые руки воеводам и сторожевого полку первым воеводам быти менши болшого полку перваго воеводы. А хто будет другой в болшом полку воевода, и до того болшого полку другою воеводы правые руки болшому воеводе дела и счету нет, быти им без мест. А которые воеводы будут в правой руке, и передовому полку да сторожевому полку воеводам первым быти правые руки не менши. А левые руки воеводам быти не менши передового полку и сторожевого полку первых воевод. А быти левые руки воеводам менши правые руки перваго воеводы. А другому воеводе в левой руке быти менши другою же воеводы правые руки...»²⁶³ Этот приговор отражал как сложившуюся к тому времени (и с небольшими коррективами действовавшую и впоследствии²⁶⁴) иерархию воевод, так и самих «титулных» полков, во главе которой стоял Большой полк, за которым следовал Передовой, затем – Правой руки илевой руки, и замыкал ее Сторожевой полк.

При этом отметим, что «разряд» для каждого похода и кампании составлялся наново, и сами разрядные «полки», как и прежде, не имели ни постоянной организации, ни стабильной структуры. В зависимости от целей и задач, которые должна была решать государева рать в конкретном походе, наряд сил в ней (о чем мы уже говорили прежде) изменялся в весьма широких пределах. Другое дело, что если мы сравним, предположим, состав «полков» согласно «уряжению» 1477 г. с «уряжением», к примеру, рати в зимнем 1558 г. походе в Ливонию, то мы заметим, что состав «полков» более или менее выровнялся – число служилых «городов», записанных в разные «полки», уже не различался столь разительно, как прежде. При этом «титулные» «полки», в отличие от прежних «полков»-«баталий», представляли собой, на наш взгляд, скорее военно-административные образования-«дивизии», нежели тактические единицы, действовавшие на поле боя как некое целое.

Судя по всему, в ходе «полковой» «реформы» Ивана Грозного была приведена к единому «стандарту» и упорядочена «штабная», если так можно выразиться применительно к тем временам, служба (и это упорядочивание было связано, очевидно, с теми переменами в административной сфере, которые как раз в это время и происходили). Выше мы уже отмечали, что при великих князьях (как минимум) в походах работала своя небольшая походная канцелярия, выполнявшая параллельно и штабные функции, о чем свидетельствует хотя бы тот

²⁶³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 267.

²⁶⁴ Об эволюции этого порядка подробнее см., например: Корзиши А. Л. Порядок иерархии полковых воевод в Ливонскую войну // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв.: Сборник научных статей. М., 2010. С. 153–160.

же «походный дневник» зимней кампании 1477/78 г. Теперь же окончательно устоялась практика, когда при «большом» воеводе находилась небольшая походная канцелярия с присланным из Москвы дьяком и несколькими подьячими. Они хранили присланные из Москвы «большому» воеводе со товарищи из Разрядного приказа наказ с планом кампании (примером тому может служить наказ воеводе князю М. И. Воротынскому накануне памятной Молодинской кампании лета 1572 г.²⁶⁵), походный «разряд», списки детей боярских «в естех и не-тех» и прочую текущую документацию; оформляли решения военного совета, подготавливали боярские «отписки» и победные реляции-сеунчи в Москву, вели записи подвигов ратных людей (на основании которых служилые могли претендовать на государево жалованье), получали государевы грамоты из столицы и пр. О характере работы такого «походного» (или «разрядного») «шатра» и о тех документах, которые через него проходили, может сказать сохранившийся буквально чудом архив «походного шатра» воеводы князя В. Д. Хилкова, датируемый 1580 г.²⁶⁶

Помимо «походного шатра», и «большой» воевода, и прочие полковые воеводы обросли многочисленной свитой, не говоря уже о тех случаях, когда в поход выступал сам государь. В «Записной книге» Полоцкого похода, к примеру, отдельный раздел был посвящен «свитским» детям боярским, «которым быти в рындах и в поддатнях (телохранителях и оруженосцах Ивана IV. – В. П.), и которым быти в головах в станowych, и которым в головах в посылочных, и которым быти в ясоулах, и в дозорщикех, и в подъещикех, и в ыных посылках»²⁶⁷. Разряд же Ливонского похода Ивана Грозного в 1577 г. сообщал, что для такого рода «штабной» службы было назначено «у воевод на розсылку детей боярских розных городов сорок девять человек»²⁶⁸.

Вместе с упорядочиванием полковой организации и «штабной» службы царского войска, очевидно, реорганизации и упорядочиванию подверглась структура и самих «полков». Еще с XV в., по мере роста численности полевых ратей, «тактические» «полки», как уже было показано выше, начали включать в себя несколько «городовых» «полков» и княжеских дворов. Пока под началом воеводы в «баталии» ходили несколько сот бойцов, это было нормально. Однако по мере увеличения численности «полков» проблемы, связанные с управлением ими и на марше, и в особенности на поле боя (что было связано с переменами в тактике русского войска во 2-й половине XV – 1-й половине XVI в., так называемой «ориентализации», выразившейся в замене ориентации на рукопашный, «съемный» бой, на дистанционный, «лучный»), только нарастали. Как результат, возникла необходимость более мелкого членения «полков»-«дивизий».

Возможно, некие наметки децимальной организации «полков» и «городов» появились как минимум еще при Василии III. Однако «сотенная» «реформа» – дело рук Ивана IV и его советников (некий оставшийся неизвестным венецианец, побывавший в России в середине 50-х гг. XVI в., писал про Ивана Грозного, что он «много читает из истории Римского и других государств, отчего он научился многому. Он также часто советуется с немецкими капитанами и польскими изгнанниками, и для собственной пользы взял себе за образец римлян, которые благодаря хитрости побеждали в битвах дикие и ужасные народы»²⁶⁹). Согласно летописи, в ходе последнего, третьего по счету, Казанского похода 1552 г. Иван повелел «урядить» «в польку его царском коемуждо сту бранным детем боярским голову устроить из великих отцов детей, изячных молотцов и искусным ратному делу, дл болшого дела супротивнаго и

²⁶⁵ См.: Наказ М. И. Воротынскому об организации обороны от нападений крымских татар по р. Оке // Буганов В. И. Документы о сражении при Молодах. С. 169–174.

²⁶⁶ Документы походного архива воеводы кн. Василия Дмитриевича Хилкова 1580 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. III. С. 205–236.

²⁶⁷ См.: Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 129.

²⁶⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. М., 1982. С. 441.

²⁶⁹ Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 56.

для разных посылок, да койжды сын боярской своего голову знают и приближатся к делу, да всяк вооружается на брань, а о ином не смущаются...». Затем опыт реорганизации Государева полка был распространен и на другие «титульные» «полки» – «да не будет смущения в полцех к делу пришедши»²⁷⁰.

Учрежденные «сотни» обычно состояли из детей боярских (и их послужильцев) одного «города» (или, по крайней мере, они преобладали), а численность их могла колебаться в довольно широких пределах. Так, согласно росписи «сотен» Государева полка в Полоцком походе, «сотня» князя Дм. Хворостинина насчитывала 4 стольников, 1 стряпчего, 7 жильцов (придворные чины. – *В. П.*), 15 выборных детей боярских, 15 детей боярских дворовых и «з городов» (надо полагать, что вместе с придворными они были младшими начальными людьми в «сотне»), 127 псковских помещиков и 30 ярославских детей боярских – итого 200 человек (надо полагать, без учета послужильцев). Другая «сотня», во главе с князем Ф. Татевым, имела 1 стряпчего, 3 жильцов, 10 выборных детей боярских, 7 дворовых и 133 городских сына боярских новгородской Водской пятины – итого 154 человека (и снова без послужильцев)²⁷¹. Можно предположить, что создание «сотен» в составе «полков» стало, с одной стороны, следствием завершения формирования характерной оборонительной тактики, которой придерживались в полевых сражениях большие русские рати (об этом дальше), с другой же – ответом на рост численности «полков»-«дивизий». И в таком случае те самые «гуфы», о которых упоминают польские источники в описаниях сражений с русскими, – это и есть те самые «сотни».

Делились ли «сотни» внутри себя на более мелкие единицы – вопрос остается открытым. Имеющиеся в нашем распоряжении источники об этом умалчивают, хотя в этом в принципе нет ничего невозможного (впрочем, даже если и были в составе «сотни» «десятки» и «полусотни», то, скорее всего, они формировались по родственным и территориальным связям). Но вот что касается структуры пехотных подразделений, стрелецких и казачьих статей, приказов и приборов, здесь ситуация более прозрачна. Здесь децимальная организация четко просматривается с самого начала – под 7020 г. (1511/12) в описании неудачного штурма Смоленска в 1512 г. упоминается псковский сотник Хоруза, командовавший псковскими же пищальниками, вызвавшимися попытать счастья в штурме смоленских валов²⁷². Если же не брать в расчет набираемых с «земли» пищальников, предшественников стрельцов, для которых существование децимальной организации отнюдь не выглядит чем-то необычным и из ряда вон выходящим, то при создании корпуса стрелецкой пехоты десятичный принцип организации соблюдался с самого начала (возможно, что этот принцип стрельцы и унаследовали от пищальников).

Обратимся к летописному свидетельству. Оно гласило, что «того же лета (7058 г. от Сотворения мира, а по нашему летосчислению 1549/50 г. – *В. П.*) учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси (Иван Грозный. – *В. П.*) выборных стрельцов ис пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевои слободе (опять Воробье-во. – *В. П.*), а головы у них учинил детей боярских: в первой статьи Гришу Желобова сына Пушешникова, а у него пищалников 5000 человек да с ними головы у ста человек сын боярской, а в другой статьи Дьяк Ржевской, а у него пищалников 500 человек, а у всяких у ста человек сын боярской; в третьей статье Иван Семенов сын Черемисинов, а у него 500 человек, а у ста человек сын боярской в сотниках; в четвертой статья Васка Фуников сын Прончищев, а с ним 500 человек, а у ста человек сын боярской; в пятой статье Федор Иванов сын Дурасов, а с ним 500 человек, а у ста человек сын боярской; в шестой статье Яков Степанов сын Бундов, а у него 500 человек, а у ста человек сын боярской...»²⁷³ Следовательно, изначально стрелецкий корпус делился на 500-

²⁷⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 198–199.

²⁷¹ См.: Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 133.

²⁷² См.: Псковская 3-я летопись. С. 259.

²⁷³ Русский хронограф // ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005. С. 532.

сотенные статьи/приказы/приборы, которые, в свою очередь, состояли из сотен. Актовые же материалы и свидетельства современников позволяют нам утверждать, что и стрелецкие сотни подразделялись на полусотни во главе с пятидесятниками и десятки с десятниками²⁷⁴.

Таким образом, в середине XVI в. долгий путь совершенствования организационных и административных структур «классической» военной машины Русского государства был в целом завершен и приобрел более или менее законченные формы, в которых он просуществует по меньшей мере еще сто лет. Разумное сочетание традиций и новаций, гибкость, отлаженная обратная связь, высокий профессионализм командного и административного персонала (в особенности среднего звена), огромный опыт по организации и осуществлению крупномасштабных военных предприятий – таких, как серия смоленских походов в начале XVI в. или казанских походов в 1-й половине XVI столетия, причем опыт основательно отрефлексированный и зафиксированный в разрядной документации, – все это позволило московским государям, располагая меньшими, чем потенциальные противники, ресурсами, добиться серьезных внешнеполитических успехов.

²⁷⁴ См., например: Грамоты и «Обидный список» полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. С. 30; *Досифей*, архимандрит. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833-й год. М., 1833. С. 87–88; Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 172 и др.

Очерк V. Московская стратегия «классического» периода: особенности формирования и эволюции

Рассмотрев в предыдущих очерках вопросы, связанные с количественными и организационными аспектами функционирования русской военной машины «классического» периода ее истории, перейдем к характеристике внешних, видимых сторон ее деятельности, ответив на вопрос: «А как бились с многочисленными супостатами государевы полки, какой была тактика и стратегия московских ратей?»

Ответ на этот вопрос на первый взгляд как будто представляется достаточно простым и очевидным – ну вот же, есть свидетельства иноземных наблюдателей, которые вроде бы как описали ратный обычай москвитов. И что с того, что сами москвиты не оставили нам толстых военно-теоретических трактатов (или, на худой случай, мемуаров и записок с рассуждениями о том, как правильно воевать)? Вот, к примеру, уже неоднократно упоминавшийся нами Сигизмунд Герберштейн, считающийся авторитетнейшим «москвитологом» уже на протяжении пяти столетий (кстати, в 2017 г. как раз и исполнилась пятисотая годовщина со времени первого вояжа Герберштейна в таинственную и загадочную Московию в качестве посла императора Священной Римской империи). Так о чем же писал имперский дипломат относительно ратного обычая москвитов? А вот что (заранее просим прощения у уважаемых читателей за обширную цитату): «Готовясь вступить в сражение, они (москвиты. – В. П.) возлагают более надежды на численность, на то, сколь большим войском они нападут на врага [а не на силу воинов и на возможно лучшее построение войска]; они удачнее сражаются в дальнем бою, чем в ближнем, а потому стараются обойти врага и напасть на него с тыла». Продолжая свою характеристику дальше, он отмечал, что «при первом столкновении они (москвиты. – В. П.) нападают на врага весьма храбро, но долго не выдерживают, как бы придерживаясь правила: «Бегите или побежим мы» ...». При этом Герберштейн отметил, что «в сражениях они (москвиты. – В. П.) никогда не употребляли пехоты и пушек, ибо все, что они делают, нападают ли на врага, преследуют ли его или бегут от него, они совершают внезапно и быстро [и поэтому ни пехота, ни пушки не могут поспеть за ними]...». Отдельно имперец указал на отсутствие у русских твердых навыков применения артиллерии. По его мнению, «москвиты, по-видимому, не делают различия между разными пушками, или, говоря вернее, между их назначением. Они не знают, когда надо пускать в дело большие орудия, которыми разрушаются стены, или меньшие, которые разрушают вражеский строй и останавливают его натиск». Как результат, «города они редко захватывают штурмом и после сильного натиска; у них более в обычае принуждать людей к сдаче продолжительной осадой, голодом или изменой»²⁷⁵.

Описание, данное Герберштейном, благодаря своей полноте и живости слога стало своего рода образцом для подражания, и последующие сочинители в общем и целом следовали за Герберштейновым описанием, внося лишь отдельные несущественные изменения. Возьмем, для примера, не менее, пожалуй, известное сочинение, приписываемое британскому мореходу и дипломату Ричарду Ченслеру, который побывал в Московии спустя почти три десятилетия после Герберштейна. Он сообщал своим читателям, что «всякий раз, вступая в стычку с неприятелем, идут они (москвиты. – В. П.) вперед без какого-либо порядка; они не разделяют свои ряды ни на крылья, ни на какие-либо другие подразделения, как это делаем мы, но находясь большей частью в засаде, внезапно бросаются на врага...»²⁷⁶.

²⁷⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 243, 245, 249.

²⁷⁶ Chansellor's Voyage to Muskovy; being Clement Adam's Anglorum Navigatio ad Muscovitas. Edinburgh, 1880. P. 60.

Другой англичанин, не раз уже упоминавшийся нами Дж. Флетчер, был более словоохотлив (и, как нетрудно заметить, так же как и его предшественник, следовал за Герберштейном). «Русский царь надеется более на число, – писал он, – нежели на храбрость своих воинов или на хорошее устройство своих сил». Согласно его описанию, «войско (русских. – В. П.) идет, или ведут его, безо всякого порядка, за исключением того, что четыре полка, или легиона, на которые оно разделяется, находятся каждый у своего знамени, и таким образом все вдруг, смешанной толпой, бросаются вперед по команде генерала». При этом, «когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все сразу так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий, страшный шум». Флетчер отдельно отмечал, что «в сражении они (московиты. – В. П.) прежде всего пускают стрелы, потом действуют мечами, размахивая ими хвастливо над головами прежде, чем доходят до ударов». Относительно русской пехоты англичанин писал, что московитские «генералы» «обычно помещают в какой-нибудь засаде или удобном месте, откуда бы она могла более вредить неприятелю с меньшей опасностью для себя...». Примечательно, что Флетчер далек от уничижительной Герберштейновой характеристики умениям москвитов обращаться с артиллерией, отмечая, что для войны с поляками русские воеводы стараются запастись возможно большим числом артиллерийских орудий, обильно снабженных всем необходимым. «Полагают, – писал он, – что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как русский царь». Правда, это, по мнению Флетчера, мало помогает русским – они хороши при обороне крепостей, тогда как «в открытом поле поляки и шведы всегда берут верх над русскими»²⁷⁷.

Оставим последнее утверждение на совести иноземца и подведем некий предварительный итог всему сказанному Герберштейном и его последователями. В их описании ратных обычаев москвитов причудливо переплетаются реальность и выдумка. В самом деле, откуда могли достоверно узнать иностранные дипломаты, купцы и путешественники о том, как привыкли сражаться русские? Военных атташе тогда не существовало, на поле боя и в походы ни Герберштейна, ни Ченслера, ни Флетчера, ни других дипломатов и иных наблюдателей русские с собой не брали – зачем? И из книг – тех самых военных трактатов и мемуаров, тем более уставов или наставлений, – узнать об особенностях московской тактики и стратегии они не могли. Единственный путь – расспросить о том, как привыкли биться москвиты, у их противников, тех же поляков или литовцев, да поговорить с иностранными наемниками, которые со времен Ивана III не переводились на московской военной службе. И само собой, можно ведь почитать, что пишут о ратных обычаях русских другие авторы – а если полагать москвитов варварами, такими скифами, так задача еще более упрощается. Достаточно найти аналогии у тех же античных авторов, и описание готово, а падкий на сенсацию и все необычное западноевропейский читатель всенепременно клюнет, особенно если книжка будет снабжена соответствующими гравюрами, живописующими варварский облик москвитов *as is* (и гравюры голландского мастера К. де Брюина не самый худший из возможных вариантов изображения воина-москвиты).

Увы, эта довольно низкая оценка умения русских вести войну была усвоена и русской историографией – мнения князя Н. С. Голицына и С. М. Соловьева по этому поводу мы уже приводили прежде. Правда, при столь печальном состоянии дел не совсем понятно, как же все-таки московские государи умудрились не просто выжить в мире, где полно было хищников больших и малых, но при этом еще и суметь существенно расширить пределы своего государства, превратив его в подлинное царство, империю, Третий Рим. При этом было обращено в ничтожество Великое княжество Литовское (которое при великих князьях Ольгерде и Витовте во 2-й половине XIV – начале XV в. едва не поглотило все русские земли), отражен татарский

²⁷⁷ Флетчер Дж. О государстве Русском. С. 83–85.

натиск – да что там отражен, когда в ходе противостояния Москва подчинила себе три татарских «царства» – Казанское, Астраханское и Сибирское – и отбила у Крымского «царства» мечту восстановить могущество и величие Золотой Орды. Более того, устояв в Смуту, Русское государство во 2-й половине XVII в. успешно поборолось с Речью Посполитой за верховенство в Восточной Европе, завершив долгую, 200-летнюю, войну подписанием «Вечного мира» в 1686 г. Остается или, пожав плечами, вспомнить знаменитое тютчевское «Умом Россию на понять, аршином общим не измерить...», положившись на некое чудо, или же попробовать разобраться: так ли уж примитивно было военное искусство наших прадедов, так ли уж они были беспомощны и бестолковы, как долгое время было принято считать? И надо сказать, что в последние 10–15 лет в деле изучения особенностей русского военного дела позднего Средневековья – раннего Нового времени отечественными историками сделан если не прорыв, то, во всяком случае, серьезный сдвиг в сторону от устоявшегося стереотипа об архаичности и

тившись спиной к которым можно было бы сражаться лицом к лицу с врагами, не опасаясь за свой тыл. Впрочем, с тех пор, как немецкий авантюрист Г. Штаден предложил на завершающем этапе Войны за ливонское наследство 1555–1583 гг. организовать нападение с моря на русский Север²⁸⁰ (и похоже, что ганзейские купцы в 70-х гг. XVI в. провели рекогносцировку с этой целью в Белом море²⁸¹), то это направление перестало быть относительно безопасным, особенно когда шведы в конце XVI в. совершили серию нападений на русские владения на Кольском полуострове.

И хотя, подчеркнем это еще раз, московская «стратегическая доктрина» и не была четко и недвусмысленно артикулирована, общий внешнеполитический курс и принципы, на основе которых он выстраивался, в действиях московских государей прослеживаются достаточно явно. С одной стороны, это экспансия на западном (в первую очередь) и юго-западном направлениях (условно «литовский» «фронт»), а с другой – противостояние, стратегическая оборона, на линии соприкосновения с возникшими на руинах Золотой Орды татарскими юртами (южный и юго-восточный «фронты», сперва «казанский», а затем – «крымский»). При этом вплоть до середины XVI в. в Москве «литовский» «фронт» рассматривали как главный, основной. И если не все, то, во всяком случае, большая часть усилий, ресурсов и помыслов Москвы была подчинена достижению успехов на этом направлении. Северо-западное направление, «ливонско-шведский» «фронт», в этих условиях играл сугубо второстепенную роль. Взоры Москвы на протяжении большей части «классической» эпохи были обращены совсем в другую сторону, и внимание этому направлению уделялось по остаточному принципу (история Ливонской войны 1558–1561 гг. тому наглядное свидетельство).

Более того, и противостояние с татарами также долгое время носило второстепенный характер. Меры, которые Москва предпринимала на этом направлении, должны были создать необходимые условия для победы над старинным врагом, Литвой, ну и предупредить возможное усиление одного из юртов – возрождение Золотой Орды, пусть и в ином, чем прежде, обличье, московских государей никак не устраивало. И именно эти опасения и попытки крымских Гиреев возродить Орду в ее прежнем величии, но под крымской эгидой, способствовали победе в середине 40-х гг. XVI в. в Москве «партии войны» и переходу Русского государства в наступление на «татарском» фронте. Активизация же русской политики в Поволжье привела к перерастанию «холодной» войны между Русским государством и Крымским ханством, начавшейся в 10-х гг. XVI в., в войну «горячую», «войну двух царей», Ивана Грозного и Девлет-Гирея I, в 1552–1577 гг. с соответствующей переориентацией усилий и внимания Москвы. Надолго, до самого начала XVII в., южный и юго-восточный «фронты» стали первостепенными для Москвы, и сюда, в Дикое Поле, была направлена ее экспансия в последние десятилетия XVI в. и в канун Смуты (правда, здесь надо принять во внимание, что вполне вероятно, стремление Москвы закрепиться в Поле в эти десятилетия имело своей целью также противостоять экспансии в этом регионе Речи Посполитой).

Но вернемся все же к целям войн, которые в избытке вело Русское государство в конце XV – начале XVII в. Московское княжество, одно из многих удельных княжеств, из которых состояла Северо-Восточная Русь в начале XIV в., хоть и не было основано саблею, саблею поддерживало свое существование и саблею же отвоевывало себе место под солнцем в непрерывном противостоянии с соседями. Необходимость и неизбежность экспансии вкупе с ситуацией «осажденной крепости» и теми ожиданиями, которые возлагались обществом, «землей», на верховную власть (а надо отметить, что, вопреки представлениям о тираническом и деспотическом характере власти московских государей, они были очень чувствительны к «обществен-

²⁸⁰ См.: Штаден Г. Проект // Штаден Г. Записки о Московии. Т. I. Публикации. С. 263–325.

²⁸¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. С. 367; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 237.

ному мнению», ибо слабость властных институтов понуждала в те времена монархов и в России, и по всей тогдашней Европе искать опоры и поддержки у «земли», без содействия которой наладить более или менее нормальное управление обширными подвластными территориями было просто невозможно²⁸²), оказывали прямое воздействие на формирование стратегической «доктрины» и, соответственно, стратегии. В основе же последних, как можно предположить, лежали три основные идеи.

Первая была озвучена московскими дипломатами от имени великого князя имперскому посланнику рыцарю Николаю Поппелю, предложившему было русскому государю «влииться» в семью «цивилизованных» народов, приняв королевскую корону из рук императора Священной Римской империи и признав себя вассалом императора. Надменный москвитин на это предложение отвечал, что «мы Божиею милостию Государи на своей земле изначала, – от имени своего государя заявили московские дипломаты, – от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том бытии, как есмь ныне Государи на своей земле, а поставление, как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим...»²⁸³.

Эта уверенность московского государя в своем самодержавстве (в смысле суверенности, независимости от кого бы то ни было на этой земле) была не голословной декларацией, но покоилась на прочном фундаменте осознания своей силы. Во все эпохи реальный политический вес государства в системе международных отношений определялся прежде всего размерами его военного потенциала, и раннее Новое время не было исключением. И, требуя относиться к нему с должным уважением и почетом, Иван III, создатель единого Русского государства, прагматичный и расчетливый политик, был уверен в том, что его претензии на равноправие (как минимум) в нужный момент будут подкреплены более чем реальной военной силой. Эту уверенность разделяли и продолжатели начатого им дела Василий III и Иван IV, унаследовавший и московский стол.

Вторая идея, не менее, а с точки зрения иерархов православной церкви, быть может, и самая важная, была прописана, к примеру, в послании ростовского архиепископа Вассиана Рыло Ивану же III несколько ранее, в 1480 г., когда хан Ахмат явился с ратью на реку Угру приводить в повиновение своего неверного русского улусника. Наставляя великого князя в его обязанностях, архиепископ писал, что он, великий князь, «не яко наемник, но яко истинный пастырь» и «добрыи воин христов», должен «избавити врученное тебе от Бога словесное ти стадо духовных овец от грядущего волка», «крепко стояти за православное христьянство, за свое отчство противу безбожному бесерменству». В противном же случае, допустив гибель православных, разорение церквей и прочие бедствия от нашествия иноплеменных, «не от твоих ли рук тех кровь взыщет Бог по пророческому слову» и где, в таком случае, «хощеши избежати и воцаритися, погубив врученное ти от Бога стадо?». «Тако же убо ныне поревнуеши своему прародителю великому и достоиному хвалам Дмитрию, – продолжая свое речение, поучал архиепископ государя, – тако же подщися избавити сто Христово от мысленного волка. Видев Господь Бог твое дерзновение, тако же поможет ти и покорит враги твоя под нозе твои, и здрав и ничим же врежен победоносец явишися, Богу сохранишу ты, и осенит Господь над главою твоею в день брани...»²⁸⁴

Эта идея о возложенной на великого князя свыше обязанности (нет, даже не обязанности, а священном долге как последнего независимого православного государя) защищать православную веру, церковь и все «православное христьянство» от бусурман и еретиков прослежи-

²⁸² См., например: Коллманн Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. 15–17, 20–25, 504–505, 523–526 и др.

²⁸³ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. СПб., 1851. Стб. 12.

²⁸⁴ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. С. 266–273.

вается во многих посланиях, адресованных православными иерархами и книжниками московским государям – от Ивана III до Ивана IV. Достаточно вспомнить многословные послания к нему, написанные митрополитом Макарием, новгородским архиепископом Феодосием и протопопом Сильвестром, – все они не давали молодому Ивану забыть о его долге!²⁸⁵ Да что там в посланиях, которые не выходили за узкий круг приближенных к государю лиц – в тех же летописях или всякого рода исторических и воинских повестях этот мотив прослеживается не менее четко. «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Казанская история» – все эти произведения русской книжности, пользовавшиеся немалой популярностью среди русских книжечеев, так или иначе, но обращались к этой теме. И мог истинный православный государь не соответствовать этим ожиданиям?

И наконец, третья идея. В Москве, судя по всему, помнили о тех временах, когда вся Русская земля считалась совместным владением всего семейства Рюриковичей, и не забыли слова Всеволода Большое Гнездо, сказанные им в 1207 г. Тогда Всеволод, узнав про то, что черниговские Ольговичи «воюют с погаными землю Рускую», решил вмешаться в борьбу южнорусских князей, заявив: «То ци тем отчина одним Руская земля, а нам не отчина ли?»²⁸⁶ Ну а раз так, то, позиционируя себя в качестве наследников древнерусских князей, потомков великого Владимира Мономаха, московские Рюриковичи, почувствовав свою силу, в конце XV в. открыто заявили о своих претензиях на все русские земли, в том числе и на те, что в свое время, во 2-й половине XIV в. и позднее, вошли в состав Великого княжества Литовского. Эта недвусмысленная заявка на «Ярославово наследие» предопределила дальнейший характер отношений Москвы с Вильно, Краковом и Варшавой. И когда русские послы заявляли литовским, что миру с Литвой не бывать до тех пор, пока под властью Ягеллонов будет оставаться «вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города», которые, по мнению московских дипломатов, «с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»²⁸⁷, то войны было не избежать, тем более что и та, другая сторона отнюдь не собиралась отказываться от благо (и не очень) приобретенных владений, апеллируя к праву сильного, мотивируя тем самым законность своего владения тем же Смоленском или Киевом тем, что-де «тот столец Киев есть и будет, дали Бог в мощи, в руках и держаньи его Королевское милости»²⁸⁸. Но на всякую силу найдется еще большая сила (впрочем, не в силе Бог, но в правде, а правда, по мнению московских книжечеев, была на стороне их государя), и раз литовские великие князья и польские короли не намерены вернуть принадлежащие московским государям по праву земли – то пусть тогда спор разрешится на поле брани и сам Господь решит, кто прав, а кто нет (ибо война и есть Божий суд). «Перемирье с братом своим додержим по перемирным грамотам, – заявил Иван Грозный литовским послам 16 марта 1559 г. на прощальной аудиенции, – впредь правду и неправду меж нас всемогий Бог розсудит»²⁸⁹.

Кроме этих трех, если так можно выразиться, «генеральных» идей *post factum* можно вести речь и о других, более приземленных и прагматичных целях войны, которые, быть может, не были столь же четко артикулированы, но принимались в расчет в Москве. Взять хотя бы то же завоевание новых земель. Ведь оно позволяло не только увеличить число налогоплательщиков, пополнить государственную казну за счет взятой добычи, но и накормить (в прямом и перенос-

²⁸⁵ См., например: Грамота Феодосия Ивану IV по случаю Казанского похода // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 10. М., 2000. С. 345–346.

²⁸⁶ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 429–430.

²⁸⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I (годы с 1487 по 1533) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 460.

²⁸⁸ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 год). М., 1843. С. 51–52.

²⁸⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533–1560 гг.) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 579.

ном смысле) многочисленных голодных, злых и свирепых детей боярских и прочих служилых (у которых, как у того солдата из андерсеновской сказки, мелких денег не было, а крупных и не водилось). Вот уж для кого латинское выражение *vivere est militare*, «жить – значит сражаться», было исполнено реального смысла. Нужда и невозможность не то что снарядиться на государеву службу «конно, людно и оружно», но порой и просто прокормиться с мельчающих вотчинишек и поместий, реальные размеры которых чем дальше, тем реже соответствовали занесенным в служебную документацию Разрядного приказа поместным окладам, понуждала служилых рассчитывать на короткую и победоносную войну. На ней можно было ополониться, нахватать «животов», получить царское жалованье и награды и рассчитывать на увеличение того же поместного оклада за доблестную ратную службу, «полонное терпение» и прочие перенесенные на государевой службе тяготы. Многочисленные и регулярные войны позволяли к тому же сбросить и растущее социальное напряжение в обществе, канализировав накапливающуюся энергию пассионариев не на внутренние разборки, а против внешних врагов.

Не стоит забывать также и о цене войны не в финансовом ее измерении, но и в людском. Ресурсы Русского государства были ограничены, а если учесть отмеченную нами прежде тенденцию к профессионализации войны, то Москва не могла позволить себе щедро расходовать живую силу, в особенности детей боярских. Конный лучник – товар дорогостоящий, требующий немалых расходов на свою подготовку и содержание (пожалуй, что и больших, чем конный копейщик). Можно вспомнить фразу выдающегося отечественного оружейведа М. В. Горелика, который в свое время отмечал, что изготовление лука хотя и длительный процесс, но относительно несложный, в то время как «успешное же овладение этим видом оружия требует многолетних, постоянных, многочасовых тренировок». Как результат, «массовое наличие лучников был возможно прежде всего в относительно отсталых обществах либо там, где пережитки родового строя оставались чрезвычайно сильны и имелась многочисленная прослойка свободных общинников».

Татарские юрты, с которыми приходилось иметь дело Москве, относились к такого рода сообществам, и отнюдь не случайно в Крыму именно ногайские воины почитались самыми свирепыми и боеспособными²⁹⁰ – очевидно, что это было связано во многом с тем, что для ногайского общества были характерны более отсталые, нежели в собственно крымском, социальные отношения.

Что же касается Русского государства, то М. В. Горелик указывал, что «только мощные военные державы в состоянии воспитывать большие контингенты лучников в своей среде, **создавая привилегированное сословие лучников, раздавая им на льготных условиях земельные владения, причем экономические потери при этом возмещались за счет большей эксплуатации податных сословий** (выделено нами. – В. П.) либо покоренных иноэтнических коллективов»²⁹¹. Отсюда и необходимость беречь эти самые большие контингенты лучников, создание и поддержание боеспособности которых обходилось столь дорого и в прямом, и в переносном (принимая во внимание неизбежные социальные, а следовательно, и политические издержки переложения тягот на их содержание на крестьянство и посадских людей) смысле.

Это требование налагало свой отпечаток на русскую стратегию – цель войны состояла и в том, чтобы нанести неприятелю максимальный ущерб при минимизации собственного. «Малая» война, состоящая в набегах и опустошении неприятельской территории при уклонении (по возможности) от больших, генеральных «прямых дел» с неприятелем, чреватых большим кровопролитием, и война «осадная», в которой можно было сполна реализовать преимущество Москвы как «пороховой империи» в артиллерии, в наибольшей степени соот-

²⁹⁰ См., например: Флетчер Дж. О государстве Русском. С. 97.

²⁹¹ Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М., 1993. С. 78–79.

ветствовали этому запросу. И, анализируя описания войн, которые вело Русское государство в «классический» период, нетрудно заметить, что они в общем и в целом хорошо укладываются в данную схему.

Одним словом, война была нужна и полезна, даже необходима, правда, при одном условии – если она будет краткой и победоносной. Долгие и тяжелые войны, сопряженные с неудачами и потерями, рано или поздно оборачивались своей противоположностью, и с этим столкнулся, к примеру, Иван Грозный, когда к исходу своего правления вынужден был продолжить конфликт с объединившейся в одно государство Речь Посполитую Литвой и Польшей. И войско, и народ к исходу 70-х гг. XVI в. невероятно устали от продолжавшихся «безперестани» с середины 40-х гг. войн то с татарами, то с литовцами, то с ливонскими немцами и со шведами (не говоря уже о внутреннем, поволжском фронте, на котором приходилось постоянно усмирять бунтующих черемисов). Эта усталость и невозможность мобилизовать столь же крупные и боеспособные силы, как это было в 50-х – начале 60-х гг., обусловили вынужденный выбор оборонительной стратегии в Баториевой войне 1578–1582 гг. И этот вынужденный выбор привел к вполне закономерному поражению, ибо, сражаясь от обороны, выиграть войну с решительным и настроенным на безусловную победу неприятелем невозможно.

Но вернемся к московской стратегии, к идеям, ее формирующим, и ее целям. Если первая идея побуждала Москву регулярно демонстрировать свое могущество и величие, то вторая и третья обуславливали в конечном итоге разные подходы к ведению войны на разных фронтах и направлениях. Стратегия на «литовском» фронте предполагала иной образ действий, нежели на «татарском», равно как война с «немцами» неизбежно принимала иной оборот, чем «литовщина» или «татарщина».

Попробуем дать для начала характеристику «литовской» стратегии (памятуя о том, что само по себе использование термина «стратегия» применительно к образу действий московских ратей в «классический» период, да и много позднее, выглядит все же несколько преждевременным). Великое княжество Литовское недаром называют еще «другой Русью» – как уже было отмечено выше, большую часть владений великих литовских князей составляли русские земли, православные подданные намного превосходили по численности католиков или мусульман, признававших власть Ягеллонов, русский (точнее, его западные диалекты) язык доминировал над латинским в официальном делопроизводстве, и до поры до времени московским государям было сложно мотивировать свои агрессивные действия против Литвы защитой православия. Вдобавок ко всему до самого начала XVI в. говорить о каком-либо угрожающем православия наступлении католичества в Великом княжестве Литовском не стоит. Напротив, как отмечал отечественный историк М. М. Кром, после великой смуты, наступившей со смертью Витовта, «земскими привилеями 30–40-х гг. XV в. и последующими правовыми актами русские князья и бояре были уравнены с литовскими панами и боярами»²⁹². Это же относится и до горожан пограничных городов княжества (во всяком случае, крупных, имевших самоуправление). В итоге ни первые, ни вторые, не ощущая себя в Великом княжестве Литовском людьми второго сорта, отнюдь не торопились переходить на сторону ни Ивана III, ни (в особенности) Василия III, а если и переходили, то, во всяком случае, этот переход был продиктован никак не религиозными соображениями. В общем, тот же Иван III, начавший 200-летнюю войну с Литвой, по словам М. М. Крома, «очень ревниво следивший за положением православных в Литве»²⁹³, тем не менее «ревнивость» эту рассматривал не как цель, а как средство, используя ее как лом, которым вскрывал границы Великого княжества Литовского.

²⁹² Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. С. 134.

²⁹³ Там же. С. 82.

Итак, отнюдь не религиозные чувства определяли мотивы и характер противостояния Москвы и Вильно, но борьба за «Ярославово наследие» в первую очередь. Упорство же, с которым православные подданные Ягеллонов отказывались признать власть московских государей (не все, конечно, но очень, очень многие), Калитичи очень скоро научились ломать с еще большим упорством и целеустремленностью. Это упорство, если не сказать «упертость», стремление «дожать» неприятеля если не в этот раз, так в следующий, составляет одну из характернейших черт московской стратегии на «литовском» направлении (впрочем, и на других тоже). Смоленский казус это демонстрирует самым наглядным образом. Иван III, предприняв одну попытку взять Смоленск в ходе войны 1500–1503 гг., проложил, образно говоря, дорогу для своего сына и преемника Василия III. Последний трижды, в 1512, 1513 и 1514 гг., ходил на смолян и, в конце концов, не мытьем, так катаньем, но вынудил их открыть ворота и присягнуть себе на верность. При этом складывается впечатление, что с обеих сторон по мере развития конфликта уровень насилия только возрастал. На первых порах мы можем видеть, как обычные пограничные «наезды» тамошних warlord'ов перерастают в более масштабные боевые действия с привлечением великокняжеских воинских контингентов. Осуществляемые набеги с непременным разорением и опустошением местности и угоном пленных и скота имели своей целью заставить жителей приграничья побыстрее определиться с выбором, какому государю им все-таки следует служить. Одним словом, действия московских войск в приграничных владениях Великого княжества Литовского прекрасно вписываются в рамки стандартной формулы «и Божию милостию, дал Бог, воеводы великого государя и люди все вышли из Литовские земли здравы с многим пленом».

«Литовские» русские (не только князья и бояре, но мужики – мещане и поселяне) в этом ничем от «московских» не отличались – примером тому может служить не менее стандартное описание: «[То]го же лета приходили литовь[ски]е люди к Радогощу, да и город сож[гл]и и наместника Стефана Лыко[ва] в городе сожгли, а детей его в поло[н] взяли и полону много имали». Другое дело, что военная машина Русского государства была в организационном плане более эффективна, нежели аналогичные структуры Великого княжества Литовского, почему московские рейды отличались большим размахом и разрушительностью, нежели литовские, и к тому же Москва была в этих пограничных конфликтах наступающей стороной, тогда как Вильно ушло в глухую оборону.

До поры до времени такая стратегия постоянного военного давления (капля по капле и камень точит) работала более или менее эффективно. Однако к концу правления Ивана III она практически исчерпала себя. Те пограничные князья и бояре, кто остался еще в своих владениях после волны отъездов в Москву в конце XV в., в массе своей оставались верны Ягеллонам. Не торопились признавать власть единого православного государя и русские города на востоке Великого княжества Литовского – что княжеские, что имевшие самоуправление. Все-таки, похоже, климат при дворе Сигизмунда I и Василия III стал существенно разниться (не то, что при Иване Большом и его современниках Казимире и Александре). При этом начала намечаться обратная тенденция. Отъезд от Василия III, несмотря на крестоцелование, князя Константина Острожского и знаменитого пограничного warlord'a Остафия Дашкевича обратно в Литву весьма симптоматичны, что ни говори. И в ходе первой Смоленской войны в Москве пришли к выводу (особенно после кампании 1514 г., когда в том же Смоленске, несмотря на торжественное обещание Василия III блюсти все смоленские вольности и привилегии, после его отъезда созрел заговор с целью вернуть город под власть Сигизмунда I), что ожидать новых актов добровольного (или добровольно-принудительного) перехода что пограничных «баронов», что городов с уездами и волостями под высокую государскую руку ожидать уже не приходится.

С этого момента война приобретает иной характер. Она ведется уже без оглядки на некий, условно говоря, «гуманизм», живущие по ту сторону границы уже не рассматриваются

как потенциальные подданные, но как враждебно настроенное население. Раз уж противник упорствует, то теперь перед войсками ставится иная, чем прежде, задача. Принцип «война кормит войну» запускается на полную мощность, и вторгающиеся московские и новгородские полки (а уж татары – те само собой) действуют так, как привыкли, не особо заморачиваясь соображениями гуманности. Уж если они и на своей земле не отличались добрым нравом, «силою имая» все, что нравится, то на неприятельской земле – чего стесняться? Опустошая местность, по которой огненным валом прокатывались государевы полки, московские воеводы и служилые люди наносили огромный ущерб великому литовскому князю, сужая экономическую базу для продолжения им боевых действий, демонстрировали его подданным бессилие великокняжеской власти и ее неспособность защитить своих людей. И естественно, московские «воинники» не забывали и свой интерес, набивая свои торока, выюки, обозные телеги и сани захваченными «животами» и гнали на восток толпы пленных и гурты скота.

Естественно, что это ни в коем случае не добавляло любви к ним и к их господину со стороны тамошних литовских мужиков. В этом отношении примечательна судьба воеводы князя П. И. Шуйского. После поражения на реке Ула в январе 1564 г. воевода, сумев скрыться от преследовавших его литовских «воинников», был пойман местными мужиками и «посажен в воду» в наказание за грабежи и насилия, учиненные его войсками. С явно недружелюбным отношением столкнулись и московские «перелеты», которые «выбрали свободу», перебравшись под власть Сигизмунда II в годы очередной русско-литовской войны 1561–1572 гг. Дело порой доходило даже до friendly fire, когда литовские шляхтичи вкупе с местными мужиками побивали отряды москвитов, служивших Сигизмунду.

И поскольку в изменившихся условиях прежняя стратегия уже не работала, в Москве по ходу дела ее дорабатывают. Для закрепления взятых с бою территорий в завоеванных волостях и уездах возводятся государевы крепости, призванные стать военно-политическими центрами и опорой московских властей в приобретенных саблех владениях. И вот в ходе Стародубской войны 1534–1537 гг. на северо-западной границе ставятся грады Ивангород-на-Себеже и Велиж. Спустя же тридцать лет, в ходе Полоцкой войны 1562–1570 гг., Иван Грозный после того, как Сигизмунд и паны-рада отказались замириться после падения Полоцка по «смоленскому» варианту, повелел выстроить систему крепостей, настоящий укрепленный район вокруг Полоцка, рассчитывая тем самым закрепить Полочанщину за собой. Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что от кавалерийских наскоков в Москве перешли к планомерному, постепенному отвоевыванию земель, которых московские великие князья полагали своими. Не замахиываясь на большее и не ставя перед собой сверхзадачу полного разгрома неприятеля, и Василий III в ходе первой Смоленской войны, и его сын Иван в ходе войны Полоцкой разыгрывают, по существу, один и тот же стратегический пошаговый сценарий. Сперва захват крупного города с прилегающими к нему землями, потом «переваривание» завоеванного, закрепление итогов в ходе мирных переговоров и затем следующий шаг, в ходе очередного витка конфронтации. Так было со взятием Смоленска, так было и со взятием Полоцка. Правда, такая стратегия имела и обратную сторону – воспользовавшись предоставленной паузой, неприятель мог перейти в контрнаступление и попытаться отбить утраченное. Сигизмунду I и его сыну, Сигизмунду II, с этим не повезло – несмотря на тактические победы (под Оршей в 1514 г. и на Уле в 1564 г.), ни Смоленск, ни Полоцк им вернуть не удалось. Однако повезло Стефану Баторию. Иван Грозный и его военные советники, планируя кампанию 1579 г., решили, исходя из соотношения сил, отказаться от активной, наступательной стратегии в пользу обороны. Пускай Степан Обатур расходует силы на осады и штурмы многочисленных русских крепостей и замков в Ливонии и на русско-литовском пограничье, думали в Москве, а тем временем мобильная, состоящая преимущественно из конницы русская полевая армия попробует, улучив момент, нанести контрудар по утомленному и истощенному неприятелю. Увы, эти расчеты не оправдались ни в 1579, ни в следующем, 1580 г. и лишь частично – в 1581 г., когда

наступательный порыв королевской армии разбился о мужество защитников Пскова. При этом полевая русская армия в полном составе так и не вступила в бой с главными силами Батория, выполняя «директиву» «Ставки ВГК» об уклонении от «прямого дела» («на прямое бы есте дело с литовскими людьми не ставились, промышляли б есте смотря по тамошнему делу, чтоб вам нашего дела поискать, а себя уберечь»²⁹⁴). Впрочем, в той ситуации, которая сложилась к концу 70-х гг. XVI в., вряд ли у Ивана Грозного был иной выбор. Истошенная длившейся вот уже несколько десятилетий войной на нескольких фронтах, страна просто не располагала нужными ресурсами для того, чтобы вести активную, наступательную войну.

Московская стратегия на «татарском» фронте несколько отличалась от той, что применялась на «литовском». Нет, конечно, общая черта ее, упорство и целеустремленность остаются, но характер ее был иным – не наступательным, но оборонительным. На первых порах Москва не претендовала на установление над возникшими после распада Золотой Орды татарскими юртами своего политического господства и введения там прямого управления через своих наместников – все ее внимание было отвлечено на разрешение внутренних проблем, связанных с собиранием земель, а затем, как уже было отмечено выше, на разрешение «литовского» вопроса.

Такой политике благоприятствовала и внешнеполитическая обстановка. До поры до времени на русско-татарском «фронтире» было относительно спокойно – Ивану III удалось подчинить себе Казань, а крымский хан Менгли-Гирей I был его «братом» и союзником. Но все враз переменялось после смерти грозного государя. Казанский «царь» Мухаммед-Эмин поспешил отложиться от Москвы, приказав перебить собравшихся на торг в Казани русских купцов и посадить в тюрьму русского посла, а Менгли-Гирей, добившийся к тому времени падения Большой Орды, счел, что союз с Москвой ему не нужен. С этого времени напряженность на татарском «фронтире» будет непрерывно нарастать. Татарские «князья», огланы, мурзы и просто удалые «казаки», гонимые кто страстью к «хищничеству» и желанием разбогатеть на захвате и продаже полона, кто – стремлением прославиться, а кто просто гонимый нуждой, начинают регулярно совершать набеги на пограничные (и не только) уезды и волости, и частота этих набегов все время возрастает. «Малая» война на русско-татарском, сперва на казанском и ногайском, а затем и крымском (со 2-й половины XVI в. и в особенности в конце его, когда границы Крыма и Русского государства сблизилась) пограничье становится постепенно обыденностью. И хотя «малая» война была характерна и для русско-литовского порубежья, тем не менее заметные отличия все же были налицо. Набеги татарских удальцов перемежались время от времени походами «царевичей» или же самих «царей», и эти походы наносили намного больший урон, нежели обычные рейды бусурман за полоном – одно дело, когда в набеге участвовали несколько десятков или сот всадников, и совсем другое, когда их счет шел на тысячи и десятки тысяч. И здесь кроется главное отличие ситуации, которая складывалась на казанском рубеже, от той, что была на крымской «украине».

Казань была уязвима, и длинная рука Москвы до нее могла дотянуться, что она не раз и демонстрировала, и в Казани об этом всегда помнили. Это в определенной мере сдерживало хищнические интересы казанской аристократии. Иначе дела обстояли на крымском направлении. Отделенный от русских пределов сотнями километров выжженной солнцем степи, крымский «царь» и его «князья» и мурзы могли чувствовать себя в безопасности – Дикое поле защищало Крым от ответных ударов русских лучше всяких валов и бастионов. Инициативой здесь безраздельно владели татары (лишь во 2-й половине 50-х гг. XVI в. Иван Грозный попытался совместно с ногами предпринять серию атак на ханские владения, но не слишком удачно, а потом Полоцкая война вынудила его отложить, и, как выяснилось, навсегда, планы поселения на крымском «столе» «своего» хана). Они выбирали время и место нанесения удара, а русские

²⁹⁴ Документы походного архива воеводы кн. В. Д. Хилкова (1580 г.). С. 213.

могли рассчитывать только лишь на то, что им удастся вовремя определить, где и когда разразится крымский «смерч». Правда, здесь стоит сделать оговорку – стратегические преимущества крымцев имели и обратную сторону. Безлюдные пространства Дикого поля небольшим отрядам всадников было трудно преодолеть и еще сложнее им уйти с добычей в Крым и доставить туда главную ценность – ясырь. Проще это было сделать большой армии, но ее было легче обнаружить и принять необходимые контрмеры.

Одним словом, с того момента, как отношения между Москвой и Крымом переросли от союза к откровенной враждебности, а потом и вовсе к войне, главная проблема, которую пришлось решать в Москве, – как отодвинуть передовой рубеж обнаружения татарского нашествия и развертывания своих войск как можно дальше от сердца Русского государства – Москвы и замосковских уездов. Ока, конечно, была хорошим рубежом для организации обороны, но у нее был большой недостаток – если остановить вторжение на «берегу» не получалось, путь к Москве был открыт, три перехода, и вот, пожалуйста, татары уже на Воробьевых горах пьют государственные меды из его погреба! Это был тот самый случай, о котором писал прусский военный теоретик Г. Мольтке-старший, «если соображения, принятые за основание, оказываются неверными, то вся работа пропадает: даже одна ошибка, сделанная при первоначальном сосредоточении, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании...»²⁹⁵, ибо кампания была чрезвычайно скоротечна, а глубина русской обороны – невелика.

Первые же крупные «польские» кампании, 1517 и 1521 гг., выявили два главнейших фактора, определявших конечный успех и неудачу в борьбе с татарской угрозой в Диком поле, – время и пространство. Чем раньше могли быть обнаружены неприятельские отряды и чем больше пространство предстояло им преодолеть, находясь под пристальным вниманием русских сторожей, тем меньше шансов на успех было у татар и, наоборот, тем выше была вероятность того, что русские смогут разгромить агрессоров и преподать им хороший урок.

И вот, когда в Москве окончательно уяснили для себя важность двух этих факторов, начинается постепенная перестройка всей системы обороны крымской «украины». Поэтапно, на протяжении всего столетия, передовые рубежи Русского государства будут сдвигаться от «берега» в Диком поле, все глубже и глубже. Уже при Василии III в Диком поле строятся две каменные (sic!) крепости – Тула и Зарайск, укрепляется сам «берег» – летопись под 7039 г. (1530/31 г.) сообщает, что «доделан бысть град камен Коломна» и «срублен бысть того же лета на Кошире град деревян, а на Осетре камен...». Затем в сентябре 1535 г. на реке Проне был поставлен «городок Пронеск», быстро ставший одним из важнейших опорных пунктов обороны на «рязанской украине»²⁹⁶. Полной перестройке была подвергнута система обороны самого «берега». И в 1541 г. новая система была подвергнута тотальной проверке – Сахиб-Гирей I исполнил свое давнее обещание и двинулся на Москву наказать своего неверного улусника Ивана IV.

К превеликому ханскому сожалению, повторить успех 1521 г. Сахиб-Гирею не удалось. Двадцать лет борьбы с крымскими татарами не прошли даром. Московские воеводы накопили большой опыт войны с этим опасным и сильным противником. Методом проб и ошибок была выработана определенная система организации обороны южной «государевой украины», включавшая в себя несколько основных компонентов. Как отмечал В. И. Буганов, ее основу составили две оборонительные линии – от берега, на Оке, протянувшаяся от Угры до Коломны. Главными ее опорными пунктами были на правом фланге реки Угра, а затем Калуга, в центре – Серпухов и на левом фланге – Коломна (почему иногда роспись воевод и полков на берегу

²⁹⁵ Мольтке Г. Военные поучения // Искусство войны. Антология. Т. 2. СПб, 2000. С. 262.

²⁹⁶ См., например: Миллюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции по 1565 год включительно. С. 99; Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 58; Русский хронограф. С. 521; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 250, 278. См. также: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб., 1902. С. 291.

именовалась также и «коломенской»). Эта линия считалась главной и будет таковой до самого конца столетия. На нее выдвигались каждую весну полки поместной конницы, усиливаемые артиллерией, стрельцами и казаками, что размещались на «перелазах» через Оку, а далеко в степь выбрасывались сторожи и заставы, которые должны были обнаружить выдвижение татарских отрядов и дать знать воеводам «береговых» полков – где, когда и в каком количестве ожидать прихода «поганых». Перед ней находилась вторая линия, от поля, являвшаяся своего рода предпольем главной. Ее образовывали крепости с сильными гарнизонами и артиллерией – Тула, Пронск, Белев, Одоев, Зарайск.

Эта оборонительная стратегия, суть которой заключалась в постепенном выдвижении рубежей, на которых планировалось встретить бусурман, стала доминирующей на крымском стратегическом направлении с середины XVI в. Весной 1551 г. был «поставлен» город Михайлов на реке Проне, весной 1553 г. – еще одна крепость «на шатцких воротех», Шацк, а еще через год поставлена была крепость Дедилов. С весны 1555 г. на страницах разрядных книг появляется Болхов, а осенью 1557 г. началось строительство Рязска («Ватман-города на Пехлице»), в 1563 г. была отстроена Новосиль, в 1566 г. были возведены Орел и Епифань, за ними последовал в 1568 г. Данков. В 70-х гг. был сделан следующий шаг в создании глубокого стратегического предполья – наряду с «береговым» разрядом (полками, ежегодно разворачивающимися по Оке) был создан малый «украинный» разряд, комплектовавшийся ратными людьми из «польских» городов. Они должны были принять на себя первый удар неприятеля с тем, чтобы дать время главным силам изготавиться к обороне по окскому оборонительному рубежу и не допустить повторения катастроф 1521 и 1571 гг.

Создание «украинного» разряда было дополнено при Борисе Годунове и Федоре Ивановиче постройкой новых городов-крепостей в Диком поле. Первыми из них стали Воронеж и Ливны, которые были «поставлены» в конце 1585 г., затем настала очередь Ельца, а потом – Белгорода, Курска и Старого Оскола, Валук и, наконец, Царева-Борисова. В итоге к началу XVII в. насчитывалось более 30 «украинных» городов, к которым добавилось еще 8 «польских» городов. Создание этих городов и размещение в них многих ратных людей, «казаков, стрелцов и жилецких людей», позволило отодвинуть рубеж соприкосновения с татарами еще дальше к югу и надежно обезопасить сердце Русского государства от татарских набегов.

На «казанском» фронте сценарий был несколько иным. Казань, в отличие от Крыма, подчеркнем это еще раз, была более уязвима – по Волге от Нижнего Новгорода можно было доставить к стенам татарской столицы и пехоту, и наряд, и все необходимые припасы. Иван III неоднократно демонстрировал казанцам, что может быть, если они будут упорствовать в своем враждебном отношении к Москве. Однако «младоказанская» «партия», сделав ставку на союз с Крымом, решила, что она сможет, несмотря на очевидное неравенство в ресурсах и силах, успешно противостоять давлению со стороны Москвы. И после смерти ее «лидеры» пришли к выводу, что настал благоприятный момент, чтобы взять реванш за многолетнее унижение. «Староказанская» «партия», хорошо выучившая «уроки», преподанные Иваном III, активно противилась этой перемене, и почти столетия Казань потрясали внутренние усобицы и перевороты, которые выливались так или иначе в напряженность на русско-казанском «фронте».

В ответ Москва усиливала военное давление на Казань, предпринимая раз за разом военные экспедиции против казанцев и оказывая поддержку «староказанцам». И чтобы это давление было более эффективным и менее затратным, Василий III приказал в 1523 г. воздвигнуть «на усть реки Суры град деревян и нарече его Василь-град...»²⁹⁷. Цель постройки Василь-города сам великий князь сформулировал четко и недвусмысленно – в наказе отправленным в Литву послам говорилось, что государь-де «на Казанской земле близко Казани, на Суре, велел город

²⁹⁷ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 270.

поставити того дела, чтоб ему ближе из того города с Казанью свое дело делати, людем бы его ближе ходити к Казани...»²⁹⁸. В том же духе высказывался митрополит Даниил, который «великому князю велику хвалу» воздавал, «что город поставил, тем деи городом всю землю Казанскую возьмет»²⁹⁹.

Сын Василия Иван IV продолжил эту стратегию постройкой Свияжска накануне своего третьего и последнего похода на Казань в 1552 г., выдвинув передовой рубеж развертывания своих ратей на непосредственные подступы к Казани. При этом в промежутке между двумя этими вехами в 30-х – начале 40-х гг. спешно укреплялось русско-казанское пограничье для того, чтобы «от казанских людей отседетися мочно»³⁰⁰. Эти меры в конечном итоге позволили успешно разрешить «казанский» вопрос, а вместе с ним – и «астраханский». Правда, здесь необходимо отметить, что от прежней оборонительной стратегии, в которой главную роль играла дипломатия, подкрепленная силой оружия, и главная цель которой, как уже было отмечено выше, было создание условий для решения «литовского» вопроса, сменилась на иную – наступательную, а вместе с ней изменилась и цель. Раньше Москва пыталась, действуя по принципу «Разделяй и властвуй», играть на противоречиях между татарскими династиями и юртами, с одной стороны, а с другой – активно эксплуатируя «внутрипартийную» борьбу между татарскими аристократическими кланами, и тем самым создавала благоприятный для себя политический климат на казанской и ногайской «украинах». Теперь же, с середины 40-х гг., с победой в Москве «партии войны» (одним из «вождей» которой был, судя по всему, митрополит Макарий), было решено перейти к установлению прямого московского господства над татарскими юртами. И решалась эта задача теперь не дипломатией, но военными средствами.

Подводя общий итог, можно сказать, что новая московская стратегия, активная, наступательная (до поры до времени) на «литовском» «фронте» и «оборонительная» на «татарском», контуры которой наметились, надо полагать, еще во время междоусобной войны Василия II со своим дядей Юрием и его сыновьями, получила свое развитие при Иване III и окончательно закрепилась при Василии III и Иване IV. Главными ее чертами были целеустремленность и упорство в достижении поставленной цели, ориентация на «малую» войну, осады крепостей и разорение неприятельской территории посредством организации опустошительных массированных набегов вкуче со стремлением уклониться от больших полевых сражений в ее «наступательном» варианте. В оборонительном же варианте московская стратегия предусматривала организацию системы дальнего обнаружения выдвигающихся неприятельских сил, выдвижения навстречу врагу передовых рубежей развертывания своих войск и, самое главное, организацию «фортификационного наступления» через постройку укрепленных линий как можно дальше от сердца государства – с тем, чтобы обезопасить его от набегов неприятеля. Такая стратегия, быть может, не была эффективной – работа лопатой и топором требовала пролития немалого пота, но она позволяла сберечь главное – людские жизни. И, подводя общий итог проделанной в конце XV – начале XVII в. московскими государями и их служилыми людьми работы, можно с уверенностью сказать – московская стратегия в общем и в целом оправдала себя.

²⁹⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I (годы с 1487 по 1533). С. 682.

²⁹⁹ Следственное дело Максима Грека. 1521 // Сборник князя Оболенского. № 1. М., 1838. С. 9.

³⁰⁰ Грамота вел. кн. Ивана IV Васильевича о построении г. Любима // Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 346.

Очерк VI. Русский ратный обычай: московская тактика и ее развитие в «классическую» эпоху

Охарактеризовав в общих чертах московскую стратегию и те основные принципы, на которых она строилась, перейдем к рассказу о том, какой была московская «тактика» (почему мы взяли оба термина в кавычки – а потому, что в стародавнюю ту эпоху оба этих слова не были известны московским воинникам – ни воеводам, ни рядовым бойцам). Писать о ней и легко, и сложно одновременно. С одной стороны, этот аспект функционирования русской военной машины как будто довольно подробно разобран в предыдущей исторической литературе³⁰¹, и к тому же в летописях, разрядных книгах и записках иностранцев сохранилось немало (в отличие от стратегии) свидетельств относительно того, как, каким образом бились русские ратники с врагами. С другой стороны, особенности источников не позволяют составить более или менее точное и непротиворечивое представление о русской тактике и ее эволюции на протяжении «классического» периода, оставляя немало места для дискуссий и обсуждений. И все же мы попробуем предложить читателям свое видение этой проблемы, отнюдь не претендуя на абсолютность и завершенность представленной картины.

Говоря о московской тактике «классического» периода (под которым мы понимаем время с середины XV до начала XVII в. – образно говоря, от сражения на околицах Руси зимой 1456 г. до битвы при Добрыничах зимой же 1605 г.), мы не можем обойти стороной проблему так называемой «ориентализации». Последняя имеет к нашей проблеме самое непосредственное отношение. Немного об истории вопроса. Тезис об «ориентализации» русского военного дела на рубеже позднего Средневековья – раннего Нового времени был выдвинут известным отечественным оружиеведом и археологом А. Н. Кирпичниковом сорок лет назад в ставшей классической работе «Военное дело на Руси в XIII–XV в.»³⁰². Уточняя и развивая тезис своего учителя, археолог О. В. Двуреченский предложил понимать под «ориентализацией» возникновение на базе комплекса вооружения удельного времени XIII – 1-й половины XV в. во 2-й половине XV в. совершенно новой военной традиции и соответствующего ей комплекса вооружения и, естественно, тактики³⁰³.

В чем же заключалась суть этой самой «ориентализации», которая вызывала, вызывает и еще долго будет вызывать ожесточенные споры и среди историков русского военного дела, и рядовых любителей истории (чему может служить примером недавняя дискуссия на страницах сетевого военно-исторического журнала «История военного дела: исследования и источники»³⁰⁴). Стоит заметить, что, говоря о ней, мы сталкиваемся с ситуацией классического

³⁰¹ Последнее по времени и самое, пожалуй, серьезное исследование по русской тактике «классического» периода – это уже упоминавшиеся нами прежде «Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в.» О. А. Курбатова (*Курбатов О. А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011. С. 89–91*).

³⁰² *Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 14, 101.*

³⁰³ *Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVI вв. Тула, 2015. С. 310.*

³⁰⁴ См.: *Шиндлер О. В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 72–97 и отклики на нее: Быков А. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена до-спешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 594–612; Комаров О. В. Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 654–676; Несин М. А. Ответ на замечания А. В. Быкова, изложенные в статье «Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» и отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 614–652; Панкратов А. Г. К развернувшейся*

«черного ящика» с той важной поправкой, что не совсем ясно, что представляло собой русское военное дело между нашествием монголо-татар и Куликовской битвой и, соответственно, какой была тактика русских ратей в это время. Осмелимся предположить (памятуя о взаимосвязи между уровнем развития военного дела и общим уровнем социально-экономического развития общества), что в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса, обрушившегося на Русскую землю в канун вторжения захватчиков³⁰⁵, и усугубленного последствиями учиненного Батыем и присными его опустошения, развитие военного дела в попавших в зону ордынского влияния русских землях приостановилось и в определенной степени архаизировалось.

В домонгольские времена, к примеру, русская конница включала в себя тяжеловооруженное ударное ядро из «снастных» всадников (которых было немного), весь комплекс вооружения которых был «заточен» на ближний бой, и его «окружения» из многочисленных легковооруженных «стрельцов» (нехватка которых легко компенсировалась за счет привлечения наемников из числа половцев, торков, берендеев и иных кочевников). Теперь же, из-за резкого сужения ресурсной базы и невозможности нанимать сколько-нибудь значимые контингенты степных конных лучников, русские князья были вынуждены пойти на отмеченную А. Н. Кирпичниковым «универсализацию» своей конницы (во всяком случае, большей ее части). Такой «универсальный» всадник, способный биться как «копейным боем», так и «лучным», обходился дешевле и в изменившихся условиях был более эффективным, нежели специализированные «снастные» всадники и «стрельцы». При этом «универсальная» конница была дополнена мобилизуемой с подвластного населения пехотой (которая обходилась дешевле конницы и за счет которой можно было легко нарастить численность войска – причем, подчеркнем это еще раз, на наш взгляд, ядро этой пехоты составляли воины-полупрофессионалы, «младшие сыны», которых городские и крестьянские «миры» выставляли по мобилизации в первую очередь).

Такого воинства было достаточно для внутрикняжеских разборок, однако вскоре, с изменением как внутри-, так и внешнеполитической ситуации, оно стало все меньше и меньше удовлетворять требованиям времени. Похоже, что своего рода «триггером» для запуска перемен и в структуре, и в вооружении, и, само собой, в тактике русского войска стали события 2-й четверти XV в., когда, с одной стороны, ускорились процессы дезинтеграции Золотой Орды, а с другой – в самой Москве вспыхнула ожесточенная усобица, «война из-за золотого пояса», между Василием II, с одной стороны, и с другой – его дядей Юрием и его сыновьями Юрьевичами. «Время Шемякиной (Дмитрий Шемяка, сын Юрия Дмитровского, главный противник Василия Темного. – В. П.) были раздольем для «удалых воевод»... Города тогда брали «изгоном», – писал отечественный историк А. А. Зимин, – а «многие люди от двора» охотно приставали к мужественным военачальникам. Тогда возможно было совершить, казалось бы, невероятное – «выкрасть» из ордынского полона великого князя или с отрядом в 90–100 человек захватить столицу великого княжества»³⁰⁶. Набеги, стремительные рейды и стычки немногочисленных отрядов составляли канву военной истории как самой смуты, так и беспоконной обстановки на русско-литовском и русско-татарском фронтах, где отряды местных warlord'ов, легкие на подъем, не давали спуску своим соседям по ту сторону рубежа, совершая «наезды» за «животами» и пленниками. Больших сражений было немного, да и можно ли назвать большой, к примеру, упоминавшуюся прежде битву под Суздаlem летом 1445 г.

дискуссии после выхода статьи О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV века» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. С. 678–703.

³⁰⁵ О нем см., например: Макаров Н. А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: древности темного времени. М., 2003. С. 10.

³⁰⁶ Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 204.

между Василием II и татарскими «царевичами» Махмудом и Якубом, где с русской стороны участвовали 1,5 тыс. всадников, а с татарской – 3,5 (да и то 2 тыс. из них были наемниками с Северного Кавказа (или нет? Под летописными «черкасами» могли скрываться и татарские «казаки» из степей нижнего Поднепровья и близлежащих регионов), незадолго до этого прибывшими к отцу «царевичей» Улу-Мухаммеду)? Ценность пехоты в такого рода «малой» войне была минимальна, а вот легкой конницы, более дешевой и подвижной, чем тяжелая и даже «универсальная», – напротив, только возрастала.

Подвижки, наметившиеся во время усобицы, получили дальнейшее развитие и закрепление при Иване III. Главным противником для молодого Русского государства с 80-х гг. XV в. становится Великое княжество Литовское, в противостоянии с которым постепенно складывается характерный «восточный», «ориентализированный» комплекс вооружения русского воина (конного прежде всего, засвидетельствованный тем же С. Герберштейном, с одной стороны, а с другой стороны – русскими актовыми материалами, теми же духовными грамотами 1-й половины XVI в.) и соответствующая ему полевая тактика. Успешный процесс собиранья русских земель под властью великого московского князя и достигнутая при нем военная централизация (которая, подчеркнем, наступила существенно раньше, нежели централизация политическая) предоставили в его распоряжение намного большие, чем прежде, материальные, людские и финансовые ресурсы, что, в свою очередь, позволило перейти к более агрессивной и масштабной внешней политике. Как следствие, на смену кратковременным, с небольшим пространственным размахом, кампаниям пришли многомесячные походы «за тридевять земель», конечная цель которых была отдалена от исходной точки на сотни и сотни верст.

Агрессивная, экспансионистская внешняя политика требовала неустанного наращивания военного потенциала. Однако аграрная в своей основе экономика, неразвитая инфраструктура, ограниченность материальных, финансовых и людских ресурсов Русского государства накладывали серьезные ограничения на него (как будто это утверждение противоречит словам парой строк выше, однако никакого парадокса тут нет – Иван III и его преемники действительно были богаче, чем тот же Василий II или Дмитрий Иванович, имея возможность использовать ресурсы всей Русской земли, а не только своего удела). Выход был найден на пути развития поместной системы и постепенного, «ползучего» переоснащения основной массы конницы на «ориентальный» комплекс вооружения (осторожно предположим, что он, считая сюда же и стоимость боевого коня, стоил дешевле, нежели сформировавшийся к этому времени на Западе комплекс полного рыцарского вооружения) и постепенного ее переобучения на соответствующую «стрелковую» «ориентальную» тактику, в которой дистанционный «лучный бой» безусловно доминировал над ближним, контактным «мечным сечением» и «копейным ломлением». Впрочем, новая специализация отнюдь не исключала сохранения немногочисленных, но хорошо подготовленных и вооруженных «универсальных» всадников – элиты служилых «дворов» великого князя, его братья и провинциальных служилых с «городов», сохранявших способность к ближнему бою. На «ориентализацию», очевидно, оказал свое влияние и процесс переоснащения русской конницы степными конями, массовые поставки которых на русский рынок с конца XV в. наладили те же ногаи, и сокращение оружейного экспорта с Запада с одновременным ростом экспорта оружия и доспехов с Востока, и технологическая невозможность быстро освоить более или менее массовое производство в русских условиях сплошного «белого» доспеха.

Пройдя успешную апробацию в войнах конца XV – 1-й трети XVI в., новая военная традиция получила свое окончательное оформление в ходе военных «реформ» Ивана Грозного в середине XVI в. и длинной череды войн с татарами, литовцами и шведами в 1545–1583 гг. Эта «ориентализированная» традиция (и тактика) была доведена до совершенства в соответствии с требованиями военной, «пороховой» революции. В состав государева войска, остававшегося по преимуществу конным, как обязательный, неременный элемент были включены пехота

(как регулярная стрелецкая, так и наемная, набираемая от случая к случаю из всякого рода вольницы), оснащенная огнестрельным оружием, и «наряд» (полевая и осадная артиллерия). Естественным образом, внесены были перемены и в тактику – как полевую, так и осадную (которая была доведена до высокой степени совершенства). Соблазнительно было бы полагать, что московские военные практики, создавая такую военную машину, руководствовались османскими образцами, однако, прикинув все за и против, мы все же склоняемся к тому, что если османское влияние, как говорится, и имело место быть, но только в опосредованном виде, через Крым.

А теперь вспомним, какую характеристику действиям конных по преимуществу армий давал знаменитый прусский военный теоретик, участник Наполеоновских войн К. фон Клаузевиц. Он писал, что «кавалерия есть оружие движения и крупных решительных действий; поэтому увеличение ее состава сверх обычной нормы важно при весьма обширных пространствах, широкой маневренности и при наличии намерения нанести решительные удары... При весьма многочисленной кавалерии мы будем искать широкого простора равнин и любить размах крупных движений. Находясь на значительном расстоянии от неприятеля, мы будем пользоваться большим покоем и удобствами, но не будем давать ему возможности пользоваться ими. Мы будем предпринимать отважные обходы и вообще смелые движения, ибо мы хозяева пространства. Поскольку диверсии и набеги могут быть действительными вспомогательными средствами войны, мы будем иметь возможность легко их применять...». При этом «война получит разнообразный, – продолжал свою мысль прусский военный теоретик, – оживленный, замысловатый характер...», но, по его мнению, **«крупные события будут разменены на мелкую монету»** (выделено нами. – *В. П.*)...³⁰⁷.

Описание более чем любопытное и вместе с тем как будто противоречивое, особенно в последней, выделенной нами, ее части. Ведь, если глянуть на историю войн, которые вело Русское государство в «классический» период, то, подчеркнем это еще раз, крупных полевых сражений, в которых участвовали бы тысячи и десятки тысяч ратников, за это время случилось не так уж и много. В итоге действительно создается впечатление, что «крупные события», то есть генеральные сражения, которые разом решают исход войны, были «разменены на мелкую монету» стычек, набегов, рейдов и пр., внешне совсем не эффектных и как будто только способствующих затягиванию войны. Однако, если мы примем во внимание тот факт, что, как уже было отмечено выше, одним из важнейших принципов русской стратегии (и, само собой, тактики) в то время было стремление нанести максимальный урон неприятелю при одновременной минимизации своих потерь, то тогда все встает на свои места. Отнюдь не выглядящая эффектной тактика на деле оказывалась в достаточной степени эффективной – как полевая, так и в особенности осадная (что могут подтвердить жители и гарнизоны Смоленска, Казани, Полоцка и ливонских городов и замков). Эффективной настолько, насколько требовалось для победы в кампании и в войне, и уж совершенно точно далекой от той примитивной и однообразной манеры действовать на поле боя, как это следует из описаний иностранных наблюдателей.

Характеристику формировавшейся постепенно, эмпирическим путем, методом проб и ошибок своего рода системы приемов и методов ведения войны русскими воеводами начнем с описания их действий во время набеговой операции. Собственно, русские летописи и разрядные книги не слишком многословны, рассказывая о такого рода деяниях государевых воевод. Как правило, они ограничиваются лапидарным перечислением мест, через которые воеводы и их люди прошли, «жгучи и воюючи», да известиями о том, как «великого князя воеводы» «у городов посады жгли, и волости и села жгли, а людей пленили безчисленно множество, а

³⁰⁷ Клаузевиц К. фон. О войне. Т. I. М.; СПб., 2002. С. 428, 430.

животину секли и многих людей побили», после чего, «Божьим милосердием» сохраненные, «целы и здравы» «с великою корыстию и со многим пленом» повернулись в родную землю.

Детали таких опустошительных рейдов летописцев и подьячих Разрядного приказа интересовали мало – они и так были хорошо известны читателям что летописей, что владельцам разрядных книг, чтобы их еще раз подробно описывать, расходуя драгоценное время и бумагу (или, паче того, харатью). Однако, учитывая «ориентализацию» русского войска той эпохи и его обычаев ведения войны, вряд тактика «выжженной земли» в исполнении русских воевод радикально отличалась от той, что применяли те же татары – что крымские, что казанские или ногайские. А раз так, то в нашем распоряжении есть, к примеру, яркие и недвусмысленные описания действий татар во время набегов, принадлежащие перу, к примеру, польского шляхтича М. Броневского, французского офицера и военного инженера на польской службе Г. де Боплана или князя Андрея Курбского.

Исходя из этих (и иных подобных) описаний, можно реконструировать в общих чертах картину действий русских воевод во время набеговой операции. Держа главные силы и обозкош в кулаке, государевы воеводы отсылали в стороны от себя небольшие подвижные отряды-загоны на охоту за добычей (переменяя их по мере усталости). Действия этих отрядов ливонские хронисты, имевшие «удовольствие» ознакомиться на практике с такого рода тактикой, описывали в виде триединой формулы *brennen, morden und rauben* («жечь, убивать и грабить»). Практический эффект от такого рода действий также был как минимум тройным – государевы ратные люди не только обеспечивали себя провиантом и фуражом, но и захватывали желанных пленников и их «животы» (ради чего стоило воевать!). При этом противник нес колоссальный материальный и, что немаловажно, моральный урон. Толпы беженцев, рассказы о зверствах московитов (война в те времена дело крайне беспощадное), столбы дыма тут и там, а по ночам зарево пожаров по всему горизонту – все это производило неизгладимое впечатление и ощущение наступившего апокалипсиса (впрочем, эти картины тотального разорения и опустошения прекрасно описал в своем «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголь!). Таким вот немудреным способом достигалась главная цель войны – противник принуждался к миру, а победоносное войско с богатой добычей и полоном возвращалось домой, горя желанием повторить успешный набег в новую кампанию. И зачем, в таком случае, вступать в «прямое дело» с неприятелем, да еще с непредсказуемым исходом?

Но представим себе, что воеводы увлеклись погоней за добычей и утратили бдительность, позабыв (от головокружения от успехов?) о том, что неприятель жаждет мести. В таком случае враг получал шанс атаковать рассыпавшиеся по местности отдельные русские «загоны» и основательно потрепать их. Именно это случилось с татарами под Тулой летом 1552 г., когда молодой хан Девлет-Гирей и его воеводы не позаботились должным образом организовать сторожевую службу, увлекшись «войной» в окрестностях русского города. И эта неосторожность позволила передовым силам русского войска внезапно атаковать татарские чамбулы и, по уверениям князя А. Курбского, участника тех событий, разгромить чуть ли не треть всего крымского воинства и обратить в бегство самого хана³⁰⁸.

Пренебрежение разведкой и организацией постоянной сторожевой службы не только тогда, когда воеводы «распускали войну», но на марше, могло очень дорого стоить всем – от большого воеводы до последнего ратника. В этом, к примеру, мог убедиться на своем примере зимой 1564 г. князь П. И. Шуйский, когда его, избитого, ограбленного и связанного, мужики-русины, подданные великого князя литовского Сигизмунда II, в «благодарность» за предыдущие «подвиги» его ратников сажали в колодец. Опытный и толковый военачальник, Шуйский допустил трагическую ошибку, недооценив противника, литовского наивысшего гетмана Н. Радзивилла Рыжего и его помощника польного гетмана Г. Ходкевича. Воевода со товарищи,

³⁰⁸ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 30.

по словам летописца (явно поработавшего с материалами официального расследования причин неудачи), «шли не по государьскому наказу, оплошася, не бережно и не полки»³⁰⁹. В итоге встреча с неприятелем оказалась для русских неожиданной и завершилась поражением, потерей обоза и гибелью самого воеводы.

Стоит заметить, кстати, что из описания неудачного похода князя П. И. Шуйского следует, что московские ратники следовали не просто «оплошася», но еще и «доспехи свои и всякой служебной наряд везли в санях»³¹⁰. Согласитесь, что картина живо напоминает ту, что была летом 1377 г. на реке Пьяна, когда русское войско «оплошишася и небрежением хожуху, доспехи своя въскладоша на телеги, а ины в сумы, а у иных сулицы еще и не насажены бяху, а щиты и копия не приготовлены»³¹¹. Выходит, что обычай надевать доспехи и вооружаться перед боем, а не на марше был весьма устойчивым, и отсюда значение разведки и правильно организованного боевого охранения только возрастало – чем раньше неприятель будет обнаружен, тем больше времени у ратников будет изготавиться к бою. И еще одно важное следствие – рассказ из печальной повести о походе князя Шуйского объясняет смысл фразы из «дневника» Полоцкого похода Ивана Грозного зимой 1562/63 г., согласно которой царь «кошем приговорил идти за полки, которые кошевники которого полку, и тем всякому идти за своим полком»³¹². Действительно, если ратники везут всю свою воинскую «снасть» в кошу, то где ему, обозу, быть, как не за своим полком? Вставить этот небольшой, но весьма показательный факт в описание походного порядка русского войска из «наставления» времен Лжедмитрия – и картина русского войска на походе может считаться завершенной.

В свете всех этих боевых эпизодов становится ясным, почему Разрядный приказ требовал от полковых воевод заниматься организацией разведки и боевого охранения на марше и во время бивуаков, говоря словами немодного ныне классика, «настоящим образом», чтобы они «про короля и про его приход розведывали допряма», «над литовскими людьми поиск учинити», «от себя посылали проведывать татар под люди и языков добывать», «в одном месте не стояли, ходили бы есте, переходя, чтоб вас литовские люди не нашли» и чтобы «на прямое бы есте дело с литовскими людьми не ставились» с тем, «чтоб нашего дела поискать, а себя уберечи» (фразы из грамот, посланных из разряда воеводе князю В. Д. Хилкову летом 1580 г., наглядно показывающие, как должны были действовать сторожи)³¹³. Ведь отборный, составленный из «резвых людей» ото всех полков «ертаул», передовая застава (или, паче того, особый полк), и завеса из высланных вперед и на фланги «покрылений» и «подъезщиков» должны были и уберечь главные силы от неожиданного нападения противника, и не дать неприятелю проведать о выдвижении русских войск и намерениях государевых воевод, и, добыв языков, узнать «подлинные вести» о противнике и его замыслах.

Естественно, что и неприятель, в свою очередь, старался «погромить» русские сторожи и станицы и захватить языков. И в таких стычках побеждал не сильнейший, а хитрейший (по словам упоминавшегося выше Г. де Боплана). В эпистолярном наследии Ивана Грозного сохранилось описание любопытного эпизода такой «малой» войны между русскими и татарскими сторожами. Летом 1573 г. думный дворянин и бывший опричник Василий Грязной был послан с отрядом в 115 «санопальников» в Поле, с тем чтобы, по словам головы, «на Минос ходити и на Молочные Воды языков добывать, которые бы ведали цареву умышление, кое бы тебе, государю, безвестну не быти»³¹⁴.

³⁰⁹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 377.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 118.

³¹² Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 135.

³¹³ Документы походного архива воеводы кн. Василия Дмитриевича Хилкова 1580 г. С. 212–213.

³¹⁴ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 532.

Увы, Грязному не повезло, и охотник сам стал добычей. Неудачливый станичный голова жаловался царю, что его подчиненные подвели его, «ково ни пошлю, и тот не доедет да воротитца, да приехав солжет: где ни увидит какой зверь, да приехав скажет – «люди»...». И закончилась вся история тем, что Василий попал в татарский плен (да там, судя по всему, и сгинул). Описывая обстоятельства, при которых он оказался в татарском плену, думный дворянин писал Ивану Грозному, что, обнаружив неприятелей, он «послал Василья Олександрова с товарищи сторожей гоняти», сам же «стал в долу с полком, а Василью приказал: «Любо, реку, учнут тебя гоняти, и ты, реку, к нам побежи». Посланный Грязным голова Василий Степанов исполнил все, как приказал ему Грязной – напал на татарских «подъезщиков», а когда те контратаковали, обратился в бегство («и как Василей учал гоняти сторожей – ино Василья встретили татарове да почали гоняти»), наводя татар на засаду. «И Василей побежал мимо меня, – продолжал дальше Грязной, – и яз, холоп твой, и молил Василью так: «Пора напустить?» и, кинувшись встречу, Василья отнял, надеючись на полк, да сцепился с мужиком». Увы, станичники не поддержали своего воеводу и, пока он рубился с татаринном, обратились в бегство («полк весь побежал, и рук не подняли». Кстати, во время осады Казани князь Андрей Курбский оказался в схожей ситуации, когда повел своих людей в атаку против прорывающихся из Казани татар. Однако, вопреки ожиданиям князя, «те все благородные, их же уже собралось было аки со триста, яже обещались и устремились были со мною вкупе на них (татар. – *В. П.*) ударити, да погладили возле полка их, не сразився с ними», и Курбский врубился в ряды неприятелей самчетверт³¹⁵). Подоспевшие бусурманы (а и было их, татар, по сообщению Грязного, 280 человек), после упорного сопротивления, «поимали» голову. Василий потом похвалялся царю, что его-де «мертвого взяли; да заец, государь, не укусит ни одное собаки, а яз, холоп твои, над собою укусил шти человек до смерти, а двадцать да дву ранил; и тех, государь, и ко царю принесли вместе со мною»³¹⁶.

Небольшая зарисовка из истории «малой» войны Поле, однако, согласитесь, очень и очень показательная. В ней (и в наказе воеводе Хилкову), как в капле воды, отразились все основные особенности и характерные черты станичной и сторожевой службы и тактические приемы (атака частью сил неприятельской заставы с последующим ложным отступлением и заманиванием врага в засаду и «отнятием» отходящих товарищей от преследующих их неприятелей). Стоит заметить, что схожие тактические приемы применялись русскими начальными людьми, воеводами и головами не только во время набегов и несения сторожевой службы, но и время «прямого дела», и не важно, большими силами это «дело» творилось или же малыми. Однако обо всем по порядку.

Представим некую гипотетическую ситуацию, когда к воеводам русского войска, находящегося на марше ли, на бивуаке ли или же на «берегу» в ожидании нападения татар, от находящихся далеко впереди сторожей пришла весть о том, что неприятель большими силами движется навстречу, намереваясь дать бой (как это было, к примеру, в 1436 г. под Скорятином «в Ростовьской области». Тогда Василий II договорился было со своим врагом, князем Василием Косым, о перемирии и распустил своих воев на прокорм, тогда как Косой и не думал соблюдать договор и попытался напасть на распущенное войско великого князя. Ан нет, ничего у него не вышло – сторожи успели предупредить Василия II о появлении его недруга, и великий князь успел собрать своих ратников для отпора³¹⁷). По тем или иным причинам (обоз-кош отягощен добычей, отступление откроет врагу дорогу в русские земли или же, наоборот, вражеское войско мешает выполнить поставленную государем задачей) уклониться от сражения нельзя и «прямое дело» неизбежно. Большой воевода созывает военный совет, на котором начальные люди

³¹⁵ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 60.

³¹⁶ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 532–533.

³¹⁷ Московский летописный свод конца XV века. С. 252.

обговаривают детали будущего «уряжения полков» и порядок их, полков, взаимодействия на поле боя и, естественно, способы управления ими во время сражения. Последний вопрос был одним из важнейших, ибо изощренность тактики русских ратей, особенно тогда, когда войско включало в себя все три рода войск – конницу, пехоту и артиллерию-«наряд», требовала и не менее изощренной и сложной системы условных сигналов-«ясаков», звуковых и визуальных, для управления отдельными частями войска на поле боя и опознавания своих. Так, согласно одному из вариантов летописной повести о сражении на реке Шелонь между москвичами и новгородцами в 1471 г., государевы полки использовали пароль-ясак «Москва», и, по словам книжника, разгромленные новгородцы в панике бежали с поля боя, «все устрашаемы зело» и «яко скот бродяжу, не ведуще друг друга», «иде же им гласи слышатся, якоже уставлен беаше глаголатися ясак полков князя великого «Москва»...»³¹⁸.

Помимо подобных словесных ясаков, в русском войске той эпохи активно использовали разного рода звуковые сигналы, подаваемые литаврами-накрами и иными ударными инструментами. Англичанин Дж. Флетчер писал, что русские начальные люди «привязывают к своим седлам по небольшому медному барабану, в который они бьют, отдавая приказание или устремляясь на неприятеля», кроме того, в войске использовались также для подачи сигналов и «барабаны большого размера, которые возят на доске, положенной на четырех лошадях. Этих лошадей связывают цепями, и к каждому барабану приставляется по восемь барабанщиков»³¹⁹.

Такой барабан-набат, служивший прежде всего для отдачи важнейших сигналов – сбор войска и выступление в поход, – являлся и знаком отличия воеводы, символом его самостоятельности – как писал в челобитной государю один разместничавшийся воевода, что он «лет с тридцать ходит своим набатом, а не за чужим набатом и не в товарищах», а потому ему «невместно» принять назначение, указанное в присланной из Разряда полковой росписи³²⁰.

Кроме литавр и барабанов, звуковые сигналы отдавались также и трубами. Так, французскому авантюристу Ж. Маржерету, помимо набатов и седельных тулумбасов, у каждого русского воеводы было еще и несколько «труб и несколько гобоев, которые звучат только тогда, когда они готовы вступить в сражение, или в стычке»³²¹.

Несколько примеров того, как использовались трубы и ударные инструменты в бою. В упоминавшемся чуть выше сражении под Скорятином Василий II самолично, «похватив трубу», «начат трубити», призывая своих воинов на сбор. В 1552 г., во время осады Казани, Иван IV, отправляя свои полки на последний штурм, «повеле в набаты бити и в накры многы, и в сурны играти, и в трубы трубити»³²². Тремя годами позднее, в 1555 г., во время сражения при Судьбищах, когда русское войско потерпело поражение и начало разбегаться, окольничий А. Д. Басманов-Плещеев и С. Г. Сидоров сумели собрать вокруг себя часть своих людей и отступили в дубраву, где находились их коши. Здесь Басманов «велел... бити по набату и в сурну играти», и на его призыв «съехались многие дети боярские и боярские люди и стрелцы»³²³, заняли здесь оборону («осеклися») и сумели отбиться от нападающих татар.

Не меньшее значение играли и знамена – большое государево знамя, которое было в большом полку вместе с большим воеводой, и полковые знамена (это о них писал Ж. Маржерет: «У каждого генерала есть свое знамя, которое различается по изображенному на нем святому; они освящены патриархом, как другие [изображения] святых. Два или три человека назначены его

³¹⁸ Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. Стб. 199.

³¹⁹ Флетчер Джс. О государстве Русском. С. 83.

³²⁰ Дворцовые разряды. Т. II (с 1628 по 1645 г.). СПб., 1851. Стб. 269.

³²¹ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 174–175.

³²² Отрывок летописи по Воскресенскому Новоерусалимскому списку // ПСРЛ. Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 312.

³²³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 257.

поддерживать»³²⁴). Изобразительные источники позволяют утверждать также, что свои значки имели также и «сотни». По знамени ориентировались рядовые воины и начальные люди, к нему съезжались после неудачной атаки дети боярские и их послужилыцы, за него шла ожесточенная схватка в бою, ибо падение знамени означало поражение. Вот, к примеру, что пишет летописец о сражении ратников великого князя с новгородской ратью на Двине в 1471 г. – в жестокой сече великокняжеские вои «знамя оу двинян выбиша, а трех знамянщиков под ним оубиша; оубиша бо первого, но и другой подхватил, и того оубили, ино третьей взял, оубивъши же третьего и знамя взяша», и только тогда «двиняне возьмюшася» и «одолеша полкы великого князя и избиша множество двинян и заволочан...»³²⁵. Во время осады Казани появление на башне «зело великой бусурманской хоругви» и размахивание ею стало сигналом для одновременной вылазки осажденных и удара в тыл русским другой татарской рати извне³²⁶. Другой, не менее примечательный случай приводил в своих воспоминаниях польский ротмистр Н. Мархоцкий, описывая сражение между тушинцами и правительственными войсками под стенами Москвы. По его словам, опрокинув московскую конницу, польская гусарская хоругвь кинулась было преследовать отступающих москвитов, но гусарский хорунжий вместо того, чтобы следовать за своим ротмистром, «увидев сбоку москвитян, присоединился к тем, кто их преследовал». Эта «инициатива» хорунжего имела самые печальные последствия – «хоругви, следовавшие за первой, решили, что она уже смята, и ни с того ни с сего показали спину», преследуемые русскими. И все бы ничего, поскольку в резерве у тушинцев было несколько рот пехоты, но, увы, по словам Мархоцкого, «пехотные ротмистры, похватав хоругви, побежали первыми», а за ними бросились в бегство и их люди, которых и порубила московская конница³²⁷.

Итак, «урядив полки», договорившись о порядке взаимодействия в предстоящей битве и «изъясачившись», государевы воеводы и начальные люди выстраивали свои полки и сотни, готовясь вступить в бой с неприятелем. Увы, не совсем, правда, ясно, как именно выстраивались «полки»-«дивизии» на поле битвы – всегда ли полк Правой руки становился справа от Большого полка (который был в центре) и точно так же всегда ли полклевой руки занимал левый фланг боевого построения, а Передовой и Сторожевой полки становились впереди, образуя первую линию боевых порядков, и завязывали бой. В XVI в. русские рати дали не так уж и много «правильных» полевых сражений, и еще о меньшем числе их у нас более или менее подробные и, что самое главное, внятные описания. Так, «Московский летописец», повествуя о битве при Молодях, отмечал, что 29 июля 1572 г., когда хан послал свои «полки» к русским позициям, русские «полки учили, выходя из обозу, битися: большей полк, правая рука и передовой и сторожевой, которой же полк по чину. А левая рука держала обоз»³²⁸. Но в этот день, по замечанию неизвестного автора повести о Молодинской битве, «наши плькы с крымскими людьми травилися, а съемного бою не было»³²⁹, то есть битва не перешла в решающую стадию, ограничившись «травлей» – схватками отдельных бойцов и небольших отрядов. 2-го же августа, отразив татарский штурм русского вагенбурга и гуляй-города, большой воевода князь М. И. Воротынский бросил в лобовую контратаку усиленный Передовой полк. Сам же большой воевода во главе Большого полка совершил фланговый маневр и ударил по неприятелю, связанному схваткой в ратниками Передового полка, с тыла. Но даже из подробного как никогда прежде описания Молодинской битвы неясно, как именно были построены в этом бою Передовой и Большой полки. Можно лишь предположить, что они, как описывали бое-

³²⁴ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 174.

³²⁵ Вологодско-Пермская летопись. С. 240.

³²⁶ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 40.

³²⁷ Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 53.

³²⁸ Московский летописец. С. 225.

³²⁹ Буганов В. И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 271.

вые порядки русских «полков»–«дивизий» поляки, были выстроены в 2–3 линии или эшелона «гуфами», которые были составлены из одного или нескольких служилых «городов», разбитых на «сотни» (еще одно новшество, введенное Иваном IV в ходе 3-й «казанщины» – правда, и в этом случае неясно, носили ли эти «сотни» характер тактических единиц, или же это были сугубо административные подразделения³³⁰). Однако это не более чем предположение.

Любопытное свидетельство оставил польский шляхтич С. Немоевский, уже упоминавшийся нами прежде. Он писал, что «боевой порядок у них (москвитов. – В. П.) всегда один: строятся по уздам; они знают наперед, кто обязан держать правое крыло, кто – левое, равно как и то, кто имеет стать в голове, кто позади, так что они всегда готовы без построения»³³¹. Фраза более чем примечательна – из нее следует, что, во-первых, каждая служилая корпорация-«город» составляла отдельное подразделение внутри титульного полка, а во-вторых, «города» заранее знали, кто какое место в боевом построении должен занимать. Напрашивается предположение, что при составлении полковой росписи разрядные дьяки и подьячие старались вписывать «города» в полки, следуя своего рода чиновной «иерархии» служилых корпораций. Это облегчало построение и управление войском, ибо выставляемые «городами» подразделения (поляки именовали их «гуфами»), раз за разом занимая определенное место, знали, что и в каком порядке им надлежит делать в походе и в бою.

Что любопытно – при анализе описаний сражений, которые давали русские воеводы государевым недругам в эти полтора с лишком столетия, складывается впечатление, что их тактика постепенно эволюционировала от активной, наступательной к оборонительной, когда, по словам отечественного военного историка О. А. Курбатова, государевы воеводы «прятали своих ратников в максимально укрепленных «обозах» и лагерях и оттуда производили разнообразные диверсии»³³². И похоже, что эта эволюция во многом была обусловлена, с одной стороны, ростом численности русских ратей (о чем мы уже писали прежде) и, следовательно, ростом проблем, связанных с управлением таким войском. С другой же стороны, переход к «оборонительной» тактике был связан с ростом удельного веса пехоты и артиллерии в выставляемых московскими государями полевых ратях, нуждавшихся в хорошей защите.

Действительно, если мы возьмем, к примеру, самые известные сражения 2-й половины XV – начала XVI в. – такие, как битвы под Суздаlem в июле 1445 г., на окраине Руси в феврале 1456 г., на реке Шелонь в июле 1471 г., на Ведроши в июле же 1500 г. и в сентябре 1514 г. под Оршей, то перед нами окажутся типичные «кавалерийские» сражения, в которых конница играет главную роль, а пехота если и присутствует, то на вторых ролях (кроме, пожалуй, Оршанской битвы, но это исключение из общего правила касается литовцев, но не русских). Из сбивчивых, порой даже «мутных» и противоречивых описаний этих битв можно предположить, что русские воеводы имели в обычае эшелонировать боевые порядки своих ратей в глубину в несколько линий (во всяком случае, именно так можно истолковать, к примеру, свидетельство 1-й Софийской летописи о том, что в злосчастной битве под Суздаlem русские трижды сходились с татарами и только на третий раз «поганые» одолели «хрестьян»³³³).

Эшелонирование боевых порядков как всей рати, так и составляющих ее отдельных «полков» позволяло воеводам активно маневрировать силами на поле боя, сменяя потрепанные отряды свежими, наращивать удар из глубины или же, связав неприятеля боем с фронта, внезапно атаковать его «западным» «полком» с фланга и тыла. Примерно так было под Русой в феврале 1456 г., когда небольшой передовой русско-татарский отряд вынудил новгородскую

³³⁰ См., например: Александров-Невская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. С. 187, 200.

³³¹ Записки Станислава Немоевского (1606–1608). С. 187.

³³² Курбатов О. А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. С. 60.

³³³ Софийская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 268. Ср.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. II. М., 2008. С. 137.

рать преждевременно развернуться в боевой порядок и втянуться сперва в схватку, а затем в преследование отходящих неприятелей. И когда смешавшие строй новгородские конные латники втянулись на узкие заснеженные улицы Русы, они попали под ливень стрел, выпущенных спешными (?) московскими лучниками, а с тыла и фланга их атаковала другая «великая рать» москвичей³³⁴. Подобным образом действовали московские воеводы летом 1471 г. на Шелони и летом 1500 г. на Ведроши³³⁵. И в том и в другом случае высланный вперед московский передовой «полк» завязывал бой, вынуждая неприятеля контратаковать (можно предположить, что важную роль на этом этапе играли конные лучники, русские и татарские – стоять на месте под ливнем неприятельских стрел не очень приятно, и контратака против пронсящих вдоль твоего фронта вражеских лучников напрашивалась сама собой. И как тут не вспомнить про описанный Герберштейном «танец» в исполнении что татар, что русских – маневр, суть которого заключалась в том, что отряд лучников «закручивал» перед фронтом неприятеля смертельный «хоровод», осыпая врага стрелами при сближении с ним, пронсясь вдоль него и на отходе³³⁶). И когда торжествующий было свою победу противник бросался преследовать отходящих московских «резвцов», он неожиданно наткнулся на главные силы русских. Естественно, что расстроившиеся в ходе первого «соступа» и последовавшего за ним преследования неприятельские «полки» не выдерживали контратаки свежих московских сил и, опрокинутые в сабельной рубке, начинали откатываться назад. Неожиданный удар «западного полка» в тыл и фланг противника довершал его поражение.

У этой схемы, при всей ее эффективности, тем не менее были и свои недостатки. Для того чтобы она сработала, необходимо было пространство для маневра, а как быть, если его не было? К тому же такой активной, маневренной манере вести полевое сражение малоподвижные, медлительные пехота и артиллерия были как будто излишними. Однако «герой» Ведроши князь К. И. Острожский в сентябре 1514 г. показал московским воеводам, что это не так, что и пехота, и артиллерия могут сыграть на поле боя весьма значимую, если не решающую роль. В стесненных условиях, где нельзя было осуществить излюбленный московскими воеводами фланговый маневр, лобовые атаки русской конницы, несколькими волнами накатывавшейся на неприятеля (свидетельства с «той» стороны говорят о том, что русская рать была построена перед битвой в три эшелона), несмотря на всю храбрость и упорство детей боярских, не имели успеха. При этом сосредоточенный огонь вражеской пехоты и артиллерии наносил русским существенные потери (так, пушечным ядром был убит воевода Передового полка князь И. И. Темка-Ростовский), что во многом обусловило конечную победу Острожского³³⁷.

Кстати, это не первый случай, когда русская конница терпела неудачу в сражении против «комбинированной» неприятельской рати – 27 августа 1501 г. на реке Серица под Изборском соединенная московско-псковская рать потерпела неудачу в сражении с орденским войском, которое активно использовало в бою артиллерию и ручное огнестрельное оружие. Правда, похоже, что из этой неудачи тогда не были сделаны соответствующие выводы, поскольку спустя три месяца русская рать разбила войско дерптского епископа под Гельмедом, и немцам не помогли ни артиллерия, ни ручницы (которые в качестве трофеев были взяты торжеству-

жия при той «ориентализированной» манере ведения боя создавали серьезные препятствия для его эффективного применения на поле боя – если только противника не удавалось заманить на заранее подготовленные позиции (как это и случилось в сентябре 1514 г. под Оршей). Однако на «берегу», при отражении татарских набегов, такой проблемы не было. «Перелазов» через Оку и ее притоки было не так уж и много, и заранее подготовить укрепленные позиции для наряда и пищальников было не столь уж и сложной задачей. И вот уже в 1480 г., во время знаменитого Стояния на Угре, московские воеводы активно использовали артиллерию. «И многих побиша татар стрелами и пищалми и отбиша их от берега», – с удовлетворением отмечал русский летописец в своем «репортаже с поля боя»³³⁹. В 1512 г. в ожидании набега крымцев великий князь предписал воеводам «пищальников и посошных людей... разделить по полком, сколько где пригоже быть на берегу» (и, похоже, если судить по житию святого Лаврентия Калужского, под Калугой им довелось отражать, действуя с насадов, попытки татар переправиться через реку)³⁴⁰. Спустя два десятка лет, в 1532 г., по получению известий о готовящемся татарском набеге, по решению Василия III и Боярской думы «наряд был великой, пушки и пищали изставлены по берегу на вылазех от Коломны и до Коширы и до Сенкина и до Серпухова и до Калуга и до Угры; добре было много, столко и не бывало...»³⁴¹. В 1541 г., во время нашествия хана Сахиб-Гирея I, русский наряд успешно подавил татарскую артиллерию и, взаимодействуя с конницей, не дал крымцам переправиться через Оку³⁴².

Можно, конечно, возразить, напомнив про кампанию 1517 г., когда русская пехота успешно повторила маневр, который принес ей успех в битве на Ведроши. По словам летописца, «наперед их (татар. – В. П.) заидоша по лесом пешие многие люди украинные да им дороги засекоша и многих татар побиша». Однако в этом эпизоде стоит обратить внимание на деталь, сообщаемую летописцем, – «пешие люди украинные по лесом их (татар. – В. П.) бити...»³⁴³. Пехота не стала вступать в открытый бой с неприятелем, но действовала под прикрытием леса и засек. Одним словом, нужно было некое средство, применение которого позволило бы вывести пехоту и наряд на поле боя без угрозы потерять их в случае отхода конницы. И такое средство было найдено. В Вологодско-Пермской летописи под 7038 г. от сотворения мира (1530 г. по нашему летосчислению) в рассказе об очередном походе русской рати на Казань впервые упоминается о применении русскими укрепленного обоза и знаменитого гуляй-города. Правда, тогда государевы воеводы «под городом под Казанью стали, оплошася, и обозу города гуляя не сомкнуша», чем и воспользовалась «черемиса казанская», которая сумела взять несомкнутый гуляй-город, а в нем немалый наряд («пищалей с семдесят») с запасом пороха-«зелья» и ядер³⁴⁴.

Осторожно предположим, что сама по себе идея укрепленного обоза была позаимствована русскими у кочевников – вспомним хотя бы описание обороны укрепленного обоза киевлянами на Калке в печальной памяти 1223 г. Если же взять более близкое к рассматриваемому нами периоду время, то летом 1501 г. крымский «царь» Менгли-Гирей I и «царь ординской» Шейх-Ахмед (сын того самого «царя» Ахмата, что приходил осенью 1480 г. на Угру) во время противостояния на реке Сосне «учинили» друг против друга «крепости», из которых их ратники выезжали на «стравку» с неприятелями, и крепости эти явно были окопанными вагенбургам³⁴⁵. Позднее же, в 20–30-х гг. XVI в., крымцы переняли у османов идею «зарбузан

³³⁹ Московский летописный свод конца XV века. С. 328.

³⁴⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 119.

³⁴¹ Софийская 2-я летопись // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 266.

³⁴² См.: Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...» Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 41–47.

³⁴³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 26.

³⁴⁴ Вологодско-Пермская летопись. С. 314.

³⁴⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Т.

арабалары» – повозок, оснащенных легкой артиллерией и щитами с бойницами для стрелков-тюфенгчи³⁴⁶. И похоже, что от татар идея использования подобного мобильного укрепления, «гуляй-города», была очень быстро перенята русскими. Этот «гуляй-город» (который польский шляхтич Н. Мархоцкий, имевший с ним дело в годы Смуты, описывал следующим образом: «Гуляй-города представляют собой поставленные на возы дубовые щиты, крепкие и широкие, наподобие столов; в щитах для стрельцов проделаны дыры, как в ограде...»³⁴⁷) надолго, по меньшей мере на три четверти века, стал надежной опорой и защитой русской пехоты и наряда и позволил вывести их на поле боя.

Новая комбинированная, «общевойсковая» тактика постепенно отработывалась в ходе регулярных «стояний на Оке», когда русские полки разворачивались вдоль левого берега реки в местах возможной переправы татар, стремясь не допустить прорыва бусурман к сердцу Русского государства. И похоже, что во время «войны двух царей» она была доведена до совершенства, о чем свидетельствует анализ сохранившихся описаний трех крупнейших полевых сражений, которые дали государевы воеводы ратям крымских «царей» под Москвой в 1571, 1572 и 1591 гг.

Во всех трех случаях «прямое дело», решившее исход кампании, стало итогом длившихся порой несколько дней стычек передовых отрядов и маневрирования. В ходе Молодинской кампании 1572 г., к примеру, татары вышли к Оке 26 июля и с ходу попробовали переправиться через реку, но были отражены русской конницей, действовавшей при поддержке укрытых в полевых укреплениях, возведенных на «перелазах», пехоты и наряда. Некоторое представление о том, как выглядели эти схватки, этот бой, может дать описание схожего случая, что дал в своей «Истории о делах великого князя московского», рассказывая об осаде и штурме Казани в 1552 г., князь А. Курбский. Он писал, что русские воины под его началом выстроились на некотором отдалении от уреза воды (стоит заметить, что левый, северный берег Оки в районе Серпухова, который занимали русские полки, был отлогим, тогда как противоположный, напротив, обрывистый), ожидая татар. И когда передовые татарские всадники вышли из воды на берег, русские дети боярские дали залп из луков и стремительно атаковали врага, опрокинув его обратно в воду и смешав его «полк»³⁴⁸.

Однако «тонкой красной линии» русских полков, развернутых вдоль берега Оки от Калуги до Коломны, сложно было долго препятствовать попыткам неприятеля преодолеть позиции «берегового разряда», особенно если разведка ошибалась и теряла врага из виду, как это было в кампанию 1571 г., а противник проявлял настойчивость в попытках «перелезть» через реку. Тогда (как, впрочем, и в следующем году) татары, совершив фланговый маневр, стремились вынудить русских покинуть оборонительный рубеж по Оке и заставить их принять бой если не на марше, то, во всяком случае, на неподготовленной позиции с перевернутым фронтом. И тогда государева рать скорым маршем отступала с «берега» к Москве (по возможности на заранее присмотренные позиции, как это было в 1572 и 1591 гг.). При этом большой воевода, прикрывая отход главных сил, мог оставить арьергард из «резвых людей» «травитися» с неприятелем и «над резвыми передовыми людьми, которые вскоре Оку реку перелезут, поиск учинить и... над крымскими над резвыми перелазными людьми по государеву наказу чинить поиск сколько бог поможет»³⁴⁹.

Если все складывалось удачно и русские вовремя начинали отход с «берега», то они, как в 1572 и 1591 гг., успевали опередить татар и встать на облюбованную позицию, развернув там

I. С. 367–368, 370.

³⁴⁶ См., например: *Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980. P. 459–461.*

³⁴⁷ *Мархоцкий Н. История Московской войны. С. 52.*

³⁴⁸ *Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 58, 60.*

³⁴⁹ *Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 208, 210.*

гуляй-город и укрепив обоз-кош. Сражение вступало в решающую стадию, однако, по степному обычаю, стороны не сразу бросали в бой все силы, стремясь как можно быстрее сломить сопротивление неприятеля. Прежде воеводы с обеих сторон прощупывали намерения противника, его готовность к продолжению битвы, моральный дух и боеспособность. Это прощупывание осуществлялось посредством «травли» и поединков отдельных всадников и небольших отрядов. Характерная фраза из летописной повести о Молодинском сражении – «наши плъкы с крымскими людьми травилися, а съемного бою не было»³⁵⁰, то есть противники ограничивались преимущественно «лучным боем», не вступая в серьезную схватку с активным использованием холодного и огнестрельного оружия. И видимо, именно во время «травли» и использовался преимущественно равно как русскими, так и татарами знаменитый «хоровод» (описывая его, князь Курбский сообщал, что, когда во время одной из вылазок из осажденной Казани татары «начаша под шанцами круги водити и герцовати, стреляющее из луков по подобию частости дождя...»³⁵¹).

Впрочем, одной лишь «каруселью» русские (и татарские) всадники не ограничивались. Если противник дрогнул, они легко могли перейти от «лучного боя» к «съемному», атакуя врага «жестокими напуски» холодным оружием – копьями, саблями и боевыми топорами. Можно предположить, что при этом атакующий в обычно разреженных (с тем, чтобы было удобнее стрелять из луков и биться холодным оружием) боевых порядках отряд невольно приобретал форму клина, во главе которого скакали командир и наиболее храбрые и хорошо вооруженные воины. Правда, при этом командир на лихом коне рисковал врубиться в ряды неприятелей сам-друг, если не в гордом одиночестве. Именно так и случилось с князем Курбским под Казанью, когда он во главе своего «полка» атаковал было прорывающихся из Казани татар. «И всех первые вразихся во весь полк он бусурманский и памятаю то, – вспоминал он позднее, – иже, секущесь, три разы в них (татар. – *В. П.*) конь мой оперся, и в четвертый раз зело ранен повалился в середине их со мною». Оказывается, «те все благородные (дети боярские «полка» Курбского. – *В. П.*), их же уже собралось было аки со триста, яже обещались и устремились были со мною вкупе на них (татар. – *В. П.*) ударити, да погладили возле полка их, не сразився с ними», поскольку «прежних их некоторых зело поранили, близ себя припустя их, или негды убояшесь толщи ради полку (татарского. – *В. П.*)...», и пока Курбский рубился с татарами, проезжая, аки былинный богатырь, через их «полк», его люди, «возвратився, паки з зади оного бусурманского полку сещи начаша, наезжаячи и топчючи их»³⁵².

На «травлю» полки (об этом говорят и русские источники, и иностранные наблюдатели) выступали поочередно: «Полки учили, выходя из обозу, битися: большей полк, правая рука и передовой и сторожевой, которой же полк по чину»³⁵³. Смена полков и сотен позволяла воеводам поддерживать «пламя» схватки, сменяя потрепанные и израсходовавшие запас стрел в колчанах сотни на свежие, отдохнувшие под прикрытием гуляй-города или обоза – даже если конные сотни потерпели неудачу в «съемном бою», всегда оставалась надежда отступить в свой кош и там отсидеться, отбиться от неприятеля. Именно так и случилось, к примеру, в июле 1555 г. под Судьбищами или в августе 1615 г. под Орлом, где князь Д. М. Пожарский столкнулся со знаменитым польским полковником А. Лисовским и его «лисовчиками». Неожиданная атака на лагерь «лисовчиков» не имела успеха, противник опрокинул и обратил в бегство русских, однако сам Пожарский «не с великими людьми», «одернушася телегами и сидеша в обозе»³⁵⁴, сумел отбиться от неприятелей и дожидаться возвращения беглецов, после чего

³⁵⁰ Буганов В. И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. С. 271.

³⁵¹ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 44.

³⁵² Там же. С. 60.

³⁵³ Московский летописец. С. 225.

³⁵⁴ Новый летописец // ПСРЛ. Т. XIV. М., 2000. С. 136.

вынудил Лисовского отступить. А вот под Венденом в октябре 1578 г. аналогичная стратагема успеха не имела – под покровом ночи русская конница, потерпев неудачу в дневном бою и не слушая увещевания воевод, бежала из укрепленного лагеря, бросив на произвол судьбы пехоту и наряд.

Сам по себе маневр отхода и смены сотен («отвод») был достаточно опасным и требовал хорошей согласованности действий и отступающих, и идущих им на смену. В ходе сражения на окраинах Москвы в мае 1571 г., судя по всему, отсутствие четкой координации действий между «стравщиками» и их сменщиками привело к тому, что татарам удалось на плечах отступающих ворваться в русский обоз и тем самым добиться победы в сражении. Во всяком случае, только так можно трактовать фразу из победного «сеунча» Девлет-Гирея в Стамбуле: «Была великая битва и яростная схватка. Нечестивцы (русские. – В. П.) не смогли выдержать удар. Они отступили и побежали к своему табору. Воины ислама прорвались в табор (русских. – В. П.) за врагами»³⁵⁵. Годом позже татарский Дивей-мурза, главный советник Девлет-Гирея («дума царева») и его правая рука на поле боя, прикрывая во главе своих нукеров отход конных татарских «сотен» («своих татар стал отводить»), замешкался и попал под удар внезапно контратаковавших русских ратников и попал в плен³⁵⁶. Если же смена сотен и полков осуществлялась в должном порядке, то противник мог получить крайне неприятный сюрприз. Так, 28 июля 1572 г. русский Передовой полк князей А. П. Хованского и Д. И. Хворостинина, усиленный наемными «немцами» ротмистра Ю. Фаренсбаха, «пришел на крымской на сторожевой полк, да с ними учял дело делати с немцы и с стрельцы и со многими дворяны и з детьми боярскими и з боярскими людми, да мчял крымской сторожевой полк до царева полку»³⁵⁷. Когда же хан, обеспокоенный вестями о поражении своих людей, бросил в бой резервы, русские воеводы повели своих ратников назад и навели преследующих татар на изготовившихся к бою стрельцов и наряд, укрытых за стенами гуляй-города. «И в те поры из-за гуляя князь Михаило Воротынской велел стрельцем ис пищалей стреляти по татарским полком, а пушкарем из большово снаряду ис пушек стреляти. И на том бою многих безчисленно нагайских и крымских тотар побили», – сообщал неизвестный русский книжник³⁵⁸. Нечто подобное произошло и под Добрыничами зимой 1605 г., когда конница Лжедмитрия I, опрокинув конницу русскую, доскакав до русского обоза, неожиданно для себя натолкнулась на засевших за набитыми сеном саями стрельцов. Одновременный залп «полковой» артиллерии и стрелецких пищалей ошеломил неприятелей и обратил их в бегство, русская конница опомнилась, собралась с духом и кинулась преследовать хоругви самозванца «добрых две мили, убивая всех, кого настигала, так что всю дорогу помостили трупами»³⁵⁹.

«Травля» могла длиться весь световой день, как, к примеру, в июле 1591 г., когда крымский «царь» «пришел к Москве на третьем часу дни и к обозу приступал со всеми людми. И государя царя и великого князя Федора Ивановича Всеа Руси бояре и воеводы князь Федор Иванович Мстисловской и конюшей и боярин и дворовой воевода Борис Федорович Годунов и все бояре и воеводы с крымским царем Казы-Гиреем и с царевичи, и с мурзы, и со всеми крымскими людми, и с нагайскими людми, шедчися полки, билися весь день с утра и до вечера и из наряду по них стреляли»³⁶⁰. Воеводы не торопились выводить из обоза в поле полки, не выяснив «допряма» намерений противника и опасаясь какой-либо хитрой каверзы с его сто-

³⁵⁵ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Походы Девлет-Гирея на Москву в 1571 и 1572 годах по документам Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 216–217.

³⁵⁶ Московский летописец. С. 225.

³⁵⁷ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 238.

³⁵⁸ Там же. С. 238.

³⁵⁹ *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 76.

³⁶⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 443.

роны. И если схватка носила нерешительный характер, то «травля» могла повториться снова и снова – как это было при Молодях, где русские и татары «травились» 29 июля, затем 31 июля и 1 августа. Если же нет, то тогда ею могло все и закончиться, как это было в мае 1591 г., когда, увидев, что русские намерены продолжать бой, хан и его воеводы решили, что продолжать «дело» дальше не имеет смысла. Признаков того, что неприятель вот-вот дрогнет и обратится в бегство, не было (да и быть не могло – как-никак, но «отступить некуда, позади Москва»), русские позиции с наскока не возьмешь, а превосходство государева войска в артиллерии и огнестрельном оружии было подавляющим и грозило серьезными потерями при переходе от «травли» к решительному штурму гуляй-города и коша. Итог – в ночь татары обратились в поспешное отступление, «вдали плещи»³⁶¹.

Не так случилось при Молодях «августа во 2 день в субботу», когда «царь крымской послал нагайских татар многих и крымских царевичей и многие плъки татарьские пешие и конные к гуляю городу выбивати Дивия мурзу да и гуляй город велел взяти...». Командовавший русскими войсками воевода князь М. И. Воротынский, выждав момент, когда татары, безуспешно пытаясь взять штурмом гуляй-город, изнемогли и понесли большие потери («и как татаровя пришли к гуляю городу и имались руками за стену у гуляя города, – и наши стрельцы туто многих татар побили и рук бесчислено татарьских отсекали...»), перешел в контратаку. По условленному сигналу русская артиллерия открыла массированный огонь по неприятельским боевым порядкам («из большово наряду ис пушек и изо всех пищалей»), гуляй-город раскрылся, и в схватку вступили дети боярские Передового полка во главе с Д. И. Хворостининым и немцы ротмистра Ю. Фаренсбаха. Одновременно с этим сам Воротынский во главе сотен большого полка, совершив обходной маневр по «долу», атаковал противника с тыла, «да учили с нагайцы и с крымцы дело делати съемное, и сеча была великая», закончившаяся разгромом неприятеля³⁶².

В этом эпизоде мы снова видим излюбленный маневр, применявшийся раз за разом русскими воеводами, – связав противником боем по фронту, частью сил совершить фланговый маневр и атаковать неприятеля с тыла и фланга. Описывая подобный маневр и его результаты, основатель династии Великих Моголов Бабур вспоминал на склоне лет: «Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя; они напали спереди и сзади, и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгاما». Ни одного боя не бывает без тулгاما»³⁶³. Впрочем, применение этого маневра не всегда давало желаемый результат. Так, в сражении под Кесью/Венденом в октябре 1578 г. русская конница попыталась обойти польскую с фланга и зайти ей в тыл, но была отражена контратакой неприятельского резерва и обратилась в бегство. Неудача предпринятой «тулгамы» предопределила в конечном итоге и поражение русского войска в этом двухдневном сражении.

Отметим, что русская конница все же не очень любила «съемный бой», предпочитая ей дистанционный. Любопытное свидетельство на этот счет приводит уже упоминавшийся нами прежде С. Немоевский. По его словам, в одном из сражений русских с татарами (возможно, в 1591 г.) получившие приказ атаковать неприятеля польские наемники, по своему обычаю, ринулись в бой, однако их порыв не был поддержан русской конницей, и поляки, попавшие в окружение, с большим трудом и потерями сумели пробиться назад. «Когда же они (поляки. – В. П.) стали укорять тех (русских. – В. П.) в выдаче головой и неподдержке, – продолжал дальше свой рассказ Немоевский, – те еще выговаривали им, указывая на глупость-де наших: **«А кто же это видел такую бессмыслицу – бежать к неприятелю, как будто у вас глаза повы-**

³⁶¹ См.: Пенской В. В. Последний бой: нашествие крымского хана Гази-Гирея II на Москву в 1591 г. // История в подробностях. 2010. № 5 (ноябрь). С. 16–29.

³⁶² Буганов В. И. Повесть о победе над крымскими татарами... С. 271–272; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. С. 238; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 313–314.

³⁶³ Бабур-наме. Ташкент, 1992. С. 107.

нимал, как это вы сделали (выделено нами. – *В. П.*)...»³⁶⁴ Пассаж, пусть и несколько утрированный, более чем красноречивый и говорящий сам за себя – для русского атака в лоб «политовски», с саблей наголо и копьем наперевес, выглядела бессмыслицей! Кстати, стоит заметить, что на завершающем этапе Войны за ливонское наследство и «войны двух царей» русская поместная конница усиливалась наемными ротами бывших рейтарским боем «немцев» и наемными же ротами поляков и литовцев, привычных к копейному бою.

Одержав верх над неприятелем в ходе «травли» ли, «съемного дела» ли, русские воеводы непременно преследовали неприятеля, отнюдь не стремясь выстроить ему «золотой мост». «И биша поганых немец на 10 верстах, – с удовлетворением отмечал псковский книжник, повествуя о последней фазе битвы, которую дали московские воеводы ливонцам в 1502 г. под Гельмедом, – и не оставиша их ни вестноши». И на Шелони полки великого князя «погнаша на них (обратившихся в бегство новгородцев. – *В. П.*), колюще и секуще их». И торжествующие «вои великого князя гонили по них двадесят верст, и тако възвратишася от великия тоа истомы»³⁶⁵.

Однако такое безоглядное преследование применялось тогда, когда было очевидно – главные силы неприятеля наголову разгромлены в «съемном бою» и бегут без оглядки. В противном случае, если враг отступал с поля боя в относительном порядке к своему лагерю и только после этого под покровом ночи снимался и начинал отход, преследование осуществлялось осторожно. Так, в 1533 г. Василий III прямо предписал своим воеводам, отразившим попытку крымских «царевичей» Ислам-Гирея и Сафа-Гирея переправиться через Оку и вынудивших бусурман отступить, «самим за реку не ходить, а за реку с Коломны посылать на тех людей (татарских. – *В. П.*), которые в розгонех, лехких воевод...»³⁶⁶. Спустя восемь лет, в 1541 г., когда Сахиб-Гирей и его воинство под покровом ночи поспешило начать отступление от Оки, посланные вслед за отходящими татарскими «полками» станичники сообщили Д. Ф. Бельскому и его «товарищам», что хан отходит той же дорогой, что и шел на Москву. Получив это известие, «большой» воевода собрал военный совет, и «воеводы же начаша съветовати: всеми ли людьми за реку полести, за царем пойти? Ино обычай в ратех държит, что всеми людьми в погоню не ходят». В конечном итоге решено было отправить в погоню за ханом отличившихся в ходе сражения князей С. И. Микулинского-Пункова и В. С. Серебряного, «а с ними многих людей выбрав изо всех полков дворовых и городовых»³⁶⁷. Главные же силы русского войска в ожидании вестей от посланной в погоню за неприятелем «лехкой рати» остались на Оке. И в 1591 г. воеводы царского войска не торопились идти за поспешно отступающим к югу крымским «царем», отправив за ним за Оку «лехких» воевод «с резвыми людьми с вогненным боем». И, согласно победной реляции, эти «лехкие» воеводы «крымских и нагайских людей, которые за царем шли с лутчими людьми в отводе сшедчи их за Тулою, на поле побили многих людей, и топтали их и гоняли до царевых полков, и языки у них многие поимали имянитых людей Такбилдея мурзу, хан мурзина брата Казыева, да Абыл Касыма, мурзу Родомкита, и Большие Орды, и иных многих имянитых мурз в языцех поимали, а взяли в языцех до тысечи человек»³⁶⁸. Суздальский урок русскими воеводами был усвоен хорошо, хотя, конечно, такая осторожность порой вела к тому, что враг успевал, пусть и бросая загнанных лошадей и имущество, отступить, спасая главные силы от уничтожения, а то и вовсе, как это было летом 1562 г., отойти вместе с набранным на государевой «украине» полоном.

³⁶⁴ Записки Станислава Немоевского (1606–1608). С. 191–192.

³⁶⁵ Московский летописный свод. С. 289; Псковская 1-я летопись. С. 87.

³⁶⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. II. С. 240–241.

³⁶⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 111; Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 300.

³⁶⁸ Выписки из статейного списка посольства Павла Волка и Мартина Сушского // *Антилогов Г. Н.* Новые документы в России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. С. 42.

Завершая разговор о тактике русского войска, отметим, что, если мы имеем, в общем, достаточно сведений для того, чтобы составить более или менее точное представление о тактике русской конницы (основного рода войск в то время), то этого не скажешь о тактике пехоты – не важно, пищаль-ников ли, казаков или же стрельцов. Не подвергая сомнению индивидуальное мастерство во владении ручным огнестрельным оружием основной массы рядовых пехотинцев (поскольку большая часть ее набиралась из добровольцев, в достаточной степени владевших навыками стрельбы из пищалей и гаковниц), мы можем только предполагать (на основании косвенных свидетельств), что пехота, в особенности отборные московские (не городовые, которые нередко уступали им в боеспособности) стрельцы, были обучены залповой стрельбе³⁶⁹. Могли они (во всяком случае, наиболее опытные и подготовленные части) поддерживать и непрерывный огонь (за счет смены отстрелявшихся бойцов стрелками из задних рядов или же посредством передачи заряженных пищалей впереди стоящим из глубины строя?). Можно также предположить, что в открытом поле стрельцы (и казаки?) могли выстраиваться в 5 и 10 шеренг³⁷⁰. Увы, большего пока о пехотной тактике пока мы сказать не можем.

Подводя общий итог, скажем: несмотря на устоявшийся взгляд на тактику русского войска в «классический» период как достаточно примитивную и архаичную, такая точка зрения все же ошибочна. Русские воеводы хотя и не оставили после себя уставов и наставлений, не говоря уже о военно-теоретических сочинениях и мемуарах, тем не менее были опытными профессионалами-практиками, в массе своей владевшими вполне современным и достаточно эффективным набором тактических приемов. Умелое применение в разных комбинациях «базовых» тактических приемов (а здесь многое зависело от личных качеств как самих воевод, так и, в особенности, среднего командного состава, «центурионов» московских «легионов») позволяло им успешно сражаться против самых разнообразных противников как на западе, так и на востоке.

³⁶⁹ Во всяком случае, это следует, к примеру, из описания сражения при Добрыничах в 1605 г. См.: *Магга И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. С. 76. Ср. описание смотра стрельцов и пушкарей в декабре 1557 г.: *The Discovery of Muscovy. From The Collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of Othere and Wulfstan from King Alfred's Orosius.* London, 1889. P. 133.

³⁷⁰ *The Discovery of Muscovy. From The Collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of Othere and Wulfstan from King Alfred's Orosius.* P. 132.

Очерк VII. «Промышляя о градоемстве...»: русское осадное дело раннего Нового времени

Наш рассказ о московском «градоимном деле» мы начнем, как и прежде, с известной фразы из записок о Московии имперского посланника С. Герберштейна. Характеризуя уровень развития техники ведения осад в Русском государстве во время первой Смоленской войны 1512–1522 гг., он сообщал своим читателям, что «города они (то есть москвиты. – В. П.) редко захватывают штурмом [и после сильного натиска], у них более в обычае принуждать людей к сдаче продолжительной осадой, [голодом] или изменой». И этот обычай имперский дипломат и мемуарист связывал с тем, что «москвиты, по-видимому, не делают различия между разными пушками или, говоря вернее, между их назначением. Они не знают, когда надо пускать в дело большие орудия, которыми разрушают стены, или меньшие, которые разрушают вражеский строй и останавливают его натиск...»³⁷¹.

В этой оценке русского «градоемства» С. Герберштейн и прав, и не прав одновременно. С одной стороны, действительно, среди воевод Василия III вряд ли нашлось бы много специалистов по применению новейших технических «градоемных» средств, прежде всего артиллерии. Впрочем, стоило ли ожидать иного? Артиллерийское дело в то время было еще внове, пахивало (и в прямом смысле тоже) серой, и горделивые, заносчивые московские «стратилаты» свысока поглядывали на пушкарей, возившихся со всей этой чертовщиной. То ли дело добывать великому князю славы и чести, а себе животов в «малой» войне, опустошая владения государевых недругов набегами! С другой стороны, штурм пускай и как будто примитивных традиционных дерево-земляных фортификаций русских городов (что по эту сторону границы, что по ту, «литовскую») так или иначе, но обошелся бы дорого, очень дорого, немалой кровью. А дети боярские и сборные с городов и волостей пищальники и посошные люди – отметим это еще раз – все-таки не были расходным материалом, пушечным мясом, которое легко можно было нарастить снова и снова, – не было в тогдашней Русской земле избытка «лишних» людей и, соответственно, обширного рынка наемников. Да и не с руки было православному государю проливать понапрасну кровь своих подданных – кровь, она не водица, не затем Господь поставил его во главе православного царства. Можно, конечно, было бы, по примеру европейских монархов, решить проблему за счет найма ратных людей где-нибудь в Европе, в той же Германии, но и это не было выходом, поскольку за морем телушка полушка, да рубль перевоз, слишком дорогое удовольствие. Вот технических специалистов, тех же «пушечных литцов», которым «пушкарския воинския градоимныя дела гораздо заобычай», нанять – это совсем другое дело. Много их не надо, а пользы не в пример больше. Они и пушки отольют, и порох с ядрами и прочим припасом изготовят, и расставят «наряд» там, где это нужно. И что самое главное, русские «поддатни»-ученики и помощники иноземных «литцов», наблюдая за их действиями, сами научатся и делать артиллерийские орудия, и применять их на практике (но обо всем этом подробнее будет сказано дальше).

Несколько слов о том, как, когда и при каких обстоятельствах на Руси появилась артиллерия. Летописи сообщают, что русские рати впервые познакомились с артиллерией в 1376 г., когда соединенная московско-нижегородская рать осадила волжский город Булгар, и тамошние бусурманы ополчились «противу их и стаща на ои и начаша стреляти, а **инии из града гром пуцаху** (выделено нами. – В. П.), страшаще нашу рать»³⁷². Вероятно, познакомившись поближе с первыми примитивными, но вместе с тем внушающими определенные надежды

³⁷¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 245.

³⁷² Рогожский летописец. Стб. 116.

артиллерийскими орудиями, великий князь Дмитрий Иванович повелел обзавестись некоторым их количеством для усиления обороны своей столицы. И вот в 1382 г., во время памятного печального для русских людей набега хана Тохтамыша москвичи «стрелами стреляхуть со заборол, инии же камением шибяху на ня (на татар. – *В. П.*), друзии же **тюфякы пуцаху** на ня, а инии ис самострел стреляху, инии же **пушкы великые пуцаху** (выделено нами. – *В. П.*)...»³⁷³. Однако, судя по всему, на первых порах больше москвичей в новомодном искусстве преуспели тверичи. В Твери артиллерия появилась чуть позднее, чем в Москве, – под 6897 г. от Сотворения мира (по нашему летосчислению – 1389/ 90 г.); в тверской летописи отмечено, что «из Немец вынесоша пушкы»³⁷⁴. Не прошло и двух десятков лет, как эмир Едигей, всемогущий правитель Орды, явившийся под Москву истребовать со своего неверного улусника князя Василия Дмитриевича долг по ордынскому «выходу», затребовал у тверского князя Ивана Михайловича, чтобы тот немедля выступил к нему под Москву «со всею ратью Тферскою и с пушкы и с тюфякы и с самострелы и со всеми сосуды градобийными»³⁷⁵. Иван, то ли опасаясь мести Василия, то ли еще по какой причине, но саботировал требование эмира, «идучи не идяху». Его внук Борис, напротив, поддержал сына Василия I Василия Темного, когда тот в ходе «войны из-за золотого пояса» осадил зимой 1447 г. Углич, где затворился его главный враг, князь Дмитрий Шемяка. По просьбе Василия Темного тверской князь прислал к нему не только свою рать, но и «поушечника с поушками именем Микоулоу Кречетникова, но тако беаше той мастер, но яко и среди немец не обрести такова»³⁷⁶. Умелые действия тверской артиллерии обеспечили московскому князю победу – угличане, уstraшенные канонадой, управляемой указаниями Кречетникова, открыли ворота Василию. Сам же тверской князь тогда же осадил Ржеву, и хотя ржевичи отчаянно отбивались от осаждающих, «бияхоу овии поушками, а инии пращами, а друзии камением», однако мощь тверской артиллерии сказала свое веское слово и здесь: «Толь бо грозно, но якож от великого того грому многим человеком падати...»³⁷⁷

Стоит заметить, что эпизод с осадой Ржевы в «Похвальном слове» интересен не только выдержанной в превосходных тонах оценкой результатов работы тверской осадной артиллерии. Если собрать воедино как летописные свидетельства, так и повествование Фомы, то перед нами предстанет достаточно полная и вместе с тем красочная картина осады города русскими полками на заре «пороховой» эры, когда артиллерия играет пусть и вспомогательную, но раз от раза все более и более важную роль. Сравним два описания осад: одно датировано 1375 г., а другое – 1447 г. В первом случае коалиции русских князей под верховенством великого князя Владимирского и Московского Дмитрия Ивановича осадила Тверь, где заперся его недруг великий князь Тверской Михаил Александрович, а во втором – великий князь Тверской Борис Александрович осадил Ржеву, которую ему «пожаловал» (а на деле уступил в обмен на военную помощь) Василий Темный.

Из рассказа тверских летописцев о «тферской войне» следует, что прежде всего передовые «полки» войск коалиции «тяжко плениша» волости в тверской округе. Затем соединенная рать Дмитрия подступила к самой Твери, «посад и церкви пожегл и села по волостям». Спустя три дня после начала осады великий князь «приступил всею ратию к городу». Его ратники «туры прикатили и примет приметали около всего города» и попытались штурмом взять Тьмацкие ворота, подпалив мост и привратную стрельницу-башню³⁷⁸. Тверской князь

³⁷³ Московский летописный свод конца XV века. С. 208.

³⁷⁴ Тверская летопись. Стб. 444.

³⁷⁵ Московский летописный свод конца XV века. С. 238.

³⁷⁶ Лихачев Н. П. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче // Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLXVIII. М., 1908. С. 46.

³⁷⁷ Там же. С. 49.

³⁷⁸ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Стб. 100.

и его рать совершили вылазку из города, «туры посекали и люди, а иные туры пожгли». Убедившись в том, что штурм не задался, Дмитрий Иванович отдал приказ прекратить атаки и блокировать Тверь, рассчитывая взять ее измором. Его воины «стали въкруг всего города и за Волгою, на Волзе мосты через Волгу починили, а град Тферь острогом весь огородиша». Одновременно Дмитрий отправил гонцов в Новгород, предложив новгородской «госпode» присоединиться к нему под Тверью (и новгородцы, памятуя о том, как жестоко обошелся незадолго до этого Михаил с Торжком, поспешили откликнуться на зов великого князя, «свою отъмьщающе обиду»), а его войско принялось безжалостно пустошить тверскую округу. И «князь же великий Дмитриий стоял месяц с всею силою, – с печалью констатировал тверской книжник, – учинив всю Тферьскую область пусту и онем пожегл, а люди мужа и жены и младенца в вся страны равезли в полон»³⁷⁹. Не видя иного выхода и помощи ниоткуда, даже от своего союзника великого князя литовского Ольгерда, Михаил сдался.

По схожему сценарию развивались события и подо Ржевой. Борис Алесандрович выслал вперед себя своих воевод с передовой ратью. Однако Ржева неожиданно оказалась крепким орешком (инок Фома в своем панегирике великому князю писал, что «градок той, аще ли мал, но тверд, и велми приправы градские на нем велми много»³⁸⁰). Ржевичи категорически отказывались открыть ворота перед великокняжескими воеводами, регулярно делали вылазки – одним словом, осада, вопреки всем ожиданиям, затягивалась, и тогда Борис сам решил явиться под сей «градок». Но и тогда ржевичи не прекратили сопротивления. Напротив, они сожгли посад и заперлись в детинце, демонстрируя тем самым свои намерения стоять до конца. Ратники великого князя тем временем плотно обложили город, да так, что и мышь не проскочит, «инии начаша туры рядити и повезоша под град, а инии воду отъяша у града», третьи же «две или три за единою дскою вратною по град приидоша, а инии за щиты нолны до самы стены прискакаахоу...» и бились с горожанами лучшим боем. И от того всего «бысть туга во граде не мала», ибо «дивно видети, но якоже и град содела турами противоу града и поушки поста-виша»³⁸¹.

Итак, из этих двух описаний картина ведения осады перед нами предстает более или менее определенная. Если не удавалось взять город «изгоном» или «искрадом» (используя эффект неожиданности – как это было в декабре 1446 г., когда воеводы Василия II, имея под своим началом то ли девяносто, то ли сотню ратников, взяли Москву, воспользовавшись оплошностью воротной стражи³⁸²), то тогда начиналась осада, развивавшаяся по определенному, устоявшемуся канону. Передовые отряды княжеской рати, подступив к городу, обкладывали его со всех сторон, с тем чтобы прервать всякое сообщение осажденного города с внешним миром, и разоряли окрестности, вынуждая их жителей толпами со всем своим скарбом сбегаться под защиту городских валов и стен. Главные силы появлялись под осажденным «градом» несколько позднее и, разбив основной лагерь вне зоны действенного обстрела со стороны городской «артиллерии» и стрелков (так, в 1382 г. татары, подступив к Москве, «сташа близ града, акы 2 перестрела», «пристроая ради граднага и стреляния со града»³⁸³), приступали к осадным работам. Из заранее заготовленных и подручных материалов (отсюда и обыкновение осажденных сжигать городской посад, с тем чтобы лишить осаждающих строительных материалов и топлива) ратные возводили контрвалационную линию («град против града») из туров³⁸⁴

³⁷⁹ Рогожский летописец. Стб. 111–112.

³⁸⁰ Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Алесандровиче. С. 47.

³⁸¹ Там же. С. 49.

³⁸² Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Алесандровиче. С. 45; Московский летописный свод конца XV века. С. 268.

³⁸³ Рогожский летописец. Стб. 183; Тверская летопись. Стб. 441.

³⁸⁴ Под турамы в данном случае подразумевались плетенные из прутьев и засыпанные землей, песком и мелким камнем-хрящом цилиндры, служившие защитой осаждающим от неприятельского огня.

для того, чтобы воспрепятствовать вылазкам осажденных (оборона крепостей, как видно из обоих описаний, была активной). Если же периметр осажденного города и крепости был слишком велик, то войско ограничивалось постройкой нескольких укрепленных лагерей, промежутки между которыми патрулировались конными и пешими заставами и патрулями-сторожами. Одновременно мастерские под руководством «мудрых градоемцев» готовили всякую «градоемную снасть» – те же осадные башни-туры, которые должны были быть придвинуты к городским валам, большие щиты, за которыми могли бы укрываться ратники, идущие на штурм, лестницы и пр., в том числе и так называемый «примет» – разного рода материалы (дерево, солома, хворост и пр.), посредством которых можно было бы засыпать рвы и поджечь городские башни и городни (участки стен по валу).

Чтобы ускорить взятие города, осаждающие стремились перекрыть доступ осажденным к воде, и пока одна часть войска занималась осадными работами, другая заготавливала фураж и провиант, параллельно опустошая окрестности. Тем самым не только пополнялись торока, выюки и возы в кошу (причем, согласно «Закону судному людем», взятая добыча делилась из расчета $\frac{1}{6}$ князю, а остальное все шло воинам, причем на свою долю могли рассчитывать и те, кто оставался в то время в лагере³⁸⁵), но и зрелищем разоряемой и опустошаемой округи в уныние и «тугу» приводились осажденные, которые, наблюдая за всем этим и не получая помощи, рано или поздно должны были пасть духом.

Атака планировалась в направлении городских ворот и прилегающих к ним башен и городней – здесь, где сплошной дерево-земляной вал был прорезан проездом в город, фортификация его была слабее и осаждающие могли рассчитывать сломить оборону защитников города и ворваться внутрь. Судя по всему, именно здесь и применялись пресловутые «пороки» (стенобитные орудия-каменеты), а со 2-й четверти XV в. их постепенно вытесняют первые артиллерийские орудия – так, в 1426 г. великий князь Литовский Витовт осаждал псковский пригород Воронач, «пушками шибая и пороками»³⁸⁶. Впрочем, переоценивать эффективность ранней осадной артиллерии не стоит. Каменные ядра, пусть даже и большого калибра, были не слишком эффективны против традиционной русской дерево-земляной фортификации. Что с того, что она, осадная артиллерия, снесла бы стоящие поверх вала башни-стрельницы или стены-городни, если сам вал оставался бы практически неповрежденным? Да и сами пушки были еще достаточно несовершенны и даже порой опасны не столько для осажденных, сколько для самих осаждающих. Характерный пример – в 1428 г. Витовт пошел было войной на Великий Новгород, взяв с собой немалый наряд, «и пушки и тюфяки и пищали», но застрял под новгородским «пригородом» Порховом. Среди прочих Витовтовых «съсудов градобийных» была и «пушка велика велми, Галка именем». Пушку эту, по сообщению русского книжника, везли «на сороце конех от утра до обеда, а от обеда до полудни на иных сороце конех, а до вечера на иных сороце конех». Немецкий мастер Николай, отливший «Галку» и управлявший ею, похвалялся пред князем, что он «не токмо же княже, сею пушкою стрелницу разобью, но и церковь Святого Николы каменую в граде раздражу». И ведь исполнил пушкарь свое обещание – пущенное «Галкой» ядро действительно снесло башню-стрельницу, пробило насквозь церковь Святого Николы и, сохранив немалую убойную силу, пролетело через Порховский кремль, сбilo парпет на другой стороне стены Порховского кремля и угодило в лагерь литовских войск, побив немало ратных и коней княжеских. Однако сам пушкарь не успел порадоваться своей меткости – первый выстрел «Галки» оказался и последним, ее разорвало, а самого мастера «расторгну и размета невидимо где, яко ничтоже обретеса его нигдеже никогда-же, ни тела, ни кости, точию полкабата (полкафтана. – В. П.) его остася...»³⁸⁷. Спра-

³⁸⁵ Закон судный людем пространной и сводной редакций. М., 1961. С. 34.

³⁸⁶ Псковская 2-я летопись. С. 41.

³⁸⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XII. С. 8.

ведливости ради отметим, что и этого единственного выстрела оказалось достаточно, чтобы порховчане поспешили откупиться от Витовта богатым выкупом в 5 тыс. рублей (еще столько же добавили новгородцы, и новгородский архиепископ от себя дал еще 1 тыс. на выкуп пленников – итого в сумме вышло 11 тыс. рублей. Неплохая цена одного выстрела!).

Вот и выходит, что даже введение в повседневный военный оборот осадной артиллерии не слишком изменило ход событий во время осад. Если городские фортификации были крепки, а дух защитников силен, то оставалось надеяться только на счастливый случай или же брать «град» измором, раз за разом приходя под него, опустошая окрестности и демонстрируя горожанам и гарнизону осажденной крепости свою непреклонную решимость так или иначе, но взять желанный приз. Именно так и взял Витовт Смоленск в 1404 г. Осадив с большой ратью город, он стоял под ним семь недель до самой Пасхи (в тот год она пришлась на 5 апреля ст. ст.), «колико бився и тружався, и пушкамы бив». Но, несмотря на все усилия, он был вынужден уйти ни с чем, лишь «по зажитьем и по волостем Смоленьским много зла учинил», потому как «град бо Смоленск крепок бе велми»³⁸⁸. Однако спустя несколько месяцев Витовт вернулся под Смоленск и в июне того же года взял его, воспользовавшись тем, что смоленского князя в городе не было, а «граждане же не могуще терпити гладо во граде, изнеможением и от всякия истомы», то есть попросту измором и опираясь на своих доброхотов в осажденном городе³⁸⁹.

Прошло столетие, а ситуация не переменилась – для того чтобы овладеть все тем же Смоленском, московским великими князьям Ивану III и его сыну Василию III пришлось организовать четыре похода на город, потребовавших серьезных усилий всего Русского государства. Впрочем, это и неудивительно – дошедшие до наших дней свидетельства современников описывают Смоленск начала XVI в. как весьма мощную крепость. Так, С. Гурский, секретарь королевы Боны, второй жены великого князя Литовского и короля Польского Сигизмунда I, сообщал, что город – неприступная крепость «благодаря самой реке, болотам, а также человеческому искусству, стенам из дубовых бревен, сложенных срубом в виде четырехугольников, набитых глиной изнутри и обмазанных ею снаружи; окружена она ровом и столь высоким валом, что едва видны верхушки зданий, а сами укрепления не могут быть разбиты ни огнем пушек, ни таранами, и невозможно устроить под них подкопы, чтобы разрушить или сжечь с помощью мин, огня или серы»³⁹⁰. Примерно о том же писал и анонимный немецкий автор. По его словам, «крепость не имела каменной стены, но только была окружена дубовыми загородками, наполненными очень толсто для сопротивления камнями и землею; через эти перегородки не проникло ни одно ядро»³⁹¹.

Смоленская эпопея Ивана III и Василия III развивалась следующим образом. В начале августа 1502 г. передовые отряды немалой русской рати во главе с сыном Ивана III Дмитрием Жилкой подступили к Смоленску, а к концу месяца с подходом главных сил и «наряда» обложение города было завершено. А дальше события развивались по описанному прежде сценарию. Пока основная часть рати, по сообщению литовской «Хроники Быховца», «город Смоленск мало не весь пушками обложивши, и день и ночь безпрестанно его добывали, и за великими турами, насыпаячи песком и землею, невымовныя штурмы на него чинили»³⁹², летучие отряды русской конницы «ходили да землю (литовскую. – В. П.) воевали: город... Оршу изгнали и выграбили и волости все и за Мстиславль по Березыню и по Видбеск (Витебск. – В. П.) и по Двину выграбили и выжгли и людей в полон ввели, а Витебска посады пожгли...»³⁹³. Однако

³⁸⁸ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Стб. 149.

³⁸⁹ Там же. Стб. 149.

³⁹⁰ Acta Tomiciana. Posnaniae, 1853. Т. III. С. 2.

³⁹¹ *Рябишин Н.* Новое известие о Литве и москвитях (К истории второй осады Смоленска в 1513 году) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1906. Кн. 3. V. Смесь. С. 6.

³⁹² Западнорусские летописи // ПСРЛ. Т. XVII. М., 2008. Стб. 562.

³⁹³ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I (годы с

смоляне, несмотря на постоянный обстрел из русской артиллерии, «сидели крепко», а начавшаяся осень и распутица серьезно затруднили снабжение русской рати. Все, что можно было съесть или сжечь в смоленской округе, за несколько недель «стояния» под Смоленском было съедено и сожжено, а подвоз по раскисшим от непрерывных дождей дорогам превратился практически в неразрешимую проблему. 16 сентября Дмитрий Жилка бросил свои полки на штурм смоленских валов, но атака была отбита с серьезными потерями, и на следующий день осада была снята, и русские начали медленное отступление, утешаясь тем, что за время осады они «граду учиниша зла много и людей под градом побиша много, а волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша и полону выведоша множество бесчисленно»³⁹⁴.

Учтя печальный опыт летне-осенней кампании 1502 г., Василий III поздней осенью 1512 г. предпринял свой оказавшийся первым, но не последним поход на Смоленск. И снова наперед главных сил к Смоленску была отправлена «лехкая» рать, блокировавшая город и прервавшая его сообщение с внешним миром, а за ней, спустя месяц, в конце декабря, по установившемуся санному пути – и сам великий князь с немалым войском и немалым же «нарядом». В ходе последовавших осадных работ были возведены батареи на обоих берегах Днепра, с которых начался обстрел города, и под прикрытием туров осаждавшие начали приближаться ко рву и валам Смоленска. Смоляне упорствовали в своем нежелании открыть ворота великому князю, и Василий II решил ускорить ход событий, кликнув охотников попытать счастья в штурме. В конце января, по сообщению псковских летописей, «князь велики даше псковским пищальником, Хороузе сотнику с товарищи три бочки меду и три бочки пива, и напившись полезоша к городу, и иных городов пищальники, а посоха понесоша примет». Штурм охотниками был предпринят в полночь, после того, как на протяжении всего дня артиллерия великого князя палила по городу (еще одна любопытная деталь ведения осады!). Однако предпринятая атака не имела успеха – осажденные ждали атакующих «и много под городом пищальников и посохи прибили, а псковских пищальников много же побиша, зане же оны пьяны лезли»³⁹⁵.

Отбитый штурм придал бодрости и уверенности в своих силах смолянам, и они сумели продержаться еще с месяц. На исходе шестой недели осады, когда «нача тепло быти, весна и воды многы, а корму конскаго скудно бе», Василий скрепя сердце был вынужден отдать приказ начать отступление и вернулся в свою столицу в первых числах марта 1513 г., «в третью неделю святого поста»³⁹⁶. Однако, потерпев неудачу, Василий III не был намерен сдаваться. Не прошло и двух недель после возвращения из неудачного похода, как 17 марта 1513 г. государь и Боярская дума приговорили идти на город во второй раз. Интересно, что, судя по всему, Василий III для этого похода при деятельном участии некоего саксонца Шляйница, «человека» перешедшего на службу московского государя литовского магната князя Михаила Глинского, сумел нанять в Германии, Чехии и Италии отряды немецких пехотинцев-ландскнехтов и всадников, итальянских и немецких инженеров и закупить некие «осадные машины» (артиллерию? – В. П.)³⁹⁷.

И на этот раз, как и в предыдущих случаях, подходу к Смоленску главных сил с нарядом во главе с самим великим князем предшествовал выход к городу передовых сил. Любопытно, но из сохранившихся описаний второй смоленской осады следует, что русским воеводам удалось выманить из города часть смоленского гарнизона, разбить и пленить ее: «Божиим милосердием великого князя воеводы смоленского воеводу и князей и панов прогнаша, и мно-

1487 по 1533). С. 439, 461.

³⁹⁴ Типографская летопись. С. 214–215; Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 173.

³⁹⁵ Псковская 1-я летопись. С. 97.

³⁹⁶ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 161, 193; Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. Стб. 395.

³⁹⁷ Acta Tomiciana. Т. II. Posnaniae, 1852. S. 142; *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. II. S. 373.

гих людей побиша, и иных князей, и бояр и желнырей живых многих поимаша...»³⁹⁸ Втоптав неприятеля обратно в город, государевы воеводы в ожидании подхода главных сил расположились вокруг Смоленска, по устоявшемуся обычаю разослав по округе мелкие отряды для разведки и фуражировки.

Главные силы русского войска выдвигались к Смоленску на этот раз двумя эшелонами. Первый эшелон завершил обложение города, да так плотно, что, по словам немецкого анонима, «туда никогда, до самого последнего дня его (Василия III. – В. П.) отступления не могло проникнуть никакое письмо или донесение...»³⁹⁹. Со вторым эшелонам под Смоленск прибыл сам великий князь с братьей и «великим нарядом» (он насчитывал, если верить упоминавшемуся выше немецкому анониму, 2 тыс. больших и малых *buchsen*⁴⁰⁰). С подвозом наряда и установкой его на подготовленных батареях Василий III «пушки повеле изставити и по граду ис пушек и ис пищалеи повеле бити по многи дни»⁴⁰¹. Практически непрерывная бомбардировка осажденного города длилась полтора месяца, причем, если верить немецкому источнику, особенно тяжелыми для осажденных оказались последние четыре недели и два дня, когда под прикрытием огня осадной артиллерии отряды охотников раз за разом пробовали взобраться на смоленские валы. Мощный огонь московской артиллерии в нескольких местах разрушил заборолы, разбил Крыношевскую башню, «великие скорби и бои пушками и пищалми по многи дни сътвори...»⁴⁰². Однако город держался, и в конце концов в начале октября 1513 г. Василий III отдал приказ снять осаду и отступить, опасаясь действий литовских войск и испытывая нехватку припасов.

Стоит отметить, что выбранная великим князем и его советниками тактика начала давать свои результаты – немецкий аноним сообщал о голоде, который испытывали горожане и гарнизон Смоленска, и, судя по всему, московский государь знал об этом от своих доброхотов в Смоленске. Так что его решение предпринять новый поход на город, с тем чтобы «дожать» непокорных смолян, отнюдь не было неожиданным экспромтом. В середине мая 1514 г. русская передовая рать уже вышла к Смоленску и окружила город, прервав его сообщение с внешним миром. Затем к ней присоединилась еще одна рать. Вместе они «город облегли», посадки у него «отняли» и «туры поставиша», ожидая самого великого князя с «нарядом». В начале июля под город прибыл сам Василий со своим «полком» и с нарядом, который, по сообщению польского хрониста Й. Деция, насчитывал 300 стволов (если поляк и преувеличил численность русского осадного парка, то ненамного)⁴⁰³.

Главную ставку на этот раз московский государь сделал на мощь своей артиллерии, отказавшись расходовать живую силу на попытки взять город штурмом. Так, оставшийся неизвестным составитель Софийской 2-й летописи сообщал, что государь, подступив к городу, «пушки и пищали около города велел уставити и приступ ко граду хотел учинити, ис пушек и ис пищалей велел бити по городу и в город бити». Иоасафовская летопись дополняет эту картину рассказом о том, как «повеле (Василий III. – В. П.) около града пушки и пищали изставити, и по граду бити со всех стран, и приступы великие чинити, и из огненных пушек повеле во град стреляти», и, согласно летописной повести, «яко от пушечного и пищального стуку и людского кричания и вопля, тако же и от градских людей супротив-наго бою пушек и пищалеи земле колебаться и друг друга не видети, ни слышати, и весь град в пламени и курении

³⁹⁸ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 253.

³⁹⁹ *Рябишин И.* Новое известие о Литве и московитах (К истории второй осады Смоленска в 1513 году). С. 5.

⁴⁰⁰ Там же. С. 6.

⁴⁰¹ Иоасафовская летопись. С. 194; *Рябишин И.* Новое известие о Литве и московитах (К истории второй осады Смоленска в 1513 году). С. 5.

⁴⁰² Иоасафовская летопись. С. 194; Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 253; *Рябишин И.* Новое известие о Литве и московитах (К истории второй осады Смоленска в 1513 году). С. 6.

⁴⁰³ *Jodoci Ludovici Decii. De Sigismundu Regis Temporibus Liber 1521.* Krakow, 1901. S. 71.

дыма мняшеса въздыматися ему...»⁴⁰⁴. При этом, согласно польским источникам, деятельную помощь воеводам Василия III во время осады оказывали иностранные, итальянские и немецкие, специалисты-инженеры⁴⁰⁵. Об одном из них, артиллерийских дел мастере Степане (Стефане), который, возможно, руководил бомбардировкой, сообщает составитель Архангелогородского летописца⁴⁰⁶. Любопытный факт сообщает все тот же С. Гурский. По его словам, московский великий князь применил против Смоленска «военные машины и огненные ядра (tormentis bellicis globisque ignitis)»⁴⁰⁷. Значит ли это, что русские здесь применили зажигательные снаряды – каленые ядра?

Справедливости ради отметим, что великий князь рассчитывал не только на свою могущественную артиллерию, но и на переговоры, которые вел со смолянами и неким чехом, командиром наемников смоленского гарнизона, князь Глинский. Однако, надо полагать, грохот канонады лучше всех прочих доводов способствовал убедительности речей Михаила Глинского и посланий самого великого князя, адресованных смолянам. И чтобы его слова стали еще доходчивее, Василий III приказал Стефану еще раз наглядно продемонстрировать, что с московской артиллерией шутки плохи. Составитель Архангелогородского летописца, явно со слов очевидца, писал, что «повеле князь велики пушкарю Стефану пушками город бити июля в 29 день, в субботу, на 3-м часу дни (то есть утром. – В. П.), из-за Днепра. И удари по городу болшею пушкою. И лучися на городе по их пушке по наряженой ударити, и их пушку разорвало, и много в городе в Смоленску людеи побило». Перезарядив «болшею пушку» («много мелких ядер собра, и окова свинцем»). Похоже, что эту пушку только к концу июля доставили на позиции под Смоленском), Стефан повторил свой опыт, «ударил в други» и «того боле в городе людеи побило». После третьего выстрела из бомбарды смоляне запросили пощады, но Василий отказался прекратить бомбардировку, рассчитывая «дожать» горожан⁴⁰⁸. И на следующий день город сдался. Смоленская эпопея закончилась.

Подведем промежуточный итог. При анализе летописных свидетельств и сообщений очевидцев и современников смоленской эпопеи Василия III нетрудно заметить, что общий рисунок ведения осады остался прежним – «лехкая» рать первой выходила к цели, окружала город и начинала опустошать его окрестности, дожидаясь подхода главных сил. С подходом основной части войска осажденный город полностью блокировался и начинались осадные работы – возводились позиции для артиллерии, укрытия для войск, траншеи-закопы, медленно продвигавшиеся к городским валам и стенам, с тем чтобы укрытые в них стрелки могли сбивать с городских фортификаций защитников. Рабочие из числа собранной с городов и волостей посошной рати не только занимались земляными работами, но и готовили пресловутый примет, осадные щиты-мантелеты, туры, штурмовые лестницы и прочую «градоимную снасть». Бомбардировка города теперь стала обязательным элементом ведения осады, причем интенсивность и сила ее постепенно нарастает – в Москве исходили из того, что чем больше пушек будет задействовано и чем больше будет их калибр, тем лучше, каши маслом не испортишь. Массированное использование артиллерии стало тем важным дополнением к прежней «градоимной» «методу» допороховых времен. Вообще, складывается впечатление, что по мере наращивания мощи осадного парка московские воеводы все менее склонны были предпринимать прямой штурм осажденного города или крепости, предпочитая принуждать защитников к капитуляции бомбардировкой и измором. В этом плане тройная осада Смоленска выступает самым что

⁴⁰⁴ Западнорусские летописи. Список графа Рачинского. Стб. 346; Иоасафовская летопись. С. 195; Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. Стб. 399; Kronika Marcina Bielskiego. Т. II. Sanok, 1856. S. 970; *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi*. Т. II. S. 374 и др.

⁴⁰⁵ Jodoci Ludovici Decii. De Sigismundu Regis Temporibus Liber 1521. S. 71.

⁴⁰⁶ Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 100.

⁴⁰⁷ Acta Tomiciana. Т. III. Posnaniae, 1853. P. 1.

⁴⁰⁸ Архангелогородский летописец. С. 100.

ни на есть наглядным примером. Перерывы между осадами были короткими, всего несколько месяцев, так что смоляне толком не успевали ни запастись провиантом, фуражом и прочими припасами, ни исправить повреждения городских креплений. И если в ходе первой и второй осад и предпринимались попытки штурмовать городские валы, то в третий раз обошлось без этого – мощной бомбардировки вкупе с щедрыми предложениями осажденным и их изнеможения от повторяющихся раз за разом попыток взять город оказалось вполне достаточно. При этом очевидно, что мастерство русских пушкарей раз от раза только возрастает, равно как и могущество русской артиллерии – так что смоляне с мнением Герберштейна явно были бы не согласны, узнай они о нем летом 1514 г.

Опыт, накопленный в ходе первой Смоленской войны, был учтен и развит в ходе «казанщины» Иваном IV и его воеводами и «градоимцами». В ходе борьбы за Казань «старина» и «новизна» в русском осадном деле «классического» периода проявились, как никогда прежде, выпукло и явственно.

Иван IV трижды (как его отец на Смоленск) ходил на Казань – зимой 1547/48 г., зимой же 1549/50 г. и, наконец, летом – осенью 1552 г. Третий Казанский поход, одно из крупнейших (пожалуй, только Полоцкая экспедиция десятью годами позже была больше по размаху) военных предприятий времен Ивана Грозного и вообще «классического» периода в истории русского военного дела, нам известно лучше всего. Хотя от него и не сохранилось подробной «поденной» «записной книги» (как в случае с Полоцком, хотя такой походный «журнал», вне всякого сомнения, велся), но в официальном летописании и в разрядных записях детали похода освещаются более чем подробно и позволяют составить достаточно полное представление о том, как развивались события под Казанью в конце лета – начале осени 1552 г.

Для начала отметим, что общий план ведения осады Казани наметился уже во время второй Казанской экспедиции. Тогда, подступив к татарской столице 12 февраля 1550 г., Иван, согласно официальной летописной повести, распределил свое воинство следующим образом: «Сам стал царь и великий князь у Кабана озера, а царю Шигалею и большому полу велел стати против города на Арском поле и передовому полку, а за рекою Казанию против города царевичу Едигеру с правой руке да левая руке да и сторожевому полку, а наряду большому на усть Булака против города, а другому наряду велел стати против города у Поганово озера»⁴⁰⁹. Таким образом, «диспозиция» перед началом осады предусматривала создание трех укрепленных лагерей с северной, южной и восточной сторон города и двух позиций для осадной артиллерии – против северного и южного фасов казанских укреплений. При этом при размещении лагерей и позиций для артиллерии были учтены и характер местности, и начертание русел рек и водоемов, с тем чтобы добиться максимально возможной защиты своих позиций от неприятельских вылазок.

Неблагоприятные погодные условия (оттепели и дожди – «аерное нестроение, ветры сильные и дожди великие, и мокрота немерная»⁴¹⁰) обусловили неудачу двух первых казанских походов. Поэтому в третий раз Иван IV и его советники решили пойти на Казань летом с таким расчетом, чтобы осадить город в конце лета – начале осени, во время «бабьего лета» (ну а если вдруг дожди зайдут раньше, так близость Волги позволяла рассчитывать на доставку вовремя и в нужном количестве необходимых припасов). Третьей Казани предшествовала значительная подготовительная работа – на ближних подступах к городу («за двадцать верст от Казани»⁴¹¹) была выстроена в 1550 г. Свияжская крепость, ставшая тыловой базой для осаждающей армии. Любопытная деталь – для ускорения строительства Свияжска по царскому наказу дьяк Иван Выродков с детьми боярскими был послан «на Волгу во Углецкой уезд в Ушатых вотчину

⁴⁰⁹ Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. С. 58.

⁴¹⁰ Там же. С. 58.

⁴¹¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. III. М., 1977. С. 399.

церкви и города рубити и в судех с воеводами на низ вести»⁴¹². Срубленный «град» был разобран, погружен на «великие лоды Белозерские» и доставлен к месту возведения, где в течение месяца был собран заново⁴¹³.

Свияжский опыт был применен и во время третьей Казани. Готовясь к походу на мятежных казанцев, все тот же Выродков заблаговременно срубил и погрузил в разобранном виде на струги «башни и тарасы рубленые», которые, как и наряд, водным путем были доставлены к Казани и там выгружены на берег⁴¹⁴. Точно так же 20 августа на военном совете было решено, чтобы «во всеи рати приготовили 30 человек туру да всяк человек берно (бревно. – *В. П.*) на тын уготавлиал», с тем чтобы «объступя, даст Бог, город укрепят турами и тыном»⁴¹⁵. На том же совете была составлена и «диспозиция» расположения полков под Казанью. Сравним ее с «расписанием» 1550 г.: «Стати самому государю и князю Володимеру Андреевичю на Цареве лугу близько Отучевы мизгити (мечети. – *В. П.*), а царю Шигалею за Булаком под кладищем (кладбищем. – *В. П.*), а ити в большом полку. А на Арском поле стали большому полку да передовому да княж Володимерову Андреевичю боярину и воеводе князю Юрью. А правой руке за Казанью за рекою... А сторожевому полку на усть Булака, а левой руке выше его...»⁴¹⁶ Нетрудно заметить, что перед нами вся та же система укрепленных лагерей-«городов» (для которых заблаговременно и готовились туры и палисадины), которых на этот раз стало больше, – впрочем, и само войско было в третьей Казани больше, чем в предыдущие походы.

Любопытно приводимое официальной летописью описание выдвижения русской рати к Казани на намеченные места: «Августа 23 пошел государь с Теренъзука урядя полки к городу, а велел идти ертоулу полку князю Юрью Шемякину да князю Федору Троекорова, а с ним стрельцы и казаки пеши перед полки. Та же передо въсеми полки головы стрелецкие, а с ними их сотцкие, всякой своим стом идеть и атаманы со сотцкими и казаки, розделяся по чину...»⁴¹⁷ Из этого описания следует, что при выходе полков на намеченные позиции их развертывание прикрывалось действиями вооруженной огнестрельным оружием пехоты – стрельцов и казаков.

Не менее интересно и примечательно и описание символического начала осады. «И как государь вышел на луг против города, – сообщал русский книжник, – и велел государь хоругви христианские розвертети... и велел начяти молебная», после которого государь обратился с речью к воеводам и войску, призывая их «единодушно пострадати за благочестие, за святые церкви и за нашу православную кретиянскую веру, призываючи милосердаго Бога на помощь, не сумняся ничтоже, за едиnorodную нашу братию православные крестиян»⁴¹⁸. Только после этого войско, заручась Божественной помощью, выступило на заранее расписанные позиции и приступило к осадным работам. Ранее такая деталь в описаниях осад крепостей не встречалась, и, похоже, что этот обычай был введен в оборот именно при Иване IV, который отличался особым религиозным рвением. Этот обычай сохранился и позднее. Именно с молебна начиналась осада Полоцка зимой 1563 г.⁴¹⁹, и об этом же пишет польский шляхтич С. Немоевский в своем описании русского ратного обычая⁴²⁰, сделанном в начале XVII в.

⁴¹² Летописец начала царства. С. 60.

⁴¹³ История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 62.

⁴¹⁴ Летописец начала царства. С. 94.

⁴¹⁵ Там же. С. 95.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ См., например: *Буганов В. В.* «Взятье полоцкое Литовские земли» – описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 31. М., 1969. С. 214–215.

⁴²⁰ Записки Станислава Немоевского (1606–1608). С. 187.

Атака на Казань, судя по описанию осады в русских летописях и разрядных книгах, велась в первую очередь против городских ворот (их в Казани насчитывалось 13) и прилегающих к ним участков городской стены и вала. При этом осаждающие стремились не давать осажденным никакого роздыху. Русские пушкеры «начаша безспрестанно по граду бити стенобитным боем и верхними пушками (мортирами. – *В. П.*) вогненными, побиваху многих людей из наряду», «чрез вся ноши стреляше, да не опочивают погании». При этом сидящие по траншеям-закопам, устроенных перед турами, стрельцы, казаки и сборные с городов и волостей пищальники вносили свою лепту в артиллерийскую канонаду, «не даваше на стенах людем быти и из ворот вылазити, многих побиваша»⁴²¹. Вообще, роль огнестрельного оружия, как ручного, так и тяжелого, во время третьей осады Казани была велика как никогда прежде. Мощный непрерывный огонь осадной артиллерии не только наносил большие потери осажденным и препятствовал им ремонтировать укрепления, но и постепенно приводил стены и башни Казани в негодность. Более того, от применения разного рода зажигательных огнеприпасов и в самом городе, и на его валах неоднократно вспыхивали пожары, тушить которые казанцам было крайне сложно, а под конец осады – и вовсе невозможно. Вот и выходит, что в последние дни перед генеральным штурмом, по сообщению русского книжника, «мосты же у Царских ворот и Аталыковых и Нагаиских и через всю ночь горело, выгорела стена городная, обгоре и земля из города сыпая, бе бо весь град насыпан землею и хрящем»⁴²². Выходит, что пожары, возникшие в ходе бомбардировки, разрушили само деревянное основание казанских фортификаций, раз внутренняя засыпка служивших основанием городского вала тарасов начала сыпаться наружу.

Под прикрытием мощного огня артиллерии русские землекопы, посошные люди и послужильцы детей боярских вели осадные работы, передвигая укрепленные турами позиции и стрелковые траншеи-закопы все ближе и ближе к ограждавшему казанские валы и стены рву (более шести метров в ширину и двадцати метров в глубину, если верить летописцу). Местами русские туры и ров отделяли всего лишь полсотни сажений, а в преддверии генерального штурма туры были поставлены на рву «против Царевых ворот Арских, и Аталыковых также и Тюменских»⁴²³. Там же, где невозможно были поставить туры, по царскому приказу промежутки между укрепленными русскими позициями были перекрыты палисадом с таким расчетом, чтобы «ни в город, ни из города весть не придет»⁴²⁴. Отметим, что для прикрытия стрелков и штурмующих колонн от неприятельского огня использовались большие щиты-мантелеты. Так, 30 сентября, во время боя за Арские и Царские ворота, стрельцы и казаки, согласно разрядным записям, «заметали ров у города Казани хворостом з землею и скоро взошли на стены великою силою и поставили щиты, и билися на стене день и ночь до взятия города»⁴²⁵. Не был забыт и примет – так, накануне генерального штурма «повеле государь рвы наполнити лесом и землею и многие мосты устроить», причем работы эти велись под прикрытием огня осадной артиллерии⁴²⁶.

В ходе третьей казанской осады русскими была применена и новинка – устройство подкопа под городские укрепления с закладкой пороховой мины. Впервые русские с этой стратегической столкнулись в ходе Стародубской войны 1534–1537 гг. Тогда в ходе кампании 1535 г. польско-литовское войско, целый месяц осаждавшее русскую крепость Стародуб на «литовской украине», сумело взять его только после того, как, устроив подкоп под городскую стену и зало-

⁴²¹ Летописец начала царства. С. 98, 101.

⁴²² Там же. С. 104.

⁴²³ Там же. С. 103.

⁴²⁴ Там же. С. 99.

⁴²⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. III. С. 426–427. Ср.: Летописец начала царства. С. 104.

⁴²⁶ Летописец начала царства. С. 104.

жив там пороховую мину, некие «Ербурд с торы-щи» взорвали посредством ее «4 прясла стены и стрельницоу»⁴²⁷. Под Казанью теперь уже сами русские решили применить такой прием. Некий «немчин-размысл» (согласно «Казанскому летописцу», некие «новохитренныя фряги иноземцы», то есть итальянцы. – *В. П.*), «навычен градцкому разорению», начал рыть подкопы под городские валы и стены, а для начала устроил мину под тайник, через который осажденные казанцы набирали воду. Подорвав его, русские тем самым лишили горожан воды. «И до взятия взямаху [казанцы] воду с нужею, – писал русский летописец, – от тое же воды болезнь бяше в них и умираху с нее»⁴²⁸. 30 сентября была взорвана мина, подведенная под возведенные казанцами тарасы (деревянные срубы, набитые землей и камнем) у Арских и Царских ворот, а подрыв мин под Аталыковыми и Ногайскими воротами 2 октября, открывшие доступ в город для русских ратников, стали сигналом к началу генерального штурма⁴²⁹.

Казань стала последним опытом применения русскими в ходе осад осадных башен. В сентябре по царскому повелению Иван Выродков против казанских Царских ворот «поставиша башту шти сажен вверх (то есть почти 13-метровой высоты. – *В. П.*) и взнесли на нее много наряду, полуторные пищали и затинные». С этой башни пушкари и стрельцы «стреляли в город и по улицам и по стенам градным». Автор «Казанского летописца» к этому добавлял, что «фряги», щедро одаренные Иваном, «учиниша стрелцом с четырех стран града башни 4, Фряжским обычаем, с камнем и з землею, крепки высоки, с тремя бои, с верхним и с средним и с нижним». С них стрельцы вели прицельный огонь по защитникам города⁴³⁰.

Любопытно описание (с поправкой на то, что этот текст – не победная реляция и не рапорт военачальника, но художественный текст), оставленное неизвестным автором «Казанского летописца», русских штурмовых колонн. По его словам, государь отобрал от всего войска «юнош свирипосердых и крепкооружных... уготовляет тех пеших к приступу града, овех с огненным стрелянием, овех с копи и мечи, овех с секиры, и с мотыки, и с лествицы, и багры, и со многоразличными хитростми градомными», в том числе и «великими щитами деревянными»⁴³¹.

Третья Казань стала своего рода этапным событием в истории русского осадного дела, открывшим, в известном смысле, его новую страницу. Те технические новшества, которые нашли свое применение под Казанью, получили дальнейшее развитие в ходе войн за ливонское наследство 1555–1595 гг., прежде всего во время Ливонской войны 1558–1561 гг. и Полоцкой войны 1562–1570 гг.

Из скурых строчек разрядных записей и воеводских сеунчей и отписок, сохранившихся в пересказе в официальном летописании, в принципе, не так чтобы уж и сложно составить более или менее четкое представление о том, что осталось и что переменялось в русской осадной технике 2-й половины XVI в. Прежде всего отметим, что в промежутке между третьей осадой Казани и Полоцким походом русские мастера-градоимцы изрядно натренировались на ливонских городах и замках. Устаревшие средневековые ливонские фортификации не стали серьезным препятствием для государевых воевод – после Казани ливонские замки были им на один зуб. Примечательно, что в осадах, которые вели русские войска в Ливонии в 1558–1560 гг. (к крупнейшим из них стоит отнести осады Дерпта летом 1558 г., Мариенбурга в феврале 1560 г. и Феллина летом того же года), главную роль играла русская артиллерия. Как правило, ее одной хватало, чтобы гарнизоны ливонских замков, не дожидаясь генерального штурма, капитулировали. Единственный прокол – это осада Пайды-Вейссенштейна осенью 1560 г., когда, несмотря

⁴²⁷ Евреиновская летопись // ПСРЛ. Т. XXXV. М., 1980. С. 236; Псковская 1-я летопись. С. 107.

⁴²⁸ Летописец начала царства. С. 101.

⁴²⁹ Там же. С. 103, 106.

⁴³⁰ История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 139; Летописец начала царства. С. 102.

⁴³¹ История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 147, 153.

на успешные действия русского наряда (было разрушено 60 сажений, то есть больше 120 метров крепостной стены), гарнизону крепости удалось продержаться до того момента, когда распутица и отсутствие припасов не заставили русских воевод снять осаду.

Типичным примером успешной осады в ходе Ливонской войны 1558–1561 гг. может служить взятие замка Нейшлосс в июне 1558 г. Согласно летописи, русское войско, подступив к замку и выгрузив со стругов наряд, «туры круг города изставили и наряд по всем туром розставили, а стрелцов с пищалми пред турами в закопех поставили. И учили по городу стреляти изо всего наряду ис пищалеи по воином»⁴³². Спустя сутки после начала бомбардировки гарнизон Нейшлосса не стал дожидаться, пока русские штурмовые колонны двинутся на приступ, и капитулировал.

Решающую роль сыграла артиллерия и в ходе осады Полоцка зимой 1563 г. – главного события Полоцкой (или Инфлянтской) войны. Полоцкий поход был, пожалуй, крупнейшим военным предприятием Ивана Грозного, предпринятым на пике военной мощи Русского государства в XVI в. в момент наибольшего совершенства его военной машины. Осада Полоцка, активная фаза которой длилась всего неделю, с 8 по 14 февраля, может служить своего рода эталоном, образцово-показательным примером того, как надо брать сильную крепость, задействовав технику и минимизировав при этом собственные потери. Однажды русские уже осаждали Полоцк – в 1518 г. государева рать пыталась взять город, но потерпела неудачу, но на этот раз все было по-другому. У полочан не было ни единого шанса противостоять царскому войску, которое насчитывало 40–50 тыс. «сабель» и «пищалей», не считая многочисленной посохи и обозной прислуги, и мощный наряд – согласно летописи, он подразделялся на «лежкой», «средней» и «большой», насчитывавший в сумме до полутора сотен «стволов», если не больше⁴³³.

Именно «большой» наряд, прибывший под Полоцк вечером 7 февраля (главные силы русского войска подступили к Полоцку 31 января, и тогда же начались осадные работы по обычной схеме и обстрел полоцкого посада из «лежкого» и «среднего» наряда), и решил исход всего предприятия. Его орудия, обстреливая город «без опочивания день и ночь», «во многих местех вкруз города стены пробили и ворота выбили и обламки з города позбили и людеи из наряду побили». При этом «городная же стена не удръжашеся, но и в другую стену ядра прохожаше» (впрочем, это и неудивительно, ибо, по сообщению летописца, «бе бо ядра у болших пушек по дватцети пуд, а у иных пушек немногим того полегче») ⁴³⁴.

Понятно, что при таком раскладе не было нужды бросать ратных людей на приступ, и Иван Грозный прямо запрещал начальным людям проявлять ненужную инициативу и подставлять своих бойцов под неприятельский огонь – зачем, если «Туртуна да Орел, да Медведь и иные пищали» и без того прекрасно справляются с возложенной на них задачей?⁴³⁵

Схема ведения осады, доведенная в первые годы войн за ливонское наследство, в дальнейшем не подвергалась каким-либо серьезным изменениям. В этом не было необходимости – она работала достаточно эффективно (при условии, если в Москве к делу подходили всерьез и использовали соответствующие ресурсы). Другое дело, что после Полоцка у русских мастеров-градоимцев не было столь же крупной и достойной их умения цели (точнее, в царской ставке отказались от активной экспансии на западном и северо-западном направлениях, то есть там, где еще оставались мощные крепости – такие, как, к примеру, Ревель, Рига или Выборг). Но тогда, когда их навыки оказывались востребованы (как это было, к примеру, в ходе государева Ливонского похода 1577 г., когда было взято 27 ливонских городов и замков), то исход

⁴³² Лебедевская летопись. С. 256.

⁴³³ Там же. С. 305; Лобин А. Н. Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 года // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 124.

⁴³⁴ Лебедевская летопись. С. 311.

⁴³⁵ Анхимюк Ю. В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 164, 166.

осады, как правило, был predetermined еще в самом ее начале. Перемены потребовались уже в новом столетии, после Смуты, однако это уже другая история.

Р. S. При анализе крупных осадных кампаний, которые проводила русская рать в XVI в., обращает на себя внимание проблема снабжения осаждающей армии. Невозможность организовать нормальное снабжение войска раз за разом вынуждала снимать затянувшуюся чрез меру осаду с того же Смоленска в начале XVI в. Успех же третьей Казани был во многом обусловлен не только тем, что была проделана колоссальная предварительная работа по организации правильного подвоза припасов и создания мощной тыловой базы снабжения, но и тем, что, в отличие от Смоленска и Полоцка, к Казани вела отличная водная магистраль – Волга. Это существенно облегчило решение проблемы снабжения и предопределило успех предпринятой в 1552 г. осады – притом что она оказалась достаточно долгой и проходила в сложных погодных условиях. Проблема снабжения была тесно увязана и с выбором времени для кампании. Оно оказывалось довольно ограниченным – или зима, с установлением санного пути, или же весна – лето, как просохнут дороги. Осенняя и весенняя распутица ставила практически неодолимые преграды на пути и войск, и в особенности обозов и наряда. Ошибка с выбором времени для проведения осады или же неблагоприятные природные условия легко могли сорвать задуманный план, и опыт смоленских и казанских походов это хорошо подтверждает.

Очерк VIII. «Всякое оружие, что к ратному делу пригожаетца...»: московские доспехи, холодное и огнестрельное оружие

1. «Служилая рухлядь» русских ратных людей

Составной и неотъемлемой частью истории русского военного дела эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени является история вооружения русских воинов, вооружения наступательного и оборонительного, холодного и огнестрельного, история, вокруг которой за несколько столетий сложилось великое множество всякого рода мифов и стереотипов. Их возникновение и последующее воспроизводство во многом было связано с тем, что историки Нового времени долгое время относились с доверием к свидетельствам иностранных наблюдателей – дипломатов, купцов, просто авантюристов, – которым довелось побывать в это время на Руси и оставить под впечатлением увиденного некие записки. Эти тексты, в которых самым причудливым образом перемешались реальность и фантазии, то, что было на самом деле, и то, что хотели увидеть (и увидели) иностранцы в загадочной и «варварской» (по их мнению) России, как свидетельства очевидцев были восприняты на веру и стали тем «фундаментом», на котором долгое время выстраивались порой весьма причудливые «конструкции», описывающие характер вооружения русских ратей 2-й половины XV – начала XVII в. Ярким примером такой «конструкции», выведенной, как говорится, на кончике пера, могут служить рассуждения Юрия Крижанича, хорватского богослова, публициста, философа, историка и филолога, который писал в начале 60-х гг. XVII в., пребывая в тобольской ссылке: «В способах ратного дела мы занимаем среднее место между скифами и немцами. Скифы особенно сильны только легким, немцы только тяжелым вооружением: мы же удобно пользуемся тем и другим и с достаточным успехом можем подражать обоим помянутым народам, хотя и не сравниваемся с ними. Скифов мы превосходим вооружением тяжелым, а легким близко к ним подходим; с немцами же все наоборот»⁴³⁶.

Наблюдения за описаниями комплекса вооружения русских воинов той эпохи, оставленных иностранными наблюдателями, позволяют предположить, что, составляя их, иноземцы отнюдь не стремились дать точную и правдивую картину увиденного. Нет, речь шла скорее о создании некоего узнаваемого образа московитского воина и войска, варварского *par excellence*, отличного от цивилизованного европейского воина. В этом отношении весьма любопытны и примечательны западноевропейские гравюры 2-й половины XVI в., например голландского гравера К. де Брюина, которые позволяли всем желающим наглядно убедиться в том, что отличает московита от европейца.

Но стоит ли из-за этого с порога отвергать свидетельства иностранцев? Пожалуй, что все же нет. Некое рациональное зерно в их описаниях присутствует, другой вопрос – насколько основательно нужно потрудиться, сколько словесной руды переработать для того, чтобы составить более или менее четкое представление о том, с чем выступали в поход московские рати последних Рюриковичей? Попробуем ответить на этот вопрос.

Для начала краткое теоретическое вступление. Развитие комплекса вооружения русского войска (термин «комплекс вооружения» в данном случае мы используем в широком смысле, включая сюда и доспех, и холодное оружие, и оружие огнестрельное – тяжелое и ручное) «клас-

⁴³⁶ *Безсонов П.* (изд.) Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича (приложение из № 4 Русской беседы за 1859 год). М., 1859. С. 168.

сической» эпохи происходило под влиянием двух явлений. С одной стороны, это уже упоминавшаяся нами прежде так называемая «ориентализация» (споры о сущности которой идут давно, но, повторимся еще раз, по нашему мнению, под «ориентализацией» стоит понимать прежде всего перевооружение в массовом порядке русской конницы с характерного для Средневековья комплекса вооружения «копье – щит – меч» на «саадак – сабля» и переход от тактики ближнего боя, «ручного сечения» к дистанционному, «лучному бою»). С другой стороны, на изменения в русском комплексе вооружения серьезнейшее воздействие оказала также упоминавшаяся нами прежде военная «пороховая» революция, набравшая обороты с конца XV в. Введение в повседневный (если так можно выразиться) военный оборот огнестрельного оружия и его все более и более широкое распространение не могли не оказать сильнейшего воздействия на внешний облик русского воина – сперва пешего, а затем и конного, не говоря уже о переменах в тактике (и опосредованно – в стратегии).

Теперь, после краткого теоретического введения, попробуем в общих чертах охарактеризовать комплекс вооружения, наступательного и оборонительного, русской конницы. По устойчивой традиции служилый человек, боярин ли, сын боярский или же дворянин («наследник» княжеских и боярских дружинников) должен был выступать на государеву ратную службу «конно, людно, оружно и збройно». О конности и людности мы уже писали прежде, теперь речь пойдет о «оружности» и «збройности». Под влиянием «ориентализации» за примерно столетие они сильно переменялись – конные «полки» Ивана III и Василия III, с конца XV в. ходившие походами на Литву, на Ливонию со Швецией, на Казань и отбивавшие набеги крымских татар на государеву «украину», существенно отличались от «бояр» Дмитрия Ивановича, утром 8 сентября 1380 г. вступивших в бой с войском темника Мамаю на Куликовом поле, но не столько и не сколько по составу защитного вооружения, сколько по характеру оружия наступательного.

Комплекс вооружения русского ратника, пешего и конного, времен Куликовской битвы – предмет отдельного исследования, но небольшой обзор все же необходим, чтобы представить точку отсчета, от которой можно «плясать» дальше. «Бояре» конца XIV в. в массе своей представляли собой, судя по немногочисленным археологическим находкам и свидетельствам нарративных памятников (летописей, воинских повестей и пр.) тяжеловооруженных всадников-копейщиков. «Стандартный» (если так можно выразиться) «набор» вооружения «боярина» включал в себя прежде всего защитное наголовье-шелом характерной сфероконической формы с защищавшей шею бармицей (кольчужной, стеганой или ламеллярной) и наушами (впрочем, в ходу были и импортные шлемы – «черкасские» и «немецкие», то есть восточного, возможно северокавказского, и западноевропейского происхождения). За защиту тела отвечал панцирь – металлический и комбинированный. Как и прежде, широко была распространена кольчуга и ее новомодная разновидность, пришедшая с Востока, – байдана (бодана) «бессерменьская»⁴³⁷, отличавшаяся от обычной кольчуги формой колец (плоские и более крупные). Наряду с кольчугой (а часто и вместе с ней) использовались ламеллярные доспехи, состоявшие из металлических пластин, соединенных ремнями или шнурами. Это позволяло ратнику в случае необходимости быстро избавиться от тяжелого доспеха, разрезав ремни, скреплявшие отдельные пластины, как это сделал в 1434 г. псковский посадник Даниил, который бежал с поля боя с ливонцами, «обрезав броню на себе»⁴³⁸. Помимо кольчатых и ламеллярных доспехов, в ходу были также и пластинчато-нашивные – в таком доспехе металлические пластины нашивались или приклепывались на кожаную или тканую основу. Впрочем, нельзя исключить и применение русскими ратниками классической бригантины. Кроме того, рус-

⁴³⁷ Так, «боданы бессерменьския» упоминаются в знаменитой «Задонщине». См., например: Писание Софония старца рязанца, благослови, отче. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондревича // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 90.

⁴³⁸ Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. С. 275.

скими воинами использовались и зеркала – металлические диски, крепившиеся поверх основного доспеха на ремнях или приклепывавшиеся к нему. И наконец, для защиты рук использовались наручи, а для ног – кольчужные чулки и поножи-бутурлыки (хотя есть мнение, что эти элементы защиты использовались редко). Такой комплекс давал ратному человеку довольно надежную защиту. Любопытное свидетельство сохранилось в «Степенной книге». Согласно ее записям, великий князь Василий II, оказавшись в самой гуще рукопашной схватки с татарами в сражении под Суздалем, получил множество ран – «у правых руки его три перьсты отсекоша, толико кожею удержашася (выходит, что латных рукавиц или иной защиты кистей рук у великого князя не было. – *В. П.*), левую же руку наскрозь прострелиша, а на главе его бяше 13 ран кровавых (князя добивали целенаправленно? – *В. П.*). Плеща же и груди его от стрелнаго ударения и от сабельного и брусного (то есть ударов палицей или булавой. – *В. П.*) бяху сини, яко и сукно»⁴³⁹. Тем не менее Василий остался жив – доспех спас его от смерти.

Набор защитного вооружения русского пехотинца конца XIV в., судя по всему, мало чем отличался от доспеха всадника, с тем лишь различием, что в силу бедности пешца его доспех был проще, легче и, видимо, нередко металлический доспех заменялся тканевым стеганым или кожаным (впрочем, судя по всему, всадники-«бояре» в те времена легко спешилились и бились в пешем строю). И естественно, и в пехоте, и в коннице в это время активно использовались деревянные, обтянутые кожей (прежде мы уже упоминали эпизод из неудачной экспедиции великого владимирского и тверского князя Михаила Ярославича на Новгород в 1316 г., когда изголодавшиеся «низовьские» ратники были вынуждены обдирать со своих щитов кожу и есть ее) щиты – круглые, подтреугольные (вытеснявшие древние каплевидные) и так называемые «павезы» (щиты прямоугольной или трапециевидной формы с выпуклым вертикальным желобом посередине щита), причем, можно предположить, в пехоте применялись большие станковые щиты.

Наступательное оружие эпохи Куликовской битвы было весьма разнообразно. Конный «боярин» обязательно имел на вооружении меч общеевропейского типа (примером такого меча может служить так называемый «Довмонттов меч» немецкого происхождения), в том числе полуторачные, приспособленные как для рубящего, так и для колющего удара (во Пскове в слоях, датируемых 1-й половиной XV в., было обнаружено навершие меча, который, по некоторым признакам, мог быть двуручным)⁴⁴⁰. Впрочем, есть все основания полагать, что на востоке и в особенности на юго-востоке Русской земли меч в XIV в. успешно вытеснялся из обихода саблей. Любопытный факт – великий князь Владимирский и Московский Иван Иванович в своей духовной грамоте завещал сыновьям Дмитрию (будущему Донскому) и Ивану по «сабле золотой» (то есть богато украшенной). Эти же фамильные «золотые сабли» завещал Дмитрий Иванович своим детям в 1375 г., отправляясь в поход против тверского князя Михаила Александровича⁴⁴¹. Сами по себе русские сабли того времени, как отмечал М. В. Горелик, «живьем» неизвестны, однако, по его мнению, они мало чем отличались от современных им ордынских и северокавказских (особенно если принять во внимание импорт оружия на Русь из этих регионов)⁴⁴². Само собой, всадник имел на вооружении еще и специализированное клинковое оружие – различные кинжалы и боевые ножи, «корды» и «кончары», в том числе и импортные.

Наряду с клинковым оружием и в коннице, и в пехоте использовались топоры, булавы, шестоперы и кистени, однако самым распространенным видом древкового оружия было копье. Если судить по свидетельствам письменных источников, то в них четко различались соб-

⁴³⁹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. II. М., 2008. С. 138.

⁴⁴⁰ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XII–XV вв. С. 23–26.

⁴⁴¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 16, 25.

⁴⁴² Горелик М. В. Куликовская битва 1380. Русский и золото-ордынский воины // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 2, 3. См. также: Арциховский А. В. Оружие // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. М., 1969. С. 393–394; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XII–XV вв. С. 26–27.

ственно «копья», «рогатины» и «сулицы». Последние представляли собой метательные, относительно короткие копья, рогатина же, напротив, оружие пехотинца (или спешенного всадника), с мощным и тяжелым лавролистным наконечником, оптимизированное для ближнего боя. Что же касается копий, то здесь, видимо, в первую очередь имелись в виду именно кавалерийские копья с универсальным или бронебойным наконечником. Можно предположить, что копья с узкими, гранеными наконечниками, приспособленными для поражения хорошо защищенного бойца, применялись преимущественно для нанесения таранного удара, тогда как снабженные универсальным наконечником могли использоваться по-разному.

Что же касается метательного оружия, то здесь, конечно, главенствовал безраздельно лук. Арбалеты если и применялись, то в весьма ограниченных количествах (хотя, если верить летописной повести об осаде Москвы Тохтамышем в 1382 г., москвичи активно использовали «самострелы», а один из них, некий «соуконник, именем Адам», поразил «стрелой самострельной» некоего знатного татарина⁴⁴³. Примечательно, но имя этого «гражданина» и его «профессия» позволяют предположить, что он не коренной москвич, а «немец»). Немногочисленные находки русских средневековых луков и их фрагментов позволяют тем не менее с уверенностью утверждать, что конструктивно они относились к сложным, композитным, склеенным из нескольких сортов дерева, обмотанных при этом вываренной берестой и с усилением из сухожилий, костяных и роговых накладок⁴⁴⁴. Что же касается стрел, то, как отмечал известный отечественный археолог-оружиевед О. В. Двуреченский, «для XIV–XV веков характерно преобладание универсальных наконечников, они составляют 50 % при значительном количестве бронебойных, до трети от общего числа (35 %), и при незначительном количестве рассекающих (10 %)…»⁴⁴⁵.

Определившись с тем, чем был вооружен русский воин конца XIV в., накануне пресловутой «ориентализации», посмотрим, как переменялся комплекс его вооружения спустя 100–150 лет. Ведь если судить по описаниям иностранцев и актовым материалам, а также редким археологическим находкам, то в общих чертах новый русский «ориентализированный» оружейный комплекс можно считать сформировавшимся уже в 1-й трети XVI в., если не раньше, в последней четверти XV столетия. К середине же XVI в. он приобрел свой «классический» восточный вид, радикально отличаясь от привычного для европейцев вида – на Западе эволюция доспеха в позднем Средневековье привела к появлению сплошного «белого» доспеха, тогда как в Русской земле кольчатые и кольчато-пластинчатые доспехи победили все остальные.

Для начала приведем несколько ставших хрестоматийными описаний внешнего облика русского воина того времени, которые оставили иностранные наблюдатели. Пожалуй, едва ли не самым известным из них является то, что было оставлено имперским дипломатом С. Герберштейном. Его стоит, пожалуй, привести целиком, поскольку влияние Герберштейновых «Записок о Московии» на всю последующую европейскую *Rossica*, без преувеличения, просто огромно. По существу, барон задал тон для всех последующих описаний загадочной Московии и ее обитателей, и прочие европейские писатели так или иначе, но ориентировались на созданные Герберштейном образы.

Итак, как же описывал имперский посол русского воина (конного, конечно же, поскольку, как уже было отмечено прежде, по его мнению, московиты недооценивали пехоту) и комплекс его вооружения? По словам барона, «лошади у них (русских. – *В. П.*) маленькие, холощенные, не подкованы; узда самая легкая; седла приспособлены с таким расчетом, что всадники могут

⁴⁴³ Новгородская 4-я летопись. С. 332.

⁴⁴⁴ См., например: *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие // Свод археологических источников. Е1–36. М., 1966. С. 6–9.

⁴⁴⁵ *Двуреченский О. В.* Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 302.

безо всякого труда поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. Сидя на лошади, они так подтягивают ноги, что совсем не способны выдержать достаточно сильного удара [копья или стрелы]. К шпорам прибегают весьма немногие, а большинство пользуется плеткой, которая всегда висит на мизинце правой руки, так что в любой момент, когда нужно, они могут схватить ее и пустить в ход, а если дело опять дойдет до оружия, то они оставляют плетку и она свободно свисает с руки.

Обыкновенное их оружие – лук, стрелы, топор и палка [наподобие (римского) цеста (coestus)], которая по-русски называется кистень (kesteni), а по-польски – бассалык (bassalick). Саблю употребляют те, кто [познатнее и] побогаче. Продолговатые кинжалы, висящие, как ножи, спрятаны в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно добраться до верхней части рукояти и схватить ее в случае надобности. Далее, повод узды у них в употреблении длинный, с дырочкой на конце; они привязывают его к [одному из] пальцев левой руки, чтобы можно было схватить лук и, натянув его, выстрелить (не выпуская повод). Хотя они держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть одновременно, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими.

Некоторые из более знатных носят панцирь, латы, сделанные искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма у немногих есть шлем [заостренный кверху наподобие пирамиды].

Некоторые носят шелковое платье, подбитое войлоком, для защиты от всяких ударов; употребляют они и копья...»⁴⁴⁶.

Любопытным представляется сравнить это описание с теми, которые были записаны в конце XV – начале XVI в. в Европе со слов русских дипломатов. Так, в 1486 г. в канцелярии миланского герцога Сфорца со слов русского посланника грека Георга Перкамоты был записан рассказ о таинственной Московии, в котором, помимо всего прочего, сказано было и о внешнем облике русских воинов. Согласно записи, всадники московитов на войне пользуются копьями, луками и кривыми мечами (scimitarra), а для защиты используют они легкие панцири наподобие тех, что применяют воины султана⁴⁴⁷.

Спустя сорок лет (и на что стоит обратить внимание, независимо от Герберштейна), Павел Иовий, епископ Ночерский, творчески переработав рассказ русского дипломата Дмитрия Герасимова, побывавшего в 1525–1526 гг. в Риме с посланием от Василия III к папе Клименту VII, поведал своим читателям о вооружении воинов-московитов. По его словам, всадники московского государя вооружены копьями, железными булавами и луками, а некоторые сверх того – еще и кривыми мечами (любопытно, что Иовий для этого в тексте применил выражение *falcate sunt gladii*). От неприятелей они, продолжал далее итальянский гуманист, защищались щитами, круглыми, как у турок, или сложной угловатой (*angularibus*) формы наподобие греческих (судя по всему, Иовий имел в виду балканские «гусарские» щиты характерного вида), а также панцирями (*logica*) и «пирамидальными» (*pyramidal*) шлемами⁴⁴⁸. О том, что большая часть конницы московского великого князя – лучники, писал в своем «Доношении» и имперский же посол Ф. да Колло, побывавший в Москве на завершающем этапе первой Смоленской войны 1512–1522 гг.⁴⁴⁹

Пожалуй, этих описаний будет достаточно, потому как более поздние из них так или иначе, но испытали влияние «Записок о Московии» С. Герберштейна за редким исключением. К числу таких исключений принадлежит, пожалуй, французский авантюрист Ж. Маржерет, который, похоже, обошелся без «Записок о Московии», описывая московскую конницу. По его словам, «знатные воины должны иметь кольчугу, шлем, копье, лук и стрелу, хорошую лошадь,

⁴⁴⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 241, 242.

⁴⁴⁷ Гуковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР). № 5. М. 1963. С. 655.

⁴⁴⁸ Павел Иовий. Посольство от Василия Ивановича, великого князя московского, к папе Клименту VII. С. 77.

⁴⁴⁹ Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. С. 60.

как и каждый из слуг; прочие должны иметь пригодных лошадей, лук, стрелы и саблю, как и их слуги»⁴⁵⁰.

Но вот что любопытно – как уже было отмечено прежде, обычно «ориентализацию» связывают с татарской (конкретнее – с крымской) угрозой, однако, как следует из этих описаний, перевооружение русской конницы на «ориентализированный» («западноазиатский» или «осmano-мамлюкский» по классификации, предложенной Л. А. Бобровым⁴⁵¹) комплекс наступательного и оборонительного вооружения произошел еще до того, как Крым стал если не самым главным, то одним из важнейших врагов Русского государства. И что не менее любопытно – правдивость этих описаний подтверждается русскими актовными материалами.

Главная и наиболее, пожалуй, характерная черта этого «западноазиатского» доспешного комплекса – это безусловное доминирование кольчатых и кольчато-пластинчатых доспехов и практически вытеснение ламеллярных. И если обратиться к духовным грамотам, что оставляли дети боярские времен Василия III и первой половины правления Ивана Грозного, «идучи на великого князя службу» или готовясь предстать перед Создателем, то перед нами предстает интересная картина. Перечень доспехов, что встречаются на страницах духовных грамот, достаточно разнообразен, включая в себя как разнообразные кольчато-пластинчатые («пансыри», «юшаны», они же «юшманы», «бехтерцы» и «кольчюги») и мягкие («тегиляи») доспехи, которые усиливались зеркалами. Руки и ноги защищались наручами, бутурлыками и «наколенками», а голова воина – защитными наголовьями («шеломы» и «шапки», железные и «мисюрские»).

Самым распространенным видом доспеха, если судить по текстам духовных грамот, был пансырь. В просмотренных нами более чем шестидесяти духовных грамотах конца XV – начала 80-х гг. XVI в. упоминания о пансырях встречаются 15 раз, тогда как бехтерцы названы пять раз, юшманы упомянуты четыре раза, дважды – кольчуги и столько же – зеркала. Мягкий стеганный доспех, знаменитый тегиляй, встречается в духовных грамотах девять раз. Из 18 упоминаний о защитных наголовьях 15 принадлежит шеломам, а в остальных случаях речь идет о «шапках» («мисюрских» и «саженных»). Наконец, в шести духовных говорится о наручах, в пяти – о наколенниках и в двух – о бутурлыках⁴⁵².

От духовных грамот обратимся к разрядной делопроизводственной документации. В нашем распоряжении есть уникальный (без преувеличения) документ – так называемая «Боярская книга», датируемая 1556 г. и представляющая собой, по словам историка А. В. Антонова, «отрывок книги раздачи денежного жалования выборным служилым людям разных городов, составлявших государев полк»⁴⁵³. Собранные в этой «книге» данные на почти две сотни детей боярских позволяют составить достаточно четкое представление об «оружности и збруйности» верхнего слоя московских служилых людей в середине XVI в. Приведем несколько записей из этого документа, характеризующих доспешный комплекс зажиточного сына боярского. Например, о Никифоре Федорове сыне Вышеславцеве сказано, что «в Серпуховском смотре Микифор сам на аргамеке в доспесе в юшане и в шеломе, а на верх доспеха приволока бархатна». Люди же его были снаряжены, согласно «Боярской книге», следующим образом – «за ним 3 (ч) в пансырех да (ч) в бехтерце, с рогатиною, да 5 (ч) в тегиляех в толстых, 3 (ч) с рогатинами, а четвертой с копьем, одни из них в шеломе, а на шти (ч) шапки медяны...». Никита Васильев сын Попадьяна Квашнин явился на смотр «в пансыре с наручми и с наколенки». Степан Федоров сын Нагаев на смотре был «на коне в пансыре и в шеломе», а люди его, соот-

⁴⁵⁰ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 178.

⁴⁵¹ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. С. 673.

⁴⁵² См.: Пенской В. В. Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV–XVI в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 103.

⁴⁵³ Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 81.

ветственно, «одни в колчюге, шапка на нем турская, 3 в тегилях, на 2 шапки железные, на третьем бумажная»⁴⁵⁴.

Если же обобщить данные по «збруйности» в целом, то выходит следующая картина: 127 детей боярских привели с собой на смотр 687 послужильцев (без учета кошевых слуг), снаряженных следующим образом. Шеломы имели 43 сына боярских и 118 их послужильцев, шапки – соответственно 9 и 8, шапки железные – 8 и 67, медные были у 51 послужильца и еще 2 носили шапки «бумажные» (надо полагать, стеганые). «Доспех» (в том числе «полный», под которым, похоже, подразумевался как корпусной доспех, так и защита ног и рук – правда, в «полном доспесе» на смотр выехало только 3 сына боярских, как, например, Иван Иванов сын Кобылин Мокшеев, «в полном доспесе, в юмшане, и в шеломе, и в наручах, и в на-коленках»⁴⁵⁵) имели 82 сына боярских и 293 их послужильца. К сожалению, из кратких записей к книге неясно, что же представлял собой «доспех» (за очень редким исключением, когда подьячий конкретизировал тип доспеха – как в случае с Никифором Вышеславцевым). Кольчуга упоминается только один раз, и то в ней был послужилец Степана Нагаева), бехтерцы – соответственно 4 и 19 раз, зеркало – 1 раз (как и в случае с кольчугой, зеркальный доспех имел послужилец), в юмшане на смотр явились 2 сына боярских, а куяк (бригантина) был у 4 послужильцев. Весьма распространенным типом доспеха был тегиляй – на нем предстали на смотре 6 детей боярских (причем 4 носили его поверх основного доспеха) и 176 послужильцев. Наручи встречаются у 9 детей боярских и у 6 послужильцев, а «наколенки» – у 4 детей боярских⁴⁵⁶.

Любопытная картина «збруйности» московских служилых людей предстает из «обидных списков» начала 70-х гг. XVI в. Так, сын боярский Иван Ознобишин вследствие нападения литовцев лишился «пансыря», «пансырь» числился среди прочего отнятого у стрелецкого сотника сына боярского Бориса Назимова, а новгородский сын боярский Никита Ушаков лишился, помимо всего прочего, «юмшана», «пансыря» и «шолома»⁴⁵⁷.

Наконец, стоит привести сведения о «домашнем» арсенале царя Бориса Годунова, в котором хранилось 87 шеломов (в том числе и с наушами), 23 «шапки», 68 пансырей, 17 комплектов зеркальных доспехов, 14 юмшанов, 16 бехтерцов, 3 комплекта лат с 2 оплечьями (все импортные, литовские и немецкие), 4 пары наручей и сотня кольчуг⁴⁵⁸.

Безусловно, представленные выборки не являются абсолютно репрезентативными, но определенные закономерности все же прослеживаются. Прежде всего бросается в глаза абсолютное преобладание кольчато-пластинчатых доспехов разных типов – от кольчуг и пансырей с байда-нами (различавшимися друг от друга типом колец, из которых составлялся доспех, и способом их соединения) до бехтерцов и юмшанов (различавшихся размерами пластин). Прочие виды доспехов, такие как калантари (если верить неизвестному автору «Казанской истории», в позолоченный калантарь облачился царь Иван IV в день решающего штурма Казани, да и то только согласно одному из списков повести⁴⁵⁹), куяки и иные, практически вышли из обихода.

Другая особенность – широкое распространение импортных доспехов, в особенности произведенных восточными мастерами (Северный Кавказ, Иран и, вероятно, Средняя Азия), хотя встречаются и ввезенные из Западной Европы кольчатые доспехи (пансыри «немецкие» и «меделянские», то есть североитальянской работы). Заметим, что доспехов «московской

⁴⁵⁴ Там же. С. 84, 102, 103.

⁴⁵⁵ Там же. С. 107.

⁴⁵⁶ Подсчитано автором по: Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года. С. 82–118.

⁴⁵⁷ Грамоты и «Обидный список» полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. С. 27, 30.

⁴⁵⁸ Подсчитано автором по: Савваитов П. А. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченных из рукописей архива московской Оружейной палаты с объяснительным указателем. СПб., 1865. С. 34–38.

⁴⁵⁹ История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 150.

работы» также было немало, хотя, похоже, они использовались по большей части воинами победнее, тогда как импортный доспех имел статусный характер, подчеркивая отнюдь не обычное положение его хозяина. Впрочем, нет правил без исключений – доспехи московской работы высоко ценились теми же ногами. Тамошние «князья» и мирзы постоянно выпрашивали у московских государей в подарок «пансырь доброй с наручи, и с наколенки, и с рукавицами, и с тягиляем, и с шеломом»⁴⁶⁰.

Перемены претерпевают и защитные наголовья. Долгое время среди них доминировали «шеломы», характерным примером которых может служить знаменитый шелом царя Ивана Грозного (впрочем, относительно его происхождения и принадлежности давно идут споры). Однако, похоже, во 2-й половине века их постепенно начинают теснить «шапки» и «шишаки», отличавшиеся от шеломов своей конструкцией. Шапка и шишак имели, в отличие от шеломов, не сфероконический вид с сильно вытянутой кверху тульей и навершием-яловцом, а полусферический. При этом шапки не имели навершия, тогда как у шишаков небольшое навершие присутствовало⁴⁶¹. Любопытно сравнить сведения, что дает нам коломенская десятина 1577 г. относительно вооруженности дворян и их послужильцев защитными наголовьями, с теми, что сообщает «Боярская книга», составленная двумя десятилетиями ранее. Согласно десятине, 283 сына боярских-коломнича вывели на смотр 127 своих послужильцев, при этом шеломы были у 77 детей боярских и 10 послужильцев, тогда как железные шапки – соответственно у 83 и 88⁴⁶². Отметим также, что, судя по актовым материалам, иные образцы защитных наголовий, «мисюрские шапки» и прилбицы, встречались существенно реже, чем шеломы и «шапки» и, что называется, погоды не делали. Любопытно, но распределение доспехов и защитных наголовий среди как самих коломенских детей боярских, так и их послужильцев подтверждает наблюдения Ж. Маржерета, которые были процитированы выше.

Кстати, о качестве защитного вооружения. Князь Андрей Курбский, вспоминая о своем участии в осаде и взятии Казани в 1552 г., писал спустя много лет, как он, оказавшись в гуще рукопашной схватки, был сбит на землю и потерял сознание. «Очкнувшись уже потом, – продолжал князь, – аки по мале године, аки над мертвецом, плачущим и рыдающим двема слугам моим надо мною стоящим и другим двема воином царским», которые посчитали князя убитым в сече. Однако, вопреки всему, князь, хотя и был изранен («многими ранами учашенна»), однако же остался жив, «понеже на мне збройка была праотеческая, зело крепка»⁴⁶³.

Стоит заметить, что производство брони и шеломов на Руси в те времена представляло собой развитое ремесло с разделением труда между мастерами, специализировавшимися на изготовлении отдельных элементов доспеха. Так, в датированном 1573 г. списке мастеров, трудившихся в Бронном приказе при государевом дворе, числились «проволочные мастера» (4 человека), «тянувшие» проволоку для кольчато-пластинчатых доспехов, 4 шеломника, 14 пансырников (которые как раз и делали кольчуги, байданы и пансыри) и 7 юмшанников (и еще один мастер, ковавший доски для юмшанов), не считая тех, кто делал черновую работу или доводил готовые доспехи до совершенства, отделявая их⁴⁶⁴.

И прежде чем продолжить наш рассказ об оружии русских воинов, несколько слов о щитах. Как уже было отмечено выше, Павел Иовий со слов Дмитрия Герасимова записал, что

⁴⁶⁰ Новиков Н. Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Ч. XI. СПб., 1801. С. 18.

⁴⁶¹ См., например: Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XII–XV вв. С. 29–33; Шиндлер О. В. Русские племя XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 186–190. URL: http://www.milhist.info/2016/05/10/schindler_3 (дата обращения 26.04. 2018 г.).

⁴⁶² Подсчитано автором по: Сторожев В. Н. Десятина и Тысячная книга XVI века. № 1. Коломна (1577 г.) // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. Отдел III. Историко-юридические материалы. С. 1–42.

⁴⁶³ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 60.

⁴⁶⁴ Подсчитано автором по: Список опричников Ивана Грозного // Рукописные памятники. Вып. 7. СПб., 2003. С. 79–81.

московитские воины используют два типа щитов – круглые и «греческие». Это утверждение как будто противоречит широко распространенному мнению, что московиты «классической» эпохи щитов не использовали. С одной стороны, это так. Если взять духовные грамоты, то в них «турские» щиты упоминаются трижды, и во всех случаях эти духовные грамоты составлены представителями титулованной знати⁴⁶⁵. Точно так же, если глянуть опись имущества царя Бориса Годунова, в ней мы найдем упоминание о щитах, богато украшенных, – один железный, другой «турской» железный, а третий – бухарский⁴⁶⁶.

По всему выходит, что щит потерял свое прежнее значение, оставаясь статусным оружием. Вместе с тем ряд фактов позволяют усомниться в том, что щит совсем уж вышел из обихода. Во всяком случае, в 1568 г. немецкий гравер М. Цюндт по рисунку, сделанному с натуры Г. Адельгаузером, сделал гравюру, изображающую встречу русского посольства в Гродно в 1567 г., изобразив на нем, среди прочих московитов, нескольких всадников, вооруженных копьями и характерной формы «гусарскими» щитами. Памятуя же о том, что характерный «литовский» набор вооружения конного воина («съ кожьдыхъ осми служобъ людей ставити пахолка на добромъ кони во зброи з дровомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панъцерь, прыльбица, мечъ, або кордь, сукня цветная, павеза и остроги две...»⁴⁶⁷) бытовал в конце XV – начале XVI в. на той же Северщине и Смоленщине, вошедших при Иване III и Василии III в состав Русского государства, то вполне можно предположить, что в служилых «городах» по «литовской» «украине» «гусарские» щиты вполне могли бытовать и много позднее после того, как Москва наложила свою руку на эти земли. И эти самые смоляне могли сопровождать посольство Ф. И. Колычева в Гродно, не говоря уже о том, что, к примеру, в так называемой «Дворовой тетради» записана «литва» и «литва дворовая». В Переяславле ее было 8 человек, в Ростове – 15, в Ярославле – 12, в Романове – 9, в Костроме – 32, в Юрьеве – 18, в Суздале – 2, во Владимире – 15, в Муроме – 12, в Серпухове – 3, в Можайске – 40 и в Медыни – 78 человек⁴⁶⁸, которые также вполне могли использовать «литовский» комплект всаднического вооружения с копьем и щитом.

Вместе с тем большие станковые щиты (типа павез) использовала русская пехота во время осад (о чем мы уже писали прежде в очерке, посвященном осадному делу). Видимо, именно о таких щитах писал юному Ивану IV Иван Пересветов в своей «Малой челобитной»: «Делати было, государь, мне щиты гусарския добраго мужа косая сажень, с клеєм и с кожею сырицею, и с ыскрами, и с рожны желзными, – а те, государь, щиты макидонсково оброзца. А делати их в ветляном древе, легко, добре и крепко: один человекъ с щитом, где хошет, тут течет и на коне мчит. И те щиты в поле заборона: из ближняго места стрела не-мет, а пищаль из дальные цели неймет ручныя. А из-за техъ щитов в поле с недругом добро битися огненною стрельбою из пищалей и из затинных, з города»⁴⁶⁹.

Впрочем, если попробовать выявить тенденции в эволюции не столько доспеха, сколько самой «збруйности», то, пожалуй, можно сказать, что на протяжении XVI в. степень и качество одоспешенности детей боярских и тем более их послужильцев постепенно снижаются. Все меньшее число служилых людей выезжает на государевы смотры «в доспесе в полном». И если в конце XV – 1-й половине XVI в. «стандартный» комплект доспехов всадника русской помещ-

⁴⁶⁵ Пенской В. В. Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV–XVI в. С. 103.

⁴⁶⁶ Савваитов П. А. Описание старинных царских утварей... С. 33–32.

⁴⁶⁷ Ухвала на великомъ сойме виленскомъ въ року 1528 месяца мая 1 дня учиненная з стороны обороны земское кольцо хто съ пановъ радъ врядниковъ и всихъ обывателей Великого князства Литовского з ыменей своихъ ку службѣ военной коней ставити маеть // Русская историческая библиотека. Т. 33. Литовская метрика. Отдел первый. Часть третья: Книги публичных дел. Пг., 1915. Стб. 7.

⁴⁶⁸ Подсчитано автором по: Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 134–158, 164, 187, 206–208.

⁴⁶⁹ Пересветов И. С. Малая челобитная // Сочинения Ивана Семеновича Пересветова. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5115> (дата обращения 26.04.2018 г.).

ной конницы включал в себя как минимум шелом, пансырь или бехтерец, а его послужильца – пан-сырь или тегилый с шапкой, железной или медной, то во 2-й половине века доспех все реже встречается как необходимый, неперенный компонент «служебной рухляди». Только богатые и зажиточные дети боярские, дворовые и верхушка городских могли позволить себе роскошь выезжать на государев смотр или на службу в доспехе, да еще одоспешить своих людей.

Причины, почему качество «збруйности» к концу XVI в. падает, очевидно, носят комплексный характер. Свою роль в этом сыграла, вне всякого сомнения, растущая бедность детей боярских, в особенности провинциальных городских. Она была обусловлена, с одной стороны, дроблением и измельчением вотчин, а вслед за ними и поместий – этот процесс, запущенный еще в XV в., в 1-й половине XVI в. набрал обороты⁴⁷⁰ и к концу столетия не мог не дать вполне ожидаемого негативного результата. К этому стоит добавить и другую, не менее, если не более серьезную проблему – несоответствие реальных поместных дач поместным окладам, которое усугублялось хронической нехваткой рабочих рук. И на все эти проблемы наложился затяжной экономический кризис, первые признаки которого обозначились уже в начале 50-х гг. XVI в., а также волны эпидемий и голода, раз за разом прокатывавшихся по Русской земле со 2-й половины 60-х и до середины 70-х гг. того же столетия. К чему это привело, можно воочию наблюдать, если сравнить утрированный, но вместе с тем достаточно характерный образ московского всадника на двух картинах, которые разделяет почти столетие, – известной «Битвы под Оршей» и не столь знаменитой, но оттого не менее интересной «Битвы при Клушино».

На первой, которую нарисовал оставшийся неизвестным художник (есть предположение, что это немецкий живописец Г. Крелль, служивший при дворе короля Людовика II Венгерского) спустя примерно полтора десятка лет после сражения, русские всадники облачены (практически поголовно) в бехтерцы (у некоторых дополненные зеркалами) поверх толстых кафтанов (тегиляев?), а головы защищают характерной формы шеломами⁴⁷¹. При всей условности и обобщенности образа москвиты на картине, тем не менее основные и, что самое главное, узнаваемые элементы доспешного комплекта русского всадника на ней представлены более чем наглядно. Москвиты никак не спутаешь ни с литовскими всадниками (гусарами?), ни с польскими тяжеловооруженными «копийниками», но не заметить его сходства с изображенными на этой же картине литовскими татарами нельзя. Но проходит сто лет, и львовский художник Ш. Богушевич, сопровождавший гетмана С. Жолкевского и ставший очевидцем сражения при Клушино в 1610 г., свои впечатления от увиденного отобразил на живописном полотне. И московские всадники на ней, в отличие от «оршинских», совершенно не имеют ни доспехов, ни защитных наголовий – во всяком случае, они незаметны под кафтанами и шапками русских воинов.

Но вот что представляется любопытным, так это характер вооружения русских воинов на этих картинах. На первой московитские всадники вооружены луками, саблями и некоторые – небольшими кавалерийскими топориками. На картине же Ш. Богушевича, напротив, «стандартное» вооружение русского всадника – сабля и пищаль/самопал, то есть лук вытеснен огнестрельным оружием. Сделав поправку на определенную условность изображенного на картине и приняв во внимание тот факт, что основу конницы войска царя Василия Шуйского под Клушино составляли конные сотни из детей боярских (и их послужильцев) смоленских, бельских и новгородских⁴⁷², тем не менее отметим, что эта перемена более чем примечательна. Но насколько соответствует изображенное на этих живописных полотнах реальности, которая

⁴⁷⁰ См., например: Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения. М., 1998. С. 307–321.

⁴⁷¹ О находке пары таких шоломов начала XVI в. в реке Вихра под белорусским городом Мстиславль см.: Бохан Ю. Н. Шеломы «русского» типа из Мстиславля // Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 124–128.

⁴⁷² Курбатов О. А. Военная история русской Смуты начала XVII века. С. 108.

просматривается из русских актовых материалов (про заметки иностранцев мы уже писали прежде)?

Обратимся для начала к духовным грамотам детей боярских конца XV – 60-х гг. XVI в. Предметы вооружения встречаются здесь реже, нежели составные части доспеха, но все же некоторые предварительные выводы сделать можно.

На первом месте по упоминанию стоят сабли – чаще всего называются импортные, «черькаские» и «турские», иногда «булатные», «ширинские» (крымские?) и «нагайского дела с наводом» (в 14 грамотах) и саадаки (в 10 случаях – под саадаком обычно понимался лук с налучьем и колчан со стрелами, подвешенные к специальному поясу). Пару раз в грамотах встречаются луки, причем оба раза – импортные, «ординской» и «крымской», и однажды – колчан с 71 стрелой в нем (кстати, число стрел в нем представляется избыточным – во всяком случае, в 1469 г. Иван III пожаловал устюжанам 300 луков и 6 тыс. стрел к ним, то есть по 20 стрел на лук⁴⁷³). В духовных грамотах также упоминаются копья и рогатины. Копья были названы в перечне имущества Д. Г. Плещеева из старинного московского боярского рода, две рогатины перечислены в списке «служобной рухляди» неизвестного сына боярского вместе с парой сабель, парой седел, парой вьючных седел и 6 переметными сумами, а князь С. М. Мезецкий завещал своему племяннику пару копий и рогатину. Огнестрельного оружия (пистолетов и пищалей/самопалов и пр.) в духовных нет, если не считать единичного упоминания о паре «звериных» пищалей, но здесь, очевидно, речь шла об охотничьем оружии, а не о боевом⁴⁷⁴.

Из духовных грамот следует, что «стандартным» вооружением сына боярского в ту пору считался комплект из саадака с саблею, который иногда дополнялся копьем или, изредка, рогатиной. (Кстати, стоит заметить, что всадник, вооруженный саблей, очень рано стал чеканиться на московских монетах, откуда и происходит их название – «сабляница», в отличие от новгородской «копейки» с ее конным копейщиком.) Этот предварительный вывод подтверждается записями в упоминавшейся прежде «Боярской книге». Копье упоминается как элемент вооружения у 19 детей боярских и у 122 их послужильцев, рогатина – соответственно у 1 и 48. Еще два послужильца вооружены топорками и один пеший – пищалью⁴⁷⁵. Что же касается остальных, то складывается четкое впечатление, что подьячие, составляя «Боярскую книгу», характеризуя вооружение явившихся на смотр детей боярских и их послужильцев, как правило, не вписывали в нее саадак и саблю, которые подразумевались как «непременный» элемент «оружности». А иначе как можно объяснить, что, к примеру, Иван Иванов сын Кобылин Мокшеев, снарядившись по полной программе – тут и юшан, и шелом, и наручи, и наколенки, не имеет (при буквальном прочтении записи в «Книге») ни сабли, ни саадака, ни копья или иного какого оружия?

Любопытные детали относительно происхождения русских сабель того времени сообщают описи имущества Бориса Годунова и Михайлы Татищева. В «домашнем» арсенале Годунова находилось семь «турских» булатных сабель, стальная сабля «угорская», три булатные «кызылбашские» (то есть иранские) сабли и сабля «горская» булатная⁴⁷⁶. «Коллекция» сабель Михайлы Татищева была побольше, но другого состава. Самому ее хозяину принадлежало две булатные «кызылбашские» сабли, а для своих людей он держал 13 сабель (в описи оговорено было, что все они «плохия без наводу», то есть без украшений) и еще две сабли совсем дешевые, оцененные в 4 алтына каждая. Кроме того, Татищеву принадлежал также и недорогой «литовский» палаш вместе с «кортишком»⁴⁷⁷. Нетрудно заметить, что дорогие импортные

⁴⁷³ Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. С. 92.

⁴⁷⁴ См.: Пенской В. В. Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV–XVI в. С. 104.

⁴⁷⁵ Подсчитано автором по: Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года. С. 82–118.

⁴⁷⁶ Савваитов П. А. Описание старинных царских утварей... С. 27–30.

⁴⁷⁷ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник императорского Общества истории и древностей российских. Кн. 8. М., 1850. Смес. С. 10, 15.

сабли (одна из кызылбашских сабель Михайлы Татищева была оценена в 50 рублей) служили, как и импортные доспехи, «статусным» оружием, подчеркивая высокое положение их хозяина. Саблями попроще вооружались дети боярские – те, что победнее и похудороднее, ну и, само собой, такие дешевые клинки входили в состав «служилой люцкой рухляди». В. С. Курмановский отмечал в этой связи, что «среди элитарного, дорогостоящего оружия, по крайней мере, с конца XVI века преобладали сабли с восточными, «турскими» и «кызылбашскими» (иранскими) булатными клинками», причем «черкасские» (то есть северокавказского и кавказского происхождения. – *В. П.*) сабли «являлись достаточно престижным оружием, но более доступным, чем восточные образцы»⁴⁷⁸.

Характеризуя эволюцию сабель, которыми были вооружены русские всадники в конце XV – начале XVII в., археолог и оружейвед О. В. Двуреченский писал, что в конце XV – начале XVI в. бытовавшие еще с ордынских времен сабли потеснили новые, более тяжелые и крупные, с четко выделенной елманью. Появление таких клинков (примером их может служить знаменитая сабля князя Ф. М. Мстиславского) исследователь связывал с влиянием турецкой традиции изготовления клинкового оружия⁴⁷⁹. Другим типом сабель, который использовался русскими всадниками в это время, были клинки без елмани, также, по мнению О. В. Двуреченского, восточного происхождения. Примером такой сабли может служить клинок, принадлежавший князю Д. М. Пожарскому. И в самом конце XVI в. на Русь проникают так называемые «польско-венгерские» сабли, которые, как отмечал археолог, отличались от бытовавших на Руси восточных по происхождению сабель не столько формой клинка, сколько формой рукояти⁴⁸⁰. Общей же чертой для использовавшихся русскими ратниками сабель было, по словам В. С. Курмановского, то, что «клинки XVI–XVII вв., в сравнении с более ранними, прежде всего, оказываются более короткими и сильно изогнутыми, со смещением изгиба к острию»⁴⁸¹.

Для характеристики «лучного боя» прежде всего снова обратимся к описям имущества Бориса Годунова и Михайлы Татищева. Царь Борис, судя по описи, был большим любителем луков и знал в них толк. В его «арсенале» хранились 5 «турских» луков, 3 «черкасских» (северокавказских?), 4 «бухарских», 2 «едринских» (сделанных в Эдирне?), 3 «крымских» лука и 4 московской работы, а под них 6 саадаков (из описания следует, что саадак включал в себя налучье, колчан и пояс, к которому они крепились). Стрел, правда, у Бориса было немного – 30 «черкасских» стрел двух видов, 38 стрел двух видов, различавшихся оперением, 8 «крымских» стрел (с четырехлопастным оперением), 3 томары (стрелы с широким режущим наконечником) и 3 «кайдалики»⁴⁸². Михайла Татищев носил с собой «саадак кован серебром с чернью, лук ядринской писан по бакану золотом, у колчана чепочка серебряна, в нем 22 стрелы» (напрашивается вывод, что обычно в колчане держали порядка двух десятков стрел), а для своих людей хранил 13 саадаков (с интересной оговоркой – «все без сабель»), из которых 5 были без луков⁴⁸³.

Конструктивно русские луки того времени, как следует из описаний и редких археологических находок, могут быть разделены на простые деревянные, изготовленные из цельного куска дерева (и применявшиеся, скорее всего, пехотинцами или охотниками), и сложносоставные композитные луки (ими вооружались в первую очередь всадники). Насколько велика была

⁴⁷⁸ Курмановский В. С. «Полоса на угорский выков...». Сабельные клинки в России XVI–XVII веков // Родина. 2009. № 10. С. 132.

⁴⁷⁹ Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 65–66.

⁴⁸⁰ Там же. С. 67–68.

⁴⁸¹ Курмановский В. С. Сабельные клинки в России XVI–XVII вв.: Морфология и конструктивные особенности. Дисс. на соиск. уч. степени кандидата исторических наук. М., 2010. С. 143.

⁴⁸² Савваитов П. А. Описание старинных царских утварей... С. 21–27.

⁴⁸³ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. С. 9, 15.

доля среди них импортных восточных (турецких, татарских и кавказских) и в каком соотношении находились они с луками, изготовленными московскими мастерами, сказать сложно, но ясно одно: ввезенные луки и саадаки, как и другое импортное оружие, имели прежде всего статусный характер. Учитывая же их стоимость, можно с уверенностью предположить, что основная масса рядовых детей боярских и их послужильцев вооружена была простыми, без особых изысков и украшения, луками московской, ногайской или крымской работы.

Что же касается стрел, то исследовавший этот вопрос О. В. Двуреченский отмечал, что в это время наконечники стрел универсального типа безусловно господствовали над всеми остальными в еще большей степени, чем прежде. В XV–XVII вв. «универсальные» наконечники стрел (прокалывающе-рассекающего типа, по терминологии исследователя, одинаково приспособленные как для поражения не защищенного доспехом противника, так и одоспешенного – надо полагать, в первую очередь кольчато-пластинчатым доспехом) составляют больше 80 % всех находок, тогда как бронебойные шиловидные – 9 %, а рассекающие – около 6 %⁴⁸⁴.

Стоит заметить, что археологические находки и описи имущества подтверждают слова Георга Перкамоты о том, что на вооружении русских воинов позднего Средневековья – раннего Нового времени находились арбалеты, или, как их называли на Руси, самострелы. Так, в описи имущества Михайлы Татищева числится «самострел полоса стальная с коловоротом, цена рубль»⁴⁸⁵. Обладателем двух «стальных» (то есть с изготовленными из стали луковищами) самострелов был и Борис Годунов⁴⁸⁶. Правда, и в том и в другом случаях нельзя с уверенностью сказать, что речь идет о боевом, а не об охотничьем оружии. Впрочем, в ходу были и боевые самострелы, в особенности на северо-западе, на ливонской и литовской «украинах». Однако, как указывал О. В. Двуреченский, самострелы использовались как часть крепостных арсеналов – для скоротечной конной схватки, «травли», равно как и для «малой» войны, они не годились. Видимо, этим объясняется и их малое распространение на Руси – их число в разы уступало лукам. Во всяком случае, для позднего Средневековья – раннего Нового времени зафиксировано 570 наконечников стрел и 52 арбалетных болта⁴⁸⁷.

«Лучный бой» в «классический» период развития московского военного дела изрядно потеснил «копейный бой». Картина битвы, столь живописно нарисованная в «Троянских сказаниях» («и от копейнаго ломления гремение бывает велие, и щиты розбивают, и шеломы низпадают, звучит на воздухе треск сабелный от частаго сражения, бряцания, падают воины овии ранены, а овии убиты...»⁴⁸⁸) и понятная для тех, кто жил в XV в., в следующем столетии была уже не столь очевидна. Однако полагать, что «копейный бой» остался в забвении, было бы все же несколько преждевременно. Характеризуя копья московской конницы «классического» периода, О. В. Двуреченский отмечал, что в рассматриваемый период «характерные типы таранных копий, приспособленных для конных сшибок в стиле рыцарских поединков, действительно уступили место принципиально новому комплексу вооружения, в котором копьё было отведено иное по характеру место»⁴⁸⁹.

Косвенно оружейную «иерархию» подтверждает список мастеров, работавших в Бронном приказе в 1573 г. На одного копейного мастера приходились 3 сабельника, 4 ножевщика, 2

⁴⁸⁴ Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. С. 272, 276, 280. О находках стрел на московском Романове дворе см.: Кренке Н. А., Курмановский В. С. Предметы вооружения XV–XVII веков из раскопок Романова двора в Москве // Российская археология. 2008. № 1. С. 104–108.

⁴⁸⁵ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. С. 10.

⁴⁸⁶ Савваитов П. А. Описание старинных царских утварей... С. 33.

⁴⁸⁷ Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 225, 285.

⁴⁸⁸ Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков. Л., 1972. С. 23.

⁴⁸⁹ Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 72.

железечника (изготовителя «железец», то есть наконечников для стрел), 5 лучников и 4 стрельника (изготавливавших стрелы)⁴⁹⁰.

Обращение к актовым материалам также подтверждает этот тезис. Так, из записей в «Боярской книге» нетрудно сделать вывод, что в середине XVI в. «копейный» бой вовсе не был таким уж необычным явлением для русской конницы – и для наиболее богатой и хорошо вооруженной ее части (государев двор и выборные дети боярские) уж совершенно точно. Косвенно это подтверждают приведенные нами прежде обобщенные сведения из «Боярской книги» относительно вооруженности внесенных в нее детей боярских и их послужильцев копьями и рогатинами. При этом стоит заметить, что и копье, и рогатина могли быть как оружием рядового ратника, так и высокородного (и его боевых слуг). К примеру, в Полоцком походе 1562–1563 гг. перечень царского оружия включал в себя 2 копья (одно из них – «большое»), а также рогатину (к которым было приставлено 7 оруженосцев-«поддатней»), в Ливонском же походе 1577 г. – копье, сулицу и рогатину⁴⁹¹. В оружейной «коллекции» Бориса Годунова находились 4 богато украшенных рогатины – одна английская, две немецкие и одна московской работы, а также два богато же украшенных копья – черкасской и московской работы⁴⁹². А вот в описи имущества Михайлы Татищева рогатины проходили по разряду «служилой люцкой рухляди», и было таких рогатин «без наводу, деревья простые» у него восемь, оцененных одна, что побольше размером, в 2 гривны, а остальные – в 5 алтын за штуку⁴⁹³.

Вместе с тем из сохранившихся актовых материалов и десятен можно сделать вывод, что по мере приближения конца XVI в. вооружение русской поместной конницы облегчается до предела и все большее число детей боярских выезжает на службу лишь в сабле и саадаке. Так, среди коломенских «ездецов» таких «стрелцов» «на мерине, в саадаке, в сабле» было 117 (из 274 детей боярских, или почти 43 %). При этом детей боярских, которые явились на смотр, имея, помимо прочего оружия, еще и копье, было всего лишь 9 (и еще один – с рогатиной). Но при этом стоит заметить, что среди послужильцев прочих детей боярских 17 были с копьями и еще один с рогатиной, и они явно были, как полагает О. А. Курбатов⁴⁹⁴, оруженосцами-поддатыми своих господ⁴⁹⁵. Если посчитать их вместе с хозяевами, то доля детей боярских, вооруженных, помимо «стандартных» саадака и сабли, еще и копьем (рогатиной), составит чуть больше 10 % (для послужильцев этот процент будет еще меньшим – всего лишь 5 копейщиков из 129, или меньше 4 %). Но это коломенская десятня, десятня старого служилого «города», а в новых городах на «крымской» «украине», где большую часть детей боярских составляли новоповерстанские дети боярские с небольшими поместными окладами (и еще меньшими реальными дачами, не говоря уже о том, что и рабочих рук здесь не хватало), ситуация была еще хуже. Именно здесь в большом количестве заводятся конные пищальники и само-пальники.

Одним словом, к концу XVI в. роль и значение «лучного» (а в ближней перспективе – и «огненного») боя возросли, тогда как копейный бой отошел на второй, если не на третий план, став уделом отдельных искусных бойцов – таких, как Леонтий Плещеев, геройствовавший под Тихвином в 1613 г. В его послужном списке отмечалось, что Леонтий «будучи на Тихвине, Государю служил, с немецкими людьми перед воеводы и перед полками бился на поединках и

⁴⁹⁰ Подсчитано автором по: Список опричников Ивана Грозного. С. 79–81.

⁴⁹¹ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 130; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 438.

⁴⁹² Савваитов П. А. Описание старинных царских утварей... С. 32.

⁴⁹³ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. С. 16.

⁴⁹⁴ См.: Курбатов О. А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени // Русская армия в эпоху Ивана Грозного. Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Часть I. Статьи. СПб., 2015. С. 227–235.

⁴⁹⁵ Подсчитано автором по: *Сторожев В. Н.* Десятни и Тысячная книга XVI века. С. 1–42.

ранен был многижда и лошади под ним побиты многие», но и сам боец побил 11 «мужиков», «немчинов» и «литвинов», из них шестерых – копьём⁴⁹⁶.

Вместе с падением значения «копейного ломления» стремится к нулю и значимость тяжелого всаднического копья с характерным бронебойным наконечником. На их место приходят иные, наконечники которых, согласно характеристике О. В. Двуреченского, представляли собой «законченную форму легких кавалерийских пик, приспособленных не столько для таранного удара, сколько для маневренного конного боя, подразумевающего нанесение колющих ударов по защищенному и не защищенному броней противнику»⁴⁹⁷.

Саадак с саблей, копьё и рогатина – те предметы наступательного вооружения русского всадника, которые чаще всего встречаются в актовых материалах, чего не скажешь о топорах, булавах, шестоперах и иных, еще более экзотических видах оружия (как, например, тот же кистень, о котором упоминал С. Герберштейн).

Боевые топоры как оружие русского всадника без особого труда можно найти на уже упоминавшейся нами прежде картине «Битва под Оршей». Характеризуя этот тип боевого топора, О. В. Двуреченский указывал, что эти топоры, известные по ряду сделанных на территории Москвы, Пскова, Новгорода и Подмосковья археологических находок, представляли собой «тип боевых топоров, которые применялись как вид специфического всаднического вооружения»⁴⁹⁸. Наряду с ними вплоть до начала XVII в. продолжали применяться и топоры-чеканы, в среднем несколько более тяжелые, нежели предыдущие, а на Новгородчине вплоть до начала XVI в. бытовали топоры-булавы с массивным обухом. По мнению О. В. Двуреченского, этот тип боевых топоров являлся местным изобретением, предназначенным наносить раны тяжеловооруженному противнику⁴⁹⁹.

Но насколько распространен был боевой топор как элемент комплекса вооружения русского всадника «классического» периода? М. М. Денисова в своей классической статье о вооружении русской поместной конницы отмечала, что сабля лишь в конце XVI в. стала преобладать в комплекте всаднического вооружения⁵⁰⁰. Эту перемену М. М. Денисова увязала с удешевлением импортных восточных сабель к концу столетия. Логично, конечно, предположить, что если булатная сабля, предназначенная в дар царю, оценена была в 4–5 рублей (а булатная полоса и вовсе в 3 рубля)⁵⁰¹, то обычная сабля, без излишнего украшения, стоила бы еще дешевле и была бы доступна большинству детей боярских и их послужильцев (впрочем, что мы и наблюдаем, если проанализируем материалы коломенской десятины 1577 г.). Но когда О. В. Двуреченский отмечает, что для начала XVI в. основным наступательным оружием русского всадника были лук, топор и сабля и что «именно факт дороговизны сабли объясняет складывание ситуации, когда разросшееся войско Московского государства наряду с луком, саадаком и саблей снаряжается более доступным видом наступательного вооружения ближнего боя – топорками»⁵⁰², то с этим сложно согласиться. Дороговизна сабли в XVI в., на наш взгляд, сильно преувеличена. Кроме того, в начале XVI в. до кризиса поместной системы еще было далеко, и основную массу русской конницы составляли достаточно зажиточные дети боярские. Для них не было проблемой вооружить не только себя, но и свою свиту качественным и раз-

⁴⁹⁶ Курбатов О. А. Документ об участии Леонтия Степановича Плещеева в событиях Тихвинского осадного сидения 1613 г. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 1. М., 2009. С. 87–88.

⁴⁹⁷ Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 101.

⁴⁹⁸ Там же. С. 131.

⁴⁹⁹ Там же. С. 142.

⁵⁰⁰ Денисова М. М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. Труды ГИМ. Вып. XX. М., 1948. С. 38.

⁵⁰¹ Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I. Царствование Федора Иоанновича. СПб., 1890. С. 130–131.

⁵⁰² Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 153.

нообразным как оборонительным, так и наступательным вооружением. И по всему выходит, что боевой топор являлся второстепенным видом наступательного вооружения русской конницы, причем во 2-й половине XVI в. его удельный вес в оружейном комплексе сокращается до минимума. Стоит обратить внимание, что в перечнях царского оружия, с которым выступал Иван Грозный в государевы походы, топоры практически не встречаются. Саадаки – есть, копыя – есть, сулицы – есть, с 1562 г. появляются пищали (самопалы – с 1577 г.), а топоры упомянуты лишь один раз, в росписи Полоцкого похода, причем они поставлены в самый конец росписи, после пищалей⁵⁰³.

Столь ж редкими видами наступательного оружия русской конницы были булавы-брусы, шестоперы и клевцы (последние, по мнению О. В. Двуреченского, вообще лишь условно могут быть отнесены к оружию, которое использовала русская конница «классического» периода⁵⁰⁴). Булавы, равно как и шестоперы, судя по упоминаниям в источниках и сохранившимся в музейных коллекциях отдельным образцам этих видов оружия, относились скорее к статусному оружию, выступая в роли символов власти военачальника. Во всяком случае, в оружейной «коллекции» Бориса Годунова мы встречаем упоминание о двух «брусах», отделанных золотом и серебром, а также о «турском» клевце и шестопере (и, кстати, о двух богато украшенных «турских» топорах)⁵⁰⁵. Стоит заметить, кстати, весьма примечательное упоминание о шестоперах в псковской летописной традиции. Описывая сражение между войском Ивана III и ливонцами под Гельмедом в 1502 г., псковский книжник писал, что воины великого князя «не саблями светлыми секоша их (то есть ливонцев. – В. П.), но биша их москвичи и тотарове, аки свиной, шестоперы»⁵⁰⁶. Из контекста этого упоминания шестопера следует, что он, по сравнению со «светлыми саблями», считался оружием как бы не «подлым», низким, которым годно свиной бить, а не сражаться честным воинам. Парадокс, но описание шестопера из «коллекции» Бориса Годунова косвенно подтверждает это утверждение – в отличие от остальных образцов царского оружия, шестопер выглядит откровенно бедным («шестепер и топоричко железное, о сми перех»), если не убогим⁵⁰⁷.

До сего времени речь шла о вооружении русской конницы, а чем и как вооружалась русская пехота того времени? Из свидетельств русских летописей XV в. складывается четкое впечатление, что полноценным воином считался только конный одоспешенный ратник (способный сражаться и спешенным), тогда как «чистый» пехотинец по отношению к нему играл второстепенную, вспомогательную роль. Так, в 1443 г. в зимней битве на реке Листани с нукерами казакующего татарского «царевича» Мустафы главную роль сыграла рязанская рать и войско, присланное Василием II. Пешая же мордва на лыжах-ртах и рязанские казаки (также на лыжах) выступили на «подхвате», имея на вооружении только сабли, сулицы и рогатины, равно как и пешая рязанская рать «с ослопы и с топоры и с рогатины»⁵⁰⁸. Точно так же псковичи, выставив против ливонцев в кампанию 1502 г. конную рать, по тотальной мобилизации выставили еще одно войско, в состав которого вошла и пехота. Она была набрана из «молодых» (то есть небогатых и незнатных псковичей) людей, которые «да третьего покрутили щитом да соулицею»⁵⁰⁹. Новгородский летописец, описывая волнения в Москве после великого пожара в июне 1547 г., сообщал, что «поидоша многие люди черные к Воробьеву (село на окраине тогдашней Москвы, где в это время пребывал Иван IV со двором и семьей. – В. П.) и с щиты и

⁵⁰³ См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. II. С. 493–494, 512; Т. II. Ч. I. С. 112–113, 224; Т. II. Ч. II. С. 112, 118, 437–438.

⁵⁰⁴ Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 202.

⁵⁰⁵ Савваитов П. А. Описание старинных царских утварей... С. 30–31.

⁵⁰⁶ Псковская 1-я летопись. С. 87.

⁵⁰⁷ Савваитов П. А. Описание старинных царских утварей... С. 30.

⁵⁰⁸ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XII. С. 62.

⁵⁰⁹ Псковская 1-я летопись. С. 86.

з сулицы, яко же к боеви обычаи имяху»⁵¹⁰. Наконец, Иван Грозный, собирая рать для похода на Полоцк, осенью 1562 г. потребовал собрать с северных городов и волостей «пеших людей», которые «были бы собою добры и молоды и резвы, из луков и из пищалей стреляти горазди, и на ртах ходити умели, и рты у них были у всех, и наряду б у них было саадак или тул с луком и з стрелами, да рогатина или сулица, да топорок»⁵¹¹. Любопытно, но спустя 40 с лишком лет, во время Смуты, требования к «зборным людям» и их оружию существенно не переменялись. Так, в 1607 г. воевода князь С. Ю. Вяземский, управлявший Пермской землей, получил царскую грамоту, в которой говорилось: «И ты бы со всей Пермской земли, с посадов и уделов, собрал ратных людей со всяким ратным оружием, с луки или с пищалми, и с топоры, и с рогатинами или с бердыши, семдесят человек... а собрал бы еси тех оных ратных людей, которые б были собою добры, и молоды, и резвы, и из луков или из пищалей стреляти были горазды...»⁵¹²

Из этих летописных свидетельств следует, что «чистая» русская пехота XV – начала XVI в. имела на вооружении достаточно скромный и простой набор оружия. В него входили рогатина, сулица, топор-секира с характерным широко-лопастным массивным лезвием (с конца XVI в. их начинают теснить первые бердыши) и саадак (который впоследствии потеснило огнестрельное оружие – пищали и гаковницы). Насколько широко на вооружении этой легкой пехоты была распространена сабля – неизвестно, равно как и доспех. Похоже, что из средств защиты русская легкая пехота того времени более или менее активно использовала лишь щиты. Естественно, что при таких раскладах подобная легкая пехота, хотя и набираемая обычно из профессионалов, существенно уступала коннице в боеспособности (если не использовать ее в специфических условиях, как в той же зимней кампании 1443 г.) и имела ограниченное применение. Ее подъем начинается только тогда, когда в Русской земле было освоено и стало все более и более широко применяться огнестрельное оружие, о котором и пойдет речь дальше.

2. «Огненный бой»

Русская земля включилась в «пороховую» революцию еще в конце XIV в. Прежде мы уже писали о том, что русские познакомились с огнестрельным оружием еще в 1376 г., когда московские и нижегородские полки осадили волжский город Булгар. И хотя использование примитивных тюфяков не помогло жителям Булгара, однако же в Москве на всякий случай решили обзавестись подобным оружием, и вот в 1382 г. мы видим, как уже москвичи использовали огнестрельное оружие против татар, осадивших столицу великого княжества.

Восточный «канал», по которому на первых порах Русь получила первые знания об огнестрельном оружии, похоже, довольно быстро иссяк, и связано это было, видимо, с тем погромом, который учинил городам Золотой Орды Та-мерлан. С упадком городской золотоордынской культуры пришло в упадок и искусство изготовления столь высокотехнологичной (по тем временам) оружейной продукции, и мастерство ее применения. Во всяком случае, когда в 1409 г. эмир Едигей явился под Москву требовать с Василия I дань, не плаченную за много лет, он был вынужден обратиться за помощью к тверскому князю Ивану Михайловичу, потребовав от того явиться к нему с осадной артиллерией.

Судя по источникам, с конца XIV в. Тверь, а также Псков и Новгород надолго стали главными центрами, через которые на Русь с Запада, через Литву и Ливонию, поступали и новые образцы огнестрельного оружия, тяжелого и ручного, и необходимые материалы (цветные металлы – медь, олово и свинец в первую очередь, а также «зелье» и ингредиенты, его

⁵¹⁰ Новгородская 4-я летопись. С. 621.

⁵¹¹ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/ 63 года. С. 123.

⁵¹² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. II. СПб., 1836. С. 162.

составляющие) для его изготовления и применения. Они же, в особенности Псков, в наибольшей степени среди всех прочих русских земель, овладели искусством «огненного боя». Впрочем, а могло ли быть иначе, если, к примеру, тем же псковичам регулярно приходилось иметь дело с ливонскими ратями, которые активно использовали огнестрельное оружие в многочисленных пограничных конфликтах? И стоит ли удивляться тому, что в кампанию 1477–1478 гг. против Новгорода Иван III потребовал от своего наместника во Пскове князя В. В. Шуйского идти к нему с псковской ратью «с пушками и с пищалми и самострелы, с всею приправою, с чем к городу приступати»⁵¹³. Впрочем, и новгородцы неплохо владели искусством стрельбы из артиллерийских орудий. В 1444 г. орденское войско осадило Ям и подвергло город бомбардировке из своей артиллерии. Ямские пушкарники отвечали неприятелю, и весьма удачно – русский книжник сообщал, что они «нарочитую их (ливонцев. – В. П.) пушку заморскую великую, и намеривши с города розбиша, и пужечника и многих добрых немцов побии»⁵¹⁴.

В 1-й половине XV в. у нас не слишком много примеров успешного применения огнестрельного оружия: сам характер военных конфликтов не слишком располагал к использованию тяжелой и неповоротливой артиллерии, не имевшей еще колесных лафетов, и неудобных ручниц в маневренных полевых сражениях «войны из-за золотого пояса» между Василием II и его союзниками, с одной стороны, и Дмитриевичами – с другой. Правда, тогдашние пушки применялись при осадах (мы уже писали прежде о том, как великий литовский князь Витовт попробовал было использовать гигантскую бомбарду «Галку», осаждая псковский пригород Порхов, а Василий II и его союзник тверской князь Борис Александрович успешно применили артиллерию при взятии Ржева и Углича). Практически нет у нас информации и о том, как была устроена тогдашняя русская артиллерия, – можно только предположить, что она ничем существенным не отличалась от той, что применялась на Западе и турками на завершающем этапе пресловутой Столетней войны и на Балканах⁵¹⁵. Во всяком случае, описывая 4-дневную осаду псковской ратью ливонского Нойхаузена, псковский же книжник записал: «Поустиша псковичи болшею поушкою на городок, и колода вся изламаса и железа около розарвашася, а поушича вся цела»⁵¹⁶. Из этого известия общая конструкция «поушичи»-бомбарды представляется достаточно четко – деревянная колода, в которую помещено тело орудия и закреплено железными хомутами (для сравнения – в описи вооружения Пскова 1699 г. числилась «пищаль складная, в колоде, с тремя колцами»⁵¹⁷). И видимо, от отдачи при выстреле колода и хомуты лопнули, а сам ствол уцелел.

Сама по себе технология изготовления тела такой «по-ушки» восстанавливается благодаря находке, сделанной еще в 1852 г. в Устюжне Железнопольской⁵¹⁸. Тогда был обнаружен целый арсенал из нескольких десятков разновременных железных пищалей, датированных в широком промежутке от XV до начала XVII в. Наиболее примитивные, архаичные по конструкции стволы представляли собой сваренные на оправке последовательно друг за другом несколько железных труб (каждая из которых, в свою очередь, сваривалась из свернутого прокованного железного листа на оправке) с приваренным к ним железным дном. Калибр этих пищалей колебался от 23,5 до 122 мм⁵¹⁹.

⁵¹³ Московский летописный свод конца XV века. С. 313.

⁵¹⁴ Летопись Авраамки. Стб. 185.

⁵¹⁵ О европейской артиллерии и способах ее применения в конце XIV–XV вв. см., например: *Контамин Ф.* Война в Средние века. С. 155–168, 214–224.

⁵¹⁶ Псковская 3-я летопись. С. 154.

⁵¹⁷ I. Псков. 7207/1699 г. январь. Извлечение из годовой сметы // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. VI. М., 1914. С. 244.

⁵¹⁸ *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Часть I (XV–XVII ст.). СПб., 1877. С. 48.

⁵¹⁹ *Яковцевский Б. М.* Пищали и самопалы Устюжны Железно-польской // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/3us/tuz/hna/7.htm> (дата обращения 27.04.2018 г.).

Были ли в ходу у русских (у тех же псковичей) на тот момент не только бомбарды, но и ручницы – сложно сказать. Заметим в этой связи, что в описи «стрельбы», что хранилась в Полоцком замке на 1552 г., упоминаются некие «кии старосвецкие железные», которые, похоже, как раз и были теми самыми примитивными ручницами⁵²⁰. И если литвины (и уж тем более ливонцы) использовали ручницы, то почему бы их не применять псковичам, и тогда упоминаемые в описании грабительского похода псковской «добровольной» рати против новгородцев в 1471 г. «пищали» как раз и были такими ручницами⁵²¹.

Некоторое представление о боеприпасах этих орудий дают находки, сделанные в ходе работы Новгородской археологической экспедиции. В 50-х гг. минувшего столетия в слоях XV в. были обнаружены железное кованое ядро и две свинцовые пули. Ядро имело диаметр около 7 см и вес 1,352 г, а обе пули – диаметр несколько больше 18 мм и вес от 32 до 39 г. (и эти пули, кстати, как раз могли использоваться стрелками из ручниц – тех самых «киев старосвецких», если наше предположение относительно их конструкции верно)⁵²².

Ситуация меняется в последней четверти века, когда Иван III, выполнив первую часть своей внешнеполитической программы и собрав воедино большую часть русских земель, активизирует свою внешнеполитическую деятельность. Здесь, пожалуй, стоит привести мнение видного отечественного оружейоведа и специалиста по военному делу кочевников Средневековья Ю. С. Худякова, который отмечал, что распространение с XIV в. огнестрельного оружия (сначала артиллерии, а затем и ручного) ознаменовало начало новой эры в военном деле. «Его освоение изменило все стороны военной деятельности, – продолжал он, – включая производство военной техники, формы военной организации, приемы ведения боя и способы войны. Но кочевое общество, основанное на экстенсивной скотоводческой экономике и натуральном хозяйстве, оказалось не способным к освоению новых форм производственной деятельности с разделением и кооперацией труда и безнадежно отстало в военно-технической области, утратив и военное преимущество своего культурно-хозяйственного типа»⁵²³. Наличие огнестрельного оружия и освоение его производства дало Москве пусть и не сразу, но серьезное (и чем дальше, тем больше) преимущество над своими соседями – в первую очередь татарами. Иван III и его советники, судя по всему, хорошо осознали это, и потому приложили немалые усилия, чтобы вести Русское государство в число передовых в этом вопросе, не жалея ни сил, ни средств для обзаведения и своей артиллерией, и соответствующей производственной базой, и, конечно же, кадрами. Поэтому русские послы, с завидной регулярностью отправлявшиеся за границу, среди всех прочих задач должны были вербовать на русскую службу искусных мастеров-«литцев», способных изготавливать огнестрельное оружие (и использовать его, поскольку мастер-оружейник был еще по совместительству еще и пушкарем), а также готовить «зелье» для него.

Первым крупным иностранным специалистом в артиллерийском (впрочем, не только артиллерийском) деле был Аристотель Фиораванти из североитальянского города Болоньи. «Мастер муроль, кой ставить церкви и полаты... также и пушечник той нарочит, лити их и бити, и колоколы и иное все лити хитр велми...» – так писал о нем русский книжник⁵²⁴. В 1475 г. его переманил на русскую службу посол великого князя Семен Толбузин, пообещав от имени Ивана III платить ежемесячное жалованье в 10 рублей. От такого щедрого предложения

⁵²⁰ Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года. Менск, 2011. С. 34.

⁵²¹ Псковская 3-я летопись. С. 183.

⁵²² Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. С. 151.

⁵²³ Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск, 1991. С. 167.

⁵²⁴ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 181.

итальянец не смог отказаться и выехал в загадочную Московию вместо солнечного Константинополя, куда его приглашал к себе на службу покоритель Византии султан Мехмед II⁵²⁵.

Надо сказать, что 10 рублей в месяц по тем временам на Руси – весьма приличная сумма. Так, во Пскове в 1475 г. четверть (то есть 4 пуда) ржи стоила 4,5 деньги⁵²⁶, то есть на месячное жалованье, положенное Фиораванти, можно было купить почти 450 четвертей ржи, или 1800 пудов зерна, которых хватило бы для прокормления в течение года 75 мужиков. Довольный своим приобретением, Иван III уже в 1477 г. взял с собой Фиораванти в поход на Новгород, где тот отличился, выстроив по требованию великого князя понтонный мост через Волхов (удивленный летописец счел необходимым занести это событие в официальную летопись, сопроводив его следующим комментарием: «И донеле князь великы одолев възратися к Москве, а мост стоит»⁵²⁷). За успешным выполнением государева наказа последовало повышение, и в 1482 г. Фиораванти было поручено руководство артиллерией рати, отправленной против Казани (казанский хан, кстати, узнав о выдвижении государевых воевод с артиллерией, поспешил бить челом Ивану III, чтобы избежать разорительной осады)⁵²⁸.

Высоко ценя «нарочитость» итальянца, Иван III вовсе не собирался так просто отпустить его. Когда зимой 1482 г. Фиораванти запросился было домой, великий князь опалился на мастера, «пойма его и ограбив»⁵²⁹. Правда, опала длилась недолго – в 1485 г. Иван, вернув свое благорасположение итальянцу, назначил его руководить действиями московской артиллерии, взятой в поход на Тверь⁵³⁰.

С Фиораванти в истории русского артиллерийского дела раннего Нового времени начался «итальянский» период его развития⁵³¹. По пути, проторенному Аристотелем Фиораванти, в Москву приезжают иные итальянские («фрязские») мастера. Так, к примеру, в 1490 г., согласно Софийской 2-й летописи, вместе с московскими послами в русскую столицу приехали брат великой княгини Софии Палеолог Андрей, а вместе с ним в Москву приехали «мастера фрязи» «стенные и полатные, и пушечные, и серебряные»⁵³². Типографская летопись дополнила эти сведения, расписав подробно, кто именно из мастеров приехал на службу великому князю, отметив отдельно «пушечнаго мастера Якова с женою»⁵³³. Спустя четыре года, в 1494 г., в Москву вернулось очередное посольство, которое великий князь отправлял в Милан и Венецию, и послам удалось завербовать на русскую службу некоего «Петра пушечника и иных мастеров»⁵³⁴. Можно согласиться с мнением А. Н. Лобина, который указывал, что русская артиллерия в конце XV – начале XVI в. создавалась по итальянскому образцу⁵³⁵. И когда Павел Иовий со слов Дмитрия Герасимова писал о том, что в арсенале Московского Кремля хранится

⁵²⁵ Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. Стб. 219.

⁵²⁶ Псковская 3-я летопись. С. 200.

⁵²⁷ Московский летописный свод конца XV века. С. 317.

⁵²⁸ Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. Стб. 315.

⁵²⁹ Там же. Стб. 316.

⁵³⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XII. С. 180; Софийская 2-я летопись. Т. VI. Ч. 2. Стб. 315, 322.

⁵³¹ Отечественный историк А. Н. Лобин, ведущий современный специалист по истории русской артиллерии, выделяет в истории русской артиллерии допетровской эпохи три периода – «итальянский» (конец XV – начало XVI в.), «немецкий» (начало XVI до 60-х гг. того же столетия) и «русский» (с 60-х гг. XVI в.). Предложенной им периодизации мы и будем далее придерживаться.

⁵³² Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. Стб. 327.

⁵³³ Типографская летопись. С. 206.

⁵³⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XII. С. 238.

⁵³⁵ Лобин А. Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. Проблемы и источники // Русская армия в эпоху Ивана Грозного. Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. СПб., 2015. С. 123.

большое количество медных, литых итальянскими мастерами пушек⁵³⁶, то вряд ли он сильно погрешил против истины.

Однако с 90-х гг. XV в., с расширением географии мест, откуда в Русскую землю приезжают иностранные мастера-«литцы», ситуация начинает изменяться. Иван III затеял большую дипломатическую игру со Священной Римской империей и на Балтике и, естественно, не мог не воспользоваться представившейся возможностью нанять новых специалистов не только в Италии, но и в землях, признававших верховную власть императора. Его сын Василий III продолжил практику, начатую отцом, приглашая на свою службу мастеров из Германии и ряда других северных стран (например, из Дании). Так, готовясь ко второму походу на Смоленск в 1513 г., Василий III через посредство некоего саксонца Шляйница, «человека» князя Михаила Глинского, сумел нанять в Германии, Чехии и Италии не только отряды немецких пехотинцев-ландскнехтов и всадников, но еще и итальянских и немецких инженеров, а также закупить некие «осадные машины», то есть артиллерию⁵³⁷. О немецком (?) пушкаре Стефане, который руководил бомбардировкой Смоленска в 1514 г., мы уже писали прежде. С. Герберштейн упоминает некоего немецкого оружейника Иоганна Иордана, сорвавшего попытку татар взять Рязань в 1521 г. В другом месте своих «Записок» он пишет о пушечных дел мастере Николае Оберакере, родившемся неподалеку от г. Шпайера на Рейне и также отличившемся во время событий 1521 г. вместе с другими немецкими пушкарями на русской службе (именно так, во множественном числе!)⁵³⁸. Видимо, стоит согласиться с мнением А. Н. Лобина, который отмечал, что «в годы правления государя Василия Ивановича происходит постепенное замещение итальянских специалистов мастерами немецкими»⁵³⁹.

Впрочем, упоминает Герберштейн и об итальянских мастерах⁵⁴⁰. Один из них, Варфоломей, принявший православие, был, по словам имперского дипломата, в особой чести у Василия III, другой же, не названный по имени уроженец Савойи, «прославился» иным образом. Прельстившись щедрыми татарскими посулами, во время осады Казани 1523 г. он попробовал было перейти на сторону казанцев, но был схвачен и подвергнут пытке⁵⁴¹. Казнить его, правда, не стали – и это совсем немудрено, ибо и Иван III, и Василий III весьма дорожили своими мастерами-«литцами», стараясь задержать их на своей службе возможно дольше. Любопытное свидетельство их отношения к иноземным пушечным дел мастерам сохранил все тот же С. Герберштейн. По его словам, после поражения русских войск под стенами Казани в 1506 г. некий иноземный пушкарь сумел, несмотря на риск погибнуть или попасть в плен к казанцам, спасти свое орудие и вернуться в Москву, представ перед государевы очи в расчете на награду. В ответ он услышал гневную отповедь Василия, суть которой выражена была в следующих словах: «Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют их лить и обращаться с ними»⁵⁴². Упомянутые же выше Николай и Иоганн, обиженные тем, что Василий не наградил их за их действия в 1521 г., собрались было уехать домой, однако великий князь удержал их у себя, добавив к их ежегодному жалованью еще по 10 флоринов каждому⁵⁴³. Сумма, кстати, по тем временам немалая – порядка 8 рублей, а при стоимости четверти ржи тогда около 9–10 копеек на эти деньги Николай мог купить порядка трехсот с гаком пудов ржи.

⁵³⁶ Павел Иовий. Посольство от Василия Ивановича, великого князя московского, к папе Клименту VII. С. 77.

⁵³⁷ Acta Tomicianae. Posnaniae, 1852. Т. II. Р. 142; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka I wszystkiej Rusi. Т. II. Warszawa, 1846. Р. 373.

⁵³⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 237, 417, 421, 423.

⁵³⁹ Лобин А. Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. Проблемы и источники. С. 107.

⁵⁴⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 245.

⁵⁴¹ Там же. С. 411, 435.

⁵⁴² Там же. С. 413.

⁵⁴³ Там же. С. 423.

Любопытный, кстати, вывод сделал из анализа летописных свидетельств о выезде на Русь иноземных мастеров Н. Е. Бранденбург. Поздней осенью 1504 г., сообщает летопись, «приидоша послы великого князя на Москву Алексей Заболотцкой из Крыму, а Дмитрий Ларев и Митрофан Корачаров из-за моря и приведоша с собою многих мастеров серебряных, и пушечных, и стенных»⁵⁴⁴. Сославшись в своем каталоге Санкт-Петербургского Артиллерийского музея на это летописное свидетельство, он заметил, что с тех пор «летопись уже перестает перечислять их (приглашенных мастеров. – В. П.) по именам», так как «появление их у нас уже перестает быть фактами единичными, становясь делом более обыкновенным»⁵⁴⁵. В самом деле, в XVI в. в летописях имена иноземных мастеров-литейщиков практически не встречаются, и о тех из них, кто работал на московском Пушечном дворе, мы узнаем лишь из записок иностранцев и дипломатической переписки, а также из скудных остатков приказной документации.

Чрезвычайно важным событием в истории русской артиллерии и артиллерийского производства стало создание в Москве предприятия, специализировавшегося на изготовлении артиллерийских орудий. Речь идет о Пушечной избе (к созданию которой, возможно, приложил руку Аристотель Фиораванти). Первое упоминание о ней относится к 1488 г., когда в Москве случился очередной большой пожар, в огне которого сгорело 5 тыс. дворов, три десятка церквей, три моста через Москву-реку у Фроловских ворот Кремля и сама Пушечная изба⁵⁴⁶. В летописном известии о московском пожаре в августе 1500 г. Пушечная изба упоминается уже во множественном числе («погоре от Москвы реки и до Неглимны и Пушечные избы»), равно как и при пожаре в мае 1508 г.⁵⁴⁷, следовательно, производство артиллерии в Москве росло, что совсем не удивительно, ибо, прекрасно понимая всю значимость обладания столь ценным и вместе с тем технически сложным видом оружия, и Иван III, и его сын Василий всемерно способствовали развитию пушечного дела на Руси.

Кстати, в том же 1488 г., 12 августа, итальянец Паоло да Боссо (Павлин Дебоссис в русской летописи) отлил в Пушечной избе «пушку велику», которая впоследствии получила собственное имя «Павлин». Эта «великая пушка» метала каменные ядра весом 13 пудов (больше 200 кг)⁵⁴⁸, а калибр ее, по мнению А. Н. Лобина, составлял около 550 мм⁵⁴⁹. Понятно, почему известие о том, что итальянский мастер отлил такое орудие, было сочтено неизвестным московским книжником, достойным того, чтобы быть внесенным на страницы летописи. Отметим также, что в знаменитом «Лицевом летописном своде» Ивана Грозного известие об изготовлении «Павлина» сопровождается и соответствующей живописной миниатюрой. Отметим, что на следующий день после того, как был отлит «Павлин», случился великий пожар, в котором сгорела и Пушечная изба, но сама «великая пушка», судя по всему, не пострадала.

Некоторые сведения о пушках, которые были отлиты иностранными мастерами в конце XV – начале XVI в. в Пушечной избе, сообщают позднейшие описи артиллерийского вооружения. Так, из описи вооружения Смоленской крепости, датируемой примерно 1670 г., нам известно о серии малокалиберных (14 штук) полуфунтовых пищалей весом от 2 до 5 пудов, которые были отлиты мастером Яковом Фрязиным в 1497–1500 гг. Кроме того, Яковом были отлиты и две дробовые (то есть приспособленные для стрельбы картечью) медные пищали весом по 5 пудов каждая⁵⁵⁰. Не исключено, что ему же принадлежали и «четыре пушки верх-

⁵⁴⁴ Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1962. С. 337.

⁵⁴⁵ *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Часть I (XV–XVII ст.). СПб., 1877. С. 57.

⁵⁴⁶ Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. Стб. 325.

⁵⁴⁷ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 249; Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. Стб. 363.

⁵⁴⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. III. М., 1982. С. 465.

⁵⁴⁹ *Лобин А. Н.* Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 года // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. Сборник научных статей. М., 2010. С. 130.

⁵⁵⁰ Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина // Дополнения к Актам историческим, собранные и

ние» (мортиры), стрелявшие ядрами весом 6 пудов каждая и упомянутые в росписи Ливонского похода 1577 г.⁵⁵¹ В описи смоленского артиллерийского парка названа также и 5-фунтовая медная пищаль «старого смоленского наряда», отлитая неким Петром (не тот ли это Петр, что приехал в Москву в 1494 г.?) в 1500–1501 г.⁵⁵²

Наряду с иноземными мастерами на Пушечном дворе в конце XV – начале XVI в. работают и первые русские мастера. В упоминавшейся ранее описи смоленского арсенала числилась медная литая пищаль «русского литья» весом 16 пудов, изготовленная в 1482–1483 гг. неким Яковом⁵⁵³. А. Н. Лобин полагает его русским мастером и упоминает еще две отлитые им легкие пищали, в том числе однофунтовую, датированную 1484 г. Называет он и двух его учеников, Ивана и Васюка, отливших в 1491 г. двухфунтовую пищаль. Кроме Якова, Ивана и Васюка, на Пушечном дворе в конце XV – начале XVI в. работали и другие русские мастера. Один из них, Кондрат, отлил в 1492 г. пищаль длиной 2 аршина без вершка, а в 1497–1498 гг. – двухаршинную без вершка пищаль, в 1699 г. числившуюся в псковском арсенале. Другой мастер, назвавший себя Федором-пушечником, в 1487 г. изготовил 25-пудовый колокол (причем техника литья, использованная мастером, позволяет говорить о том, что он проходил обучение у итальянцев). Третий, Игнатий, в 1499–1500 гг. отлил весившую 6 пудов и 20 фунтов «пищаль дробовую»⁵⁵⁴.

Отметим, что, помимо артиллерийских орудий, при Василии III в Пушечной избе освоили технологию изготовления железных ядер к пушкам⁵⁵⁵. Одним словом, есть все основания утверждать, что благодаря усилиям Ивана III и Василия II по приглашению иностранных мастеров, технически артиллерийский парк русского войска в конце XV – начале XVI в. вряд ли уступал лучшим западноевропейским образцам и на Руси быстро перенимали последние новшества в этой сфере. Это обстоятельство вызывало серьезную обеспокоенность у соседей России. Так, прусский магистр И. фон Тифен осенью 1494 г., в момент обострения отношений между Москвой, Ганзой и Ливонией, писал в своем письме А. фон Грумбаху, имперскому магистру и советнику императора, что «они (то есть москвиты. – В. П.) взяли на службу скверных немецких мастеров-оружейников, которые изготовили для них военные машины такой мощи, о которой мы и не слышали прежде», в том числе некую пушку, в три раза превышающую обычные (уж не о «Павлине» ли идет речь в письме?). Одним словом, продолжал Тифен, благодаря этим немецким мастерам русские теперь имеют в своем распоряжении разного рода осадные машины и прочую военную технику и обладают большей мощью и силой⁵⁵⁶.

Естественно, что при таких раскладах действовавший еще по меньшей мере с начала XV в. режим запрета на поставки в Русскую землю оружия ганзейскими и ливонскими купцами с конца XV в. дополняется новыми запретительными мерами – например, на поставки цветных металлов (меди, олова, свинца), проволоки, серы, селитры и, само собой, «зелья»-пороха, не говоря уже о пушках (*bussen*) и ручном огнестрельном оружии (*musquitenn*)⁵⁵⁷. Впрочем, раз уж эти запреты регулярно повторялись, то, видимо, они не слишком сильно помогали – жажда наживы оказывалась сильнее, и контрабандная («необычная», *ungewonlick*) торговля оружием и запрещенными к ввозу в Русское государство товарами и материалами на русско-ливонском пограничье процветала, и москвит легко обходил все запреты, получая то, что ему нужно и

изданные Археографической комиссией. Т. V. СПб., 1853. С. 296–301, 308.

⁵⁵¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 465.

⁵⁵² Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 297.

⁵⁵³ Там же. С. 304.

⁵⁵⁴ Лобин А. Н. Пушечная изба и производство артиллерии в 1480–1500 годы // Труды кафедры истории России с древнейших времен. Т. I. СПб., 2006. С. 152, 155, 164; I. Псков. 7207/1699 г. январь. Извлечение из годовой сметы. С. 255.

⁵⁵⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 245.

⁵⁵⁶ Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Zweite Abtheilung. Band I. 1494 Ende Mai – 1500. Riga; Moscau, 1900. S. 50.

⁵⁵⁷ Ibid. S. 183, 507, 554, 738.

так, и иными путями. Например, в апреле 1508 г. шведский наместник Сванте Стуре писал ратманам Данцига, что датский король отправил минувшей осенью корабль с 30 ластами всевозможных военных материалов (медь, свинец, порох и пр.), а также с формами, посредством которых можно отлить шланги и полушланги (*halve unde hele slangen*, тяжелые длинноствольные крупнокалиберные орудия), а в придачу еще и четырех превосходных мастеров-литейщиков родом из Шотландии⁵⁵⁸.

Конец XV – начало XVI в. можно смело назвать временем становления русской артиллерии и производства огнестрельного оружия. Активные закупки сырья и материалов, крупных и мелких партий огнестрельного оружия, приглашение мастеров и подготовка собственных кадров литейщиков и пушкарей – все это быстро вывело Русское государство на первенствующие позиции в Восточной Европе в этой области. В Москве сумели наладить собственное производство артиллерии, а также пороха и боеприпасов. Были сделаны первые попытки изготовления более или менее крупных партий однотипных орудий, а также отработана первая классификация орудий – судя по летописным свидетельствам, артиллерийский парк московских великих князей на рубеже XV–XVI вв. делился на пушки, пищали и тюфяки. Пушки, вероятно, представляли собой преимущественно тяжелые короткоствольные орудия, предназначенные для навесной («верховой») стрельбы, разномастные длинноствольные пищали стреляли по настильной траектории, ну а короткие, с конической формой ствола тюфяки по большей части использовались для стрельбы «дробом» (картечью), хотя могли стрелять и ядрами.

Одним словом, несмотря на все трудности, Россия уверенно продвигалась вперед в авангарде «пороховой» революции и в последующие десятилетия, не сбавляя темпов. И. Фабри, советник эрцгерцога Фердинанда (будущего императора Священной Римской империи) и коадьютор венского епископа, основываясь на беседах с русскими послами князем И. И. Засекиным-Ярославским и дьяком С. Б. Трофимовым, написал в 1525 г. в своем трактате «Религия московитов», что нынче «они (то есть московиты. – *В. П.*) стали искуснее во всех видах войны наступательной и оборонительной, применяют медные орудия, именуемые бомбардами»⁵⁵⁹. И хотя Герберштейн (у которого на руках было сочинение Фабри) и утверждал (с оговоркой «повидимому»), что московиты не умеют правильно применять разные виды артиллерии⁵⁶⁰, противоречия между рассказами русских послов и его выводом, сделанным на основании разговоров с немецкими пушкарями, нет. Русские воеводы совершенствовались в привычной для них маневренной полевой войне, а для ведения осад у великого князя были иноземные специалисты.

В последующие десятилетия темпы развития русской артиллерии и производства огнестрельного оружия не снижались. Пушечная изба (избы), судя по всему, постоянно перестраивалась, и в описании чудовищного пожара 21 июня 1547 г. впервые упоминается сгоревший дотла Пушечный двор, стоявший на реке Неглинной⁵⁶¹. При Иване Грозном Пушечный двор представлял крупный производственный комплекс из нескольких зданий, объединенных в единое целое, – в посольской книге записано, что 4 мая 1670 г. Иван Грозный со своей свитой проезжал в свой опричный двор «мимо литовский посольской двор ко Всем Святым на Кулишку, да на коневую площадку по загороду Китаю к пушечным **избам** (выделено нами. – *В. П.*), да через Неглименский плавной мост в опришнину»⁵⁶². Оснащенный лучшим оборудованием (Б. Н. Колчин не исключал, что московские оружейники, а значит, и Пушечный двор могли

⁵⁵⁸ Hanserecesse. Dritte Abtheilung. Bd. V. Leipzig, 1894. S. 470.

⁵⁵⁹ Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. Вып. 1 М., 1998. С. 19.

⁵⁶⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 245.

⁵⁶¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 153.

⁵⁶² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III. 1560–1571 гг. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1982. С. 638.

использовать вододействующие механизмы, в том числе и молоты⁵⁶³) и опытными мастерами, как иностранными, так и русскими (которые постепенно вытесняют иноземцев), Пушечный двор во 2-й половине XVI в. окончательно превратился в важнейший и крупнейший центр артиллерийского производства в России, да и не только в ней.

Во 2-й половине XVI в. на московском Пушечном дворе окончательно была отработана и доведена до совершенства технология так называемой «медленной формовки» орудий. Стоит остановиться поподробнее на особенностях этой технологии. Литые из бронзы и меди пушки были и дороже, и сложнее в изготовлении, чем прежние сварные, но они же были прочнее и надежнее. «Медленная формовка» включала в себя несколько этапов. Сперва под наблюдением мастера подмастерья изготавливали неразъемную модель будущего тела пушки, для чего деревянный конический сердечник обматывали соломенным жгутом и получившуюся болванку слой за слоем покрывали глиной, предварительно тщательно просушивая каждый слой. На получившуюся в результате модель крепили модели цапф, украшений и пр. Следующий этап – изготовление внешнего кожуха. Получившуюся на первом этапе фальшивую модель покрывали густым слоем сала, поверх которого снова наносили слой за слоем глину, перемешанную с волосом и навозом (который играл роль пластификатора). Полученный кожух укрепляли металлическими бандажами, вынимали модели цапф и заделывали получившиеся отверстия глиной, после чего покрывали болванку еще одним слоем глины и сушили на огне.

После завершения всей этой работы из болванки аккуратно вынимали внутренний деревянный стержень и соломенную обмотку, получившуюся форму вместе с неразъемной моделью ставили вертикально в яму, насыпали в образовавшуюся внутреннюю полость мелкие дрова и поджигали их, с тем чтобы вытопить воск и сало. Теперь оставалось удалить фальшивую модель, и в распоряжении мастера оказывалась форма будущего ствола орудия со всеми украшениями, надписями и прочими внешними деталями. Пока шла вся эта работа, отдельно готовились стержень пушки (из железного сердечника, обмотанного пеньковым канатом и обмазанного глиной до нужного диаметра и тщательно затем просушенного) и тыльная часть будущего ствола.

Собранная из этих трех деталей форма опускалась в заливочную яму казенной стороной вниз, после чего свободное пространство между стенами ямы и формой забивалось землей, а в верхней части устраивалась литейная чаша, куда затем подводился расплавленный металл (медь или бронза). После заливки металла оставалось дождаться его остывания, после чего оставалось извлечь получившуюся отливку, вынуть стержень и провести чистовую обработку получившегося ствола⁵⁶⁴. Нетрудно заметить, насколько трудоемким и долгим был процесс изготовления большого орудия (пушечный мастер Яков Дубина писал в 1688 г., что «большие пищали выходят из дела, на старом Московском пушечном литейном дворе, в год и полтора года к готовым припасом»⁵⁶⁵) и как много зависело от опыта, искусства и чутья мастера.

Тем не менее, несмотря на все сложности технологического процесса, масштабы, качество и количество производимых на московском Пушечном дворе орудий поражали иностранных наблюдателей, имевших возможность ознакомиться на месте с артиллерией Ивана Грозного и его преемников, царей Федора Иоанновича и Бориса Федоровича. Некий англичанин, побывав на царском смотре зимой 1557/58 г., в самый канун начала Ливонской войны, в своих записках отметил, что московиты обладают «великолепной и разнообразной бронзовой артиллерией – бэйсами, фалконами, миньонами, сакрами, кулевринами, двойными и королевскими пушками, большими и длинными василисками (описывая русские орудия, англичанин прибег

⁵⁶³ Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. М.; Л., 1949. С. 204–205.

⁵⁶⁴ Описание процесса «медленной формовки» заимствовано из: Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Ч. I. С. 120–129.

⁵⁶⁵ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. XII. СПб., 1872. С. 18.

к знакомым ему терминам, под которыми скрывались артиллерийские орудия калибром примерно в 1,25, 2, 3, 6, 14, 18, 48 и 74 фунта. – В. П.)...» Кроме того, писал англичанин, «у них есть 6 великих орудий, которые стреляют ядрами в ярд величиной, когда такая пушка выстрелит, то человек легко сможет увидеть, как летит такое ядро». Наконец, завершал он свое описание московского «наряда», у русских есть «великое множество мортир или пушек-«горшков» (в оригинале использовано словосочетание «pot guns». – В. П.), из которых они стреляют зажигательными снарядами (в оригинале «wild fire». – В. П.)...»⁵⁶⁶. Кстати, как раз накануне приезда англичанина в Москву, в 1554 и 1555 гг. на Пушечном дворе были отлиты два гигантских орудия, «Кашпирова» и «Степанова», калибром 20 и 15 пудов и весом соответственно 1200 и 1020 пудов⁵⁶⁷, и не их ли видел наш англичанин среди отмеченных им тех шести гигантских пушек?

Спустя почти два десятка лет имперский посол Иоганн Кобенцель в своем донесении императору Максимилиану II в 1576 г. писал, что «Немцы и Поляки, как и сами Москвитяне, уверяли меня, что... кроме других, в двух только местах хранятся две тысячи орудий с множеством разнородных машин. Некоторые из этих орудий так велики, широки и глубоки, что рослый человек, в полном вооружении, стоя на дне орудия, не может достать его верхней части»⁵⁶⁸. В том, что такие большие орудия в Москве были, не стоит сомневаться – польский шляхтич С. Немоевский в своих записках писал, что он видел возле Московского Кремля «18 новоотлитых мортир (не тех ли, что были отлиты по приказу Лжедмитрия I, готовившегося к войне с турками? – В. П.), громадных и удивительных, а одно орудие столь громадно, что человек мог в него влезть», а в другом месте «стоит большое и длинное орудие, в котором рослый мужчина может сесть, не сгибаясь: я это сам испытал»⁵⁶⁹.

Над изготовлением этой многочисленной и могучей артиллерии трудились многие иностранные и русские мастера, об именах которых свидетельствуют в первую очередь сами пушки, ими изготовленные. Начнем с иноземных мастеров, которые приложили свою руку к изготовлению этих подлинных шедевров литейного искусства середины – 2-й половины XVI в. Иван Грозный и его советники, отлично понимая всю важность обладания передовой военной техникой и тем более технологиями, не оставляли попыток нанять в Европе мастеров-литейщиков и артиллерийских специалистов. Так, например, в Москве в 1546 г. весьма благосклонно отнеслись к предложению саксонского авантюриста Г. Шлитте, прибывшего с рекомендательными письмами от прусского герцога Альбрехта Гогенцоллерна, оказать содействие в найме специалистов, в том числе и оружейников, в Европе. Правда, из-за козней ливонцев (прежде всего магистра ордена И. фон дер Рекке) и великого князя Литовского и польского короля Сигизмунда II миссия Шлитте закончилась не так блестяще, как начиналась, однако можно предположить, что именно благодаря его усилиям в Москве в конце 40-х – начале 50-х гг. появился мастер Каспар Гунс (в русских документах Кашпир Ганусов – Каспар Иогансен?), учитель Андрея Чохова.

Точно неизвестно, сколько артиллерийских орудий отлил Каспар Гунс за время своей работы на Пушечном дворе (по мнению А. Н. Лобина, до конца 60-х гг., во всяком случае, в Смоленском арсенале хранилась, согласно описи 1671 г., 4-фунтовая медная пищаль, отлитая Гунсом с 1565–1566 гг.⁵⁷⁰) и каковы их характеристики. Однако похоже, что немецкий литей-

⁵⁶⁶ The Discovery of Muscovy. From The Collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of Othere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. P. 131–132.

⁵⁶⁷ Лобин А. Н. Артиллерия в царствование Ивана Грозного // Труды кафедры истории России с древнейших времен. Т. II. СПб., 2007. С. 304–305.

⁵⁶⁸ Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXXV. Отд. II. 1842. С. 150.

⁵⁶⁹ Записки Станислава Немоевского (1606–1608). С. 61.

⁵⁷⁰ Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 302; Лобин А. Н. Артиллерия в царствование

щик специализировался главным образом на изготовлении тяжелых крупнокалиберных орудий – о гигантской «Кашпировой» пушке уже было сказано выше (историк Е. Л. Немировский полагал ее мортирой⁵⁷¹), а кроме нее, мастер отлил целый ряд других тяжелых орудий. Так, в 1554–1555 гг. он изготовил 15-фунтовую пищаль, а в 1563–1564 гг. – 35-фунтовую «Острую Панну». В росписи артиллерии, что была придана войску воеводы М. Б. Шеина, отправившегося осаждать Смоленск в 1632 г., числилась 150-пудовая 12-фунтовая пищаль «Гладкая» «Кашпирова литья»⁵⁷². Впрочем, мастер не ограничивался отливкой больших орудий. В 1562 г. им были сделаны по меньшей мере три 6-фунтовые «полоторные» пищали (и не эти ли 6-фунтовые пищали стали образцом для больших серий аналогичных по калибру, весу и размерам пищалей, отливавшихся впоследствии в Москве?), а в 1565–1566 гг. – 4-фунтовая пищаль⁵⁷³. Отметим, что в описи псковской артиллерии 1699 г. числится отлитая неким Кашпиром в 1585–1586 гг. 6-фунтовая полоторная пищаль⁵⁷⁴. Кто этот Кашпир? Если Каспар Гунс, то тогда его долголетию можно только позавидовать – почитай, 40 лет работал он на Пушечном дворе!

Другим иноземным мастером, прибывшим, по мнению А. Н. Лобина⁵⁷⁵, в Россию между 1554 и 1562 гг., был некий Богдан (в 1554 г. он отлил в Литве 19-фунтовую пищаль «Дедок»⁵⁷⁶). Прибыв из Великого княжества Литовского, русин Богдан активно включился в производство артиллерийских орудий на Пушечном дворе. Специализировался он на изготовлении малых и среднекалиберных пищалей калибром 1,5, 2, 4, 5,5, 6 и 7 фунтов, которых известно, по словам историка Н. Н. Рубцова, порядка 20, из них пять датированы 60-ми годами XVI в.⁵⁷⁷

Кроме оставивших свой след благодаря надписям на отлитых ими пушках, на Пушечном дворе работали и другие иностранцы, о которых, к сожалению, практически ничего не известно. Так, к примеру, вместе с русским послом Осипом Непеей в мае 1557 г. из Лондона отплыло 4 английских торговых судна, на борту которых, кроме русского посла и английских же дипломатов к Ивану Грозному, были также артиллерийские мастера, пушки и артиллерийские материалы⁵⁷⁸.

Но не иностранцы играли главную роль в изготовлении артиллерии грозного царя, но русские мастера. Самым известным из них был, конечно, знаменитый Андрей Чохов, ученик Каспара Гунса, в совершенстве овладевший искусством отливки тяжелых орудий (и колоколов). Самое раннее из известных его орудий, 5-фунтовая пищаль длиной в 4 аршина и весом 43 пуда, «на ней орел двоеглавой, наверху орла три травы, у казны травы ж, в травах подпись Руским писмом: «лета семь тысяч семдесят шестого году, делал Кашпиров ученик Андрей Чохов»; посеред ее и у дула травы ж», датируется 1567–1568 гг. Две другие малые пищали 4-фунтового калибра были отлиты начинающим мастером в следующем, 1569 г.⁵⁷⁹ Эти небольшие (относительно, конечно) пищали стали, похоже, своего рода «пробой пера» будущего мастера. После

Ивана Грозного. С. 293.

⁵⁷¹ Немировский Е. Л. Андрей Чохов. М., 1982. С. 13.

⁵⁷² Царские наказы об походе на Смоленск // Чтения в Обществе истории и древностей российских. IV. Смесь. 1847. № 1. С. 15.

⁵⁷³ Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 302; Лобин А. Н. Артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 301, 306.

⁵⁷⁴ Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 300; I. Псков. 7207/1699 г. январь. Извлечение из годовой сметы. С. 243.

⁵⁷⁵ Лобин А. Н. Между Вильной и Москвой: западноевропейские пушечные мастера в Восточной Европе (первая половина XVI в.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015. С. 606.

⁵⁷⁶ Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 296.

⁵⁷⁷ Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 296–298; Лобин А. Н. Артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 301; Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Ч. I. М., 1962. С. 203; I. Псков. 7207/1699 г. январь. Извлечение из годовой сметы. С. 241.

⁵⁷⁸ Elementa ad Fontium Editiones. T. L. Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam Spectantia. XX pars. HVA, B 4, 1549–1568. Romae, 1980. P. 106.

⁵⁷⁹ Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 300, 301, 302.

них Чохов перешел к изготовлению больших орудий, которые стали главным делом его жизни (впрочем, в промежутках между литьем больших пищалей и пушек Андрей со своими учениками и подмастерьями продолжал делать и небольшие полуторные пищали, как это было, к примеру, в первые послесмутные годы⁵⁸⁰).

За шестьдесят лет своей работы на Пушечном дворе (последнее известное орудие мастером было отлито в 1629 г.) им было изготовлено несколько десятков артиллерийских орудий, и знаменитая Царь-пушка калибром 54 пуда, отлитая им в 1585–1586 гг., лишь самая известная. А были и другие, не менее замечательные. Так, в 1574–1575 гг. Чоховым была изготовлена первая именная его литья пищаль – 12-фунтовая «Лисица», в 1576–1577 гг. – 70-фунтовый (sic!) «Инрог» и 40-фунтовый «Волк». Двумя годами позже, после того как «Волк» был взят шведами под Венденом, мастер отлил по царскому указу второго такого же «Волка» (он также попал в руки шведам, и оба «Волка» сохранились до наших дней и ныне хранятся в шведском замке Грипсгольм)⁵⁸¹. В 1586 г. Чоховым были отлиты «верховая пищаль» (мортира) «Ягуп», неснаряженная бомба для которой весила 6 с четвертью пудов, а в 1589–1590 гг. – сразу пять крупнокалиберных пищалей, 25-фунтового «Соловья», 40-фунтового «Льва», 45-фунтового «Аспида» и 60-фунтового «Троила», в 1699 г. стоявших во Пскове, и 25-фунтовую «Скоропею»⁵⁸². В 1588 г. мастер изготовил уникальную 100-ствольную пушку, о которой польский ротмистр С. Маскевич писал: «Я видел одно орудие, которое заряжается сотнею пуль и столько же дает выстрелов; оно так высоко, что мне будет по плечо; а пули его с гусиные яйца». Кстати, он упоминал в своих записках и о Царь-пушке. По его словам, «сев в нее, я на целую пядень не доставал головою до верхней стороны канала. А пахолики наши обыкновенно влезали в это орудие человека по три, и там играли в карты, под запалом, который служил им вместо окна»⁵⁸³.

Мастерство и знания Андрея Чохова высоко ценились царской властью. Любопытный пример – по случаю венчания на царство Бориса Годунова служащим Пушечного двора было выплачено государево жалованье «по их окладам сполна», и Чохов получил наибольшее среди всех служащих Пушечного приказа жалованье, 30 рублей. Под конец жизни мастер получал ежегодно 35 рублей деньгами и дополнительно – кормовое жалованье в размере 30 четвертей ржи и овса, 6 четвертей пшеницы, по 2 четверти крупы, гороха и «конопели» (конопляных семян), а еще 10 четвертей ячменного солоду и соль от казны. Дополнительно от казны мастер получал для своего коня 35 четвертей овса и ежегодно подарки дорогими сукнами, не считая наград за литье пушек и колоколов⁵⁸⁴.

У Андрея Чохова были ученики, также оставившие свой след в истории русской артиллерии. Так, в Пскове в 1699 г. стояли три 6-фунтовые пищали, отлитые прошедшими обучение у Чохова мастерами Богданом Федоровым и Кондратием Михайловым. Любопытно, но в том же году, когда Чохов отлил своего «Льва», его ученик Кондратий Михайлов отлил 6-фунтового «Левика» (то есть львенка)!⁵⁸⁵ Другой ученик Чохова, Проня Федоров, под руководством своего наставника в сентябре 1604 г. отлил 12-пудовую мортиру, больше известную как «мортира Самозванца»⁵⁸⁶. Еще один чоховский ученик, Федор Савельев, отлил в 1593–1594 гг. 7-фунтовую пищаль, в 1670 г. стоявшую на вооружении Смоленской крепости⁵⁸⁷.

⁵⁸⁰ *Немировский Е. Л.* Андрей Чохов. С. 91.

⁵⁸¹ *Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина.* С. 301; *Лобин А. Н.* Артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 307, 308.

⁵⁸² *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Часть I (XV–XVII ст.). С. 112; *И. Псков.* 7207/1699 г. январь. Извлечение из годовой сметы. С. 224, 225, 238, 240, 248; *Харузин Н. Н.* Псков и его пригороды перед 2-й польской войной при царе Михаиле // *Древности. Труды Археографической комиссии Императорского Московского археологического общества.* Т. 1. Вып. 3. М., 1898. Стб. 408.

⁵⁸³ *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Часть 2. Маскевич и дневники. СПб., 1859. С. 58–59.

⁵⁸⁴ *Немировский Е. Л.* Андрей Чохов. С. 67, 89, 90.

⁵⁸⁵ *И. Псков.* 7207/1699 г. январь. Извлечение из годовой сметы. С. 235, 249, 251.

⁵⁸⁶ *Немировский Е. Л.* Андрей Чохов. С. 51–52.

Андрей Чохов (благодаря своей Царь-пушке), пожалуй, самый известный русский мастер-литейщик последней четверти XVI – начала XVII в. Но, конечно же, работал на Пушечном дворе он не один. Григорий Котошихин, беглый подъячий Посольского приказа, в 1666 г. писал, что находящихся в ведении Пушкарского приказа, которому подчинялся Пушечный двор, будет «пушкарей и затинщиков, и мастеровых всяких людей с 600 человек на Москве...»⁵⁸⁸. Само собой, что мастера-литейщики и их ученики и подмастерья делали основную работу, а для всякой черновой и подготовительной работы нанимали всякого рода «гулящих» людей, «казаков» да «ярыг», которым платили сдельно. Имена некоторых мастеров, работавших во времена Ивана Грозного и его преемников на Пушечном дворе, сохранились благодаря «автографам», которые они оставляли на своих орудиях. Так, в 40-х гг. XVI в. на дворе лили пушки мастер Игнатий, от которого дошла до наших дней 10-фунтовая «Гафуница». Десятилетием спустя на Пушечном дворе работал Степан Петров, отливший в 1552–1553 гг. 16-фунтовую пищаль «Левик», а в 1555 г. – 20-пудовую пушку «Павлин» (вторую с таким именем).

Вместе с Чоховым в конце 60–70-х гг. на дворе отливал артиллерийские орудия ученик мастера Богдана Пятой (в смоленской росписи 1670 г. числилась 7-фунтовая пищаль, изготовленная этим мастером). В начале 80-х гг. на дворе трудился и Первой Кузьмин, которому принадлежит пищаль «Онагр» «ядром пуд 7 гривенок». В конце века бок о бок с Чоховым лили пушки, пищали и мортиры на Пушечном дворе Семен Дубинин (среди прочих орудий за ним числится 40-фунтовый «Медведь», изготовленный в 1589–1590 гг., и 40-фунтовый же «Свиток», отлитый годом позже) и Русин Евсеев, специализировавшийся, судя по всему, на литье рядовых 6-фунтовых пищалей (только в Смоленске в 1670 г. было 4 его такие пищали)⁵⁸⁹.

Кстати, стоит заметить, что не большие «именные» пушки, пищали и «мозжеры», хотя и впечатляли современников и продолжают впечатлять нас, определяли «лицо» русской артиллерии конца XV – начала XVII в., и не они делали основную работу, а как раз эти рядовые средние и малые пищали. Они составляли основу «малого» «полкового» наряда и сопровождали войско в походах. Они были основой крепостного артиллерийского парка, особенно в малых крепостях и городах. Например, в Изборске в 1631 г. на вооружении были 3 полуторные пищали, 1 пищаль скорострельная, одна 9-, две 7-пядные пищали, 1 так называемая «хвостуша», 4 тюфяка и два десятка затинных пищалей, а в Печерском монастыре под Псковом – 5 полуторных, 4 скорострельные, 6 «волконей» (то есть малокалиберных пушек-фальконетов) и 51 затинная пищаль⁵⁹⁰.

Эти орудия, судя по всему, производились массово, десятками и сотнями штук, при этом русские мастера во 2-й половине XVI в. добились немалых успехов в стандартизации подобных пищалей. И если в конце XV – начале XVI в. такая унификация была делом случая (когда один мастер отливал партию однотипных орудий, как, к примеру, Яков Фрязин в самом конце XV в. изготовил большую партию полуфунтовых фальконетов⁵⁹¹), то, судя по всему, при Иване Грозном эти попытки становятся все более и более целенаправленными. Во всяком случае, и А. Н. Кирпичников, и А. Н. Лобин, исследуя сохранившиеся материалы, пришли к выводу, «что на Пушечном дворе в течение более восьмидесяти лет отливались однотипные пищали»⁵⁹²

⁵⁸⁷ Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 302.

⁵⁸⁸ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 130.

⁵⁸⁹ *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Часть I (XV–XVII ст.). С. 112–113; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. СПб., 1853. С. 301, 302; *Лобин А. Н.* Артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 306; I. Псков. 7207/1699 г. январь. Извлечение из годовой сметы. С. 225, 231, 237, 245, 248, 249; *Харузин Н. Н.* Псков и его пригороды перед 2-й польской войной при царе Михаиле. С. 408.

⁵⁹⁰ *Харузин Н. Н.* Псков и его пригороды перед 2-й польской войной при царе Михаиле. С. 402, 406.

⁵⁹¹ *Лобин А. Н.* Артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 122–123.

⁵⁹² *Кирпичников А. Н.* Русская средневековая артиллерия. О единообразии в изготовлении орудий и их классификации //

(в данном случае речь идет о полуторных 6-фунтовых пищалях. – *В. П.*), то есть по меньшей мере с 60-х гг. XVI и по конец 40-х гг. следующего столетия на московском Пушечном дворе отливали раз за разом партии более или менее однотипных (хотя и различавшихся немного и по длине, и по весу, и по калибру, что было связано с характерными для того или иного мастера приемами литья) средне- и малокалиберных орудий. Уже упоминавшийся нами прежде мастер Богдан в 60-х гг. XVI в. отливал 6-фунтовые пищали весом от 42 до 50 пудов и длиной 4 или чуть больше аршин. Спустя три десятка лет, в 90-х гг., Русин Евсеев, Богдан Федоров, Кондратий Михайлов, Федор Савельев и Семен Дубинин отливали полуторные 6-фунтовые пищали длиной 4 или чуть меньше аршин. Точно такие же 4-аршинные полуторные 6-фунтовые пищали весом от 46 до 49 пудов делали еще в 1648 г.⁵⁹³

Отметим любопытный факт. Согласно «Росписи псковскому пушечному наряду» 1633 г., различались просто полуторные пищали калибром 6 фунтов, «средние» полуторные по 4 фунта и «малые» 3-фунтовые⁵⁹⁴. Стоит заметить в этой связи, что во 2-й половине XVI в. «номенклатура» артиллерийских орудий и их классификация в целом уже устоялась. В летописной повести о Полоцком походе 1562–1563 гг. упоминается «наряд» «средней и лехкой» наряду с «болшим»⁵⁹⁵, и очевидно, что под последним имелись в виду тяжелые осадные орудия, те самые, которые носили собственные имена и отливались штучно, представляя собой настоящие произведения искусства. Сюда входили «пушки» («Кашпирова», «Павлин» и им подобные, относительно короткоствольные, но крупнокалиберные – их западноевропейским аналогом А. Н. Лобин полагает бомбарды⁵⁹⁶), «верховые пушки», они же «мозжеры» или мортиры (в псковских летописях встречается и такое их прозвище – «кривые пушки»⁵⁹⁷, которое, надо полагать, намекает на траекторию полета бомбы, выпущенной из них) и «пищали» – тяжелые длинноствольные орудия («Кашпирова» «Острая Панна» при весе ядра 35 фунтов имела длину ствола 5,5 аршин, чоховский 40-фунтовый «Волк» – 7 аршин⁵⁹⁸).

К «среднему» наряду, видимо, относились пищали калибром от 8–9 и несколько более фунтов – поляки, описывавшие артиллерию ливонских городов и замков, четко различали легкие «полуторные» пищали от более крупных пищалей калибром 8–9 и больше фунтов. Так, в описи юрьевской (дерптской) артиллерии числились 5 «полуторных» 6-фунтовых пищалей, а также московского литья пищали «граненая», «гладкая» и «желобчатая» калибром от 8 до 9 фунтов⁵⁹⁹. Следовательно, к «лехкому» наряду, наиболее многочисленному, принадлежали средне- и малокалиберные орудия, которые сопровождали войско в походе. В первую очередь это те самые «полуторные» пищали 5-, 6- и 7-фунтового калибра, массово отливавшиеся на московском Пушечном дворе (так, только в одном ливонском замке Кокенгаузене, который должен был по условиям Ям-Запольского мира передан полякам, находилось сразу семь 6-фунтовых полуторных пищалей)⁶⁰⁰. Также к «лехкому» наряду относились «семипядные» и

Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 219–220; Лобин А. Н. Артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 300.

⁵⁹³ Лобин А. Н. Артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 126–128; Роспись, сколько в Соловецком монастыре, по башням и по городской стене, пушек медных и железных, болших и затинных // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. V. С. 374; Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 295, 299, 300, 302; I. Псков. 7207/1699 г. январь. Извлечение из годовой сметы. С. 231, 235, 237, 241, 245, 248, 249, 251.

⁵⁹⁴ Роспись псковскому пушечному наряду, и сколько которой пищали ядер, и всяких пушечным запасом, и зелейной и свинцовой казне // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. VI. М., 1914. С. 50.

⁵⁹⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 349.

⁵⁹⁶ Лобин А. Н. Артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 117.

⁵⁹⁷ Псковская 3-я летопись. С. 236.

⁵⁹⁸ Лобин А. Н. Артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 306, 308.

⁵⁹⁹ Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581–1582 г.). СПб., 1867. С. 660.

⁶⁰⁰ Там же. С. 655.

«девятнадцатые» пищали, малокалиберные «волконеи» и иные им подобные легкие пушки 3-, 2- или менее фунтового калибра. Отдельной строкой прописывались «затинные» пищали, они же гаковницы, представлявшие собой тяжелые крепостные ружья, имевшие на стволе специальный гак-крюк для упора ствола при стрельбе, а также разного рода «сороковые» пушки и пищали – несколько малокалиберных стволов, объединенных на одном лафете. В том же Юрьеве в 1582 г. было 12 «сороковых» пищалей, стрелявших ядрами в четверть фунта и 9 калибром в треть фунта⁶⁰¹.

Понятно, что при всех тех значительных по тем временам производственных мощностях, которыми обладал московский Пушечный двор, справиться ему с многочисленными заказами на самые разнообразные пушки, «мозжеры», пищали, «сороки» и «вальконеи» было сложно, особенно если принять во внимание неоднократно случавшиеся потери артиллерийских орудий и стремление московских государей компенсировать утраты отливкой новых пушек взамен потерянных. Как писал польский хронист, секретарь короля Стефана Батория Р. Гейденштейн, Иван Грозный после потери нескольких десятков орудий под Венденом в 1578 г. «тотчас приказал вылить другие, с теми же названиями и знаками и притом еще в большем против прежнего количестве; для поддержания должного представления о своем могуществе он считал нужным показать, что судьба не может взять у него ничего такого, чего бы он при своих средствах не мог в короткое время выполнить еще со знатным прибавлением»⁶⁰². А необходимость восстанавливать потери артиллерийского парка возникала регулярно, и порой она бывала весьма серьезной. Так, во время похода на Казань в 1530 г. из-за оплошности воевод русские «обозу города гуляя не сомкнуша», чем не преминули воспользоваться казанские черемисы, которые «город гуляя взяли и наряду пищалей с семдесят, и зелья, и ядер немало взяли»⁶⁰³. Спустя 18 лет, в феврале 1548 г., во время первого похода Ивана Грозного на Казань, русское войско, двигавшееся к Казани по льду Волги, попало в оттепель. «Приде теплота велика и мокрота многая», писал летописец, в результате чего «весь лед покры вода на Волзе» и «пушки и пищали многие проваляшеса в воду»⁶⁰⁴.

Примем также во внимание русские расстояния и дороги, качество которых давно стало притчей во языцех, а также характерную черту русского политического устройства того времени, когда отдельные территории имели порой довольно высокую степень автономии от Москвы. Неудивительно в таком случае встретить в источниках упоминание об изготовлении артиллерийских орудий в других русских городах (а значит, о существовании в них миниатюрных аналогов московского Пушечного двора). Возможно, что пушки изготавливались во 2-й половине XVI – начале XVII в. в Устюже Железнопольской, Вологде (во всяком случае, здесь в 1608–1609 гг. мастером Иваном Москвитиним была отлита 1-фунтовая пищаль «Волк», а вологжанин Иван Пушкар в 1609 г. изготовил для Кирилло-Белозерского монастыря «пушечку», за что ему от монастырской казны был выплачен рубль⁶⁰⁵), Пскове (в описи орудий ливонских городов и замков в 1582 г. числилась «Псковская» 19-фунтовая пищаль и псковская же 7-пядная полуфунтовая пищаль⁶⁰⁶, а в феврале 1688 г. пушечный мастер Яков Дубина жаловался государям Ивану и Петру Алексеевичам, что ему работать во Пскове нев-

⁶⁰¹ Там же. С. 660.

⁶⁰² Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582) // Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582); Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 95.

⁶⁰³ Вологодско-Пермская летопись. С. 314.

⁶⁰⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 155.

⁶⁰⁵ Книги расходные казенные чернеца Паисия с 1 марта 1608 года по 1 марта 1609 года // Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. I. Вып. 2. О средствах содержания монастыря. СПб., 1910. С. ОССС; Опись Смоленску, приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 307.

⁶⁰⁶ Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. С. 660, 661.

мочь, потому как «во Пскове прежней пушечной двор сгорел без остатку и печи литейные старые обетчали и зарушились»⁶⁰⁷), Владимире (в 1613 г. некий Семен Федосеев, тамошний пушечный мастер, добился, чтобы его взяли стреляющим мастером на государеву конюшню⁶⁰⁸), Новгороде (где, согласно писцовым книгам, в конце XVI в. в кремле был государев пушечный двор⁶⁰⁹). Своя мастерская, производившая и легкие пушки, была, к примеру, в Кирилло-Белозерском монастыре, равно как и в монастыре Соловецком⁶¹⁰. Впрочем, эти провинциальные пушечные «дворы» по объему производства, качеству и количеству отливаемых орудий, конечно, безусловно уступали старшему московскому брату.

Любопытный факт – свой пушечный двор был в Александровской слободе, где отливались достаточно большие пушки. Так, в 1573–1574 гг. мастером Микулой Микулаевым здесь была отлита пищаль «Собака» весом 51 пуд (6- или 7-фунтового калибра)⁶¹¹. Одно время Александровский пушечный двор подменял собой сгоревший в пламени грандиозного московского пожара мая 1571 г. Пушечный двор⁶¹², пока тот не был полностью восстановлен. Осмелимся предположить, что это литейное предприятие работало «особно» от московского Пушечного двора, будучи частью опричнины, и сохранило свою «особность» и после ликвидации опричнины, поскольку «особный» Государев двор продолжил существовать до самого конца правления Ивана Грозного. И если наше предположение верно, то тогда Микула Микулаев был опричным пушечным мастером, а пищаль «Ястреб», отлитая Микулой в 1573–1574 гг., и пушка «Ехидна» (1576–1577 гг.), метавшая каменные ядра в 9 пудов весом, принадлежавшая ему же, были изготовлены там же, в слободе⁶¹³.

3. Ручницы, пищали, самопалы короткие и длинные

К сожалению, намного меньше нам известно о ручном огнестрельном оружии, которое использовалось русской пехотой, стрельцами, казаками, пищальниками, боярскими и сборными людьми, во 2-й половине XVI – начале XVII в. Образцов такого оружия в оригинальном, непеределанном виде практически не сохранилось. Это связано с тем, что, как отмечал отечественный исследователь Е. В. Мышковский, в то время как ружейный ствол мог без проблем прослужить десятки лет, деревянная ложа и детали ружейного замка изнашивались много быстрее. «Поэтому в целом ряде старинных ружей, – продолжал исследователь, – дошедших до нас, могут быть отдельные части, различающиеся по времени изготовления; наиболее древним по изготовлению стволом и более позднего происхождения замком и прибором»⁶¹⁴. Один из немногих таких уцелевших образцов ручного огнестрельного оружия – затинная пищаль-гаковница калибром 20 мм, весом 22,5 кг и общей длиной 170 см, изготовленная неким Никифором Семеновым⁶¹⁵.

Не слишком многословны и письменные источники относительно конструктивных особенностей русского ручного огнестрельного оружия 2-й половины XVI – начала XVII в. Тем

⁶⁰⁷ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. XII. С. 17.

⁶⁰⁸ Успенский А. И. Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. Вып. 1. М., 1912. С. 7.

⁶⁰⁹ Секретарь Л. А. Пушечный двор в Новгороде // Новгородский исторический сборник. Вып. 5 (15). СПб., 1995. С. 169.

⁶¹⁰ Историческое описание монастыря преподобного Кирилла, находящегося в Новгородской губернии на Белоозере. М., 1805. С. 18; Описи Соловецкого монастыря XVI в. СПб., 2003. С. 167.

⁶¹¹ Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Ч. I. С. 233–234.

⁶¹² Штаден Г. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 173.

⁶¹³ Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Ч. I. С. 233–234.

⁶¹⁴ Мышковский Е. В. Стволы русского огнестрельного оружия XV–XVI вв. // Советская археология. 1961. № 1. С. 225.

⁶¹⁵ Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках // Кирпичников А. Н., Воронин Н. Н., Косточкин В. П., Хлопин И. Н. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси. М., 1958. С. 149.

не менее отдельные дошедшие до наших дней образцы пищалей-ручниц, археологические находки и сведения, которые можно почерпнуть в актовых материалах, позволяют сделать определенные выводы относительно их устройства и некоторых технических характеристик.

Конструктивно русские пищали и «самопалы» (с конца XVI в.) вряд ли сколько-нибудь серьезно отличались от тех, что бытовали в армиях Западной Европы в те времена. Несмотря на попытки Ливонской «конфедерации», Польши и Великого княжества Литовского, римского императора и Ганзы установить блокаду Русского государства и воспрепятствовать поставкам в него оружия, в том числе ручного огнестрельного, его поток в Россию не прерывался никогда – всегда находились те, кто был готов поставлять огнестрельное оружие в Россию. Как результат, русские мастера всегда имели перед собой новейшие образцы ручного огнестрельного оружия, которые можно было скопировать и усовершенствовать применительно к конкретным русским условиям.

Какие термины, обозначающие ручное огнестрельное оружие, встречаются в источниках 2-й половины XVI – начала XVII в.? Наиболее распространенным термином был, конечно, «пищаль», нередко с оговоркой «ручная». Ближе к концу XVI в. появляются «завесная пищаль» (такое название получили пищали, оснащенные не фитильным, а кремнево-ударным замком) и «съезжая пищаль» (оружие всадника). Про «затинную пищаль» мы уже говорили выше. Наряду с «пищалью» в документах и текстах того времени встречается «ручница» и ее «полонизированный» вариант «рушница». Например, в 1578 г., согласно царской грамоте, на Соловки были отправлены из Москвы 100 ручниц, регулярно используется термин «ручницы» и в «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»⁶¹⁶.

Судя по всему, в большинстве случаев под «пищалью» скрывался русский аналог западноевропейской фитильной аркебузы, о чем свидетельствует такой примечательный факт: в кратеньком французском словаре русского языка, составленном в конце XVI в., французским аналогом русского слова «пищаль» является «une harquebuzе»⁶¹⁷. Описывая стрелецкие фитильные ручные пищали начала 80-х гг. XVI в., английский дипломат Дж. Флетчер отмечал, что «ложа их ружья сделана не так, как у каливера (переходный вариант от легкой аркебузы к более тяжелому и мощному мушкету. – В. П.), но [эта] ложа прямая и ровная (в чем-то схожая с охотничьим ружьем), ствол [ружья] массивный и грубый, очень тяжелый, но стреляющий при этом небольшой пулей»⁶¹⁸.

Характеристика, данная Флетчером ручному огнестрельному оружию русских стрельцов конца XVI в., подтверждается данными археологии и изучением музейных экспонатов⁶¹⁹. Пищали 2-й половины XVI – начала XVII в. действительно стреляли небольшими свинцовыми пулями, о чем свидетельствуют, к примеру, находки, сделанные в ходе раскопок на месте казачьих слобод в округе крепости Епифань и на территории бывшего Тушинского лагеря Лжедмитрия II и его сторонников. Епифанские казаки вооружены были пищальми калибром преимущественно от 10 до 14–15 мм при весе до 19,7 г, равно как и анализ находок, сделанных на территории Тушинского лагеря, также показывает, что большую часть найденных свинцовых пуль составляют пули диаметром от 10 до 14 мм при весе до 14 г⁶²⁰. В целом же, проанализиро-

⁶¹⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. 1294–1598. С. 367: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 315, 321, 323, 329.

⁶¹⁷ Франко-русский словарь конца XVI века // Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М., 2017. С. 115.

⁶¹⁸ Fletcher G. Of the Russe Common Wealth or Maner of Governement by the Russe Emperour (commonly called the Emperour of Muscovia) with the manners and fashions of the people of that country. London, 1591. P. 59.

⁶¹⁹ См., например: Гордеев Н. В. Русское огнестрельное оружие. Мастера оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 7.

⁶²⁰ Голынский М. И., Грищенков В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из казачьих слобод Епифанского уезда // Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология»

вав более полутора сотен находок боеприпасов к ручному огнестрельному оружию, О. В. Двуреченский пришел к выводу, что основную массу их составляют пули диаметром от 10 до 14 мм при собственном весе до почти 16 г. Такие боеприпасы составляют до 78 % всех находок⁶²¹. Более крупные пули диаметром от 15 до 27 мм при собственном весе до почти 20 г (и такие массивные пули явно относились к тем, что применялись при стрельбе из больших затинных пищалей) составляют всего лишь 7 % находок, прочие же – это или дробь, или же боеприпасы к малокалиберному (охотничьему?) оружию («звериным пищалам»?)⁶²². О. В. Двуреченский, анализируя характер износа свинцовых пуль при движении по каналу ствола пищали, пришел к любопытным выводам относительно соотношения разного типа стволов. По его данным, для конца XV–XVII в. не менее 84 % пищалей представляли собой обычные гладкоствольные ружья с круглым в сечении каналом ствола. Еще 4 % для XVI в. составляли пищали с полигональным, 6- или 8-гранным каналом ствола, и еще порядка 2–3 % относились к ружьям с нарезным стволом⁶²³.

Массивность и «грубость» (в оригинале использовано слово *unartificially*) ствола стрелцкой пищали, о которых писал Флетчер, были обусловлены особенностями технологии изготовления ружейных стволов. Сперва из железной крицы выковывалась металлическая пластина толщиной 7–8 мм, которая затем свертывалась по всей длине вокруг оправки нужной формы (круглой или полигональной – помним о полигональных стволах), и полученная трубка тщательно проваривалась и проковывалась. При этом получившаяся заготовка ствола несколько удлинялась, и для придания ей нужной длины ее концы разогревали добела и ударяли (осаживали) о наковальню. В результате заготовка укорачивалась, а на ее концах образовывались характерные утолщения, предохранявшие ствол от разрыва при выстреле⁶²⁴. Полученная заготовка («гладкая» или круглая в сечении, «грановитая» или же частью «гладкая», частью «грановитая») отправлялась потом на окончательную отделку и доводку.

Стволы ружей 2-й половины XVI в. и в особенности конца столетия по сравнению с 1-й его половиной за счет совершенствования технологии их изготовления стали длиннее и не так массивны, как прежде⁶²⁵. Так, во 2-й половине XVI в. на смену запиравшей тыльную часть ствола казенной пробке окончательно пришел казенный винт, использование которого позволяло сохранить цилиндричность и правильность зарядной камеры пищали. К концу XVI – началу XVII в., судя по всему, сложилась в общих чертах и система разделения труда при изготовлении ручного огнестрельного оружия. Раньше мастер изготавливал все необходимые детали пищали и затем собирал ее (в списке государева двора, датированном 1573 г., есть два мастера самопальных пищалей, «немчин» Михалко Семенов, Карпик Иванов и, судя по имени, еще один «немчин» Ганус Петров⁶²⁶), то теперь ее важнейшие составные элементы, ствол, замок и ложа, делались по отдельности разными ремесленниками. Во всяком случае, в царской грамоте 1622 г. упоминаются «тульские казенные самопальные мастера, ствольники и

при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011. С. 43; *Двуреченский О. В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 67.

⁶²¹ Ср.: *Кренке Н. А., Курмановский В. С.* Предметы вооружения XV–XVII вв. из раскопок Романова двора в Москве. С. 109.

⁶²² *Двуреченский О. В.* Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII века // Археология Подмосквья: материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2005. С. 267.

⁶²³ Там же. С. 266.

⁶²⁴ См., например: *Жковцевский Б. М.* Пищали и самопалы Устюжны Железнопольской // Устюжна. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/3us/tuz/hna/7.htm> (дата обращения 30. 04.2018 г.).

⁶²⁵ *Мышковский Е. В.* Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // Советская археология. 1961. № 1. С. 230–232, 233–234.

⁶²⁶ Список опричников Ивана Грозного. С. 82.

замошники», а в 1640 г. в царской же грамоте говорилось о «тульских самопальных ствольных и замошных и станощных мастерах»⁶²⁷.

Разделение производства было вызвано, очевидно, не в последнюю очередь совершенствованием как самого ручного огнестрельного оружия, так и его важнейших составных элементов. Это коснулось не только самого ствола, но и ложи (в описи оружия, хранившегося в оружейной палате Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г., названы пищали с прикладами «казачьими», «русскими», «карельскими» и «польскими», сделанные из дуба, ясеня, березы и рябины⁶²⁸), и в особенности замка. Отечественный оружейвед Е. В. Мышковский отмечал, характеризуя конструктивные особенности ружейных замков, освоенных в производстве русскими оружейниками 2-й половины XVI – начала XVII в., что «служилые люди из русских поместных войск вооружались самостоятельно, сообразуясь со своими вкусами (и добавим от себя – финансовыми возможностями. – В. П.), поэтому на вооружении в XVII в. (и в предыдущем столетии тоже. – В. П.) было много самых разнообразных ружей: русского изготовления, трофейных, закупленных правительством за границей»⁶²⁹. Как следствие, в конце XVI – начале XVII в. русские мастера-оружейники и «замошники» получили возможность ознакомиться с разными видами ружейных и пистолетных замков.

На протяжении большей части XVI в. излюбленным замком русских мастеров-оружейников был фитильный, характерным элементом которого был изогнутый курок S-образного вида, в котором закреплялся фитиль – «жагра» (отсюда встречающийся иногда в описях оружия термин – «жагорная пищаль»). Такой замок был простым в изготовлении, дешевым (даже неисправные кремневые замки из имущества боярина Никиты Романова были оценены в 5 алтын каждый, тогда как «замок жагра неметцкая» – всего лишь в 6 денег, то есть в алтын⁶³⁰) и обеспечивал надежное воспламенение пороха на зарядной полке пищали и выстрел при условии, что порох не отсыреет и фитиль будет тлеющим. Так, из-за сырой погоды, не позволявшей русским использовать свое превосходство в огнестрельном оружии, в том числе и ручном, была сорвана осада Казани в феврале 1550 г.⁶³¹

Однако во 2-й половине XVI в. его начинают постепенно теснить, и чем ближе к концу века, тем сильнее, новые типы замков, колесцовые и кремнево-ударные. Любопытная деталь – на декабрьском 1557 г. смотре московских стрельцов они выступали перед государем с фитильными пищалями, а в 1581 г., во время осады Пскова королем Стефаном Баторием и его армией, часть стрельцов псковского гарнизона уже была вооружена «долгими самопалами»⁶³². При этом автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков», участник обороны города, четко различает «ручницы» и «самопалы». Отметим также, что Станислав Немоевский, наблюдавший воочию московских стрельцов в первые годы XVII в., в своем дневнике отмечал, что они получают от казны только ствол своей «ручницы» с замком, аналогичным тому, что есть на «шкоцких рушницах» (буквально «jakie bywaja u szockich rusznic») ⁶³³. Его свидетельство также подтверждает тезис о распространении в русской пехоте на рубеже XVI и XVII вв. оружия с кремнево-ударными замками.

⁶²⁷ Тульские оружейники. М., 2003. С. 97–98.

⁶²⁸ Савваитов П. И. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря по описным книгам 1668 года. СПб., 1851. С. 9–32.

⁶²⁹ Мышковский Е. В. Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. 1965. № 4. С. 189.

⁶³⁰ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова и дачи по нем на помин души // Чтения в Императорском Обществе истории древностей российских при Московском университете. 1887. Кн. 3. I. Материалы исторические. С. 48–49.

⁶³¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летопись. Т. XIII. С. 160.

⁶³² Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. С. 337; The Discovery of Muscovy. From The Collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of Othere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. P. 132.

⁶³³ Pamiętnik Stanisława Niemcewicza (1606–1608). Lwow, 1899. S. 161.

Новые образцы ручного огнестрельного оружия, оснащенные иными, чем фитильные, замками, получили на Руси характерное прозвище – «самопалы» (вариант – «санопалы»). Отечественный оружейвед Л. И. Тарасюк, проанализировав письменные свидетельства русских источников, отмечал, что «термин «самопал» возник как обозначение ручного огнестрельного оружия с искровыми механизмами автоматического воспламенения и применялся в XVI–XVII вв. только по отношению к оружию с колесцовыми и кремнево-ударными замками»⁶³⁴.

Колесцовый замок, получивший на первых порах на Руси характерное прозвище «ливонский» (которое намекало на место первого знакомства русских с ним) был одним из них, и не самым распространенным, так как он был сложен и дорог в изготовлении и менее надежен, чем фитильный замок. Более простым и дешевым и, как результат, более распространенным стал кремнево-ударный замок, точнее, замки, поскольку к началу XVII в. было разработано несколько вариантов такого замка, различавшихся своим устройством. В актовых материалах и описях конца XVI – начала XVII в. встречаются упоминания о двух типах кремнево-ударных замков, отличавшихся друг от друга своим устройством – «свицкие» и «шкоцкие» (то есть «шведские» и «шотландские»), которые упоминаются, к примеру, в описях имущества Бориса Годунова и Михайлы Татищева. Другой пример – заказ на 100 затинных пищалей с «свицкими замки», который получили тульские оружейники в январе 1614 г., или заказ на «триста самопалов с замки и с ложи, ствол шести пядей, замки на свитцкое дело», выданный устюженским кузнецам в декабре 1616 г.⁶³⁵ Из описи оружейной казны Кирилло-Белозерского монастыря следует, что в начале XVII в. использовался также так называемый «карельский» замок, а «свицкие» замки были уже освоены русскими мастерами (и надолго стали, пожалуй, самыми распространенными – вплоть до того, что, по мнению оружейведа А. Н. Чубинского, в 1-й половине XVII в. стали именоваться «русскими»)⁶³⁶. Нельзя также исключить и хождения среди русских служилых людей конца XVI – начала XVII в. и «турецких» замков, которые могли проникнуть на Русь через Крым, Кавказ или Дон.

«Самопалы», как ружья, так и пистолеты, очевидно, во все возрастающих количествах завозились иностранными купцами (англичанами прежде всего, а затем голландцами через Нарву, а затем, после ее утраты, через Архангельск) с конца 50-х гг. XVI в. Немалое их количество было захвачено в ходе боевых действий в Ливонии (о чем свидетельствует, к примеру, название, которое на некоторое время закрепилось за колесцовыми замками – «ливонские»), и к началу 80-х гг. XVI в. они уже не были заморской диковиной и предметом исключительно царского или боярского обихода. Так, если в описи имущества Бориса Годунова упоминаются 6 «самопалов» – 4 «съезжих» (то есть кавалерийских) «самопала» с «ливонскими замками» (под которыми скрываются, как следует из их описания, именно колесцовые замки), самопал съезжий и самопал «турской долгой» с «свисскими замками» и еще «аркобуз литовской», также с «ливонским замком», то Михайла же Татищев обзавелся целым арсеналом. В нем числился собственно Михайлов колесцовый «самопал съезжей» ценой в 5 рублей, охотничий «винтованный» самопал, 2 пары немецких «малых самопалов» (очевидно, речь шла о пистолетах) и два самопала, один короткий, другой долгий, оцененные вместе в 3 рубля. Но и это еще не все – в домашнем арсенале Татищева был еще и 21 «люцкой» самопал со «свейскими» и «ливонскими» замками, причем один из них, «великий», был оценен в 40 алтын (то есть в 1 рубль

⁶³⁴ Тарасюк Л. И. Из истории русского ручного огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. 1965. № 2. С. 117.

⁶³⁵ Тульские оружейники. М., 2003. С. 93–94; Яковцевский Б. М. Пищали и самопалы Устюжны Железнопольской.

⁶³⁶ Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках. Приложение 3. С. 196; Чубинский А. Н. Конструкция замков огнестрельного орудия и их наименование в русских источниках XVI – начала XVIII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды V Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. СПб., 2014. Ч. IV. С. 413–414.

и 20 копеек), а остальные были проданы по 20 алтын за штуку⁶³⁷. Примечательно, что 10 татищевских самопалов были отданы безденежно новгородским казакам станицы атамана Кириши Федорова, «которые прибираны в Новгороде для воровского приходу».

Одним словом, к концу XVI в. «самопалы», несмотря на их дороговизну и более сложное устройство по сравнению с фитильными пищалями, довольно быстро распространились не только в русской пехоте, но и в коннице. И нет ничего необычного в завещании сына боярского В. С. Литвинова, который отписал в 1584 г. своему сыну, помимо коня, кольчуги, саадака и сабли, еще и «двое пары короткие неметцкие, да два самопала долгие»⁶³⁸. И как тут не вспомнить, с одной стороны, уже упоминавшуюся прежде картину «Битва при Клушино», а с другой – записки польского шляхтича С. Немоевского. Он писал в начале XVII в., что царь Иван Грозный в годы войны с королем Стефаном Баторием, убедившись в важности вооруженной огнестрельным оружием пехоты, «после войны (1578–1582 гг., так называемой Баториевой или Московской войны. – В. П.) учредил во всех пограничных городах стрельцов с ружьями (в оригинале использован термин «*rusznica*». – В. П.), которые хотя и выезжают на войну на конях, когда наступает необходимость, спешиваются и, отпустив коней (шляхтич подчеркнул, что речь идет о «конишках» – для их характеристики использован был термин «*szkapu*». – В. П.), выстраиваются перед конницей пешими с рушницами, длиннейшие из которых они именуют пищалями, а короткие (в оригинале использован термин «*rólhaki*». – В. П.) самопалами»⁶³⁹.

«*Rólhak*» Немоевского – это не что иное, как кавалерийский карабин с колесцовым или кремнево-ударным замком, тот самый «долгий самопал» из завещания В. С. Литвинова. И на самом деле шляхтич не слишком сильно ошибся, написав, что Иван Грозный после завершения Баториевой войны 1578–1582 гг. завел у себя в пограничных городах конных «стрельцов», ибо как раз к концу правления Ивана и в особенности в 90-х гг. XVI в. на юге, на крымской «украине», заводятся отряды конных самопальников и пищальников⁶⁴⁰. Образцом для них вполне могли быть немецкие рейтары, с которыми русские познакомились в ходе Ливонской войны 1558–1561 г., и наемники, служившие Ивану Грозному в 60-х – начале 80-х гг. О некоторых из них, шотландцах, упоминал английский авантюрист, купец и дипломат Дж. Горсей. По его словам, несколько десятков шотландцев попали в русский плен на заключительном этапе русско-шведской войны 1573–1583 гг., и ему удалось уговорить Ивана Грозного принять их на русскую службу, после чего Горсей купил шотландцам полный комплект рейтарского вооружения – меч (в оригинале был использован термин «*sword*»), ружье и пистолеты⁶⁴¹. Косвенно это свидетельствует о том, что обзавестись новым оружием в Москве конца XVI в. не было проблемой – были бы деньги и желание, а выбор оружия, любого оружия – и холодного, и огнестрельного, и доспехов – был весьма широк – от импортного до московской работы, благо на Руси всегда хватало искусных мастеров-оружейников, способных изготовить практически любой образец оружия и доспехов.

Сохранился любопытный документ, показывающий, что необходимо для изготовления «винтованной» (то есть нарезной) пищали и во сколько она обойдется вместе с работой. Датирован он, правда, 1659 г., однако технологии за сто лет изменились не слишком сильно, поэтому роспись дает определенное представление о работе русских оружейников конца XVI

⁶³⁷ Савваитов П. А. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченных из рукописей архива московской Оружейной палаты с объяснительным указателем. С. 32–33; Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. С. 10, 16.

⁶³⁸ Епифанов П. П. Оружие и снаряжение // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1976. С. 306.

⁶³⁹ Pamiętnik Stanisława Niemojewkiego. S. 160.

⁶⁴⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 527.

⁶⁴¹ A Relation or Memorial abstracted owt of sir Jerom Horsey, his travels, imploiment, services and negotciacions // Russia at the close of the Sixteenth Century. New York, 1856. P. 183.

– начала XVII в. Итак, тульские мастера в своей челобитной на имя царя Алексея Михайловича представили «роспись, как делать красная винтовальная пищаль и что надобно товару», а товару, согласно росписи, «железа надобно было 30 гривенок доброво, гривенка по 3 алтына; укладу три связки, доброво укладу цена связка по 8 алтын по 2 деньги; уголья 3 воза, воз по 5 алтын; работника 20 алтын; всего на товар и за работу 2 рубля 8 алтын 2 деньги»⁶⁴². Стоимость же самопала «в сборе», согласно наказу воеводы Устюжны Железнопольской, датированному декабрем 1621 г., определялась следующим образом: «За те самопалы уговорился бы еси с кузнецы, а давал бы за ствол по 4 гривны или по 15 алтын, а по самой по большой цене по полтине... а за замок по 5 алтын или по 2 гривны, а за ложу по алтыну или по 8 денег, и всего бы давати за самопал по 25 алтын (то есть по 75 копеек. – *В. П.*)»⁶⁴³. Согласимся, что стоимость готового самопала «русской работы» отнюдь не заоблачная, и обходился он в начале XVII в. дешевле, чем хороший лук. И постепенная замена лука пищалью или самопалом, которая шла с конца XVI в. нарастающими темпами, выглядит вполне объяснимой – на руку огнестрельному оружию играла не только его более низкая стоимость, но и простота (относительная, конечно) в обращении с ним и обучению ратника стрельбе из пищали или самопала.

4. Производство «зелья» и боеприпасов

Быстрое распространение огнестрельного оружия и его не менее стремительный количественный рост поставил на повестку дня проблему с обеспечением «огненного боя» как порохом («зельем», в том числе и его компонентами, прежде всего селитрой-«ямчугом»), так и боеприпасами. Полагаться в столь важном вопросе на закупки пороха за рубежом было нельзя, и московские власти прилагали немалые усилия для того, чтобы организовать его производство дома, равно как и боеприпасов.

Москва довольно скоро стала и крупным центром производства пороха – летопись сообщает, что в июне 1531 г. «загоряся внезапно зелие пушечное на Москве, на Успенском враге, на Алевизовском дворе; делаша бо его на том дворе градские люди, и згореша делателей тех от зелиа того в един час боле двою сот человек»⁶⁴⁴. Количество погибших на пороховом дворе косвенно свидетельствует в пользу того, что производство пороха было налажено в больших количествах, и ситуация, о которой писал Герберштейн, когда в момент угрозы нападения татар на Москву в 1521 г. в московском цейхгаузе не оказалось достаточного количества пороха⁶⁴⁵, больше уже не повторялась. Большие запасы пороха хранились в кремлевских башнях, хотя это имело и определенные негативные последствия. Так, во время пожара 12 апреля 1547 г. в Москве «у реки у Москвы в стрельницы загорешася зелие пушечное, и от того розорва стрельницу и размета кирпичие по берегу реки», а в последовавшем большом июньском пожаре загорелось «зелие пушечное, где бе на граде (то есть в Кремле. – *В. П.*), и те места разорвашася градные стены»⁶⁴⁶. История повторилась в мае 1571 г., когда от пламени взорвались запасы пороха, хранившиеся в башнях Московского Кремля⁶⁴⁷.

Однако одной лишь Москвой (согласно сметному списку 1630–1631 гг., на Пушечном дворе работало «штатных» «зелейных и селитренных мастеров иноземцов и русских людей»

⁶⁴² Тульские оружейники. С. 101–102.

⁶⁴³ Пугач И. В. Устюжна Железнопольская и уезд в XVI – первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство. Дисс. на соиск. уч. степени кандидата исторических наук. Вологда, 1999. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/132/10.htm> (дата обращения 30.04.2018 г.).

⁶⁴⁴ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 278.

⁶⁴⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 417.

⁶⁴⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 152, 153.

⁶⁴⁷ Штаден Г. Записки о Московии. Т. I. С. 179.

33 человека⁶⁴⁸) дело не ограничилось, и «зеленые дворы», или «варницы», работали по всей территории Русского государства. Так, «зеленая варница» была во Пскове (в городе во 2-й половине 80-х гг. XVI в. работали 3 «зеленых» мастера), Коломне («у реки ж Москвы у моста»), Серпухове (целая «зеленая слобода», где жили мастера-зеленщики), Туле, Ладоге, Ржеве Пустой, Городенске (Веневе, «у реки у Веневы на берегу зеленя ямчужная со всякой снастью, чем ямчугу делают»), Свияжске и других городах⁶⁴⁹.

Изготовлению пороха и в особенности селитры придавалось настолько большое значение, что посадские люди и крестьяне были обязаны поставлять государству и «зелье», и обеспечивать всем необходимым «ямчужные амбары» (как вариант, могли выплачивать специальную подать – ямчужные деньги). Так, к примеру, готовясь к походу на Казань, Иван IV осенью 1544 г. отправил в Новгород грамоту с требованием собрать для дела государева «с 20 дворов пуд «зелья», со всех дворов чей двор нибуди». С Русы, к примеру, полагалось собрать 74 пуда и 11 больших гривенок «зелья», собрано же было 20 пудов и 16,5 гривенки, и за недостающее «зелье» подьячий Якуш Кудрявец собрал с рушан 107 рублей и 108 алтын с полу-деньгой «в московское число»⁶⁵⁰. В феврале же 1556 г. из Москвы от имени Ивана IV прислана была в Новгород царская грамота, в которой тамошним дьякам Федору Еремееву, Казарину Дубровскому и дворцовому дьяку Афанасию Бабкину предписывалось, помимо всего прочего, собрать на 1555–1556 гг. «за ямчужное дело с сохи по рублю и по десяти алтын», «одноконечно, безо всякого переводу», «все сполна, без недобору». В противном случае, отписано было дьякам из Москвы, если они промешкают и пришлют не всю причитающуюся сумму, «вам от меня царя и великого князя бытии в великой опале и в продаже»⁶⁵¹. Причина, по которой великий князь гарантировал дьякам свою грозу в случае промашки, очевидна – готовился очередной (и на этот раз последний) поход на Астрахань, не говоря уже о том, что шла война со шведами и с Крымом.

Другой случай – в 1576 г. из Москвы был послан в Белозерский уезд «ямчужной мастер ямчуги варити», для чего тамошние крестьяне должны были не только поставить «ямчужной амбар», но еще и свозить к амбару землю, дрова и золу для варки селитры. Спустя шесть лет, в октябре 1582 г., в Кирилло-Белозерский монастырь была прислана царская грамота, в которой говорилось, что монастырская братия должна была сварить с пожалованном им государем ямчужном амбаре с монастырских вотчин по 2 пуда селитры с сохи, а всего 38 пудов «емчуги добрые перепущенные, опричь дерева, которая б емчуга пригодилась к ручному зелью». И ту «емчугу» надлежало прислать в Москву в Пушечный приказ «однолично безо всякого переводу»⁶⁵².

Неустанные усилия власти по организации «варки» «ямчуги» и производству пороха не могли не дать надлежащего результата. Судя по отзывам иностранцев, русские немало преуспели в этом достаточно сложном деле. Так, например, Р. Гейденштейн отмечал, что по взятом после тяжелой месячной осады в 1579 г. Полоцке королевские войска нашли пороха столько,

⁶⁴⁸ Сметный список 139 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Вып. IV. М., 1849. III. Смесь. С. 20.

⁶⁴⁹ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 55, 142, 199, 320, 367; Писцовые книги Московского государства. Часть I. Писцовые книги XVI века. Отд. I. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. СПб., 1872. С. 318; Часть I. Писцовые книги XVI века. Отд. II. Местности губерний Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. СПб., 1877. С. 1093; *Симсон П.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историей. М., 1880. С. 322; *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 139, 142, 182.

⁶⁵⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною комиссиею. Т. I. С. 184, 187.

⁶⁵¹ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. I. СПб., 1846. С. 146–147.

⁶⁵² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. I. С. 356, 379.

что «хватило бы его для вы-держания еще труднейшей осады». Точно так же во взятом Велиже, по словам королевского секретаря, поляки обнаружили пороха и прочих военных припасов столько, что их хватило для оснащения войска и для оставленного в городе гарнизона⁶⁵³. Немалое количество пороха было в пороховой «казне» оставляемых русскими по условиям Ям-Запольского перемирия ливонских городах и замках. К примеру, в небольшом замке Трикатен было почти 44 пуда пороха и 8 пудов селитры⁶⁵⁴. Если же посчитать, сколько всего «зелья» и его компонентов находилось в оставляемых по условиям перемирия ливонских городах и замках (всего 21), то выходит, что в их пороховой казне хранилось 6867 пудов и 15 фунтов пороха, примерно 68 пудов и 35 фунтов селитры и 131,5 пуда «горячей» серы⁶⁵⁵. Так что если Гейденштейн, панегирист Стефана Батория, и преувеличил размер трофеев, взятых королевским войском в русских крепостях в ходе Баториевой войны, то не слишком сильно.

Стоит заметить, что «ямчужная» повинность тяжким грузом ложилась на плечи тягловцев, и получить освобождение от нее, как, впрочем, и от целого ряда других повинностей, связанных с обеспечением действия государева наряда, было желанной целью для землевладельцев, крестьянских и посадских миров. О характере и составе этих повинностей позволяет судить, к примеру, жалованная тарханная грамота, выданная от имени юного царя Михаила Федоровича инокам Николо-Угрешского монастыря. Игумен Киприан сумел вовремя подсуесться и добился получения грамоты, в которой было прописано, что крестьяне монастырских сел и деревень «к ямчюжному делу сору и дров не дают, и ямчюги не варят, и амбаров ямчюжных не делают (то есть освобождались от селитряной повинности. – *В. П.*)». Но и это еще не все. Крестьяне монастырских вотчин, согласно грамоте, также «к пушечному делу на пушечной запас волоков, и колес, и саней, и канатов, и лну, и поскони, и смолы, и холстов, и всяких запасов не дают и не делают, и к зелейному и к пушечному делу уголья и никаких запасов не возят и не дают». Вдобавок ко всему они еще и «ядер каменных не делают»⁶⁵⁶.

Итак, из этой жалованной грамоты состав повинностей, которые должны были обеспечивать действия «наряда», просматривается более чем наглядно. Это не только изготовление селитры, но также поставки всевозможных материалов и оборудования, нужных в артиллерийском деле, но даже и изготовление каменных ядер. И тут возникает вопрос: а какие боеприпасы были в ходу у русских пушкарей в конце XV – начале XVII в.?

Для ответа на этот вопрос обратимся сперва к переписи артиллерийского вооружения и припасов в оставляемых русскими ливонских городах и замках. К примеру, в юрьевском цейхгаузе хранились ядра (*kuli*) каменные, железные и железные, облитые свинцом (для лучшей обтюрации), а в описи оставляемого наряда в Вольмаре числятся в немалом количестве не только каменные ядра, но и каменные ядра, облитые свинцом (причем все они были небольшого калибра – фунт или доли его). Опись же вооружения замка Берзон сообщает нам о свинцовых ядрах для малокалиберных пищалей (2-фунтовых, 0,75-фунтовых, полуфунтовых и $\frac{1}{8}$ – фунтовых). Не забыта в описи и дробь для тюфяков⁶⁵⁷.

Однако это еще не все. Русские пушкарки использовали еще и зажигательные снаряды. Про некие «огненные ядра», которые были применены в ходе смоленской эпопеи Василия III, уже было сказано выше, но есть и еще одно прелюбопытное описание зажигательной «бомбы» (?), сделанное, похоже, с натуры казанским книжником Шерифом Хаджи Тархани. Повествуя о неудачной казанской экспедиции Ивана Грозного зимой 1549/50 г., он писал об

⁶⁵³ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). С. 123, 162.

⁶⁵⁴ Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. С. 658.

⁶⁵⁵ Подсчитано автором по: Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. С. 655–664.

⁶⁵⁶ Новые документы по истории землевладения Николо-Угрешского монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. С. 66.

⁶⁵⁷ Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. С. 657, 660–661.

использованных русскими пушкарями зажигательных снарядах: «Эти снаряды снаружи опоясаны железом, внутри кованой меди положены белая нефть и сера, соединены и укреплены малюсенькие ружья, приведенные в готовность положенной дробью из 4–5 свинцов, и ими стреляли темной ночью словно «как дождевая туча с неба. В ней – мрак, гром и молния». И искры в воздухе, что вылетали по ночам из огненного снаряда, можно было бы сравнить с упавшими разом звездами и планетами»⁶⁵⁸. Судя по описанию, перед нами довольно сложная конструкция из двух полусфер (медь, бронза?), скрепленных для крепости железными обручами и заполненных горючей смесью вместе с отрезками железных трубок, в свою очередь начиненных порохом и свинцовой дробью.

Каменные ядра, как уже было отмечено выше, изготавливались, похоже, в порядке повинности мастерами-каменосечцами (главным образом из известняка?), а вот с металлическими ядрами дело сложнее. Поскольку техника чугунного литья в XVI в. еще не была освоена, ядра не отливались, но отковывались кузнецами из железных криц. Поэтому известный пассаж из Герберштейновых «Записок» о том, что в бытность его в Московии тамошний государь имел литейных мастеров немцев и итальянцев, которые отливали, «funduit», ему, кроме пушек, еще и железные ядра, «ferreos globulos», следует признать неточностью перевода, ибо в немецком варианте текста упоминаются «Kuglschmid», «кузнецы-ядерщики»⁶⁵⁹.

Само собой, к этой работе в первую очередь привлекались казенные кузнецы, числившиеся по пушкарскому ведомству (согласно сметному списку 1630–1631 гг., только на Пушечном дворе в Москве работали 12 казенных кузнецов⁶⁶⁰). Однако расход ядер в ходе многочисленных войн, несомненно, был высок, и справиться с обеспечением государевых ратей боеприпасами казенные кузнецы были не в силах. Поэтому государство шло на то, чтобы заказывать боеприпасы на стороне, задействуя при этом частный интерес. При этом государевы наместники, дьяки и подьячие требовали от кузнецов, чтобы изготавливаемые ими ядра соответствовали присланным из Москвы меркам-«кружалам», обещая оплату труда кузнецов и их подмастерьев. Так, в ноябре 1555 г., накануне войны со шведами, новгородские дьяки Ф. Еремеев и К. Дубровский получили из Москвы указание встретить посланных из столицы пушкарей и проследить за тем, чтобы новгородские кузнецы изготовили «шесть сот ядер железных по кружалом, каковы кружала посланы с пушкари, а велели бы есте кузнецом ядра делати круглые и гладкие, и каковы им укажут пушкари». При этом от имени Ивана IV дьякам предписывалось, чтобы они кузнецам за их срочную работу «за дело, и за железо, и за всякой харч платили из наши казны»⁶⁶¹.

Составить представление о размахе подобного рода работ можно по истории одного заказа, который был сделан из Москвы устюженским кузнецам в 1632–1633 гг., в самом начале 2-й Смоленской войны 1632–1634 гг. Тогда Москва потребовала от устюженского воеводы, чтобы тот договорился с местными кузнецами о срочном изготовлении 100 тыс. железных ядер «в трехгривенное кружало» и 2 тыс. ядер в «гривенное без четверти кружало» (то есть соответственно 3-фунтового и 0,75-фунтового калибра) с оплатой «за пуд ядер давать по осьмнатцати алтын (то есть 54 копейки. – В. П.) за железо и за уголья и за дело». Однако эта оплата, установленная по опыту предыдущих лет, не устроила кузнецов, и они отказались выполнять заказ, мотивируя это тем, что и железа-де в этом году из-за дождей было заготовлено мало, и угля древесного не хватает, и подмастерья требуют большей оплаты за свой труд. Одним словом, и 20 алтын, по мнению кузнецов, цена слишком малая, чтобы браться за работу.

⁶⁵⁸ Зафер-наме и вилает-и Казан / URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1995_may/04/3/ (дата обращения 28.04.2018 г.).

⁶⁵⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 244.

⁶⁶⁰ Сметный список 139 году. С. 20.

⁶⁶¹ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. С. 131.

Воевода, оказавшийся между двух огней, задействовал административный ресурс и, выдав кузнецам аванс из кабацких денег, уговорился с ними о том, что они начнут работу и перво-наперво начнут «ядра ковать поденьшиною для опыту во что станет пуд ядер в трех-гривенное кружало и в гривенное без чети кружало»⁶⁶². Опытная работа показала, как писал отечественный археолог и металловед Б. А. Колчин, «кузнец с молотобойцем изготовляли в день от 4^{1/2} до 6 ядер». При этом, подчеркивал археолог, «нужно учесть, что кузнец получает железо не прутное, а в виде крицы, которую ему нужно еще расковать в прут или на части, соответственно ядрам, а также сложность подгона ядра по весу и диаметру к калибру и отделка поверхности на точилах до требуемой гладкости»⁶⁶³. В общем, вышло, что стоимость пуда 3-фунтовых ядер составила 22 алтына и от 2 до 4 денег, а пуд малых ядер обошелся и того дороже – 33 алтына и 5 денег⁶⁶⁴.

Понятно, что Москва отказалась пойти на уступки кузнецам и оплачивать их работу по такой ставке. Более того, в мае 1633 г. в Устюжну пришел новый царский указ, которым предписывалось тамошним кузнецам «железные ядра делать на спех» с оплатой по итогам проделанной ранее работы. А сделать кузнецам надлежало (весьма внушительный перечень!) 500 ядер весом по пуду, по 500 ядер весом 30, 23, 16 и 14 фунтов, 5 тыс. ядер для 13-фунтовых пищалей, 1,5 тыс. ядер для 12-фунтовых пищалей, 4 тыс. 8-фунтовых ядер, 1,5 тыс. – для 7-фунтовых, 20 тыс. для 6-фунтовых пищалей, 1 тыс. – для 5-фунтовых, 70 тыс. – для 4-фунтовых, 33 тыс. для 3-фунтовых, 1 тыс. для 2,5-фунтовых пищалей. И в конце заказа шли два абсолютных рекордсмена – 100 тыс. (sic!) ядер для 2-фунтовых пищалей и аж 200 тыс. – для 1-фунтовых!⁶⁶⁵ И этот заказ не был последним!

Стоит заметить, что русское железоделательное производство в раннем Новом времени находилось, по сравнению с иными европейскими государствами, в невыгодном положении. Б. А. Колчин, характеризуя развитие русской железоделательной промышленности в XVI в., полагал, что важнейшими железоделательными регионами в Русском государстве того времени были Устюжна (которая выступала одним из главнейших поставщиков оружия на русский рынок) и Вологда, Серпухов и Кашира, северо-запад Новгородской земли и Карелия, а к концу XVI в. к ним присоединяется Тула. Правда, к этому времени Серпухов и Кашира постепенно утрачивают свой статус крупных железоделательных центров, а в начале XVII в. в результате Смуты шведы заняли немалую часть новгородского железоделательного района⁶⁶⁶. К тому же качество русских руд не всегда было высоким. Об этом писал, к примеру, Дж. Флетчер, отмечавший, что «здешнее (русское. – В. П.) железо несколько ломко, но его весьма много добывается в Карелии, Каргополе и Устюге Железном. *Других руд нет в России* (выделено нами. – В. П.)...»⁶⁶⁷. На невысокое порой качество отечественного железа, из-за чего приходилось закупать железо шведское, указывал и Г. Котошихин⁶⁶⁸. Тем не менее, несмотря на все проблемы с сырьем и определенное технологическое отставание, русские мастера, многому научившиеся у иноземных специалистов, сумели обеспечить государевы рати достаточно высококачественным и современным оружием и боеприпасами. Благодаря их усилиям, направляемым властями, по выражению американского историка П. Кеннеди, «Москва могла утвердить себя как «пороховую империю» и приступить к экспансии»⁶⁶⁹.

⁶⁶² Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношениях. М., 1826. Прибавления. С. 11–12.

⁶⁶³ Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. С. 207.

⁶⁶⁴ Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношениях. Прибавления. С. 13.

⁶⁶⁵ Там же. С. 14.

⁶⁶⁶ Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. С. 199–201, 203.

⁶⁶⁷ Флетчер Дж. О государстве Русском. С. 30–34.

⁶⁶⁸ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 129.

⁶⁶⁹ Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military conflict from 1500 to 2000. N.-Y., 1987. P. 15.

Заключение

Итак, подведем предварительные итоги. Полтора столетия между сражением на окраинах Старой Руссы в 1456 г. и битвой между воинством Лжедмитрия I и государевой ратью под Добрыничами в 1605 г. – время больших перемен в русском военном деле, время, когда постепенно, шаг за шагом складывалась русская военная машина «классического» образца. Той самой машины, принципы работы которой как будто хорошо нам известны из многочисленных исторических сочинений – как старых, так и относительно новых. Увы, как показывает опыт анализа историографической традиции, и в исторической науке, и в особенности в общественном мнении продолжает доминировать в целом негативная оценка боеспособности русских ратей и адекватности русского военного дела времен последних Рюриковичей на московском престоле требованиям времени. Лишь в последние десятилетия усилиями отечественных историков «новой волны» и энтузиастов нагроможденные вокруг событий русской военной истории и истории русского военного дела «классического» и «постклассического» периодов мифы и предрассудки стали постепенно размываться и уходить в прошлое. Процесс разрушения старой традиции, как показало время, долгий, сложный и неоднозначный, но самое важное уже сделано – как бы то ни было, но новый взгляд на русское военное дело московского периода истории Русского государства в общих чертах сложился и завоевал свое место под солнцем. Доброе начало положено, и теперь только вопрос времени, когда старые, отжившие свое и замшелые «преданья старины глубокой» окончательно отойдут в прошлое.

Теперь несколько слов о периодизации. Если попробовать выделить в истории «классической» московской военной машины отдельные периоды, то, пожалуй, можно будет вести речь о трех основных этапах ее эволюции (подчеркнем – именно эволюции, не коренного, радикального переворота, но медленных, постепенных, растянутых во времени преобразованиях). Первый этап охватывает время с середины XV века по начало следующего столетия. В эти десятилетия происходит пресловутая «ориентализация», активно осваивается огнестрельное оружие и закладываются основы характерного облика «классической» московской военной машины – в системе управления, в стратегии и тактике. Следующий период охватывает 40–70-е гг. XVI в., когда тенденции в развитии русского военного дела, четко обозначившиеся в предыдущие десятилетия, получают свой законченный вид. Это касается всей военной сферы в целом и отдельных аспектов ее функционирования – от управления, стратегии и тактики до снабжения, набора войск, их вооружения и пр. Третий период охватывает 80-е гг. XVI в. и начало следующего столетия. В это время как ответ на столкновение с военной машиной Речи Посполитой на рубеже 70–80-х гг. XVI в. в ходе так называемой Баториевой, или Московской, войны 1578–1582 гг. русская военная традиция начинает постепенно изменяться. В частности, запускается процесс перевооружения поместной конной милиции, активизируется привлечение на русскую службу иноземных наемников (тех же выходцев из Речи Посполитой). Эти перемены, возможно, привели бы в конечном итоге к переходу на новый виток развития русской военной машины и обретению ею новых качеств и черт, но, к сожалению, они были прерваны Смутой, после которой государство и общество были настолько истощены и обессилены, что на какие-либо дорогостоящие новшества не было ни сил, ни средств. Продолжение перемен было отложено.

Характеризуя в общих чертах особенности устройства и функционирования военной машины Русского государства «классического» периода, прежде всего выделим главные, на наш взгляд, из них. Процесс формирования «классической» военной машины совпал по времени и был обусловлен во многом, с одной стороны, формированием раннемодерного Русского государства, с другой – подключением Русской земли к пресловутой «пороховой» революции (при всех недостатках предложенной М. Робертсом и развитой Дж. Паркером концепции

– впрочем, как и любой другой теории с высоким уровнем абстракции, – все же она имеет неплохой эвристический потенциал, чтобы с ходу отмести ее в сторону). О сути раннемоде­рного государства, о его особенностях можно спорить и спорить, но с чем стоит согласиться в первую очередь, так это с тем, что в военной сфере процессы так называемой «централизации» проходили быстрее всего и опережали «централизацию» политическую, юридическую, экономическую и иную. В нашем конкретном случае это выразилось, во-первых, в концентрации основных нитей военного управления в руках московских государей и выстраивании жесткой вертикали военного управления, замыкавшейся на великом князе и его военно-бюрократической администрации. Складывание во 2-й половине XVI в. приказной администрации и выделение в ее структуре специальных «военных» приказов, отвечавших за военное управление, ознаменовало завершение этого сложного и достаточно противоречивого процесса.

Формирование приказной системы было напрямую связано с военной централизацией. При сохранении прежнего территориального принципа комплектования войска и определенной внутренней автономии и уделов (пока они еще продолжали существовать), и земель московские государи сумели добиться безусловного (насколько это было возможно в тех условиях – слишком многое определялось еще традицией и личностным фактором) подчинения выставляемых ими военных контингентов их требованиям. Как результат, в распоряжении последних Рюриковичей оказались ресурсы, на порядок, а то и более превосходившие те, которыми располагали их предшественники. При этом совершенствование механизмов мобилизации позволило Ивану III, его сыну и в особенности внуку выставлять в случае необходимости в поле рати более многочисленные, чем те, которые мог собрать, к примеру, Василий II или Василий I. Мобилизация, учет и управление такими многочисленными ратями (уже при Василии III в одну кампанию в поле могло быть выставлено до 40–50 тыс. «сабель» и «пищалей» на нескольких «фронтах», разделенных друг от друга сотнями верст), организация их снабжения и финансирования, согласование передвижений и взаимодействия («врозь идти – вместе драться» – для русских воевод и дьяков этот принцип был отнюдь не новостью) – все это, безусловно, ускоряло процессы формирования центрального военно-административного аппарата. В свою очередь, слаживание, притирка отдельных его частей друг к другу содействовали продолжению и ускорению процессов военной централизации (и, естественно, влияли на процессы централизации политической).

Сформировавшийся во 2-й половине XVI в., в ходе «войны двух царей» и Войны за ливонское наследство немногочисленный, но высокопрофессиональный военно-административный аппарат, взявший на себя невидную черновую, но чрезвычайно важную и ответственную работу по подготовке и организации военной силы и проведению кампаний и походов показал себя для своего времени весьма эффективным. Косвенным подтверждением работоспособности принципов, заложенных в его основу, может служить хотя бы тот факт, что приказная система после Ивана Грозного успешно проработала без особых нареканий (если не считать обычной, и не только для тех времен, бюрократической волокиты, мздоимства и тому подобных пороков, органически присущих любой бюрократической системе) до петровских преобразований начала XVIII в. (да и то совсем не очевидно, что «регулярные» петровские коллегии справлялись со своими обязанностями лучше, чем старые добрые приказы).

Рост реальной, а не только бумажной численности как войска вообще (до 100 тыс. и даже более сметного состава служилых людей всех чинов при Иване Грозном), так и выставляемых в поле, способствовали усложнению «уряжения полков» и «полчного ряда». К началу 50-х гг., во время очередной (и оказавшейся последней) Казанской войны, «полчный ряд» обретает свою законченную (в общих чертах) форму, равно как и порядок «уряжения полков» и перед кампанией, и во время ее самой. На смену «полкам»-баталиям окончательно приходят разбитые на «сотни» военно-административные «титульные» «полки»-«дивизии», которые к тому же, помимо конницы, включают в себя также еще и пехоту (стрельцов, казаков, пищальни-

ков и даточных людей, структурированных по десятичной системе) и «наряд» – полевую и осадную артиллерию с полагающимся ей обозом и прислугой и обслугой. При этом устанавливается более или менее устойчивый порядок назначения на должности полковых воевод – знаменитое местничество, которое, кстати, вовсе не было столь уж вредоносным, каким оно может показаться на первый взгляд. Руководство войсками в походе в русском войске в те времена носило, судя по всему, коллегиальный характер, и выработанное на военном совете общее решение должно было быть реализовано, и вот здесь-то как раз и нужна была знатность и «дородство» «большого» воеводы. Его авторитет позволял рассчитывать на то, что ему удастся заставить своих младших воевод-«товарищей», «лейтенантов» повиноваться и выполнять принятое решение (хотя, конечно, бывали и досадные исключения из этого правила – как, к примеру, в 1521 г. под Коломной или под Венденом в 1578 г.).

Кстати, не только существенный рост общей численности вооруженных сил был признаком того, что Русское государство активно включилось в процессы, связанные с «пороховой» революцией. Русская пехота в массе своей перевооружается на огнестрельное оружие, и если в середине XVI в. лук еще и соперничает с огнестрелом, то к концу века последний однозначно доминирует над первым, более того, начинается процесс перевооружения конницы на огнестрельное оружие. Ну а артиллерия, по единодушным отзывам иностранных наблюдателей, была одной из лучших и многочисленных в Европе. Освоение же русскими и широкое распространение в Русской земле огнестрельного оружия, и ручного и тяжелого, обусловило создание в России собственного производства огнестрельного оружия и необходимого для его нормального функционирования снаряжения и амуниции. При этом, судя по всему, огнестрельное оружие активно закупалось за рубежом и ввозилось разными путями в Россию, равно как активно приглашались на русскую службу иностранные технические специалисты. Русские мастера обучались у иностранцев и активно перенимали их опыт, что позволило им к концу XVI в. в значительной мере снизить зависимость Русского государства от ввоза иностранного оружия и военных технологий – была создана собственная производственная база и технические кадры, способные быстро перенимать передовой западноевропейский опыт и адаптировать его к местным условиям.

Совершенствование военно-административного аппарата, накопление и обобщение им опыта (практического в первую очередь, поскольку судить о зарождении русской военной теории в то время было бы, на наш взгляд, чрезвычайно смелым допущением) работы по мобилизации ратной силы, ее организации и управления ею во время кампании позволило решить ряд других важных задач. Конечно же, это в первую очередь касается организации более или менее упорядоченного снабжения ратей – задача тем более важная, если принять во внимание невозможность длительного полноценного снабжения существенно выросших полевых армий в условиях типичного Восточно-Европейского театра военных действий с его редким населением и неразвитой инфраструктурой.

Значительный опыт ведения войн с разными противниками на разных театрах военных действий, накопленный к середине XVI в., способствовал завершению формирования определенной системы стратегических принципов руководства войсками, не говоря уже о формировании своеобразной и оригинальной традиции полководения на тактическом уровне. Стоит заметить также, что, воюя практически без перерыва на протяжении полувека, русские служилые люди накопили огромный практический опыт войны в разных условиях – де-факто русское войско стало постоянным. Эти принципы и опыт, что стратегические, что тактические, позволили Русскому государству с честью выйти из двух тяжелейших и кровопролитнейших конфликтов 2-й половины XVI в. – русско-татарского 1545–1577 гг., включившего в себя две войны – Казанскую 1545–1552 гг. и крымскую, «войну двух царей», 1552–1577 гг.; и Войны за ливонское наследство 1555–1595 гг. Нетрудно заметить, что эти войны шли фактически параллельно друг другу, и большую часть 2-й половины XVI в. русским ратям приходилось вести

борьбу на двух фронтах одновременно. И тот факт, что, несмотря на сложнейшую стратегическую обстановку и тяжелое внутреннее положение (на экономические и социальные неурядицы наложилось политические пертурбации), Россия все же не только выстояла, но, поступившись немногим на западе и северо-западе, сумела сохранить обширные завоевания на востоке и юго-востоке и продвинуться далеко на юг в Дикое поле, говорит сам за себя. «Классическая» московская военная машина вполне соответствовала требованиям своего времени – времени экспансии – и сохранила способность к развитию и изменению.

Важнейшие события русской военной истории 2-й половины XV – начала XVII в.

- 1456 г., зима – поход Василия II на Новгород, сражение под Русой.
- 1459 г., лето – набег татар Большой Орды.
- 1460 г., лето – набег татар Большой Орды на Рязанщину.
- 1462 г. – поход русской рати в Предуралье.
- 1463 г. – участие московской рати в совместных действиях с псковичами по отражению ливонской агрессии.
- 1467 г. – неудачная экспедиция русских и татарских войск на Казань.
- 1468 г. – обмен ударами между русскими и казанцами.
- 1468 г., осень – набег большеордынских татар на Рязанщину.
- 1469 г. – вторая, на этот раз успешная, экспедиция русских войск против Казани.
- 1471 г. – поход Ивана III на Новгород.
- 1471 г., 24 июня – начало июля – взятие московскими войсками Русы и разгром ими новгородской судовой рати.
- 1471 г., 14 июля – победа московских полков над новгородскими на реке Шелонь.
- 1472 г., июль – нашествие хана Большой Орды Ахмата, сожжение татарами Алексина и безуспешные их попытки переправиться через Оку.
- 1471/72 г., зима – весна – успешный поход русской рати на Пермь.
- 1477/78 г., осень – зима – второй поход Ивана III на Новгород, осада и капитуляция Новгорода.
- 1478 г. – третья экспедиция русских войск на Казань в ответ на набеги казанцев на русские уезды.
- 1480 г., зима – оказание помощи псковичам, подвергшимся нападению со стороны Ливонского ордена.
- 1480 г., осень – нашествие хана Ахмата, Стояние на реке Угре.
- 1481 г., зима – начало весны – поход московско-новгородской рати против Ордена по просьбе псковичей.
- 1485 г. – совместный русско-татарский выход в Поле против Ахматовичей.
- 1485 г., август – сентябрь – поход московской рати на Тверь, капитуляция Твери.
- 1487 г. – четвертая экспедиция русских войск против Казани, осада города и его капитуляция.
- 1487 г. – новый совместный русско-татарский выход в Поле против Ахматовичей.
- 1487–1494 гг. – русско-литовская Пограничная война.
- 1489 г. – поход московской рати на Вятку.
- 1491 г. – очередной совместный русско-татарский выход в Поле против Ахматовичей.
- 1493 г., зима – большой московско-рязанский поход против Литвы.
- 1495–1497 гг. – русско-шведская война.
- 1495 г., осень – зима – осада русскими войсками Выборга.
- 1496 г., зима – начало весны – опустошение русскими войсками Финляндии.
- 1496 г., август – взятие шведами Ивангорода.
- 1499 г., октябрь – набег большеордынских татар на Козельск.
- 1499/00 г., зима – весна – поход русской рати на Югру.
- 1500–1503 гг. – русско-литовская война.
- 1500 г., 14 июля – битва между русскими и литовскими войсками на р. Ведровь.

1500 г., август – сентябрь – набег большеордынских татар на мценскую и белевскую округу.

1501 г., лето – осень – набег большеордынских татар на рыльскую округу.

1501–1503 гг. – русско-ливонская война.

1501 г., 27 августа – битва между русскими и ливонскими войсками на реке Серица.

1501 г., 7 сентября – взятие ливонцами города Остров.

1501 г., 4 ноября – успешное для русских сражение с литовцами под Мстиславлем.

1501 г., 20 ноября – битва между русскими и ливонскими войсками под Гельмедом.

1501/02 г., осень – зима – вторжение большеордынских татар на Северщину.

1502 г., июнь – сентябрь – неудачная осада русскими войсками Смоленска.

1502 г., сентябрь – неудачная осада ливонскими войсками Изборска и Пскова.

1502 г., 13 сентября – сражение русских и ливонских войск у озера Смолин.

1505–1507 гг. – русско-казанская война.

1505 г., сентябрь – неудачная осада казанцами Нижнего Новгорода.

1506 г. – неудачная русская экспедиция на Казань.

1507–1508 гг. – русско-литовская война.

1507 г., июль – август – набег крымцев на окрестности Белева, Одоева и Козельска.

1512–1522 гг. – русско-литовская Десятилетняя или первая Смоленская война.

1512 г., май – октябрь – серия набегов крымцев на южные русские уезды.

1513 г., январь – февраль – неудачная первая осада Смоленска войсками Василия III.

1513 г., июль – октябрь – неудачная вторая осада Смоленска войсками Василия III.

1514 г., май – июль – третья осада Смоленска войсками Василия III.

1514 г., 1 августа – въезд Василия III в капитулировавший Смоленск.

1514 г., 8 сентября – битва между русскими и литовскими войсками под Оршей.

1514 г., сентябрь – неудачная попытка литовских войск взять Смоленск.

1514/15 г., зима – совместный крымско-литовский набег на Северщину.

1515 г., сентябрь – набег крымцев на Мещеру.

1516 г., июнь – приход крымцев на Рязанщину.

1517 г., август – разгром крымцев под Тулой.

1517 г., сентябрь – октябрь – неудачная осада польско-литовскими войсками города Опочка.

1518 г., июнь – август – безуспешная осада русскими войсками Полоцка.

1519 г. – в ходе очередной кампании против Великого княжества Литовского русская конница впервые за всю историю русско-литовского противостояния вышла в окрестности Вильно.

1520 г. – приход крымцев на южнорусское пограничье.

1521 г., июль – август – нашествие крымского хана Мухаммед-Гирея I, поражение русских полков под Коломной.

1522 г. – выход Василия III с большой ратью на «берег».

1523 г. – экспедиция русских войск против Казани, опустошение окрестностей столицы ханства, возведение русскими крепости Васильсурск – передовой базы для наступления на Казань.

1524 г. – новая экспедиция русских против Казани.

1527 г., сентябрь – приход крымцев на «берег».

1530 г. – неудачная русская экспедиция против Казани.

1531 г. – серия крымских набегов на южнорусское пограничье.

1533 г. – новая серия крымских набегов на южнорусское пограничье.

1534–1537 гг. – русско-литовская Стародубская война.

1534 г., май – нападение крымцев на Рязанщину.

1535 г., зима – вторжение русских войск на территорию Великого княжества Литовского, русская конница снова достигла окрестностей Вильно.

1535 г., август – очередной набег крымцев на Рязанщину.

1535 г., 16 июля – польско-литовские войска взяли Гомель (Гомий).

1535 г., 29 августа – польско-литовские войска штурмом взяли Стародуб. Массовая казнь взятых в плен защитников города и его жителей.

1536 г., февраль – март – неудачная осада польско-литовскими войсками Себежа.

1536 г., апрель – набег татар, азовцев и крымцев, на Белев.

1539 г., октябрь – приход крымцев под Каширу.

1541 г., июль – август – нашествие крымского хана Сахиб-Гирея I, «стояние» на Оке.

1541 г., август – безуспешная осада крымцами Пронска.

1542 г. – серия крымских набегов на южнорусское пограничье.

1544 г., декабрь – набег крымцев на окрестности Белева и Ожоева.

1545–1552 гг. – русско-казанская война.

1545 г. – экспедиция русских войск на Казань.

1547 г., декабрь – 1548 г., февраль – первый поход Ивана IV на Казань.

1549 г., декабрь – 1550 г., февраль – второй поход Ивана IV на Казань.

1551 г., май – успешный набег русских войск на Казань, строительство Свияжска.

1552–1577 гг. – русско-крымская «война двух царей».

1552 г., весна – осень – третий поход Ивана IV против Казани.

1552 г., июнь – неудачная осада Тулы Девлет-Гиреем I.

1552 г., 2 октября – штурм и взятие Казани русскими войсками.

1554 г. – поход «плавной» рати на Астрахань.

1555–1557 гг. – русско-шведская война.

1555 г., 3–4 июля – сражение между русскими и крымцами под Судьбищами.

1555 г., сентябрь – безуспешная осада шведами Орешка.

1556 г., зима – успешное вторжение русских войск в Южную Финляндию.

1556 г. – успешная экспедиция судовой рати на Астрахань, выход Ивана IV с большой ратью на «берег».

1556 г., весна – осень – экспедиция М. Ржевского в низовья Днепра.

1558 г., январь – февраль – вторжение русского войска в Ливонию, опустошение Дерптского епископства.

1558 г., весна – осень – действия в низовьях Днепра русской рати во главе с князем Д. Вишневецким, Д. Чулковым и М. Ржевским.

1558 г., 11–12 мая – капитуляция Нарвы.

1558 г., 18/19 июля – капитуляция Дерпта.

1558 г., июнь – сентябрь – массовая сдача русским замков в Восточной Ливонии.

1558 г., октябрь – осада и взятие ливонскими войсками замка Ринген.

1559 г., январь – февраль – поход рати С. И. Микулинского в Ливонию, поражение войска рижского архиепископа под Ригой.

1559 г., лето – успешные действия в низовьях Днепра и против западного побережья Крыма экспедиции Д. Адашева и М. Ржевского, большой выход русской рати за Оку, в Поле.

1559 г., ноябрь – безуспешная осада ливонцами Юрьева (Дерпта).

1559 г., декабрь – безуспешная осада ливонскими войсками замка Лаис.

1560 г., январь – февраль – вторжение рати И. Ф. Мстиславского в Ливонию.

1560 г., лето – серия набегов крымцев на государеву «украину».

1560 г., июль – август – новое вторжение русских войск в Ливонию.

1560 г., 2 августа – разгром орденского войска под Эрмесом.

1560 г., 20–21 августа – капитуляция Феллина.

1560 г., сентябрь – октябрь – безуспешная осада русскими войсками замка Вейсенштайн (Пайда).

1561–1570 гг. – очередная, шестая по счету русско-литовская, или Полоцкая, война.

1561 г. – поход русской рати на Северный Кавказ.

1561 г., 20 июля – 31 августа – осада литовцами занятого русскими Тарваста, капитуляция тарвастского гарнизона.

1561 г., сентябрь – поход русской рати в Западную Ливонию, разорение ею Тарваста, оставленного литовскими войсками.

1562 г. – обмен набегами русскими и литовцами, неудачное столкновение русской рати с литовцами под Невелем.

1562 г., июль – приход крымского «царя» Девлет-Гирея I под Мценск.

1563 г., конец января – февраль – осада русскими войсками Полоцка.

1563 г., 18 февраля – вступление Ивана Грозного в Полоцк.

1563 г., лето – обмен набегами между русскими и литовцами.

1564 г., 26 января – неудачное для русских войск сражение с литовскими войсками на реке Ула.

1564 г., сентябрь – октябрь – безуспешное «стояние» польско-литовских войск под Полоцком.

1564 г., весна – осень – обмен набегами между русскими и литовцами.

1564 г., октябрь – приход Девлет-Гирея I под Рязань.

1564 г., ноябрь – взятие русскими войсками крепости Озерищи.

1565 г., март – рейд польской конной рати по Псковщине.

1565 г., весна – лето – обмен набегами русскими и литовцами.

1565 г., сентябрь – 1566 г., октябрь – поход русских войск на Северный Кавказ.

1565 г., октябрь – неудачный приход Девлет-Гирея I под Болхов.

1567 г., июль – успешный набег литовцев против русских, строивших крепость на озере Суша на Полочанщине.

1568 г., февраль – март – безуспешная осада польско-литовскими войсками крепости Ула.

1568 г., август – взятие польско-литовскими войсками крепости Ула.

1568 г., сентябрь – крымский набег на окрестности Белева, Черни и Одоева.

1569 г. – неудачная турецко-крымская экспедиция на Астрахань.

1570 г., март – октябрь – каперская эпопея Карстена Роде, «корсара» Ивана Грозного, на Балтике.

1570 г., май – приход крымских царевичей на Рязанщину.

1570–1571 г., август – март – безуспешная осада Ревеля войсками вассала Ивана Грозного ливонского «короля» Магнуса и «помочной» русской ратью.

1571 г., май – нашествие Девлет-Гирея I, поражение русской рати в сражении под Москвой и сожжение русской столицы.

1571/72 г., зима – вторжение русских войск в Южную Финляндию.

1572–1583 гг. – русско-шведская война.

1572 г., июль – август – Молодинская кампания.

1572 г., 28 июля – 2 августа – сражение русских и крымцев при Молодах.

1573 г., 1 января – взятие русскими войсками ливонского замка Пайда (Вейсенштайн), обороняемого шведским гарнизоном.

1573 г., 23 января – неудачное для русских столкновение со шведами под замком Лоде.

1574 г., январь – март – безуспешные попытки шведов овладеть замками Везенберг (Раковор) и Толсбург (Толщебор).

1574 г., весна – лето – опустошение русскими войсками Северной Эстляндии.

- 1574 г., осень** – неудачный совместный набег крымцев и ногаев на «крымскую» Украину.
- 1575 г., зима** – новый набег русских на Северную Эстляндию.
- 1575 г., июль** – взятие русскими войсками Пернау (Пернова).
- 1576 г.** – набег ногаев на Темников.
- 1576 г., январь – февраль** – взятие русскими войсками Лоде, Гапсаля и Падиса.
- 1577 г.** – Ливонский поход Ивана Грозного, набег ногаев на «ногайскую Украину».
- 1577 г., август** – нападение шведского флота на русские прибрежные укрепления в устье Наровы.
- 1578–1582 гг.** – Баториева, или Московская, война между Россией и Речью Посполитой.
- 1578 г.** – очередной набег ногаев.
- 1578 г., октябрь** – неудачная осада русскими Вендена и поражение русских войск под стенами города.
- 1579 г., август** – взятие Полоцка армией Стефана Батория.
- 1579 г., сентябрь** – польско-литовское войско штурмом взяло крепость Сокол.
- 1579 г., сентябрь – октябрь** – неудачная попытка шведов взять Нарву, ответные набеги русских в Северную Эстляндию.
- 1579 г., осень** – приход крымцев под Тулу.
- 1580 г., май** – новый приход крымцев под Тулу.
- 1580 г., август** – взятие польско-литовскими войсками Велижа и Усвята.
- 1580 г., сентябрь** – взятие войсками Стефана Батория Великих Лук, массовая резня остатков гарнизона и жителей города.
- 1580 г., октябрь** – поражение польско-литовского войска под Смоленском.
- 1580 г., октябрь** – взятие польско-литовскими войсками Заволочья.
- 1580 г., ноябрь** – взятие шведскими войсками Карелы.
- 1581 г., февраль – март** – осада и взятие шведами Везенберга.
- 1581 г., лето** – днепровская экспедиция-диверсия русских войск против Стефана Батория, готовившегося к наступлению на Псков.
- 1581 г., август** – осада и взятие шведами Гапсаля.
- 1581 г., август – 1582 г., февраль** – безуспешная осада войсками Стефана Батория Пскова.
- 1581 г., август – октябрь** – глубокий рейд польско-литовских войск по северо-западным уездам России.
- 1581 г., сентябрь** – осада и взятие шведами Нарвы, массовая резня гарнизона и жителей города.
- 1581 г., осень** – взятие шведами Яма, Копорья и Ивангорода.
- 1582 г., февраль** – неудачное для шведов столкновение с русскими войсками под Лялицами.
- 1582 г., сентябрь – ноябрь** – безуспешная осада шведами Орешка.
- 1584 г., май** – крымский набег на верховские земли, разгром татар под Воротынском.
- 1585 г., октябрь** – набег крымцев на Рязанщину.
- 1586 г.** – большой крымский набег на «государеву Украину».
- 1587 г., май – июнь** – успешный крымский набег на Крапивну.
- 1589 г., зима** – нападения шведов на русские земли на Кольском полуострове.
- 1589 г., июнь** – разорение шведами Кандалакшского монастыря.
- 1590–1595 гг.** – русско-шведская война.
- 1589 г., осень – зима** – набеги шведов на русские владения на Кольском полуострове, разорение Печенгского монастыря и безуспешная осада Кольского острога, ответный набег русских на шведские владения в Северной Финляндии.
- 1590 г., январь** – взятие русскими войсками Яма.

1590 г., январь – февраль – осада русскими войсками Нарвы и Ивангорода.

1591 г., лето – нашествие крымского хана Гази-Гирея II, поражение крымцев в сражении под стенами Москвы.

1591 г., август – неудачное для русских столкновение со шведами под Гдовом, безуспешная попытка шведов овладеть Кольским острогом.

1591 г., сентябрь – неудачная попытка шведов «изгоном» взять Сумский острог.

1591/92 г., зима – поход русских войск в Южную Финляндию.

1592 г., зима – начало весны – ответный поход русских в Северную Финляндию.

1592 г., август – новая безуспешная попытка шведов взять Сумский острог.

1594 г., лето – неудачная Таркинская экспедиция русских войск, терских и гребенских казаков на Северном Кавказе.

1598 г., 4 сентября – «Кучумово побоище», разгром русскими войсками ставки хана Кучума на Оби.

1604 г. – вторая Таркинская экспедиция русских войск.

1604 г., ноябрь – безуспешная попытка войсками Лжедмитрия I взять Новгород-Северский.

1604 г., 21 декабря – неудачное для государевых войск сражение с полками самозванца под Новгородом-Северским.

1605 г., 21 января – разгром войск Самозванца государевой ратью под Добрыничами.

1605 г., лето – поражение русских войск на Северном Кавказе под Тарками.

Краткий терминологический словарь

Аргамак – породистый восточный конь.

Байдана – кольчатый доспех, изготовленный из крупных колец.

Бахмат – татарский конь.

Бахтерец (бехтерец) – кольчато-пластинчатый доспех.

«**Берег**» – оборонительный рубеж от татар по левому берегу Оки от Калуги до Коломны.

Брус – палица.

Бутурлык – доспех, защищавший голень и верхнюю часть стопы всадника.

Воевода – военачальник (высший командный состав).

Гаковница – тяжелая ручная пищаль, оружие пехотинца.

Голова – начальный человек в русском войске (средний командный состав), командующий «сотней», приказом или приором стрельцов или казаков или отдельным отрядом.

Даточные люди – ратники, выставляемые с «земли» или взамен служилого человека согласно определенной норме.

Дети боярские (сын боярский) – служилые люди «по отчеству».

Жильцы – дети боярские, несущие посменно службу при особе государя.

Живот (животы) – имущество.

Жолнер – в Польше и Великом княжестве Литовском наемный солдат.

Загон – небольшой, обычно конный отряд, совершающий набег.

Закопы – траншеи, окопы-укрытия для пехотинцев.

Зелье – порох.

Зерцало – доспех в виде больших металлических пластин, крепившихся при помощи ремней на грудь и спину воина.

Казак – вольный человек, наемник.

Картауна – тяжелое осадное артиллерийское орудие.

Кладень (вкладень) – съемная зарядная камора к артиллерийскому орудью.

Контрвалационная линия – сплошная линия укреплений, возводимая осаждающими для полной блокады осаждаемой крепости и предотвращения попыток неприятельского гарнизона совершить вылазку или прорыв.

Кош – обоз.

Ландскнехт – в Западной Европе конца XV–XVI в. немецкий наемный солдат.

Ломовая пищаль – тяжелое длинноствольное осадное артиллерийское орудие.

Местничество – в русском войске раннего Нового времени обычай, согласно которому распределение командных постов в войске зависело от «породы» претендента.

Московка – мелкая серебряная монета, $\frac{1}{200}$ рубля.

Набат – большой барабан, знак власти «большого» воеводы.

Накры – ударный инструмент, небольшой барабан или бубен.

Наручи – доспех, защищавший руки воина от локтя до кисти.

Наряд – в Русском государстве конца XV–XVII в. собирательное название для артиллерии, полевой и осадной.

Науши – дополнительный защитный элемент шелома, защищавший голову ратника с боков.

Новгородка – серебряная монета, $\frac{1}{100}$ рубля, синоним копейки.

Острог – небольшое укрепление, крепостца, или легкое, обычно внешнее, укрепление города, представлявшее собой сплошную стену из врытых вертикально бревен.

Отвод – отступление.

Пансырь (панцирь) – кольчатый доспех, разновидность кольчуги.

Пищаль – огнестрельное оружие, как легкое, ручное, так и тяжелое – артиллерийское орудие, стрелявшее по настильной траектории.

Пищальник – пехотинец, вооруженный пищалью.

Поддатень – оруженосец.

Покрыленья – сторожевые заставы, высылаемые на флангидвигающегося в маршевом порядке войска.

Полуторная пищаль – легкое полевое артиллерийское орудие.

Послужилец – вооруженный и одоспешенный всадник, выставляемый сыном боярским в поход.

Посоха (посошны) – в Русском государстве набираемые с тяглых «чинов» пешие и конные люди, несшие обозную, дорожную и иную вспомогательную службу при войске.

Пушка – тяжелое артиллерийское орудие, стрелявшее по навесной траектории.

Разряд – роспись войска и воевод в отдельном походе.

Рейтар – наемный воин-всадник, одоспешенный и вооруженный огнестрельным оружием, обученный действовать в сомкнутых боевых построениях.

Рогатина – тяжелое копьё с мощным наконечником, обычно оружие русского пехотинца.

Рты – лыжи.

Ручница – легкое ручное огнестрельное оружие пехотинца.

Саадак – комплект из лука с налучьем и колчана со стрелами.

Самопал – ручное огнестрельное оружие, оснащенное колесцовым или кремневым замком (пистолет, карабин или аркебуза/ мушкет).

Самострел – арбалет.

Сеунч – весть, известие, донесение, преимущественно радостное.

«Сорока» – многоствольное малокалиберное артиллерийское орудие.

Стратилат – в русской книжности термин, иногда использовавшийся для обозначения военачальников, воевод.

Стрельница – крепостная башня.

Стрельцы – стрелки из огнестрельного оружия, русская постоянная пехота, служилые люди «по прибору».

Струг – плоскодонное парусно-гребное судно для перевозки людей и грузов по рекам и озерам.

Сулица – легкое метательное копьё.

Сурна (зурна) – духовой инструмент, труба.

Сын боярский – служилый «чин» в Московском государстве.

Тарасы – деревянные срубы, заполненные землей и камнями, использовавшиеся в полевой и долговременной фортификации.

Тегилый – мягкий стеганый доспех в виде кафтана с высоким воротником и короткими рукавами, нередко дополнительно усиливался металлическими бляхами и кольчужными накладками.

Тура – цилиндрическая, плетенная из веток и кольев корзина без дна, заполняемая землей и использовавшаяся для быстрого возведения укрытий от неприятельского огня на поле боя и во время осад.

Тюфяк – короткоствольное артиллерийское орудие, стрелявшее преимущественно дробом-картечью.

Фальконет (волконя) – легкое артиллерийское орудие.

Циркумвализационная линия – сплошная линия укреплений, возводимая осаждающими для прикрытия своего тыла от возможных попыток неприятеля деблокировать осажденную крепость извне.

Шанцы – небольшое земляное укрепление, окоп.

Шапка, медная или железная – разновидность шлема.

Шелом (шолом) – защитное наголовье, цилиндро-конический шлем с навершием.

Шерть – в русско-татарских отношениях присяга на верность подписанным соглашениям.

Шланг – длинноствольное крупнокалиберное полевое орудие.

Юк – выюк.

Юшмань (юшпан) – разновидность кольчато-пластинчатого доспеха.

Ямчуг (емчуг) – селитра, компонент пороха.

Яртоул (ертаул) – авангард, разведка.

Ясак – дань или клич-пароль для опознания своих.

Ясырь – пленники, захватываемые во время набега.

Избранные источники и литература

И. Источники

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I–II. СПб., 1841.
2. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1900.
3. Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV – начала XVII в. М., 2013.
4. Акты русских монастырей. Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998.
5. Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.
6. Акты Русского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М., 1998.
7. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. I–IV. М., 1997–2008.
8. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. I–II. СПб., 1836.
9. Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. М.; СПб., 2007.
10. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря. Л., 1983.
11. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1–3. М., 1951–1961.
12. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1838.
13. *Антилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967.
14. *Антонов А. В.* «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
15. *Анхимюк Ю. В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
16. Бабур-наме. Ташкент, 1992.
17. *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/ 63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
18. Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. Отд. 1. СПб., 1836.
19. *Боплан Г.-Л. де.* Описание Украины. М., 2004.
20. *Буганов В. В.* «Взятье полоцкое Литовские земли» – описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Записки отдела рукописей. Вып. 31. М., 1969.
21. *Буганов В. И.* Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962.
22. *Веселовский Н. И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I. Царствование Федора Иоанновича. СПб., 1890.
23. Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.
24. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М., 2006.
25. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590–1600 гг. Т. I. М.; Л., 1976.
26. *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582); *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005.

27. *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I–II. М., 2008.
28. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002.
29. *Горсей Дж.* Записки о России XVI – начало XVII в. М., 1990.
30. *Гуковский М. А.* Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР). № 5. М., 1963.
31. Дворцовые разряды. Т. I. СПб., 1850.
32. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. III. М.; Варшава, 1998.
33. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I–II. СПб., 1846.
34. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
35. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XXIII. М., 2004.
36. Закон судный людем пространной и сводной редакций. М., 1961.
37. Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2006.
38. Иоасафовская летопись. М., 1957.
39. История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000.
40. Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. М., 1996.
41. Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.
42. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 год). М., 1843.
43. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год). М., 1843.
44. Книга сеунчей 1613–1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень – зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. I. М.; Варшава, 1995.
45. Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. I. СПб., 1853.
46. Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. XXI. Ч.ч. 1-я и 2-я. СПб., 1908–1913.
47. *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981.
48. *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
49. *Коялович М. О.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению За-польского мира (1581–1582 гг.). СПб., 1867.
50. *Курбский А. М.* История о делах великого князя московского. М., 2015.
51. Латухинская Степенная книга. 1676 год. М., 2012.
52. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009.
53. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000.
54. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XI–XIV. М., 2000.
55. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005.
56. *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000.

57. Миллюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции по 1565 год включительно. М., 1901.
58. Московский летописец // ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978.
59. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004.
60. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ. Т. XXVII. М., 2007.
61. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М., 2000.
62. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000.
63. Новгородские летописи. СПб., 1879.
64. О начале войн и смут в Московии: Исаак Масса. Петр Петрей. М., 1997.
65. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891.
66. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.
67. Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков, 2005.
68. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Т. I // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
69. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. (годы с 1487 по 1533) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.
70. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533–1560 г.) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1887.
71. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III. 1560–1571 гг. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1982.
72. Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. СПб., 1851.
73. Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
74. Памятники, относящиеся к Смутному времени // Русская историческая библиотека. Т. I. СПб., 1871.
75. «Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века // Исторический архив. 1995. № 3.
76. Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Писцовые книги XVI века. Отд. I–II. СПб., 1872–1877.
77. Повесть о победах Московского государства. М., 1982.
78. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М., 2016.
79. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М., 2016.
80. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006.
81. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003.
82. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984.
83. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
84. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. СПб., 2013.
85. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001.

86. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1–2. М., 2000–2003.
 87. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VI. М.; Варшава, 2002.
 88. Разрядная книга 7067–7112 г. // Синбирский сборник. Т. 1. М., 1844.
 89. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I–II. М., 1975–1976.
 90. Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.
 91. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
 92. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I–IV. М., 1977–2003.
 93. Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000.
 94. Русский Хронограф // ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005.
 95. Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. VI. М., 1914.
 96. Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007.
 97. Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
 98. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001.
 99. Список опричников Ивана Грозного // Рукописные памятники. Вып. 7. СПб., 2003.
 100. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. II. М., 2008.
 101. Софийские летописи // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853.
 102. Тульские оружейники. М., 2003.
 103. Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.
 104. Успенский А. И. Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. Вып. 1. М., 1912.
 105. Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982.
 106. Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991.
 107. Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. М., 1996.
 108. Штаден Г. Записки о Московии. Т. I. Публикация. М., 2008.
 109. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 44. Кніга запісаў 44 (1559–1566). Мінск, 2001.
 110. Chansellor's Voyage to Muskovy; being Clement Adam's Anglorum Navigatio ad Muscovitas. Edinburgh, 1880.
 111. Jodoci Ludovici Decii. De Sigismundu Regis Temporibus Liber 1521. Krakow, 1901.
 112. The Discovery of Muscovy. From The Collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of Othere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. London, 1889.
 113. Fletcher G. Of the Russe Common Wealth or Maner of Governement by the Russe Emperour (commonly called the Emperour of Muscovia) with the manners and fashions of the people of that country. London, 1591.
 114. Lietuvos Metrika. Kn. № 51 (1566–1574). Vilnius, 2000.
 115. Pamiętnik Stanisława Niemojewkiego (1606–1608). Lwow, 1899.
 116. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846.
- Т. II.

II. Литература

1. Аграрная история северо-запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974.
2. Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.
3. Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII века. М., 2005.
4. Арциховский А. В. Оружие // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. М., 1969.
5. Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сборник научных статей. М., 2010.

6. *Бессуднова М. Б.* Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Липецк, 2016.
7. *Бибиков Г. Н.* Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // Исторические записки. 1946. № 19.
8. *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008.
9. *Богоявленский С. К.* Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. 1938. № 4.
10. *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Часть I (XV–XVII ст.). СПб., 1877.
11. *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962.
12. *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978.
13. *Виане Б.* Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М., 2017.
14. *Волков В. А.* Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. М., 2006.
15. *Волков В. А.* Войско грозного царя. Т. 1–2. М., 2016.
16. *Волков В. А.* Русская рать: испытание Смутой. Мятежи и битвы нач. XVII столетия. М., 2017.
17. *Володихин Д. М.* Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011.
18. Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009.
19. *Вуич В. И.* Малая война. СПб., 1850.
20. *Гамель И. Х.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношениях. М., 1826.
21. *Голицын Н. С.* Русская военная история. Часть 2-я. От Иоанна III до Петра I. СПб., 1878.
22. *Гордеев Н. В.* Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.
23. *Двуреченский О. В.* Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII века // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2005.
24. *Двуреченский О. В.* Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007.
25. *Двуреченский О. В.* Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула, 2015.
26. *Денисова М. М.* Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. Труды ГИМ. Вып. XX. М., 1948.
27. *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. СПб., 1996; Т. IV. СПб., 2001.
28. *Денисова М. М.* Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. Труды ГИМ. Вып. XX. М., 1948.
29. *Епифанов П. П.* Оружие и снаряжение. Крепости. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1976.
30. *Зенченко М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008.
31. *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991.

32. *Зимин А. А.* К истории военных реформ 50-х годов XVI в. // Исторические записки. 1956. № 55.
33. «...и бе их столько, еже несть числа»: сколько воинов воевало в русской армии XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5).
34. *Калинин В. И., Яковлев А. А.* Коневодство. М., 1961.
35. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
36. *Кирпичников А. Н.* Ранние ручницы и пистолеты из собраний российских музеев // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб.; Псков, 1997.
37. *Кирпичников А. Н.* Русская средневековая артиллерия. О единообразии в изготовлении орудий и их классификации // Археология. История. Нумизматика. Этнография Восточной Европы: Сборник статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб., 2004.
38. *Кирпичников А. Н., Воронин Н. Н., Косточкин В. П., Хлопин И. Н.* Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси. М., 1958.
39. *Коллманн Н.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016.
40. *Колчин Б. А.* Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. М.; Л., 1949.
41. *Контамин Ф.* Война в Средние века. СПб., 2001.
42. *Корзинин А. Л.* Государев двор Русского государства в до-опричный период 1550–1565 гг. М.; СПб., 2016.
43. *Косточкин В. В.* Военно-оборонительные сооружения // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. М., 1969.
44. *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010.
45. *Кром М. М.* Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008.
46. *Кротов М. Г.* Источники реконструкции десятилетий XVI–XVII вв. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сборник статей. М., 1983.
47. *Курбатов О. А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014.
48. *Курбатов О. А.* Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011.
49. *Курбатов О. А.* Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 1. М., 2009.
50. *Курмановский В. С.* «Полоса на угорский выков...» Сабельные клинки в России XVI–XVII веков // Родина. 2009. № 10.
51. *Курмановский В. С.* Сабельные клинки в России XVI–XVII вв.: Морфология и конструктивные особенности. Дисс. на соиск. уч. степени кандидата исторических наук. М., 2010.
52. *Лантева Т. А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.
53. *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009.
54. *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.
55. *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. М., 2007.
56. *Лобин А. Н.* Артиллерия в царствование Ивана Грозного // Труды кафедры истории России с древнейших времен. Т. II. СПб., 2007.

57. *Лобин А. Н.* Битва под Оршей. СПб., 2011.
58. *Лобин А. Н.* Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 год. М., 2015.
59. *Лобин А. Н.* Между Вильной и Москвой: западноевропейские пушечные мастера в Восточной Европе (первая половина XVI в.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015.
60. *Лобин А. Н.* Оборона Опочки. 1517. «Бесова деревня» против армии Константина Острожского. М., 2017.
61. *Лобин А. Н.* Пушечная изба и производство артиллерии в 1480–1500 годы // Труды кафедры истории России с древнейших времен. Т. I. СПб., 2006.
62. *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951.
63. *Марголин С. Л.* Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. Труды ГИМ. Вып. XX. М., 1948.
64. *Марголин С. Л.* Начало стрелецкого войска // Ученые записки Московского педагогического института. Вып. 1. М., 1939.
65. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие // Свод археологических источников. Е-36. М., 1966.
66. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. М., 1918.
67. *Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб., 2003.
68. *Мышковский Е. В.* Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. 1965. № 4.
69. *Мышковский Е. В.* Стволы русского огнестрельного оружия XV–XVI вв. // Советская археология. 1961. № 1.
70. *Немировский Е. Л.* Андрей Чохов. М., 1982.
71. *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. I. Вып. 2. О средствах содержания монастыря. СПб., 1910.
72. *Носов К. С.* Русские крепости конца XV–XVII в. СПб., 2009.
73. *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
74. *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. М., 2001.
75. *Пенской В. В.* «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // Военно-исторический журнал. 2012. № 10.
76. *Пенской В. В.* Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2016.
77. *Пенской В. В.* Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV–XVI в. // Вопросы истории. 2011. № 9.
78. *Пенской В. В.* Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М., 2017.
79. *Пенской В. В.* «Царь крымский пришел ко берегу Окрырки с великою похвалою и с множеством вѣиинства своего...» Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 12.
80. *Пенской В. В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVII в. М., 2016.
81. *Петров К. В.* Разрядные книги древней традиции. К изданию исследования Ю. В. Анхимюка // Очерки феодальной России. Вып. 11. М.; СПб., 2007.
82. *Пугач И. В.* Устюжна Железопольская и уезд в XVI – первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство. Дисс. на соиск. уч. степени кандидата исторических наук. Вологда, 1999.
83. *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М., 1957.
84. *Романов М. Ю.* Стрельцы московские. М., 2004.
85. *Рубцов Н. Н.* История литейного производства в СССР. Ч. I. М., 1962.

86. Русская армия в эпоху Ивана Грозного. Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. СПб., 2015.
87. Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. М., 1969.
88. Савваитов П. А. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченных из рукописей архива московской Оружейной палаты с объяснительным указателем. СПб., 1865.
89. Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
90. Середонин С. М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. СПб., 1891.
91. Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891.
92. Симсон П. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историей. М., 1880.
93. Смирнов А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9.
94. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. V // Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989.
95. Сторожев Е. Н. Десятни и Тысячная книга XVI века // Описание Московского архива Министерства юстиции. Отд. III. Историко-юридические материалы. Кн. VII. М., 1891.
96. Тарасюк Л. И. Из истории русского ручного огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. 1965. № 2.
97. Филлюшкин А. И., Кузьмин А. В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579. М., 2017.
98. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.
99. Чернов А. В. Образование стрелецкого войска // Исторические записки. 1951. № 38.
100. Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
101. Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.
102. Чубинский А. Н. Конструкция замков огнестрельного орудия и их наименование в русских источниках XVI – начала XVIII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. СПб., 2014. Ч. IV.
103. Эскин Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.
104. Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.
105. Яцункевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы 1558–1570. М., 2013.
106. Cancrin G. L. Über die Mlitairökonomie im Frieden und Krieg, und ihr Wechselverhältniss zu den Operationen. Erster Band. St. Petersburg, 1820.
107. Chase K. Firearms. A Global History to 1700. Cambridge, 2003.
108. Feeding Mars: logistics in Western warfare from the Middle Ages to the present. Boulder, 1993.
109. Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980.
110. Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military conflict from 1500 to 2000. N.-Y., 1987.
111. The military and society in Russia: 1450–1917. Leiden; Boston; Cöln, 2002.
112. Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego. Krakow, 1858.
113. Parker G. The Army of Flanders and the Spanish Road 1567–1659. Cambridge, 1972.
114. Warfare in Eastern Europe, 1500–1800. Leiden; Boston, 2012.

115. *Wood J. B. The King's Army. Warfare, soldiers and society during the Wars of Religion in France, 1562–1576. Cambridge, 1996.*